НИКОЛАС ДИМИТРОВ
ДИЛЕР РЕАЛЬНОСТИ
В КАЖДОМ РАЮ ЕСТЬ СВОЙ АД
18+
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КИБЕРПАНК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

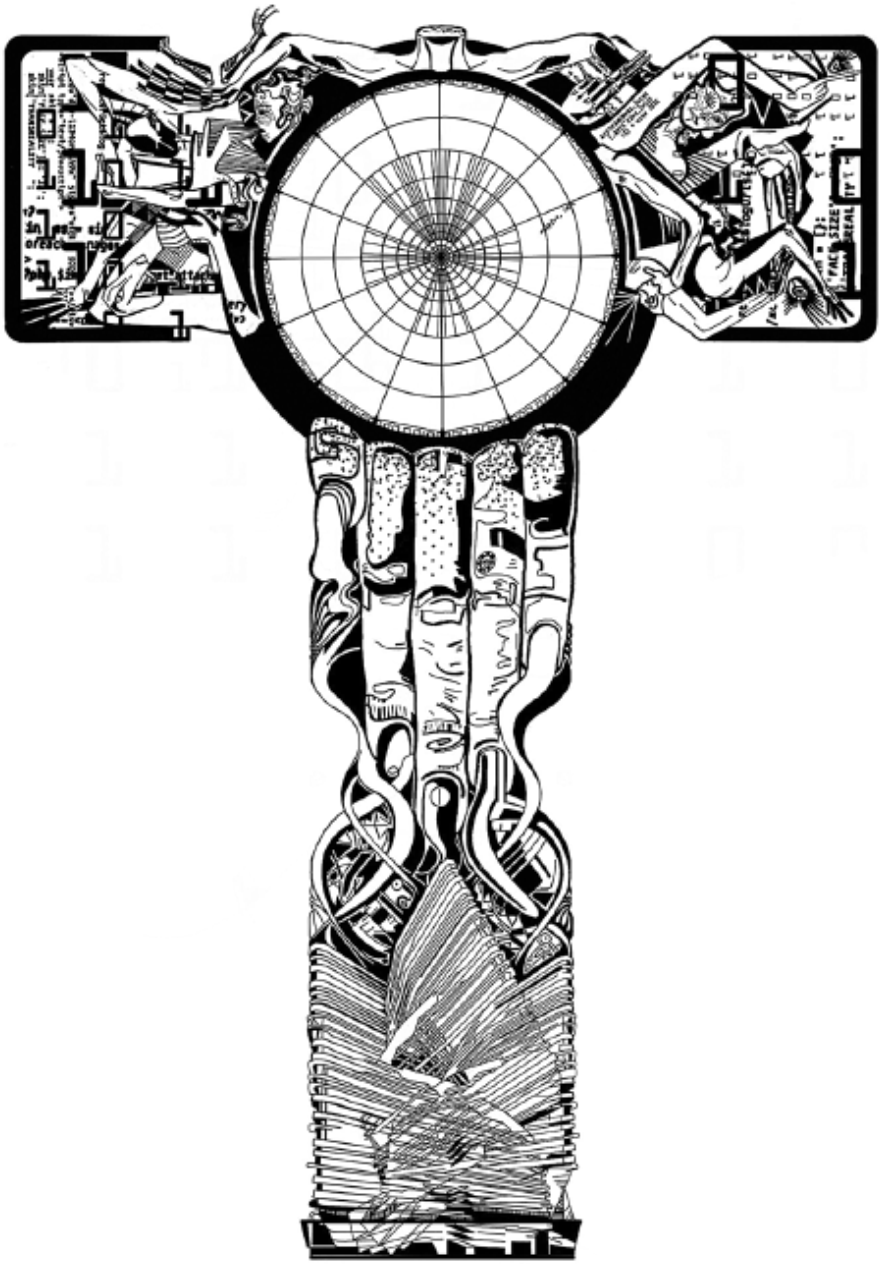
Сингапур недалекого будущего стал мировой столицей бизнеса и развлечений. Потребление достигло предела, мораль вышла из моды, религии превратились в фастфуд. Человечество погрязло в разврате и излишествах. А у элиты появился новый, особый вид развлечений – цифровой наркотик под названием «Персональные Реальности». В них можно удовлетворить любую, самую порочную и преступную фантазию и, возможно, получить цифровое бессмертие… Корпоративный шпион Золтан Варго получает задание проникнуть в недра могущественной корпорации, которая готовит этот наркотик к массовому распространению. Золтан должен выяснить суть зловещего проекта, однако сам оказывается втянут в дьявольскую игру: от порнографического эксперимента над миллионами людей, до свержения всех мировых религий. Эти события неожиданно ломают все его планы. И Золтан открывает для себя одну потрясающую истину…

- Николас Димитров
  - ○
  - ○
  - ○ Часть 1
    - ■
    - ■ 0001
    - ■ 0002
    - ■ 0003
    - ■ 0004
    - ■ 0005
    - ■ 0006
    - ■ 0007
    - ■ 0008
    - ■ 0009
    - ■ 0010
    - ■ 0011
    - ■ 0012
    - ■ 0013
    - ■ 0014
    - ■ 0015
    - ■ 0016
    - ■ 0017
    - ■ 0018
    - ■ 0019

- 0020
- 0021
- 0022
- 0023
- 0024
- 0025
- 0026
- 0027
- 0028
- 0029
- 0030
- 0031
- 0032
- 0033
- 0034
- 0035

- Часть 2
  -
  - 0001
  - 0002
  - 0003
  - 0004
  - 0005
  - 0006
  - 0007
  - 0008
  - 0009
  - 0010
  - 0011
  - 0012
  - 0013
  - 0014
  - 0015
  - 0016
  - 0017
  - 0018
  - 0019
  - 0020
  - 0021
  - 0022
  - 0023
- Часть 3
  - 0001
  - 0002

■ 0003



Николас Димитров
Дилер реальности

© Димитров Н., 2019
© Зволинская М., Кравцов Н. Иллюстрации, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Габриэлю Гарсиа МАРКЕСУ и моей любимой Марине

Часть 1

– Я хочу трахнуть Каролину Шиллер – желательно прямо на подиуме.

Клиент замолчал, будто сам удивился своему запросу. Однако присутствующих на встрече ничего не смутило. Один из них, лет пятидесяти, одетый в расшитый по рукаву костюм платинового цвета, с пестрым галстуком и бриллиантовой брошью, лишь одобрительно кивнул, проведя рукой по своей козлиной бородке. Второй, молодой и подвижный ассистент в оправленных деревом очках, забегал пальцами по планшету.

– Принято, – сказал тот, что постарше.

Клиент нервно заерзал на кожаном диване и еще раз осмотрел кабинет, расположенный на верхнем этаже небоскреба «Транс-Реалити». Разговор происходил в роскошном зале для встреч с VIP-клиентами – огромные картины «ню», дизайнерская мебель в стиле минимализма, панорамные окна и отдельный

лифт внушали доверие. Но ему и самому не верилось в то, что именно они тут обсуждали.

– Вы действительно можете это устроить?

– Безусловно.

– Но как? Эта стерва считает себя суперзвездой… Она в упор меня не видит! Я уже перепробовал все подкаты! Это стало для меня делом принципа.

– Если это невозможно в существующей реальности, мы сконструируем для вас новую, – подал голос молодой. – Именно этим занимается наша корпорация.

– И сколько это будет стоить?

– Недешево. Однако не думаю, что этот вопрос должен вас беспокоить. Но есть один нюанс…

– Какой еще нюанс?

– Вы высказали желание «внедриться» в элитную модель. Без проблем. Но для этого нам придется внедриться в ваш мозг.

0001

Огромное помещение – я вижу его словно в разрезе. Несмотря на то что я здесь впервые, точно знаю, где нахожусь. Это Интертуалет.

Просторный зал с высокими потолками заполнен рядами унитазов, растворяющихся в темноте. Извилистые трубы, крепко цепляющиеся за них, тянутся вниз, в подземную клоаку, размеры которой намного превосходят верхнее помещение. Здесь уже много людей, и постоянно прибывают новые посетители – кажется, зал вот-вот лопнет. Люди молча подходят к унитазам, но вместо того чтобы садиться на них, прикладывают к ним лица. В эту фаянсовую воронку они спускают свои сокровенные мысли, потаенные желания, несбывшиеся надежды.

Все эти мыслительные отходы, перемешиваясь, бурными потоками устремляются вниз, где образуют токсичное озеро, с шипением разъедающее стены огромного резервуара. Устремленные сверху потоки начинают бить сильнее, и волны, отражающиеся от гулких стен, накрывают меня с головой. Становится ясно, что резервуар вот-вот заполнится до краев и бесцветная жижа хлынет из унитазов, словно из музыкального фонтана. Но вместо музыки будут звучать вопли ужаса посетителей Интертуалета, и никто не расслышит среди них мой крик. Я останусь внизу, раздавленный и лишенный воздуха.

Мне становится жутко – я хочу убежать – ищу выход – беззвучно кричу. И словно в ответ на это раздается хлопанье крыльев. Прямо перед моим лицом проносится огромный черный ворон.

Я просыпаюсь. Это один из необъяснимо реалистичных снов, что постоянно мучают меня. Антидепрессанты и снотворное не помогают, и мне приходится только смириться с происходящим.

Иду на кухню, жадными глотками пью воду из-под крана. Затем долго стою у окна, вглядываясь в ночной Сингапур. По инерции пытаюсь вспомнить все детали этого сна, сам не знаю зачем. Когда морок проходит, машинально заглядываю в монитор

на кухонном столе. В чате – сообщение от моего работодателя Харона. «Новый большой проект. В 11.00 на станции». Наконец-то работа! Ведь я полностью на мели. Возможно, потому и вижу эти дурацкие сны.

Жизнь фрилансера – как американские горки: сегодня ты стоишь на балконе люксовой квартиры с видом на ботанический сад, попиваешь дорогой коньяк и ожидаешь доставки из ресторана. А завтра – давишься лапшой в дешевой закусочной, смахивая со смартфона сообщения о просроченных платежах. Мысль о том, что после получения аванса я смогу вернуться к первому варианту, действует на меня умиротворяюще. Я привык к искусственному мирку своей квартиры, стены которой оберегают меня от шума и суеты этого города. Тут бы я и оставался месяцами, читая и рисуя свои сны на огромных холстах. Но, увы, безмятежная жизнь в двухкомнатной студии под самой крышей элитного небоскреба стоит недешево.

Смотрю на часы в углу экрана – без трех минут три. Снова заснуть я точно не смогу. Из-за стены доносится приглушенный вой моего соседа-наркомана. Возможно, именно эти крики послужили причиной моего пробуждения, а не удушающий бред, из которого я только что вынырнул. Еще двадцать лет назад соседу грозила бы смертная казнь. Иногда мне хочется убить его, иногда мне до слез его жаль. Эти крики служат напоминанием: ты можешь купить апартаменты в доме с огромной смотровой террасой и приятным запахом в лифте, однако Новый Сингапур и тут тебя достанет. Ультраконсервативный город изменился до неузнаваемости: за стеной все равно окажется сомнительный тип, издающий нечленораздельные звуки по ночам. Или через соседний балкон будет греметь оглушительный рэйв вперемешку с визгами пьяной молодежи. «В любой бочке меда всегда найдется ложка дерьма. Главное, знать, где именно она плавает», – вспоминаю я любимую присказку Харона.

Стучу в стену, и крики утихают – трансформируются в неразборчивое бормотание, которое почти полностью гасит звукоизоляция. Отдохни, приятель. И в следующий раз поищи дилера получше.

Бреду в сторону ванной. Моя квартира похожа на меня. Однотонные стены, никаких картин, никаких интерьерных примочек, никаких милых вещиц, никаких логотипов. Ноль индивидуальности. Чтобы так обезличить свое жилище, нужно как следует постараться. Это не минимализм, даже не аскетизм, а полное отсутствие лица. «Не имея лица, не потеряешь его», – наставлял меня Харон когда-то давно, еще обучая ремеслу. Я хорошо усвоил это правило. Я никогда и не имел собственной

личности, постоянно прячась за выдуманными.

Забираюсь под душ, затем одеваюсь и выхожу из дома, решив не возвращаться сюда до самой встречи. Середина октября – дождь и не думает заканчиваться. Вот и сейчас – то ли влажная дымка, то ли мелкая морось, парящая в воздухе. Рубашка тут же прилипает к спине, и, забравшись в машину, я спешу включить кондиционер. Радио просыпается автоматически, но я брезгливо вырубаю его. Никакого шума, кроме естественных звуков ночи: щебетания птиц, чудом выживших в этом городе, трескотня цикад, далекий вой сирен, едва уловимый стук колес поезда, несущегося из ниоткуда в никуда.

Как я убью эту ночь, точнее ее остаток, мне пока неизвестно. Ночь с воскресенья на понедельник – значит, ночные клубы закрыты и в круглосуточных барах тоже царит пустота. Это правило действует даже в Сингапуре, который, как все думают, никогда не спит. Сам того не замечая, я разгоняю машину до двухсот километров в час. Когда-то при столь дерзком превышении скорости в машине взвыла бы оглушающая сирена. Сегодня же я безнаказанно мчу по эстакаде мимо вереницы черных окон, изредка подсвеченных чьей-то бессонницей. Ночной город мелькает обрывками марева, которое перемежается вспышками стробоскопа – это ярко подсвеченная реклама, обращенная ни к кому. Съезжаю с эстакады и едва не врезаюсь в ярко-оранжевую спортивную машину, неожиданно выскочившую на перекресток. Визжат тормоза, оглушительно скрежещут колеса, оранжевое авто вертится на месте, и я, проносясь мимо, успеваю разглядеть искаженные ужасом лица людей в машине. Парень и девушка, совсем юные, почти подростки. Только спустя несколько минут и десяток кварталов я понимаю, что чуть не угробил их и чуть не погиб сам. И, ясно осознав это, ничего не чувствую. Смерть никогда не пугала меня. Это качество я скрывал даже от родителей, не желая выглядеть фриком. О нем знал только Харон. Не потому ли он и выделил меня среди других?

Через несколько минут я оказываюсь на краю пятого дистрикта, бывшего района Гейланг, где проститутки терпеливо ждут встречи с ночными бродягами вроде меня. Для досуга я предпочитаю компанию именно таких женщин, не лезущих в душу и не требующих внимания. Первая же попавшаяся девчонка вполне соответствует моему сексотипу: худощавая, с детскими чертами лица, на вид не больше двадцати.

Поздним утром я просыпаюсь в дешевом отеле с видом на промзону. Девушка еще спит, подтянув угловатые коленки к груди, трогательная и беспомощная. Полюбовавшись немного ее ямочками на щеках и убедившись, что она не обчистила за ночь

мои карманы, я покидаю ночлежку, чтобы отправиться на встречу с Хароном. По дороге решаю заглянуть в автоцерковь.

Не то чтобы я очень религиозен. Мне просто нравятся церковные ощущения – спертый воздух и наркотический аромат ладана заставляют мой мозг работать быстрее. Должно быть, потому, что в эти моменты я четко осознаю неисправимую бессмысленность бытия. Это ощущение, столь близкое мне и столь далекое от суеты мегаполиса, помогает спрятать мою уязвимость под маской иронии.

В тускло освещенном холле универсальной автоцеркви, вписанной в квартал между стрип-баром и магазином гаджетов, в это время никого нет. Я вхожу в одну из кабинок-капсул, двери за мной смыкаются, и темные стены-экраны окружают меня со всех сторон. На мониторе передо мной появляется текст.

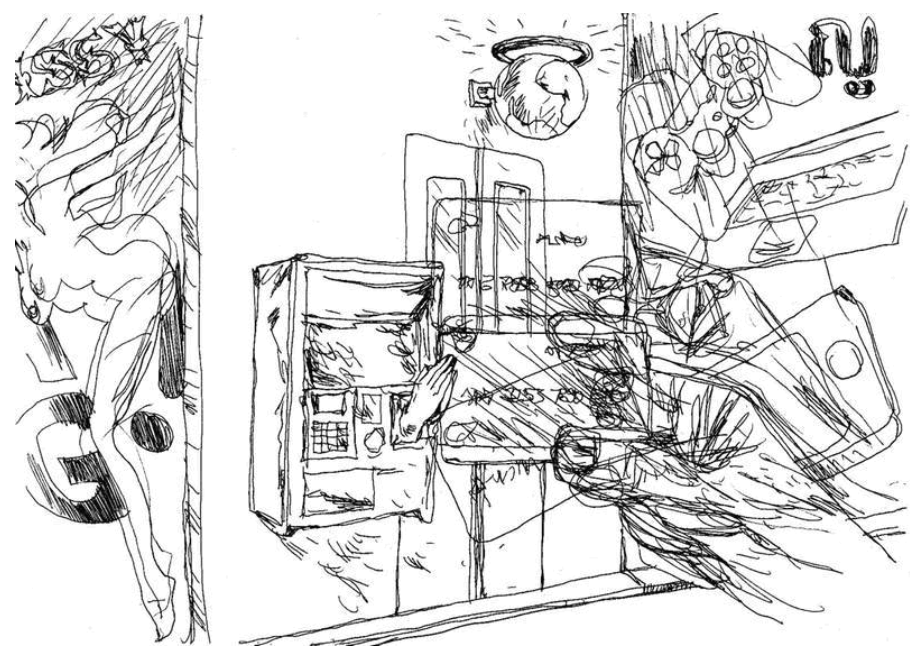
ПОЖАЛУЙСТА ВЫБЕРИТЕ РЕЛИГИЮ

Выпадает меню. Просмотрев его, тыкаю пальцем в «умеренный католицизм».

ПЛАТНЫЙ ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ РЕЖИМ

Ладно, раскошелюсь сегодня, чтобы не смотреть бесконечную рекламу перед исповедью. К тому же Харон скоро должен пополнить мой счет. Я прикладываю телефон к считывателю, подтверждаю сумму и заказываю пакет «Богоугодный», в который входят воскурение фимиама, зажигание свечи, песнопения в записи и, конечно, интерактивная исповедь. После этого на экранах вокруг меня возникает католический храм с горящими на амвоне десятками свечей, по кабинке распространяется любимый мною запах ладана. Из динамиков, вмонтированных в потолок кабины, доносятся голоса юных хористов. Передо мной зависает текст, призывающий меня опуститься на колени, а из пола выезжает специальная скамеечка.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! – произношу я, чтобы запустить процесс исповеди. Аватарка, появившаяся перед моими глазами, изображает смуглого епископа в массивных очках. Смахиваю ее в сторону – раздражает.



– Господь да пребудет в сердце твоем… – доносится из динамиков голос с индийским акцентом. – Когда ты исповедовался в последний раз?

– Неделю назад, святой отец. И с тех пор я успел согрешить.

– Каковы твои грехи, сын мой?

Так, надо войти в роль кающегося, а то к чему весь этот спектакль.

– Я лгал, воровал, сквернословил, богохульствовал, занимался онанизмом, принимал наркотики и трахал проституток, – импровизирую я. – Вроде все, но, возможно, я что-то упустил.

– Тяжелы грехи твои, сын мой, – произносит безучастный голос. – Но я отпускаю их во имя Отца, Сына и Святого Духа.

– Да, вот еще что. В Бога я тоже не верю, – предстоящая встреча с Хароном настроила меня на озорной лад.

– Бог прощает тебе и это, – смиренно отвечает священник.

– Вот и чудненько. Как там погодка в Бангалоре?

– Я из Калькутты, сын мой. Очень жарко – почти сорок градусов.

– Хорошего вам дня, святой отец.

– Иди с миром.

Выйдя из автоцеркви, я ощущаю, что на душе полегчало – вот она, сила исповеди! Нужно поднажать, чтобы не опоздать на встречу с Хароном.

0002

«Харон», разумеется, не его настоящее имя – когда-то я в шутку прозвал так своего работодателя за его любовь к деньгам. Он брал бы их и с мертвых на пути к вечности, будь у него такая возможность. Старика, похоже, эта кличка вполне устраивала. Свое настоящее имя он светить не любил: его страсть к конспирации иногда напоминала паранойю. Мое имя он тоже трансформировал, сократив его до одной буквы. «Зет» – так называл он меня обычно и только в особых случаях использовал полную форму: Золтан.

Станция, где мы обычно встречаемся, является частью подземного метрополитена. Я оказываюсь на месте чуть раньше назначенного времени. Людей здесь совсем немного, не больше десятка: утренняя толпа часа пик уже схлынула, а обеденная вольется сюда еще нескоро. В ожидании Харона развлекаю себя тем, что пытаюсь вычислить его телохранителя среди присутствующих на станции людей. Обычно он появляется чуть раньше, чтобы оценить обстановку. Каждый раз это новый человек, но во всех них, естественно, есть что-то общее. Кто же это может быть? Тот мужик с журналом кроссвордов, что подпирает колонну? Или крепыш с бычьей шеей, что уставился в свой мобильный, стоя на самом краю платформы? А может, присевший на соседнюю скамейку бродяга с дредами и татуировкой, закрывающей пол-лица? Такого типа сложно принять за телохранителя, и я почти уверен, что именно он работает на Харона – тот любит окружать себя людьми бродяжьего вида, считая их невидимыми.

Чтобы скрасить ожидание, кладу на колено блокнот и принимаюсь рисовать портрет типа с дредами, стараясь в точности перенести на бумагу сплетения его татуировки. Заметив, что я на него посматриваю, он бросает на меня выразительный взгляд, в котором подозрение смешано с удивлением. Но мне все равно, я слишком увлечен рисунком. Завершаю портрет как раз в тот момент, когда Харон появляется на станции.

Любой, кто его не знает, увидит в нем лишь бомжеватого старика-азиата. Длинные седые патлы, собранные на затылке резинкой, какой перевязывают пачки денег, неухоженная борода, растянутый свитер, неопределенного цвета джинсы и стоптанные ботинки. Никто бы и не заподозрил в нем крутого подпольного воротилу, главу целой сети уличных банд и мошеннических группировок, что умудрялись промышлять на улицах Сингапура

даже во времена строжайших ограничений. Этого мастера мимикрии выдает только взгляд, быстрый и цепкий. А еще полное отсутствие мимики, словно его лицо отлили из воска.

Быстрым движением глаз он сканирует пустынную станцию, замечает меня. Не подав виду, сначала проходит мимо, потом возвращается и садится рядом. Поначалу подобные приемы конспирации меня забавляли. Однако со временем я понял, что все это делается не зря.

Как и всегда, когда мы встречаемся, сразу переходим к делу. Разговоры о погоде и другие условности только тратят драгоценное время. Харон же не любит находиться на людях слишком долго.

– В этот раз у меня для тебя что-то особенное, Зет. Тебе знакома корпорация «Транс-Реалити»?

Отрицательно мотаю головой. Название вроде где-то слышал, но ничего конкретного в памяти не всплывает.

– У них главный офис здесь, в Сингапуре, – подсказывает Харон.

Это мне ничего не дает. После того как небольшая страна превратилась в сплошную свободную экономическую зону и стала мировым центром операций с криптовалютами, сотни, если не тысячи, транснациональных контор перенесли свои главные офисы сюда. Старик понял, что придется начать с экскурса в историю, и устроился поудобнее.

– Раньше корпорация носила название «Глобал Медиа Груп» и занималась медийными проектами. Информационные агентства, новостные каналы, развлекательный контент и тому подобное. Пару лет назад компания пережила реструктуризацию. Почти все медиаплатформы, входившие в холдинг, были распроданы, тысячи сотрудников уволены. Из трех десятков первоначальных акционеров остались лишь несколько крупнейших. Остальные были поглощены, доведены до разорения или лишены своей доли акций другими методами. Затем – смена названия, новый штат специалистов со всего мира. И – новые приобретения. «Транс-Реалити» поглотила несколько крупных исследовательских компаний. Эти сделки не афишировались, но полностью утаить их тоже не удалось. Фармацевтика, генетика, искусственный интеллект – вот лишь часть списка их интересов. Кроме того, не так давно корпорация стала владельцем сети автоцерквей.

– Как раз сегодня был в одной из них.

– Ты ведь неверующий.

– Чтобы извлекать пользу из церкви, верить не обязательно.

– Ладно, дело твое. Вернемся к корпорации. Ее основателем и

президентом является медиамагнат Саул Гаади. О нем я знаю немного, и вообще, личность он довольно загадочная. Кажется, он откуда-то с Ближнего Востока, но последние годы живет в Сингапуре. Поищи информацию о нем – нужно лучше понимать, с кем мы связываемся. Все, что пока мне известно, – Гаади необычайно влиятелен и сказочно богат. Не сказать, что он ведет публичный образ жизни и часто общается с журналистами, поэтому подобраться к нему довольно сложно.

Харон, быстро стрельнув глазами по сторонам, понижает тон.

– Теперь самое важное, Зет. «Транс-Реалити» готовит новый проект, по слухам – революционный. Никому за пределами корпорации неизвестно, о чем именно идет речь. Как ты понимаешь, многие крупные игроки на рынке хотели бы это узнать.

– Как такое возможно? – удивился я. – Огромная компания, глобальный проект, и ни одной утечки?

– Утечки, конечно, были. Но они слишком смахивают на дезинформацию, чтобы им верить. И тут мы подбираемся к сути нашей встречи. До меня дошли слухи, что корпорация нуждается в пиар-специалисте. Это наш шанс, Зет, и ты не должен его упустить.

– Тебе не о чем беспокоиться, босс, – успокаиваю его. – Ты же знаешь: я прирожденный пиарщик.

Вслед за этим мы обсудили финансовые условия, и они оказались более чем привлекательными. Скажем так, предложенная Хароном сумма в несколько раз превосходила все мои предыдущие гонорары. Но вместо того чтобы ликовать, я скорчил недовольную мину.

– Что, дело настолько рисковое?

– В этот раз тебе нужно быть особенно осторожным, – задумчиво отвечает он. – Твоя привычка ходить по краю может тебя однажды подвести.

Ходить по краю не проблема, если не боишься падения с высоты, подумал я, вспомнив ночной эпизод с машиной. Однако тут стоит прислушаться. Если уж сам Харон советует мне поберечь себя, то нет сомнений – он отправляет меня в самое пекло.

– Сколько я должен там проработать? – уточняю я.

– Месяца два-три как минимум. Думаю, этого времени тебе хватит, чтобы все разузнать.

– А если они выпустят продукт раньше?

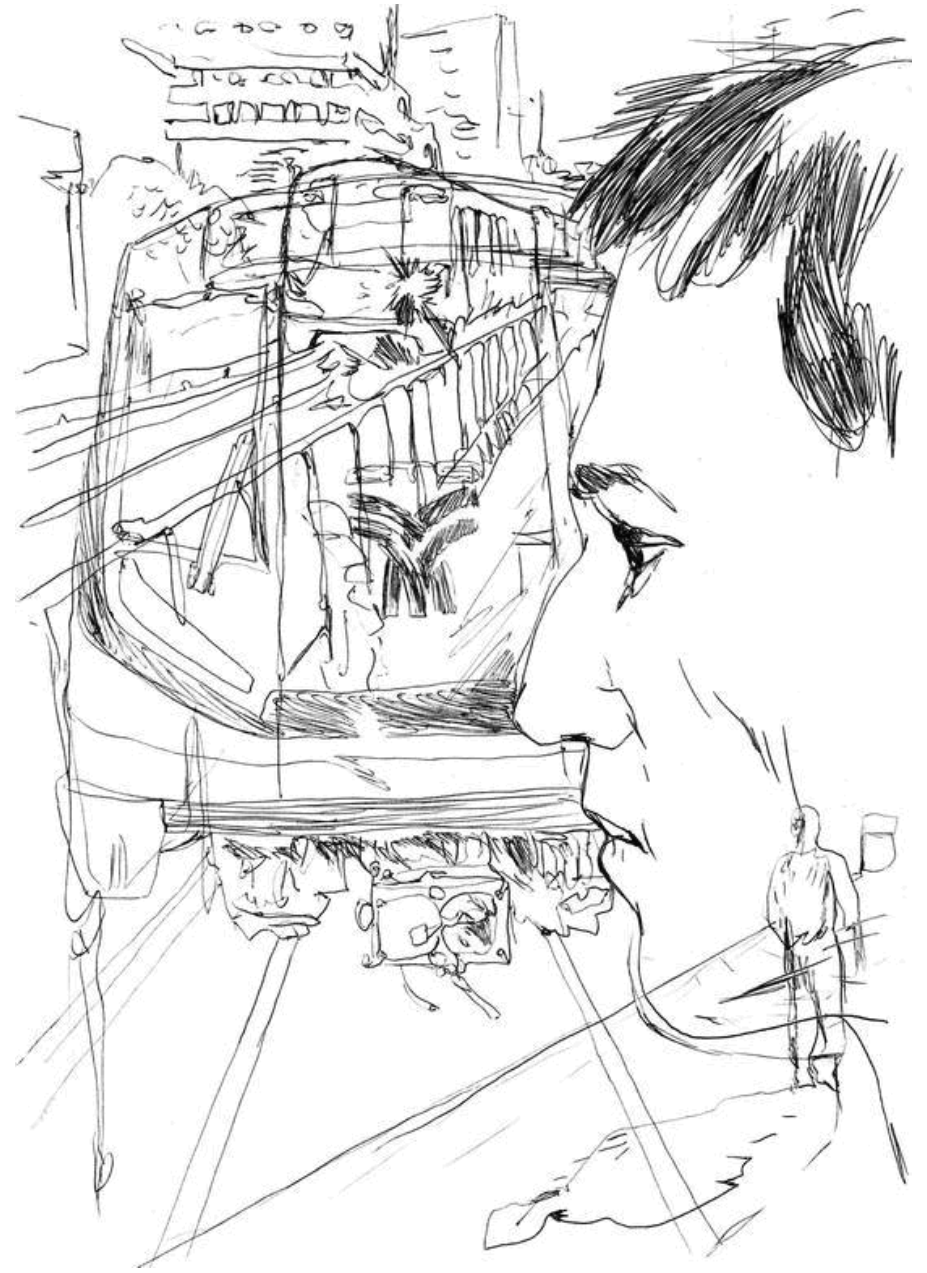
– Вряд ли это произойдет раньше, чем через полгода.

– Когда собеседование?

– В пятницу. Твое резюме им уже переслали.

– Может, стоило дождаться, пока я дам согласие?

Хмыкнув в ответ, он протягивает мне «мое» резюме, я бегло его просматриваю. Послужной список настолько же впечатляющий, как и перечень достоинств соискателя на должность.



– Я уже отправил это в отдел кадров, тебя ждут.

– «Предыдущие работодатели» это подтвердят? – уточняю я, вернув ему листок, который он машинально рвет на мелкие кусочки.

– Конечно. Мы все предусмотрели, не переживай.

Всегда, когда Харон говорит «мы», он явно имеет в виду не себя и меня, а кого-то еще. Зная его много лет, я многое бы отдал, чтобы узнать, кто именно скрывается за этим «мы».

– Послушай, Зет, отнесись к этому заданию со всей серьезностью. У нас нет запасных вариантов. Если ты провалишь этот проект, мы потеряем большого клиента. Не хочу пугать тебя, но в этом случае наше с тобой сотрудничество тоже может прекратиться.

– Справлюсь, – небрежно бросаю я, отметив про себя, что таких условий старик мне еще не ставил.

– Действуй незаметно. В этой корпорации все прослушивается и просматривается, и ничего не делается просто так. Было бы неплохо, если бы к нашей следующей встрече ты собрал как можно больше информации.

Кивнув мне на прощание, мой работодатель встает со скамьи, чтобы исчезнуть в вагоне подошедшего поезда. Парень с дредами, которого я приметил перед встречей, заходит в вагон вслед за ним. Хлопнув дверьми, поезд уносится в жерло тоннеля, и я остаюсь один на пустынной станции, озаренной холодным хирургическим светом.

Прокручивая в голове план действий, подхожу к противоположной платформе, куда уже прибывает мой поезд. Стеклянные стены, которые раньше отделяли пути от зала ожидания, убрали еще во время повальной либерализации. Вместе с ними исчезли и водители поездов, замененные автоматикой. Полная криптоанархия! Полная свобода! Как всегда, я стою слишком близко к краю, и поезд проносится в нескольких миллиметрах от кончика моего носа. Мне удается ощутить не только воздушную волну, но и запах уставшего грязного металла. До чего же это страшно – не обладать страхом смерти…

0003

Тут, наверно, следует рассказать, как Харон появился в моей жизни и почему сотрудничество с ним так важно для меня. Мы познакомились двадцать четыре года назад, когда мне было всего восемь. Все, что я помню до этого, – унылый католический приют для брошенных младенцев при церкви Святого Иосифа. Не знаю, почему я оказался именно в нем – видимо, моя биологическая мать была католичкой. Или просто решила, что для младенца полуевропейской внешности это самое подходящее место. А еще я отчетливо помню мои постоянные мечты из него сбежать.

Однажды у меня это получилось, и работники приюта нашли меня только с помощью полиции в ботаническом саду. По словам Харона, который был одним из полицейских, вид у меня был чуть ли не просветленный, так я наслаждался неведомым мне ранее миром за стенами своей «детской тюрьмы». Он вспоминал восьмилетнего мальчика, сидящего у пруда в состоянии странного оцепенения. Меня забрали, накормили, обогрели и вернули к строгим монахиням.

С тех пор мои попытки сбежать повторялись чуть ли не каждый месяц, пока приют не махнул на меня рукой. Я стал жить на улицах района Гейланг, пробавляясь мелким воровством и случайными подработками. Там я нахватался, кроме английского, и остальных языков космополитичного города: малайский, путунхуа, тамильский, начал понимать даже несколько более редких наречий. А Харон, который к тому времени уже работал в управлении полиции района (а потом и возглавил его), взял меня под свою опеку. Сначала отмазывал от неприятностей, потом стал давать собственные поручения, не всегда легальные.

Я был счастлив – постоянно меняющийся суетливый мир улиц придавал мне движение, которого так не хватало в приюте. Я работал у Харона курьером, иногда вел для него слежку. Несколько раз он внедрял меня разносчиком или подмастерьем в местные бизнесы, в которых был так или иначе заинтересован. Миловидный, покладистый на вид подросток не вызывал подозрений у самых проницательных нанимателей. Поэтому у меня получалось выполнять задания, с которыми бы никакой взрослый не справился. Харон очень ценил меня за это и выделял среди остальных малолетних воришек и попрошаек, которых у него была собрана целая банда.

По словам Харона, тогда он и открыл во мне способность перевоплощаться и сливаться с окружением, в то же время сохраняя способность отстраненно наблюдать и собирать информацию. Я был идеальным посредником между преступным миром Сингапура, мастерски скрытым от сотен уличных видеокамер, и его цивилизованным фасадом.

Однажды я потерял осторожность и был пойман владельцем судоходной компании, когда фотографировал содержимое его сейфа. Я чудом избежал участи быть подвешенным на крюк и выпотрошенным и две недели прятался на явочной квартире у Харона. Тогда я и не знал, что за мою голову была назначена крупная сумма и по всему городу рыскали «охотники», желающие заработать на поимке малолетнего шпиона.

Харон тем временем разработал план, как понадежнее

спрятать меня от мести судовладельца. Вскоре мне было устроено свидание с приемными родителями – американцами. Те сразу влюбились в «милашку-сироту, у которого пропали родители», как описал меня Харон. Много позже я видел свое фото в деле об усыновлении: скромно одетый мальчик, с темно-русыми кудрявыми волосами, белой кожей, четко очерченными губами и скулами, прямым носиком и чуть восточным разрезом глаз. Милашка, даже красавчик.

Так я обрел приемных отца и мать, а через несколько дней покинул город на много лет, переехав с ними в США, где провел юность. Жил обычной жизнью миллионов молодых американцев, получил образование. Однако я всегда знал, что когда-нибудь все равно вернусь в город моего детства. Как, собственно, и распорядилась судьба.

0004

До сих пор не могу понять, случайно ли мы встретились с Хароном снова. Это произошло пять лет назад, после моего возвращения в Сингапур. К этому времени я уже был владельцем разорившегося рекламного агентства и продюсером нескольких медийных проектов, столь же амбициозных, сколь и неуспешных. Денег, которые я наскребал с этой деятельности, едва хватало на то, чтобы по частям выплачивать накопившиеся долги. А местом жительства мне служила съемная квартирка размером с кузов грузовика. И без того неидеальную картинку дополнял лес заводских труб за окном, от одного вида которых першило в горле.

В то время я чувствовал себя абсолютно несчастным. Меня тяготила мысль, что если я ничего в своей жизни не поменяю, то мне придется вернуться назад в Америку. При этом я понимал, что это было бы лишь бегство от реальности в подобие католического приюта моего детства. В скучную, пресную тюрягу.

Отправив свои иллюзии вместе с амбициями на помойку, я принялся искать интересную работу. Приставал ко всем своим друзьям и знакомым, спамил в соцсетях и ошивался на профильных тусовках среди рекламистов, журналистов и телевизионщиков. Город сильно изменился к этому времени. Во времена моего детства всем прибывающим туристам уже в самолете сообщали, что за наркотики здесь грозит смертная казнь. Теперь же в тусовке царило настоящее веселье: одни нюхали, вторые напивались до беспамятства, третьи – и то и другое. И мне приходилось соответствовать, чтобы влиться в это общество. То, что я сам каким-то образом не сторчался в этот период своей жизни, уже само по себе было достижением.

На одной из таких вечеринок я и встретил Харона, у стойки бара, на церемонии награждения деятелей рекламы, куда я проник по поддельному бейджу. Я едва его узнал. Подтянутый коренастый коп с тяжелым взглядом остался в прошлом. Теперь антураж обязывал Харона косить под богемного алкоголика: мятый смокинг, шейный платок, очки с дымчатыми стеклами, массивный перстень на пальце и седая борода, над которой нависала потухшая сигара. Я был так рад его видеть, что чуть не набросился с объятиями.

За эти несколько лет в Сингапуре я пытался с ним связаться, но не мог найти и следа. А тут – попивает виски со льдом, как ни в чем не бывало. Но Харон остановил меня строгим взглядом, как только он умел. Будто мы расстались на прошлой неделе,

буднично спросил, где я работаю. Я признался, что нахожусь в поиске.

– Моя знакомая ищет ассистента, – сообщил он и протянул свою визитку. – Набери меня завтра, я устрою встречу.

Все произошло так естественно, что я, кажется, даже не удосужился его поблагодарить. Потом оказалось, что речь шла не о его знакомой, а о знакомой его знакомой. И в результате я получил работу – необременительную и хорошо оплачиваемую.

Проработав три месяца ассистентом хозяйки рекламного агентства, я успел завести кучу знакомств и арендовать студию в самом центре, неподалеку от офиса. И вот, как только мне показалось, что моя жизнь вылетела на скоростную трассу, на горизонте вновь появился Харон. Он попросил меня о «небольшом одолжении». Все, что от меня требовалось, – скопировать клиентскую базу с компьютера моей леди-босса, за что предлагался гонорар в размере трехгодичной зарплаты. Харон всегда называл вещи своими именами, избегая иносказаний. Правда, определение «промышленный шпионаж» он предпочитал заменять более обтекаемой формулировкой «наши проекты».

Недолго думая я согласился. Похоже, именно в подобных занятиях было мое призвание. Я выполнил задание Харона, позаботившись о том, чтобы возможное расследование пошло по ложному следу, и уволился из агентства. Пару месяцев попутешествовал по Латинской Америке – Аргентина, Бразилия, Перу. А когда вернулся, меня уже ждал очередной заказ от моего работодателя. Наше взаимодействие возобновилось, как в старые добрые времена. За несколько лет я успел поработать в двух медиахолдингах, на киностудии, в одном информационном агентстве и в трех рекламных – не считая мелких проектов, которые не требовали внедрения в компании.

Вхождение в доверие, воровство данных, сбор компромата, запись конфиденциальных переговоров и прочее в том же духе. Липовые резюме, поддельные рекомендации, тщательно сфабрикованные «легенды», продуманные пути к отступлению. Приходилось ли мне задумываться о том, что будет, если однажды все вскроется? В лучшем случае это грозило серьезными судебными исками, в худшем – полетом с двадцать четвертого этажа.

Со временем я перестал задумываться о последствиях. Денег определенно было больше, чем я заслуживал, но не они помогли мне отбросить сомнения. Помогло нечто другое. С каждым разом задания становились все сложнее. А увлечение, которое я испытывал, погружаясь в новый мир и полностью перевоплощаясь, становилось все интенсивнее. Я любил свою

работу. Теперь я любил и свою безликость, которая помогала мне становиться то одним человеком, то другим, и даже старательно ее поддерживал. Я обнаружил, что нет ничего невозможного, когда имеешь дело с людьми, которых умеешь соблазнить, подчинить и в результате использовать. Для всего этого я был как будто создан.

О теперешней жизни Харона мне известно не так уж много. Но дело не в отсутствии любопытства, а в том, что старик, как и прежде, не заинтересован в огласке личной информации. Ему должно быть сейчас около шестидесяти, но с точностью возраст определить сложно, так как его азиатское лицо находится вне времени. Насколько я знал, после работы в полиции Сингапура он занимал высокий пост в крупной охранной фирме. Десять лет назад, после серьезного скандала, отягощенного гибелью клиента, был вынужден уйти на вольные хлеба. И сейчас в его портфолио, помимо коммерческого шпионажа, остались финансовые махинации и фармацевтическая контрабанда.

В Новом Сингапуре ты можешь больше не заботиться о былой репутации – она стирается вместе с ежегодной сменой ID-карты. Если не нарушаешь местных, и так достаточно либеральных законов, то можешь ни о чем не беспокоиться. Преступления, совершаемые в других государствах, администрацию не волнуют: все, что было не в Сингапуре, остается вне Сингапура. Глобальный торговый центр. Один из крупнейших в мире портов. Особая экономическая зона. Адекватное налогообложение. Экстрадиция не действует. Когда ты становишься жителем города, твоя финансовая и любая другая история обнуляется с получением ID, в котором ты можешь указать любое имя, а можешь не указывать вовсе – хватит и номера, который проставлен на карточке.

Вот почему этот город привлекает игроков, аферистов, беглых бухгалтеров и оскандалившихся финансовых воротил со всего мира. Здесь они находят то, о чем в других городах мира мечтать не приходится: неприкосновенность, анонимность, финансовую безопасность. Что касается Харона, то ему и переезжать никуда не пришлось, ведь он родился в Сингапуре. Как и я, полагаю.

0005

Разузнать что-либо о своем появлении на свет я не смог. Католический приют исчез, и никаких концов я не нашел, да и не слишком пытался. Где именно я родился – я мог только догадываться, для удобства решив, что это был Сингапур. Как раз к моменту моих неприятностей в Гейланге мои приемные родители едва оправились от потери собственного ребенка и с радостью ухватились за предложение Харона усыновить миловидного подростка. Тем более что после десяти лет в Юго-Восточной Азии они как раз собирались возвращаться в США. Уже предчувствовались глобальные трансформации: криптовалютный мыльный пузырь готов был лопнуть в любой момент и изменить экономику всех государств, Сингапура – особенно. Вскоре так и произошло: триллионы долларов были потеряны, миллионы людей лишились своих сбережений и инвестиций. Сингапур, который еще недавно нарекали городом-утопией, мечтой, государством будущего, катился по наклонной – начало периода криптоанархии.

Помнится, я мгновенно вошел в роль примерного сына. Я принял их фамилию и даже имя, Золтан, забыв свое приютское навсегда. Отец был разработчиком игр, мать работала в благотворительном фонде. Происходили оба из Восточной Европы, венгр и украинка, ставшие американцами в юности. Обыденный мир моих приемных родителей, которых я сразу назначил «папой» и «мамой», без приставок (к их огромному счастью), был уютным, безопасным и скучноватым. Но сам факт переезда в неизведанную страну увлекал меня куда больше, чем побег от мести злопамятного судовладельца.

Затем были десять лет в Пасадене, где я сначала окончил школу, а потом обучался дизайну в сфере искусственного интеллекта – относительно новой профессии, на которой почему-то настаивал мой отец. Мне тогда было безразлично, чем заниматься. Хотя с учебой я не испытывал никаких трудностей, но и увлечения ею у меня не было.

А потом… Отмечая с друзьями получение диплома, я тусил по всем злачным местам Тихуаны. Телефон прозвонил во время одной из таких пьянок обыденно, с неизвестного номера. Я даже чуть не сбросил звонок, не желая отвлекаться от петушиных боев. Но почему-то все же ответил. Официальный голос с бостонским акцентом сообщил мне об автокатастрофе и поинтересовался, когда я смогу прийти на опознание тел родителей, а также уладить другие формальности.

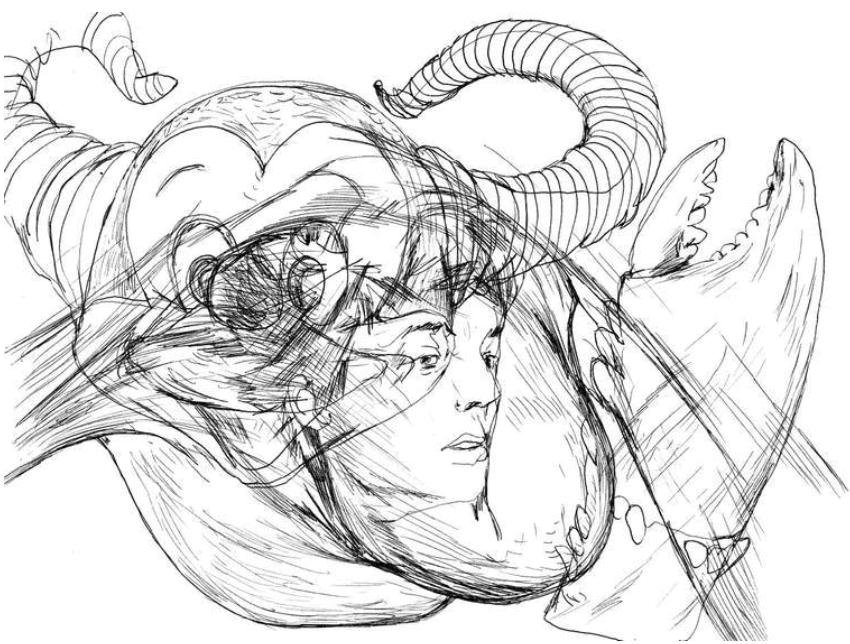
Помню свои ощущения. А точнее – их полное отсутствие. Люди, которые стали для меня семьей, дали мне новую жизнь и, сами не зная того, спасли от смерти, – лежали в холодильнике полицейского морга в Пасадене. А я лишь подумал: теперь меня здесь ничто не держит. И тут же возненавидел себя за это бездушие. Так же спокойно я прошел все формальные процедуры и неожиданно узнал, что отцу еще со времен его работы главой IT-отдела в Сингапуре принадлежала там доля в небольшой маркетинговой компании. Сингапурский нотариус с безупречным английским настойчиво вызванивал меня (откуда они обо всем узнали?) и настаивал на моем приезде для вступления в наследство.

Пазл сложился. Я должен был вернуться в Сингапур и страстно желал этого. Меня не отпускали воспоминания о кипении жизни на его улицах, а главное, о моих собственных приключениях, волнующих так, как ничто в жизни меня больше не волновало. А теперь для этого еще и имелась весомая причина. Что-то говорило мне, что именно там меня ждет большое приключение, которое наконец даст мне ответы на все мои вопросы к себе и к миру, и я был к нему готов.

Кажется, это было так давно… А прошло всего лишь пять лет.

0006

Сегодня, пока еду на мое собеседование в «Транс-Реалити», снова задаю себе вопрос, почему меня так притягивает этот город. Ведь я терпеть не могу его, а точнее, то, во что он превратился. Куда пропал хваленый фэн-шуй, по принципам которого он был спроектирован и возведен? Тысячи рекламных вывесок на всех языках мира. Безжизненный исторический центр, вскрытый лаком на потеху туристам. Бесконечные торговые улицы Малой Индии, Чайна-тауна и Арабского квартала с кутерьмой магазинов, набитых безвкусным барахлом. Вездесущая промзона, разросшаяся настолько, что теперь окаймляет город удушливым кольцом, запуская ядовитые щупальца прямо в его сердце. Токсичные воды реки Каланг, в которых после наводнений гниют целые кварталы. И наконец, многочисленные сити, разбросанные по всему Сингапуру, – выдраенные до блеска помойки, где отмываются деньги всего мира: грязные капиталы сделали самый дорогой город в мире еще дороже. Стерильная клоака с небоскребами, налепленными так плотно, что закрывают небо. И педерастические клерки в тонких галстуках и с тонкими губами, непрерывно треплющиеся по мобильным телефонам, как будто кто-то может расслышать их в этом проклятом месте. Ненавижу этот город и одновременно привязан к нему, будто врос корнями.



Как только оказываюсь в нужном мне Сити #12, бывшем деловом районе Раффлз-плейс, меня начинает тошнить. Не в фигуральном смысле, а в прямом – я блюю под колеса своего автомобиля, припаркованного возле знака «парковка запрещена». То ли нервы, то ли просроченный утренний йогурт, то ли физическое отторжение этого места, то ли все вместе. Парочка белорубашечников отскакивает в сторону, брезгливо наморщив носы, но мне нет до них дела. Вытерев губы салфеткой, забрасываю в рот полпачки жвачки (смешно вспомнить – было время, когда и за это в Сингапуре можно было схлопотать огромный штраф). Смотрю на свое отражение в тонированном стекле – не заблевал ли белоснежную рубашку. Нет, все отлично.

Я захожу в самый высокий офисный небоскреб города, все этажи которого, судя по всему, теперь заняла одна компания – «Транс-Реалити». Да, мне назначено. Хорошо, подожду. А можно я налью воды из кулера? Спасибо. Да, да, прекрасный сегодня денек. Ожидая, пока за мной спустятся, чтобы препроводить на интервью, разглядываю просторный холл «Транс-Реалити Тауэр». Главный объект здесь – возвышающаяся на мраморном постаменте огромная скульптура работы Джеффа Кунса: золотой телец с головой Микки Мауса, к которой вместо округлых ушей приделаны изогнутые рога. Голова этого чудища обращена ко входу в здание. Сидя на диване возле лифтов, я могу любоваться своим деформированным отражением в его отполированных яйцах.

Удобные диваны цвета венозной крови, способные вместить до сотни посетителей, пришедших сюда, чтобы получить работу своей мечты, продать душу, попытаться втюхать свой стартап или зачем еще приходят в подобные учреждения. И наконец, изогнутая подковой рецепция, за которой маячат четверо непроницаемо равнодушных охранников, настолько отмороженных, что их, кажется, ничем не проймешь. Даже если

бы я на их глазах превратился в огромного омара и начал танцевать кадриль, думаю, последовал бы примерно такой диалог.

– Господин Золтан, пожалуйста, вернитесь на диван – вы блокируете подход к лифту.

– Я не могу сидеть на диване – поскольку я стал омаром, мне нужно немедленно станцевать морскую кадриль.

– Вы можете сделать это на улице или в комнате для религиозных обрядов – она расположена прямо под лестницей. А потом возвращайтесь сюда – за вами уже спускаются.

– Вы жестокосердные люди! Вы притесняете меня, поскольку я не похож на вас!

– Ни о каком притеснении речь не идет, уверяю вас. Просто вы мешаете нашим сотрудникам. Поймите правильно.

Как только я заканчиваю рисовать в блокноте химеру Кунса, за мной приходит миловидная афроазиатка в деловом брючном костюме. Вместе с ней поднимаемся на двенадцатый этаж, проходим по длинному безлюдному коридору с множеством дверей и оказываемся в небольшом зале для встреч, рассчитанном на две дюжины посетителей. Длинный стол из светлого дерева в центре, две линии офисных стульев, одна из стен – стекло, за которым маячит город, на другой стене – граффити, судя по манере, выполненное Бэнкси. Моя проводница, предложив мне занять один из стульев, исчезает, и я остаюсь один на один с собой.

В черно-белом изображении на стене я узнаю парафраз гравюры Дюрера «Четыре всадника Апокалипсиса», репродукция которой украшала гостиную в родительском доме. Только вместо привычных всадников автор усадил на коней богов разных религий. Слева на переднем плане – толстый улыбающийся Будда, тощая лошадка под которым едва не впечатывается в землю. За ним – богиня правосудия, которую легко узнать по развевающейся тоге, завязанным глазам и весам в руке. Рядом индуистский Шива – многорукий, с лукавой улыбкой, восседает в седле в позе лотоса. Чтобы идентифицировать последнюю фигуру, мне пришлось прибегнуть к программе распознавания образов. Выяснилось, что это скандинавский бог Один. Этот – одноглаз, вооружен мечом и восседает на восьминогом коне. Пробежавшись взглядом по дивному пантеону, спрашиваю себя о том, что заставило художника собрать вместе эту команду, и не нахожу ответа. Впрочем, мне сейчас не до теологии.

Проходит несколько минут, и в зал заходит лощеный клерк лет двадцати пяти. На нем пижонский костюм темно-синего цвета, полосатая рубаха без галстука и дорогие очки, под мышкой

– планшет. По каким-то неуловимым признакам я угадываю в нем гея.

– Здравствуйте, Золтан! – произносит он, протягивая мне свою холеную руку. – Я Марк, ассистент креативного директора «Транс-Реалити».

Он кладет на стол свою визитку (ого, ими еще кто-то пользуется!). В толстый картон вмонтирован миниатюрный монитор, на котором при касании пальца прокручивается короткий ролик: анимированный логотип корпорации, лучезарная буква «Т», сменяется реквизитами владельца карточки.

– Золтан… Необычное имя. Откуда вы?

– Родился здесь, в Сингапуре, – сообщаю я. – А что касается имени, то оно венгерского происхождения. Образовано от слова «султан».

– А я думал, от слова «золото». Вы – венгр?

– Отец венгр, а мать украинка, – предпочитаю сильно не распространяться про свое прошлое. Если им действительно нужно – сами узнают.

– У нас тут интернациональная команда, – заверяет он. – Я, к примеру, вырос в Германии, а мой босс, Паоло Рамбан, – итальянский еврей.

Подобное начало беседы должно заставить меня расслабиться – вероятно, именно на это рассчитывал мой собеседник. Внешне я, должно быть, действительно выгляжу спокойным, но на самом деле сконцентрирован до предела. Слушая его болтовню, аккуратно считываю информацию: хроническая усталость, отмеченная на лице Марка, и нервный тик, который он пытается спрятать за преувеличенной мимикой, увеличенные зрачки и слишком дорогие часы на его правой руке (почему на правой, он ведь, судя по всему, не левша?). Чтобы не спалиться, перевожу взгляд на граффити, что украшает стену митинг-рума.

– Вам нравится эта работа? – спрашивает клерк, заметив мой взгляд.

Киваю в ответ.

– Бэнкси?

– Он, кто же еще! Всех богов опознали?

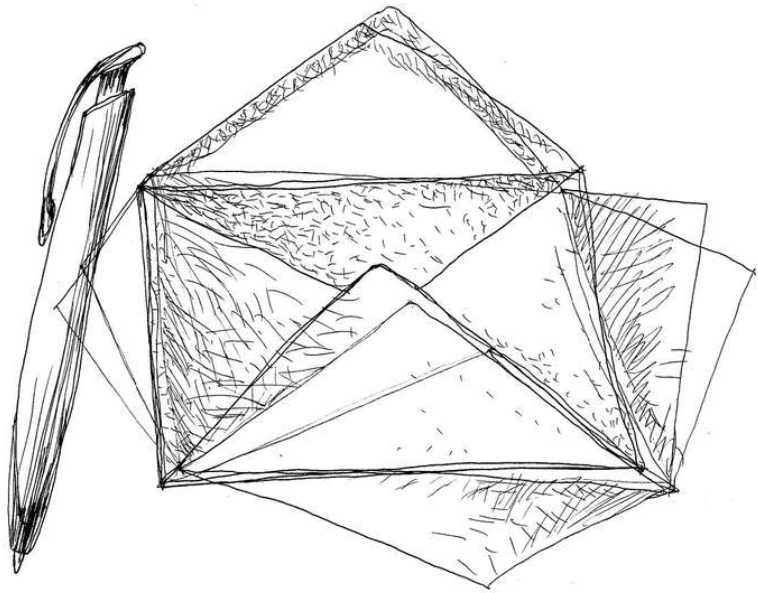
– Это было несложно.

– Чудненько, – улыбается Марк. – Интересуетесь историей религий?

– Всем понемногу, – уклончиво отвечаю я.

Интересно, мы когда-нибудь поговорим о делах или будем болтать о том о сем, пока не закончится время, отведенное на интервью?

– Предлагаю обсудить то, ради чего мы вас сюда позвали. – Он будто прочитал мои мысли. – У вас впечатляющий послужной список… Чем именно вы занимались на последнем месте работы?



Я пересказываю расширенную версию своего вымышленного резюме, адаптированного под нужды «Транс-Реалити». Марк, покачивая головой в такт моим словам, время от времени подкидывает дежурные вопросы, даже не пытаясь делать вид, что ему интересно то, о чем я говорю. Мой собеседник подчеркнуто корректен, но при этом слегка высокомерен. Должно быть, он ощущает себя частью глобального процесса, меняющего мир, тогда как я для него – просто очередной претендент на то, чтобы зваться его коллегой. Как быстро стерлась бы заносчивая маска с его физиономии, если бы он узнал, кто я на самом деле? Мой рассказ подходит к концу, я жду очередного вопроса, но он не поступает.

– Ну что, перейдем к тестовому заданию?

Он достает из кармана пиджака желтый конверт и кладет его на стол передо мной.

– На выполнение задания у вас есть ровно час, – сообщает он мне. – Желаю удачи, Золтан!

Он едва заметно подмигивает мне и покидает зал. Мне ничего не остается, кроме как открыть конверт.

0007

Если бы в конверте оказался чистый лист бумаги, я бы, пожалуй, не удивился. Но все оказывается еще интереснее – конверт пуст. С помощью авторучки аккуратно расклеиваю его по швам – должна же быть хоть какая-нибудь подсказка. Но нет, ничего – ни водяных знаков, ни названия фирмы-производителя, никаких отметок. Думай, Зет, думай. Чего эти типы хотят от тебя, кроме как загнать в угол? Распотрошенный конверт лежит передо мной, и я тупо взираю то на него, то на ухмыляющихся со стены богов. Целый час – этого времени слишком много, чтобы успеть почувствовать себя идиотом. И слишком мало, чтобы найти ответ на незаданный вопрос.

Внимательно осматриваю конверт на просвет, затем несколько секунд держу его над пламенем зажигалки, но тайные письмена не проявляются. Обнюхиваю его, но он не пахнет ничем необычным. Отщипнув кусочек бумаги, пробую его на вкус и тоже не замечаю ничего особенного. Я что-то упускаю из виду… Но что именно? Пробую размышлять логически.

Что такое конверт? Прежде всего это форма. Затем – функция. Кроме того, это материал, из которого он изготовлен. Так, тут повнимательнее. Что мы имеем? Лист желтоватой бумаги, особым образом скрепленный с помощью клея… Прикоснувшись кончиком языка к липкой полоске, я ощущаю прелюдию эффекта, который ни с чем не спутать. Меня передергивает, словно от разряда тока – это кислота. Вот оно, тестовое задание, три этапа в одном. Догадается ли тестируемый, где искать подсказку? Готов ли он закинуться наркотой, чтобы пройти испытание? И наконец, как он себя поведет, если все-таки отважится? Есть лишь один способ ответить на все три вопроса сразу – я слизываю кислоту с конверта. До завершения отведенного времени осталось пятьдесят минут.

Поначалу ничего не происходит. Проходит пять минут, еще пять, а спустя примерно двадцать минут после приема подсказки кислотная волна накатывает на мозг откуда-то снизу, из желудка, и помещение меняет свои очертания, сглаживаются углы, едва заметная волна пробегает по древесной глади стола, лица богов на стене оживают – становится заметно, как сложно им притворяться лишь фрагментами граффити. Надеюсь, мои экзаменаторы точно рассчитали дозу. И все-таки в чем заключается тестовое задание – ведь не только в том, чтобы закинуться на собеседовании? Наблюдают ли за мной в этот момент? Уверен, что да – я ощущаю чей-то холодный взгляд на

себе.

– Золтан, соберись! – вдруг произносит Будда. – Ты ищешь ответ, но сначала нужно найти вопрос.

– Может быть, вы мне поможете? – прошу я, стараясь выдержать тон уважительный, но не подобострастный. – В конверте ведь не было никакого вопроса…

– Никто и не говорил, что вопрос в конверте. Это было бы слишком просто.

– Значит, вопрос в этой комнате? На этом этаже? В этом здании?

– Не знаю, – разводит он руками. – Но мне кажется, ты мыслишь поверхностно.

– Может, вопрос заключается во мне?

Будда не отвечает, но по выражению его лица мне становится ясно: я на верном пути. Итак, что же это за вопрос, который я мог бы задать себе, чтобы на него ответить?

– Взвесь все хорошенько, – вступает в беседу Юстиция, помахивая у меня перед носом своими весами. – Если не выполнишь задание, второго шанса не будет.

– Парнишка-то не слишком смышлен, – вздыхает над ухом Шива.

Сборище богов мешает мне сосредоточиться. Если не завладею инициативой, они заболтают меня до того, что я

перепутаю верх и низ, грешное и праведное, семя и плевы… Нет, не плевы, а как-то по-другому… Плевелы? Твою мать!

– Эй, ты что, заснул? – подает голос одноглазый Один, толкая меня в плечо.

– Так, минуточку! – Меня все это уже достало. – Я, конечно, понимаю, что все вы мегакрутые и так далее. Но неужели так сложно помочь мне пройти этот долбаный тест?

Боги замолкают – похоже, мне удалось их пристыдить.

– Ладно, что там у тебя? – снисходит Юстиция.

– Пустой конверт вместо вопроса и час на поиски ответа, – отвечаю я, а затем, взглянув на часы, уточняю: – Нет, пятнадцать минут.

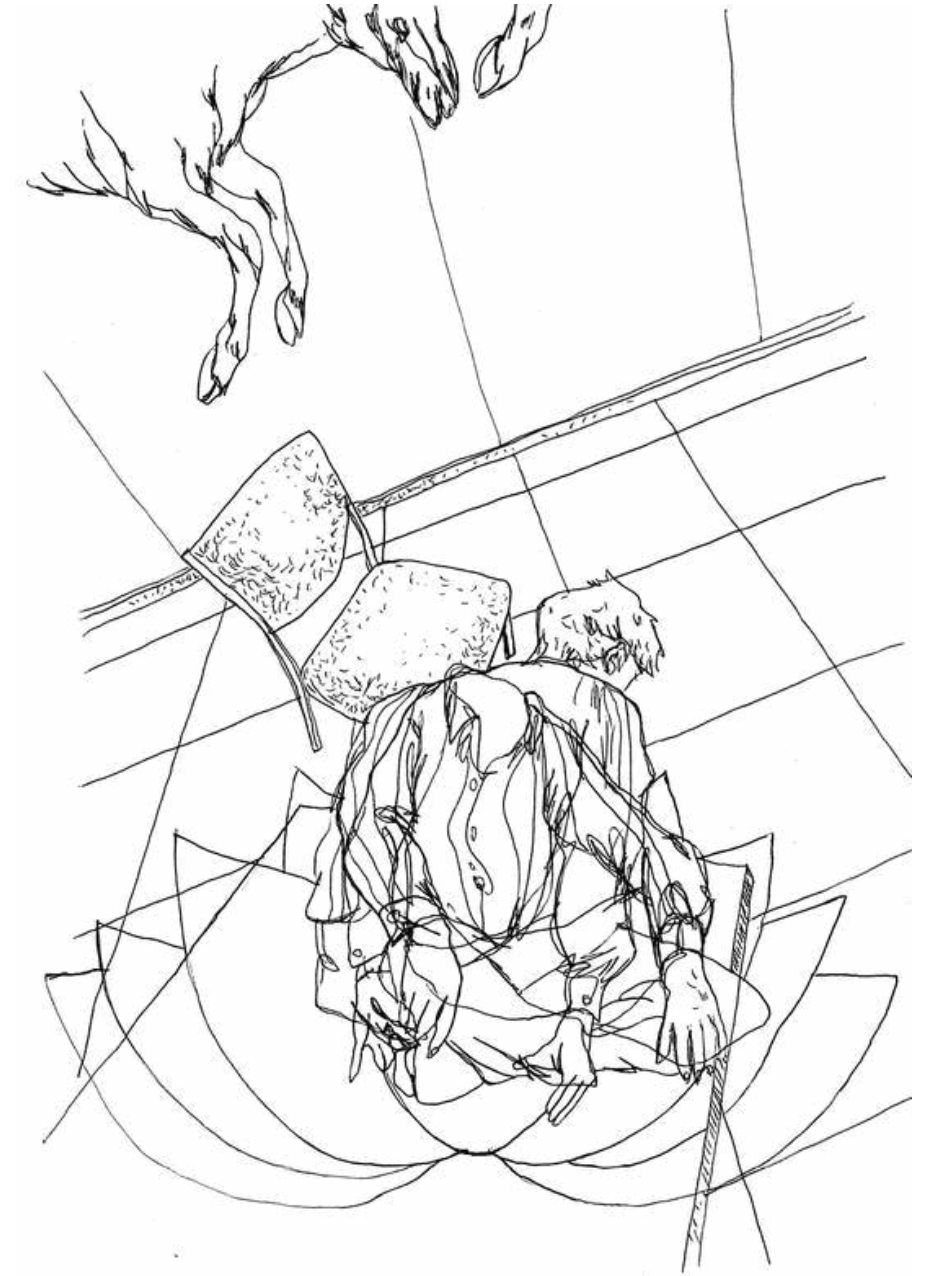
– Ок, я тебе помогу, – говорит она. – Ты ищешь вопрос в себе самом, но в тебе не заложены вопросы. Ты – стеклянная колба, запаянная сверху и лишенная дна. Осознав собственную пустоту, ты начинаешь искать вопросы в окружающем тебя мире. Но мир – не вопрос и не ответ. Он существует не потому, что кто-то о чем-то спрашивает, и не потому, что кто-то отвечает, скорее наоборот. И вот, отчаявшись, ты обращаешь свой взор к богам. Но боги тоже не задают вопросов – они лишь повелевают и требуют исполнения своей воли.

– Это все? – спрашиваю я, выждав некоторое время. – И как мне это поможет?

– Ты получил бы ответ, если б задал вопрос.

– Но ведь я спросил…

– Ты ничего не спросил, – произносит Один.



– Вопрос не прозвучал, – поддакивает ему Шива, сложив все четыре руки на груди.

– Хорошо, я спрошу! – бросив взгляд на часы, понимаю, что до конца отведенного мне часа осталось лишь десять минут. – Вопрос такой: что я должен сделать, чтобы пройти этот тест?

– Так-то лучше! – усмехается Будда. – Но кто сказал, что ты должен что-то сделать?

Боги снова хохочут. Я замечаю, что они теряют ко мне интерес – Юстиция занимается своей пышной прической, Будда готовится предаться медитации, а Шива с Одином болтают о чем-то своем.

– Ладно, могу рассказать тебе, как достигнуть просветления, – сжалился наконец Будда, приоткрыв глаза.

– Буду очень признателен, – лепечу я, чувствуя, как мой кислотный язык превращается в наждак.

– К просветлению ведут пять шагов, – доносится до меня голос Будды. – Ты должен пройти их один за другим, именно в таком порядке – иначе ничего не выйдет.

Первый шаг: наплевать на то, что о тебе говорят.

Второй шаг: наплевать на то, что о тебе думают.

Третий шаг: ты должен осознать, что всем на все наплевать.

Шаг четвертый: тебе наплевать на то, что всем наплевать.

И наконец, пятый шаг: тебе наплевать на просветление.

Будда замолкает, и боги перестают обращать на меня внимание. Допустим, его слова – это и был совет. Недеяние – неизменность – непривязанность – на все наплевать. Ок, да будет так!

Найденным на подоконнике черным маркером я рисую на столе лотос с тринадцатью лепестками и, скрестив ноги, сажусь в середину цветка. Закрыв глаза, ставлю маркером точку чуть выше переносицы и пытаюсь вообразить мир, в котором нет желаний и привязанностей,

чувств и бесчувственности,
радостей и разочарований,
богов и демонов,
веры и неверия,
границ и безграничности,
мыслей и бездумности,
правды и лжи,
гармонии и хаоса,
верха и низа,
светлого и темного,
подлинного и поддельного,
правдивого и ложного,
доброго и злого,
чистого и грязного,
веселого и грустного,
яркого и тусклого,
реального и иллюзорного,
семян и плевел,

апостолов и предателей,
любовников
и изменников,
нас и их,
тебя и меня…

И когда мне это удается, в комнату входит Марк.

– Поздравляю, тест пройден, – произносит он обыденным тоном, и я с трудом открываю глаза. – В три часа в понедельник вам предстоит встреча с моим боссом Паоло Рамбаном – на ней все и решится. Золтан, с вами все ок?

0008

В зашифрованном чате сообщаю Харону, что первый этап пройден успешно и завтра меня ждет аудиенция у креативного директора «Транс-Реалити». Старик тут же начинает настаивать на встрече – сегодня. Поскольку меня еще штырит кислота, убеждаю его встретиться завтра утром. Наша встреча должна произойти не в метро, а на квартире. Харон пересылает мне адрес, по которому я должен прийти в десять утра на следующий день.

Отоспавшись и приведя себя в порядок, прибываю по нужному адресу. Приходится переться в самые настоящие трущобы, нанесенные на карту города серым прямоугольником, без деления на кварталы. Маятник истории снова качнулся: город, еще в конце прошлого века избавившийся от лачуг бомжей и так гордившийся этим, снова оброс ими, словно лохмотьями. Узкие улочки тут разбегаются во все стороны как попало, то извиваясь между угрюмых домов-коробок, то прерываясь загаженными тупиками. Прямо на земле бедняки варят рис в котлах, разделывают свиные туши, купают своих детей в струях гидрантов, жгут благовония перед алтарями, сколоченными из обломков рекламных щитов, разгадывают кроссворды, развалившись в гамаках, переругиваются друг с другом и смотрят бесконечный сериал «Призрачная звезда», главную роль в котором исполняет актер-актриса, что раз в год меняет пол.

Благодаря навигатору нахожу нужный мне адрес и ныряю в заплеванный подъезд с запахом кошачьей мочи. Надписи на стенах, в которые лучше не вчитываться, сломанный лифт. Поначалу сомневаюсь, не перепутал ли дом. Но потом вспоминаю о любви Харона к конспирации, и выбор подобного места для явочной квартиры кажется мне закономерным. Вполне в его стиле – прятаться словно крыса на помойке. Наконец нахожу нужную дверь, исполосованную ножом в таком стиле, словно наркоману, пришедшему сюда, грубо отказали в дозе. Звонок, естественно, не работает. Стучу в дверь, отметив, что она изготовлена из прочного металла, возможно даже пуленепробиваемая. Спустя несколько мгновений лязгают замки, и Харон впускает меня внутрь.

– Заходи, Зет, я сейчас. – Он исчезает в темных недрах квартиры.

Расположившись в кресле неопределенного цвета, осматриваю «апартаменты». Потертые паркетины, неплотно примыкающие друг к другу, покосившаяся тумбочка, заваленная

стопками журналов и газет, с фарфоровым конькобежцем на вершине. Полдюжины уродливых масок из папье-маше, пришпиленных к выцветшим фотообоям, изображают морские волны, накатывающие на берег мечты. Огромный кактус в кадке, долго и мучительно умирающий, но отчаянно цепляющийся за жизнь всеми своими колючками, присыпанными пылью. Хитро придумано. Даже если кто-то излишне любопытный и сумеет проникнуть в резиденцию Харона через бронированную дверь и зарешеченные окна, то, узрев обстановку запустения, увядания и тихого отчаяния, вдохнув аромат просроченных лекарств и несвежей одежды, он, брезгливо поморщившись, тут же ретируется.

Харон возвращается с кухни, неся в руках две чашки с кофе. Я взглядом спрашиваю: это можно пить или тоже для антуража?

– Не беспокойся! – ухмыляется старик. – Кофе-машина стоит дороже, чем эта халупа.

Делаю глоток из чашки с отбитой ручкой и соглашаюсь – действительно кофе отменный. Харон ерзает в своем кресле, ему явно не терпится, чтобы я начал свой рассказ.

– Ну, как собеседование? Выглядишь ты не очень. Тебя там что, пытали?

Выкладываю ему все про вчерашние испытания, про кислотный конверт, про картину со странной интерпретацией всадников Дюрера. И конечно, про симпозиум с участием богов и свою отчаянную медитацию в финале. Старик нетерпеливо кивает головой с таким видом, будто подобные истории ему приходится слышать каждый день. Однако при упоминании кислоты он вдруг проявляет интерес:

– Ты уверен, что это был психоделик?

– А что еще?

Харон достает телефон, чтобы быстро отправить кому-то сообщение, затем, с минуту подумав, произносит:

– Вообще это довольно странно – накачивать чем-то претендента на должность во время первого интервью. Тебя о чем-то спрашивали? Все помнишь отчетливо?

– Это было не интервью. Мы перекинулись парой фраз с ассистентом. А потом он всучил мне этот конверт и слинял.

– Мне не до конца ясно, что ты такого сделал, что они посчитали тест пройденным? Сел в позу лотоса? Обычно от претендентов на должность требуется нечто большее.

– Сам не понимаю. Я просто делал то, что сказал мне Будда. Ну, по крайней мере, так, как я его понял…

– Ты имеешь в виду Будду, нарисованного на стене?

– Для меня это был совершенно реальный Будда. Даже

сейчас, когда кислота не действует, он кажется мне настоящим.

– Ладно. Главное, что ты успешно прошел тест. Далее тебе предстоит встреча с главой их креативного департамента Паоло Рамбаном. Второй человек в компании, после главы корпорации. Но, насколько я понял, он просто исполняет то, что ему поручает Саул Гаади – наша темная лошадка, о которой почти ничего не известно. Тебе удалось что-то про него найти?

Я делюсь немногочисленной информацией, которую сумел собрать. Еще вчера я закинул задание своему другу по имени Сумо, обширные связи которого, помимо прочего, охватывают инфодилеров и хакеров. Разумеется, я не стал сообщать ему, почему интересуюсь Саулом. А он, естественно, не стал задавать лишних вопросов.

Итак, основатель «Транс-Реалити» появился на свет пятьдесят шесть лет назад в Иране. Происходит из небогатой, но интеллигентной семьи: отец – банковский клерк, мать – школьная учительница. Одни источники сообщают, что Саул – перс, другие записывают его в курды, а третьи – в берберы. Как бы то ни было, мистера Гаади можно с уверенностью назвать гражданином мира, поскольку он много путешествует, владеет недвижимостью на разных континентах, а также свободно говорит на нескольких языках: английском, арабском, французском, фарси, малайском и иврите. Жена Саула, француженка, умерла от рака мозга девятнадцать лет назад, с тех пор он не женился, и о его личной жизни ничего не известно. Его двадцатипятилетняя дочь Катрин в корпорации появляется редко и на светских мероприятиях интервью обычно не дает. Так что, принимает ли она участие в делах «Транс-Реалити», выяснить пока не удалось.

Помимо «Транс-Реалити» и медийных бизнесов, Саулу Гаади принадлежат еще несколько компаний – довольно экзотических. В частности: горнолыжный курорт в Объединенных Арабских Эмиратах, ферма по разведению бабочек в Малайзии и французский юмористический журнал «Чаппи Клошар» (тот самый, редакцию которого периодически подрывают радикалы). Также были данные о каких-то исследовательских центрах, но про них ничего конкретного найти не удалось – информация оказалась тщательно засекреченной.

Судя по унылому выражению лица старика, я не сообщил ему ничего такого, чего бы тот не знал. Он никогда не был щедр на комплименты – даже если проявишь чудеса находчивости, вряд ли можешь рассчитывать на похвалу. Тогда я достаю свой главный козырь – небольшую справочку, которую Сумо достал с сервера ни много ни мало Интерпола.

– Теперь я расскажу кое-что, о чем по обычным каналам

узнать не так просто, – говорю я, устраиваясь поудобнее. – Информация довольно противоречивая, но применимо к Гаади и его корпорации звучит очень интригующе. Тебе доводилось слышать о суфиях?

– Исламские мистики? При чем тут они?

– Сейчас объясню. Ключевая идея суфиев – создание совершенного человека через духовное развитие, аскетизм и возвышение над мирской суетой. Некоторые считают суфизм не столько религиозным течением, сколько философией или даже наукой. Среди его приверженцев были и религиозные фанатики, и люди почти что светские, поэт Омар Хайам, например. Суфийские ордена существуют и сегодня, хотя их члены являются мусульманами примерно в той же мере, что и я.

– Хочешь сказать, Гаади принадлежит к одному из таких тайных обществ?

– Утверждать это с уверенностью нельзя. Однако известно, что в юности, когда Гаади еще жил на Ближнем Востоке, он являлся членом братства «Сыны неба». Во главе философии этого ордена – идея воспитания совершенного человека через аскезу, глубинное понимание мира и алхимические знания.

Харон смотрит на меня с удивлением.

– Алхимия? Так, по-твоему, Гаади – один из тех чудаков, которые пытаются создать золото из дерьма? – озадаченно спрашивает Харон.

– Не так буквально. После падения Римской империи именно арабские, в том числе персидские, ученые стали главными хранителями античных трудов по алхимии. Центром этой философии стали идеи бессмертия. Для сегодняшних суфиев алхимия – это скорее система символов. Так вот, «Сыны неба»… Известно о них совсем немного. И большинство специалистов считают, что эта организация распалась по меньшей мере двадцать лет назад. Однако интересно то, как сложилась судьба людей, состоявших в этом ордене. Президенты, министры, премьер-министры, главы корпораций – вот кем со временем стали почти все те ребята, о причастности которых к братству известно, – это огромная и влиятельная сеть. И не следует думать, будто туда принимали лишь детей эмиров и олигархов. Скорее наоборот: большинство тех, о ком идет речь, происходили из скромных семей – как и сам Саул Гаади. Мы не знаем, каким образом он стал одним из крупнейших медиамагнатов в мире. Но если где-то и есть ответ на этот вопрос, то скорее всего в братстве «Сыны неба».

Харон так разволновался, что встал и начал бродить по комнате. Вот теперь я был доволен его реакцией. Спасибо тебе,

неведомый хакер моего друга Сумо!

– Орден может быть причастен и к новому проекту Саула, – предполагает Харон.

– Этого нельзя исключать.

– Интересно, интересно… – Он продолжает расхаживать, теребя свою бороду. – Вся эта информация про Саула Гаади кое-что проясняет. Во время встречи с креативным директором прощупай, есть ли у него что-то общее с этими «Сынами неба». Разумеется, не в лоб. И вообще, сразу сообщай мне все, что тебе покажется необычным. Похоже, там все серьезнее, чем я думал.

В это время ему звонят. Ответив на звонок, он выходит из комнаты. Слышу, как он возится с дверными замками. Старик возвращается в сопровождении молодой азиатки, национальность которой я не смог определить. Она была одета так, словно только что вернулась со слета байкеров. Ни слова не говоря, девушка бросает кожаную куртку на диван и достает из сумочки на поясе шприц и резиновые перчатки. Кажется, сейчас я узнаю истинную причину срочности этой встречи.

– Линн возьмет у тебя анализ крови. Нам нужно узнать, что в тебя ввели на собеседовании.

Я киваю, закатываю рукав, а Харон оставляет нас, чтобы сварить еще кофе. Пока моя кровь наполняет шприц, разглядываю «медсестру». Короткая стрижка, тонкие черты лица с аккуратным прямым носом и высокими скулами, сосредоточенный взгляд, светлая кожа, острые груди, прорывающиеся сквозь белую майку.

Каким-то образом я понимаю, что скоро мы окажемся в одной постели. И она, похоже, это тоже знает.

0009

Откровение про мир без желаний и привязанностей, которое я пережил на собеседовании в «Транс-Реалити», не отпускало. Я плохо спал этой ночью – метался, будто в бреду, не в силах отличить обрывки сна от реальности. Проснулся совсем измотанным, и тут, очень кстати, вспомнил, что впереди – два выходных. И меня потянуло в *Золтленд*. Мое место силы звало меня.

У каждого человека есть место, где он чувствует себя максимально комфортно. Обычно это то место, где довелось испытать абсолютное, ничем не омраченное счастье. Как правило, мы оказываемся в таком месте всего несколько раз за всю свою жизнь, иначе оно потеряет силу. Мой Золтленд расположен в непальском поселке Нагаркот, куда меня почти случайно занесло несколько лет назад.

В то путешествие я отправился один, у меня был четкий план. В моем распоряжении – две недели. Дня три-четыре я потрачу на осмотр уже виденных, но слегка подзабытых достопримечательностей в долине Катманду: главные ступы, королевский дворец, а также окрестные города-районы с поэтическими названиями вроде «Бхактапур». Ну а после этого – прочь из заполненной смогом и людьми долины, в горы, а там будет видно. Из всех горных курортов, расположенных неподалеку от Катманду, я выбрал Нагаркот – благодаря его названию, похожему на звук, с которым горстка камушков скатывается по горе. Да, я не ошибся с решением: это стало сразу понятно, как только водитель заехал в поселок спустя три часа петляния по горным дорогам.

Поселок как поселок, не сказать чтобы сильно процветающий. Мимо бамбуковой будки кафе трое местных барышень в пурпурных одеяниях несли огромные вязанки хвороста. Но обедать и охотиться на колоритные кадры – потом, а сейчас нужно найти гостиницу. Я шел, куда несли меня ноги, и вскоре оказался возле отеля с нехитрым названием «Грин Хаус». Некогда зеленое двухэтажное здание стояло ровно на краю горы. Я зашел внутрь, и мне показали номер на верхнем этаже. Комната была аскетичной, но и стоила смешных денег. Однако, когда непальский паренек, который привел меня сюда, отдернул занавеску, я замер, увидев огромные окна во всю стену и еще одну дверь, ведущую на террасу.

В этот момент мне стало ясно, что остаток отведенных на путешествие дней я проведу именно здесь, наслаждаясь видом с

террасы. Я мог поклясться чем угодно, что мне никогда не надоест любоваться этими зелеными долинами и великими горами, источающими спокойствие и смирение. Над головой, нет, на уровне лица текли медлительные облака. Чуть выше парили орлы, передавая друг другу вахту едва заметным касанием крыльев. В чистейшем воздухе царил аромат цветов и трав. Кофе с молоком, чай с лаймом, а также другие заказы из меню мне приносили сюда, на террасу. Доступа к сети не было, и слава богу.

Неудивительно, что именно там я начал рисовать, перенося на рисовую бумагу все, что попадалось мне на глаза: зеленые холмы со ступенчатыми грядками, заросли бамбука, Гималайский хребет, поблескивающий снегами Эверест, напоминающий вырубленных из камня многоруких богов с птичьими головами, ступы, похожие на воткнутые в землю колокольчики. И так все десять дней… И ни об одной минуте, проведенной там, на террасе, я не жалею.

С тех пор я бывал в Нагаркоте еще два раза, каждый раз теряя счет времени. В последний из визитов привез с собой мощную веб-камеру, которую попросил установить на террасе «Грин Хауса», где к тому времени уже появилась сеть. Теперь я имел возможность любоваться панорамой Золтленда в любой момент, когда мне этого захочется.

Вот и сейчас, дочитав книгу про алхимиков и приступив к только что скачанной книге про суфиев, краем глаза я поглядываю на монитор с прямой трансляцией из Нагаркота. Во время прошлогоднего землетрясения камера немного сдвинулась в сторону, но «Грин Хаус» не пострадал. У меня тут позднее утро, а в Непале солнце только взошло. У меня омлет на завтрак, а у жителей Нагаркота – пельмени момо. У меня алхимики и суфии в

парчовых кафтанах, а у них бритоголовые монахи в бордовых рясах. Чем дольше я вчитываюсь в суфийские притчи, тем яснее становится, что разница между суфизмом и буддизмом почти незаметна. И суфии, и буддисты стремятся к освобождению от суеты. И те и другие отвергают логику в пользу мистического познания. И те и другие говорят причудливым языком метафор и иносказаний.

Одна из притч особенно запала мне в душу. В понедельник утром, когда я отправляюсь в «Транс-Реалити» на такси, переслушиваю эту историю несколько раз. В притче рассказывалось о речке, которая на своем пути повстречала пустыню. Река попыталась пересечь ее, но почувствовала, что ее вода увязает в песке, и если она будет двигаться дальше, то иссякнет. Мудрец посоветовал реке пересечь барханы вместе с ветром, который подхватит воду, перенесет ее на своих крыльях, а затем позволит ей вновь упасть на землю. Поначалу река не поверила в то, что это возможно, и, отказавшись, произнесла: «Но ведь тогда я перестану быть собой». Мудрец ответил ей: «Если ты не доверишься ветру, то превратишься в зловонную лужу. Ты не останешься прежней в любом случае – доверившись ветру или не доверившись ему». Тогда река с помощью ветра поднялась в воздух, преодолела пустыню, выпала дождем и снова стала рекой – так она познала свою истинную сущность. Если эта притча не рассказывает о трансформации материи в дух и обратно, а ведь именно эту мысль пытались донести суфии и алхимики, то я ничего не понимаю.

Что же такое ветер в этом случае – так и остается для меня загадкой.

0010

Когда я подхожу к небоскребу «Транс-Реалити», приходит сообщение от Харона.

«Это не ЛСД. Пытаемся установить, что именно. Будь осторожен с тем, что кладешь себе в рот. Напиши после встречи».

«Долбаные алхимики», – произношу я про себя и захожу в здание.

Возле рецепции меня уже поджидает мой вчерашний знакомый Марк. Вместе мы поднимаемся на двадцать пятый этаж. Двери лифта открываются, и мы выходим на украшенный волнистым узором ковер, устилающий просторный зал. Приглядевшись к узору, я замечаю, что это не просто волнистые линии, а изображения глаз, соединяющиеся друг с другом.

– Тебе туда, – указывает он на непримечательную дверь из светлого дерева в глубине зала. – Когда закончите, я буду ждать здесь.

Не успеваю я ответить, как Марк исчезает в кабине лифта, и я остаюсь в одиночестве. Ни секретарей, ни охраны, ни других сотрудников. Судя по тишине, окружающей меня, на этаже вряд ли находится много народа, спрятавшегося за дверями кабинетов. Возможно, мы здесь лишь вдвоем – Паоло Рамбан и я. Ступая по «глазастому» ковру, я направляюсь к его кабинету и, постучав, толкаю дверь.

Кабинет Рамбана пуст. Не только в том смысле, что хозяина нет на месте: здесь почти нет мебели. Окно во всю стену, за которым над забором из небоскребов пролетает троица самолетов, устремившихся в разные стороны. Стены и потолок выкрашены в светло-бежевый, на полу – все тот же психоделический ковер. В центре просторного кабинета – прямоугольный стол из бежевого пластика, на столе нет ни компьютера, ни стопки бумаги – ничего. У стола друг напротив друга – пара кресел, обитых кожей и обрамленных металлом. На одном из них я замечаю листок бумаги. Немного помедлив, беру его в руки и читаю: «Дорогой Золтан! Я буду в скором времени. Если захотите чего-нибудь выпить, бар находится за панелью с логотипом корпорации. Ваш Паоло».

Я нахожу нужную панель на стене, но вовремя вспоминаю о рекомендации соблюдать осторожность. Бар между тем довольно разнообразен, но работа есть работа: от выпивки лучше воздержаться. Я раздосадованно опускаюсь в кресло и прячу записку в карман. Возможно, Харон захочет провести графологическую экспертизу почерка Рамбана.

Вся информация, которую я успел нарыть о Паоло Рамбане,

относилась к периоду, предшествующему его работе в корпорации. В прошлом известный модельер, десять лет назад он ушел из мира моды, объяснив свое решение сменой жизненных приоритетов. Потом он возглавлял благотворительный фонд, боровшийся с анорексией, а затем и вовсе пропал с радаров.

В ожидании креативного директора «Транс-Реалити» разглядываю инсталляцию, установленную возле одной из стен – еще один предмет в кабинете, помимо стола и кресел. Точнее, три предмета. Инсталляция представляет собой три больших стеклянных бокса, внутри них находятся три глыбы льда, на которые неизвестно откуда проецируется закольцованное видео. Все три сюжета связаны между собой одним героем, лицо которого большей частью размыто, но иногда на ледяных изломах проступают отдельные черты, правда, сложить из них портрет мне не удается.

На том ледяном экране, что слева, герой сидит в позе лотоса, закрыв глаза и сомкнув руки в области паха, – камера неторопливо облетает вокруг него, заставляя фигуру в кадре вращаться. Изображение на экране посередине: тот же человек, танцующий причудливый танец – он высоко вскидывает колени, в то время как его руки то взмывают кверху, то опадают вниз. В этом танце есть что-то индийское, а несколько фаз, которые одновременно видны в кадре, добавляют танцору сходства с многоруким индуистским богом. На третьем экране изображение более замысловатое: герой сначала распадается на сотни одинаковых фигур, а затем все фигуры собираются в одну, и когда это воссоединение происходит, на лбу фигуры ярко вспыхивает третий глаз, глядящий на зрителя, то есть на меня, одновременно с любопытством и с жалостью.

– Любите видеоарт? – слышу высокий мужской голос у себя за спиной.

Обернувшись, я вижу Паоло Рамбана, который неслышно вошел в кабинет. Лет шестидесяти с лишком, невысокого роста, с крупными чертами лица и бронзовой ухоженной кожей. Он не просто стоял – он позировал, поглаживая рукой с двумя перстнями свою бородку-готи и высокомерно изучая меня сквозь очки с черепаховой оправой.

Паоло представлял собой поистине впечатляющее зрелище. Костюм темно-пепельного оттенка, с золотой расшивкой по рукаву, высокий воротник рубашки, прикрывающий все горло, которое обхватил пестрый галстук, заколотый бриллиантовой брошью. Из-под укороченных по последней моде брюк выглядывали полусапоги на высоком каблуке из зеленой крокодиловой кожи. Запах его парфюма был довольно

насыщенным и тут же наполнил кабинет атмосферой роскоши и высокой моды.

Я поднимаюсь с кресла и пожимаю его руку – вялое рукопожатие, которое он быстро прерывает и театральным жестом указывает мне на мое место. Сажусь. Рамбан занимает место напротив, закинув ногу на ногу, и с минуту смотрит куда-то поверх моей головы. Терпеливо жду продолжения.

– Итак, Золтан… – Он говорит медленно, растягивая слова, будто знает огромную цену каждого. – Я слышал, вы с блеском прошли первый этап собеседования. Очень рад за вас.

– А можно вопрос, господин Рамбан?

– Просто Паоло.

– Хорошо. Паоло, кто автор этой потрясающей инсталляции?

Рамбан приподнимает бровь. Он явно ожидал другого. Что-нибудь про кислоту, или медитацию, или пустой конверт. Но еще во время своих художественных медитаций в Нагаркоте я принял решение, что в моменты нахождения внутри корпорации, буду «доверяться ветру», что и продемонстрировал только что Рамбану. Кажется, ему это понравилось. Он позволил себе полуулыбку и наградил меня вежливым кивком головы.

– Это мое творение.

– Серьезно?

– Ну да. Я возглавляю креативный отдел огромной медиакорпорации. Видеоарт – вполне закономерное хобби в моем случае.

Воцаряется небольшая пауза, Рамбан опять смотрит куда-то поверх моей головы, будто позабыв про меня. Спустя пару минут он снимает очки и устало трет переносицу.

– А теперь, если позволите, Золтан, я задам вам несколько вопросов.

Я тут же восстанавливаю в памяти свое липовое CV, но, как выясняется вслед за этим, мне эта информация не пригодится.

– Как вы думаете, Золтан, почему одни люди добиваются в жизни успеха, а другие – нет?

– Думаю, речь идет сразу о нескольких факторах: наследственность, свойства характера, талант, в конце концов.

– Разумеется, – кивает он, водружая очки обратно. – Но есть нечто более важное. Просто одни люди хотят этого, а другие не хотят.

– Разве не все люди хотят быть богатыми и знаменитыми? – Я не могу понять, к чему он ведет.

Рамбан отмахивается от моего вопроса, продолжая своим фирменным скучающим тоном.

– Деньги и власть – это лишь инструмент.

– Инструмент для чего? – не унимаюсь я.

– Для создания реальностей. Тех реальностей, в которых нам нравится жить.

– Вы используете слово «реальность» во множественном числе…

– Так и есть. Было бы скучно жить всего в одной реальности, не правда ли? Наш разговор – это одна из реальностей. Когда беседа завершится, начнется другая реальность – и для вас, и для меня. Однако правда в том, что мы сами создаем эти реальности, но многим людям, почти всем, кажется, что реальность, в которую они заключены, – это данность, предопределенность и неизменность. Вы понимаете, о чем я?

– Кажется, да.

Паоло Рамбан поднимается со своего места. Я слежу за его перемещениями, поворачиваясь вместе с креслом.

– Возможно, вам знакома аллегория, придуманная Сократом, – о людях, запертых в пещере.

Предпочитаю ничего не отвечать.

– Я вам напомню, Золтан. Сократ утверждал, что обычный человек напоминает пленника, сидящего на полу пещеры со скованными руками и ногами. Он сидит спиной к выходу из пещеры, и все, что он видит, – тени от предметов, движущихся у него за спиной. Не будучи в силах повернуться, он полагает эти тени единственно возможной реальностью и не допускает мысли, будто существует что-то еще. Если бы Сократ жил в наше время, пожалуй, он сравнил бы телевидение с фокусником, который, пробравшись в пещеру и стоя за спиной у пленника, проецирует на стену перед ним различные фигуры – привлекательные или отвратительные, изящные или примитивные. Наблюдая за этой игрой теней, вы можете подумать, будто она наполнена смыслом, однако это лишь тени, иллюзии, фикция. Так вот, в какой-то момент нам в корпорации надоело продюсировать театр теней – мы намерены снять с пленника оковы и вывести его из пещеры наружу…

– Благородная миссия! – позволяю я себе замечание.

– Речь здесь не идет о благородстве, – отвечает Рамбан. – Нам просто неуютно в пещере. Именно потому, что мне нравится конструировать реальности, я и стал в свое время заниматься модой. И именно поэтому перестал заниматься ею. В какой-то момент я понял, что мода – слишком примитивный инструмент. Скажем так, это павлинье перо, щекочущее ухо, а нам в корпорации нужен лазерный скальпель, вскрывающий череп.

Рамбан подходит к бару в стене, берет в руки графин с водой, предлагает мне, я отказываюсь. Со стаканом в руках он

присаживается на край стола прямо передо мной и произносит:

– Если бы вам пришлось разрабатывать пиар-стратегию для новой религии, с чего бы вы начали?

– Это аллегория? – спрашиваю я, не веря своим ушам.

– Многое из того, что мы делаем, можно выразить лишь языком метафор.

– Религия – это набор мистических знаний, приспособленных для определенной географической зоны. Они решают экзистенциальные задачи: что будет после, в чем смысл бытия, каково наше предназначение…

– И? – Паоло явно заскучал от моего красноречия.

– Любое общение с богами предполагает жертвоприношение. Или как минимум подношение. Поэтому я бы пошел проверенным путем. Выбрал бы лицо бренда, создал ему соответствующее паблисити. А потом – распял бы его.

– Эффект жертвы давно уже не работает, мы проводили исследования, – отмахивается Рамбан. – Людям теперь сложно концентрировать свое внимание более чем на сутки, они забудут вашего мессию на следующий день. Я бы хотел получать от вас более оригинальные решения.

– Смотря какой показатель пиар-кампании считать успешным. Даже звезды-однодневки хорошо продаются.

– Новый рынок, который мы намерены завоевать, измеряется не деньгами. Он измеряется душами людей.

– Звучит загадочно.

– Будет время и для конкретики, – обрывает меня Рамбан.

Он бросает взгляд на свои часы, по циферблату которых быстро проносятся какие-то золотистые символы. Едва заметно поднимает бровь – признак легкого раздражения, который от меня не ускользнул, – потом встает. Я решаю, что аудиенция подходит к концу. Судорожно соображаю, как спасти ситуацию. Мне очевидно, что я не произвел на Рамбана должного впечатления. Однако он не указывает мне на дверь, а смотрит прямо в глаза, возможно, впервые за нашу встречу.

– Знаете, Золтан, мне вас настоятельно рекомендовали… Что ж, посмотрим. В любом случае, чтобы утвердить вашу кандидатуру, я должен провести с вами один небольшой тест.

Принимать я здесь больше ничего не буду – говорю я себе.

– Что вам известно о дзен-буддистских коанах? – произносит мой собеседник.

Час от часу не легче.

– Это кажущиеся невыполнимыми задания, которые учителя дзен давали своим ученикам, – отвечаю я. – Продемонстрировать хлопок одной ладони, найти то, что находится севернее

Северного полюса, и так далее.

– Совершенно верно. Хоть я и не учитель, а вы пока не мой ученик, но тем не менее… Вы должны остановить этот самолет.

Он указывает в сторону окна, где самолетик размером с малярийного комара неспешно движется в пространстве между двумя небоскребами. Я тут же вспоминаю японского монаха, которому учитель дал задание остановить поезд. Для монаха все закончилось печально – не найдя другого решения, он бросился под поезд, и учитель посчитал, что монах формально справился. Перевожу взгляд с окна на Рамбана. Тот наблюдает за мной с едва заметным скепсисом, но серьезно. Я понимаю, что он вовсе не шутит, более того, не оставляет мне времени на раздумья. Надо действовать!

Я вскакиваю на ноги, отрываю свое кресло от пола и с размаху швыряю его в окно. Хромированная крестовина врезается в стекло, и оно тут же покрывается мельчайшей паутиной трещин, за которой невозможно разглядеть ни город, ни самолет над ним. Потом поворачиваюсь к Паоло, готовый к любой реакции.

Паоло застыл, явно озадаченный. Он смотрит на окно, переводит взгляд на меня, и я впервые вижу на его лице оттенок интереса. Не может быть! Он бросает взгляд на свои часы и награждает меня белозубой улыбкой, театрально жестикулируя.

– Браво, Золтан! Вы справились с заданием.

– Да?

– Очевидно. Мне кажется, вы небезнадежны, мой дорогой.

– Спасибо…

– Что ж, приходите завтра в десять, чтобы Марк успел все вам показать и познакомить с ключевыми лицами компании.

– Конечно, буду в десять, – обещаю я, пожимая на прощание его вялую руку.

– И еще кое-что… – произносит Рамбан. На этот раз он не выпускает мою руку из своей и сверлит меня взглядом сквозь свои модные очки. – Записка, которую я оставил здесь перед вашим приходом, – отдайте ее мне. В левом кармане брюк, если не ошибаюсь?

0011

Когда я сообщаю Харону, что принят на работу, старик вне себя от счастья. По такому случаю у него есть для меня подарок, который он передаст через Линн – экзотичную байкершу, бравшую у меня анализ крови. Разговор с Рамбаном решаю пересказать ему позже – пусть сначала переведет мне аванс.

Пока жду курьершу, пытаюсь переварить сказанное Рамбаном. Новая религия? Говорил ли он хоть отчасти серьезно или просто хотел проверить новичка? Хотя почему бы и нет? Церкви давно превратились в корпорации – может же произойти и наоборот? Спрос на духовное сейчас высок, как никогда. А предложение? Храмы стали туристическими достопримечательностями. Религиозные символы – принтами на футболках. Универсальные автоцеркви превратили веру в духовный фастфуд. Сложно придумать более удачный момент для вывода на рынок новой религии.

Но все сработает лишь в том случае, если это будет действительно крутой продукт. Не очередной психотренинг для инфантилов или секта для одиноких неудачников, а нечто по-настоящему новое, современное и цепляющее. Что же такое они могли придумать?

Когда Линн приезжает ко мне домой вечером того же дня, оказывается, что она и есть обещанный подарок. Прежде чем отправиться в постель, мы закидываемся парой таблеток из ее фармацевтической сумочки, и мне чуть не срывает крышу от наслаждения. Сложно отделить действие стимуляторов от телесной химии, да и не нужно. Мне просто хочется заполнить ее собой, вдыхать запах ее тела, ловить дыхание, вздрагивать от каждого прикосновения, быть грубым и нежным одновременно. Когда спустя несколько часов я заканчиваю исследовать ее покрытое татуировками тело, она деловито одевается и, прежде чем уйти, ставит на прикроватную тумбочку три банки с таблетками.

– Босс просил передать, – поясняет она. – Это – чтобы как следует выспаться. Примешь сегодня. Это – для концентрации внимания. Примешь завтра утром. Это – чтобы взять себя в руки в стрессовой ситуации. Принимать по одной штуке не чаще раза в день.

– Что в них?

– Никакой химии, только натуральные компоненты, новейшая разработка, – кажется, она издевается надо мной, изображая ведущую телемагазина. Я демонстративно скидываю банки в ящик тумбочки. Безразлично пожав плечами, Линн направляется к двери, но я останавливаю ее:

– Ты давно работаешь на Харона?

– Достаточно, – уклончиво отвечает она.

– Странно, что мы не встречались прежде. Мне казалось, я знаю всех его помощников.

– Ничего странного, – обрывает она. – Не забивай голову ненужными вещами.

Мне не хочется, чтобы она уходила так быстро, но, похоже, она не настроена на болтовню.

– Когда мы увидимся снова? – спрашиваю я.

– Золтан, ты ведешь себя как девчонка, – усмехается она.

Черт, она права. Секса, пусть даже под стимуляторами, – слишком мало, чтобы привязаться к практически незнакомому человеку.

– Соберись, приятель, – бросает она, задержавшись в дверях. – Завтра у тебя важный день.

Уже спустя минуту я слышу, как за ней закрываются двери лифта. Все-таки достаю из тумбочки пилюли и, закинув одну в рот, засыпаю сном праведника.

Мне снятся цветные сны, действие которых происходит на ферме по разведению бабочек. Взобравшись на грудь поверженного демона с лицом, закрытым маской горнолыжника, я танцую разрушительный танец Шивы. От каждого движения моих многочисленных рук с неба низвергаются самолеты, и только бабочкам, летающим вокруг, я не причиняю никакого вреда.

0012

На следующий день, во вторник, я прибываю в «Транс-Реалити». На часах без пяти минут десять. Морда кунсовского Микки-Мауса кажется мне необычайно дружелюбной, охранники на рецепции – предупредительными стражами, призванными обеспечивать мою безопасность, а маячащий возле лифта Марк – старым другом, которому я искренне рад. Если это эффект таблеток для концентрации внимания, одну из которых я все же принял после завтрака, то нужно будет затребовать у моей «медсестры» еще пару упаковок. Тем временем Марк начинает экскурсию, цель которой – познакомить меня со всеми департаментами корпорации. Мы начинаем путешествие с пятого этажа, где расположен Департамент безопасности.

– Паоло поручил познакомить тебя с ключевыми фигурами корпорации, главами департаментов – они же акционеры, – весело тараторит Марк. – Не факт, что все они окажутся на месте, и не факт, что смогут нас принять. В любом случае ты должен знать, что все акционеры – люди довольно эксцентричные. Ну, в хорошем смысле. Я тоже проходил этот путь год назад и признаюсь, это было весьма впечатляюще.

Марк уже не выглядит таким надменным, как в прошлый раз. Разумеется, он еще не рассматривает меня как равного, но по крайней мере в его глазах я поднялся на ступеньку выше. Чтобы расположить его чуть больше, напускаю на себя немного манерности. Конечно, его гей-радар это не обманет, но сбить с толку может. Чтобы усилить эффект, называю среди своих любимых мест в городе пару гей-клубов, пока мы болтаем по дороге. По мере того как мы продвигаемся вверх по этажам, я все яснее понимаю, что слова Марка насчет экстравагантности здешних сотрудников – не пустой звук.

Глава Департамента безопасности, швед Игги Бьольверк, оказался рослым широкоплечим здоровяком лет пятидесяти с черной повязкой на левом глазу и увесистой тростью, больше похожей на посох, на которую он опирался при ходьбе. Его внешность была невероятно картинной, словно позаимствованной из скандинавского эпоса. Вдобавок ко всему прямо в его кабинете стояла огромная клетка с двумя воронами.

– Это Хугин и Мунин, – пояснил швед, перехватив мой удивленный взгляд. – Хугин – исключительно умное создание, а Мунин необыкновенно злопамятный. Не суй к ним пальцы, если не хочешь, чтобы они их оттяпали.

Обсудив с Игги особенности поведения его крылатых

подопечных, мы проследовали в Финансовый департамент, где я познакомился с его руководителем по имени Фо Ци. Неправдоподобно толстый китаец встретил нас широченной улыбкой, будучи раздетым по пояс: его необъятные груди каскадом свисали на такие же огромные бока, и все это колыхалось в унисон с шарообразным пузом, к которому он радушно прижал сначала Марка, а затем меня.

– Простите мне мой вид, – произнес Фо Ци, ничуть не смутившись. – Я занимался гимнастикой.

Покинуть кабинет господина Фо мы смогли только спустя час, когда выслушали десяток уморительных историй про барьеры в коммуникации между китайцами и европейцами, полюбовались фотографиями его пятерых детей и выпили по меньшей мере литр зеленого чая.

Следующим на очереди был Юридический департамент, где Марк познакомил меня с главным юристом корпорации – латвийской матроной по имени Августа Юстас. Как мне показалось, она сразу же запала на меня. Пожалуй, если бы эта энергичная белокурая дама была лет на десять моложе и весила на десять килограммов меньше, я с удовольствием замутил бы с ней служебный роман. Но в данном случае решил ограничиться легким флиртом во время дегустации рижского бальзама.

Следующим на очереди было знакомство с руководителем Департамента персонала – угрюмым индийцем Давендранатом Чопрой. Сославшись на занятость, господин Чопра перепоручил нас своей секретарше, которая развлекала нас в приемной, пока ее шеф громоподобным голосом распекал кого-то за дубовой дверью кабинета.

Этот калейдоскоп знакомств, включая перемещения на лифте, прогулки по бесконечным коридорам и ожидание в приемных, занял почти весь день, к концу которого Марк, как ни хорохорился, выглядел довольно уставшим.

– Остались еще два департамента. Первый – Технический, но туда стажеров не допускают. Второй – Креативный департамент, которым руководит Рамбан. В нем ты и будешь работать, – сообщает он, пока мы набираем воду из кулера. – Если, конечно, пройдешь третий тест.

– Какой третий тест? – переспрашиваю я.

– Насколько я знаю, две ступени ты уже прошел. Третья же займет некоторое время. – Марк загадочно улыбнулся. – Как тебе наши боссы?

– Очень примечательные персонажи, как ты и говорил.

– Что думаешь про Фо Ци?

– Меньше всего он похож на финансиста – я бы скорее принял

его за буддистского мастера.

– Возможно, потому что он не финансист в классическом понимании этого слова. Аккумуляция денежных потоков не является самоцелью корпорации – ты сам со временем это поймешь. Деньги для нас – это кровь, которая должна течь по жилам, чтобы организм функционировал.

– В контексте большого бизнеса звучит неожиданно.

– Знаешь, люди часто повторяют, что деньги – не главное. И всегда это звучит лживо, – усмехнулся Марк. – Просто одни говорят это потому, что денег у них нет, а другие – потому что денег у них слишком много.

Я признался себе, что Марк, которого я поначалу недооценил, оказался вовсе не так прост.

– А что скажешь про Юридический департамент? – поинтересовался я.

– Августа и ее цепные юристы улаживают все проблемы, связанные с легализацией нашего бизнеса. Корпорация действует, скажем так, в инновационной сфере, для которой еще не прописана законодательная база. Так что, сам понимаешь, работы у них хватает. К слову, Августа – довольно милый человек, если ее не злить. Не могу сказать того же про Бьольверка и Чопру. Но думаю, ты сам во всем разберешься в ходе стажировки.

– Что ж, спасибо за экскурсию! – Я похлопываю своего нового приятеля по плечу.

– И еще кое-что. – Марк следует за мной в направлении лифта. – Завтра в девять вечера я устраиваю небольшую вечеринку у себя дома. Приходи – сможешь познакомиться с коллегами в неформальной обстановке. Сброшу тебе адрес.

– Отлично! – отвечаю я. Он пожимает мне руку, и наши ладони соприкасаются чуть дольше, чем того требует корпоративный этикет.

Все складывается подозрительно удачно. Сравнительно легкое поступление на работу, знакомство с первыми лицами и сразу же приглашение на неформальный корпоратив. Хотя, возможно, «подозрительно» – лишнее слово и просто я такой охренительный красавец и умница. Лично меня эта версия сейчас вполне устраивает.

0013

По вторникам – вечер покера. Точнее, изначально это была суббота. Раньше мы с ребятами собирались по субботам в испанском ресторанчике с игривым названием *PUTA*, ели паэлью, болтали и перекидывались в карты. Однако со временем из дней отдыха выходные превратились в возможности для бизнес-нетворкинга, и для друзей получалось жертвовать только невзрачным будним вечерком.

Ребята – это трое моих друзей. Аксель, с которым мы живем в одном небоскребе, его младший брат Тим и наш четвертый мушкетер, которому лучше всего подошла бы роль Портоса – увалень Си-Джей по прозвищу Сумо (о нем я уже упоминал). В отличие от остальных друзей, которых я завел уже по возвращении из США, Сумо единственный, кого я знаю со своего уличного детства. Из-за этого в нашей компании он смотрится немного странно, ведь Аксель работает управляющим модного бутика, а Тим – клубный промоутер.

Сумо же виртуозно соединяет профессии сутенера, мелкого аферист а и продавца нелегальных товаров, по большей части полулегальных гаджетов. Я дорожил Сумо, сам не знаю почему. Не только как полезным контактом, но и как человеком. Пожалуй, он единственный, кого я мог вообще назвать своим другом.

Что касается меня, то я в нашей компании прохожу просто как карьерист – о моих делишках с Хароном не стоит знать даже близким друзьям. Разве что Сумо может о чем-то догадываться, так как иногда помогает мне с добыванием информации.

В моем блокноте накопилось уже несколько десятков их портретов. Гладко выбритый остроносый череп Акселя. Похожая на мордочку мопса физиономия Тима с приплюснутым носом и вечно поднятыми вверх бровями. А также массивная харя Сумо с округлыми щеками, покатым лбом и тяжелым подбородком.

Я обзавелся друзьями «своего круга» специально, чтобы не выглядеть социопатом. Тяги к общению я не испытывал никогда: слишком мало общего видел между собой и окружающими меня людьми. Все они пытались как-то выделиться из толпы. Я же, наоборот, наслаждался своей безликостью, позволявшей мне быть внимательным наблюдателем. Через несколько лет, уже после воссоединения с Хароном, эти друзья пригодились. Проверяльщики из разных компаний и государственных органов обнаруживали меня окруженным оптимистичными балбесами и записывали в свои отчеты «стабильные отношения с небольшим

кругом друзей, социально адаптирован». Именно Сумо придавал моей компании реализма, время от времени отвлекая на себя внимание ищеек. Особенно тех, что работали на копов. Что мне и требовалось: оставаться на виду и быть невидимым – залог успеха корпоративного шпиона.

Итак, вечер покера по вторникам – эта традиция появилась у нас года три назад. Правда, все чаще мы откладывали карты и развлекались игрой в «верю – не верю». Правила простые: рассказываешь историю, которая произошла с тобой за последнюю неделю – в действительности или в твоем воображении, – а остальные пытаются угадать, было ли это на самом деле. Кто угадывает реже других, оплачивает обед. В прошлый раз эта привилегия выпала мне, но чаще всего раскошеливаться приходится Тиму – слишком уж он мнительный.

Сегодня первым свою историю нам рассказывает Аксель. Все его россказни похожи одна на другую, словно эпизоды сериала. Стандартная локация – примерочная кабинка бутика, действующие лица – безбашенные телочки. В этот раз речь пошла об одной сексапильной барышне, заявившейся на примерку со свеженакрашенными ногтями. Акселю, который в это время удачно оказался в торговом зале, пришлось зайти с ней в примерочную кабинку, чтобы собственноручно раздеть клиентку, натянуть на нее облегающее платье, а затем снова раздеть и одеть. Также в этой истории присутствовал скоростной минет, которым модница отблагодарила за оказанное ей внимание. По выражению лиц слушателей я понял, что все, как и я, сомневаются в достоверности этого эпизода. Мы пишем свои варианты – «верю» или «не верю» – на салфетках и передаем их Акселю. Согласно правилам игры, правильный ответ мы узнаем, когда все участники расскажут свои истории.

Тим решил поведать нам о том, как он организовывал приезд известного японского диджея, в райдере которого, помимо стандартных пунктов, значился целый арсенал интимных игрушек, набор стимуляторов, наручники (обязательно настоящие), две девственницы и секс-робот. С большей частью набора у Тима все прошло гладко. Он даже сумел купить наручники у знакомого копа и арендовать секс-робота по имени Лили. А вот с девственницами пришлось повозиться. Как выяснилось, невинные девушки вовсе не горят желанием заниматься проституцией, даже если в качестве клиента выступает всемирно известный диджей. Только через знакомого владельца модельного агентства Тиму удалось решить эту проблему.

После медицинского освидетельствования миловидные

девственницы были доставлены в номер японца перед его выступлением в клубе. И вдруг на выступление диджей не является, на звонки не отвечает. Когда Тим проник к нему в номер, то обнаружил, что японца приковали к батарее. Девственницы же исчезли вместе с личными вещами диджея, его деньгами и даже секс-роботом. Моему другу лично пришлось распиливать наручники с помощью ножовки, а украденные вещи вернуть так и не удалось. Разве что Лили была обнаружена на следующий день благодаря ее GPS-передатчику – валялась на недостроенной станции наземного метро, предлагая бомжам секс за деньги.

Слово берет Сумо. Он рассказывает нам историю, как закупил у одного барыги крупную партию VR-шлемов, и все они оказались нерабочими. Когда Сумо удалось вычислить адрес барыги, он вместе со своим помощником заявился туда в отсутствие хозяина и обнаружил там целый склад бытовой техники. Они вынесли оттуда все самое ценное, включая один гаджет, назначение которого Сумо долго не мог разгадать. По его словам, это была круглая штука размером с яблоко, с небольшим отверстием с одной стороны и единственной кнопкой с другой.

Новый хозяин гаджета подозревал в нем и зажигалку, и продвинутую точилку для карандашей, и ароматизатор воздуха. И вот однажды он отважился засунуть в отверстие палец, одновременно нажав на кнопку. Его как будто током ударило! В одно мгновение в голове у Сумо пронеслись все самые приятные мгновения, которые были в его жизни. Все это длилось не больше тридцати секунд, и в какой-то момент ему даже показалось, будто он умирает или уже умер. Сумо попробовал активировать этот гаджет снова, но тот не подавал признаков жизни. То ли батарейка села, то ли картридж закончился. А когда он вскрыл эту штуку с помощью ножа, из нее высыпалась лишь горстка черного песка – ни проводов, ни микросхем, ничего.

Пришла моя очередь рассказывать удивительную историю. Я поведал друзьям о своем собеседовании с участием богов и применением сильнодействующего наркотика. Естественно, название корпорации и обстоятельства, предшествовавшие этому экзамену, я утаил. Неудивительно, что моей истории, судя по надписям на салфетках, никто не поверил – как и истории Акселя. Что касается похищенного секс-робота, то «верю» сказали мы с Сумо, но Тим признался, что он выдумал все от начала до конца. А вот истории про удивительный гаджет поверил я один, и каково же было удивление моих друзей, когда Сумо начал клясться, что все это было на самом деле. Он так и не сумел убедить в своей честности Тима и Акселя, с которыми в итоге

разделил счет за обед.

Когда мы вышли из ресторанчика, Аксель с Тимом поймали такси, а Сумо стал дожидаться, пока его подберет один из его дружков. Я возился с навигатором, как вдруг он подошел к моей машине и жестом показал, чтобы я опустил боковое стекло.

– Слушай, я ведь рассказал чистую правду. Хочешь, покажу тебе как-нибудь, что осталось от этого шара?

– Я верю, дружище. Я ведь так и проголосовал – не помнишь?

– Спасибо, братуха. Для меня это важно. Кстати, как тебе информация, которую я тебе сбросил? Пригодилась?

Искренне благодарю его за помощь, на что Сумо отвечает, что лучше бы мне не связываться с этим Гаади – про него и его окружение говорят, что они те еще людоеды, требующие полного подчинения. Я киваю и отъезжаю от ресторана. Успеваю увидеть в зеркале, как рядом с Сумо останавливается огромный черный джип, и толстяк исчезает на заднем сиденье, помахав мне на прощание рукой. Поздно, дружище, я уже влез в это дело по уши.

0014

Следующий день в «Транс-Реалити» я провожу в изучении множества скучных циркуляров и должностных инструкций, а также подписании целой пачки договоров о неразглашении. Ближе к вечеру, перед вечеринкой у Марка, звоню своей ниндзя-проститутке – мотоциклистке Линн. Она приезжает через полчаса – будто ждала моего звонка. Быстрый секс. Очень быстрый.

Рассказав ей про Марка и про вечеринку, предлагаю отправиться туда вместе, а поскольку я намерен напиться, решаем ехать на ее мотоцикле. Перед выездом я закидываюсь двумя таблетками – одна от стресса, вторая для концентрации внимания: интересно, как они сработают вместе.

Марк живет на другом конце города, на улице Эмеральд Хилл – район с роскошными резиденциями и живописными особняками. Мы добираемся туда очень быстро – то ли из-за скоростного вождения моей подруги, то ли потому, что из-за таблеток начинает сворачиваться пространство и время. Линн глушит мотор перед высокими воротами, и к нам выходит охранник, которому я сообщаю, что мы приехали в гости к Марку. В списке оказывается только мое имя. Мы ждем.

Спустя какое-то время перед нами появляется хозяин вечеринки. Он одет в расхристанную яркую рубаху, льняные брюки и сандалии. Волосы его растрепаны, щеки перемазаны губной помадой, а в руке он держит бокал с шампанским. Я знакомлю Марка с Линн, которая уже успела снять шлем, но по-прежнему восседает в седле мотоцикла.

– Послушай, Золтан, тут такое дело… – произносит Марк. – Забыл тебе сказать: вечеринка только для сотрудников.

Я не успеваю ничего ответить – меня опережает Линн:

– Нет проблем. Я заеду за тобой попозже, Зет.

Она отчаливает, а мы с Марком проходим за ворота.

– Твоя подружка не обиделась? – спрашивает он.

– Ее сложно обидеть.

Как для ассистента креативного директора мой новый приятель устроился нехило. Просторная ухоженная территория, двухэтажный особняк с лаконичным фасадом в скандинавском стиле. Возле него – большой квадратный бассейн, у которого тусуются человек тридцать гостей. Узнаю пару знакомых: толстого Фо Ци из Финансового департамента, развалившегося в шезлонге, и главного юриста корпорации, Августу, которая, заметив меня, многозначительно подмигивает поверх своего бокала. Ни Рамбана, ни Гаади среди гостей я не нахожу. Марк

удаляется, чтобы налить мне выпить, и благополучно забывает про меня, разговорившись с двумя девчонками в ярких платьях. Завладев бутылкой виски, оставленной на столике неподалеку, наполняю бокал до краев. После этого принимаюсь разглядывать компанию, пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания.

Компашка возле бассейна собралась довольно разношерстная: и солидные мужчины, и дамочки в возрасте, и офисные старлетки, и молодые карьеристы. Несмотря на различия в возрасте и внешности, все участники тусовки как будто слеплены из одного теста – сходства в них куда больше, чем различий. Одинаковые выражения лиц, манера держаться, жестикулировать… Неужели работа в одной корпорации способна наложить такой отпечаток? Ждет ли меня такое же форматирование? Пока я размышляю об этом, успеваю прикончить первый бокал. В тот момент, когда наливаю второй, ко мне подкатывает Августа Юстас.

– Разглядываешь публику? – интересуется она.

– Ну да, нам ведь вместе работать… Я надеюсь.

– Еще насмотришься, – говорит Августа, поправляя колье с бриллиантовым католическим крестиком.

Этот жест должен привлечь мое внимание к ее декольте – так, собственно, и выходит. Главе Юридического департамента хорошо за сорок, но сразу видно, что она следит за собой. К тому же вне офисной обстановки она кажется мне куда более привлекательной. Словно почувствовав исходящие от меня флюиды, дама берет меня под руку, и мы совершаем рандеву вокруг бассейна.

– Золтан, ты бы, наверное, хотел, чтобы я познакомила тебя со всеми? Раз уж Марк этого не сделал, – говорит она.

– Предпочитаю не торопить события, следуя вашему совету.

– Но с господином Фо, полагаю, ты уже виделся?

– Привет, Золтан! – Китаец делает вид, что собирается подняться с шезлонга, но, конечно же, остается на месте.

– Фо – истинный буддист, – шепотом сообщает Августа. – Вообще в корпорации лояльно относятся к различным вероисповеданиям.

– Это я уже понял. – Я вспоминаю граффити с изображением божественных посиделок, увиденное мною на стене митинг-рума.

– Мистер Ци – экономист от бога, – продолжает моя спутница. – В Китае ему прочили пост министра экономики, но наш друг предпочел банковскую сферу. А когда партия попыталась отжать его многомиллионный бизнес, он был вынужден бежать в свободную зону Сингапура, а тут и

подвернулось предложение от Саула. Я слышала, что он сумел вывести из страны лишь десятую часть своих активов – достаточно, чтобы стать ключевым акционером, а всем остальным поживились партийные бонзы.

– А Игги Бьольверк тоже здесь, на вечеринке? – поинтересовался я.

– Нет, наш Игги избегает светских сборищ, – усмехнулась Августа. – К слову, ты знаком с его историей?

Отрицательно качаю головой.

– Он служил специалистом по госпереворотам в европейских спецслужбах, а затем погорел на каком-то африканском проекте, – сообщает моя спутница. – Но потом стало известно, что он работал не только со спецслужбами, но и с частными клиентами. Так что репутация у Игги теперь такая, что лучше ему из Сингапура не выезжать. Всюду – и в Европе, и в Азии, и в Америке – его с радостью засадили бы лет на сто.

– Интересно! Получается господин Гаади собрал в совете акционеров корпорации «падших ангелов»? – решил я ее спровоцировать.

– Думаешь, ко мне это тоже относится? – встрепенулась она. – Ну ты наглец, Золтан! Хотя, знаешь, в твоих словах есть доля истины.

В этот момент к нам подруливает Марк, который выглядит еще более растрепанным, чем раньше.

– Августа, вы не против, если я на время похищу вашего спутника? Хочу показать ему дом.

– Только не забудь вернуть его, – прежде чем отпустить мое запястье, дама довольно сильно сжимает его.

Дом Марка внутри оказывается таким же привлекательным, как и снаружи: много света, просторные комнаты, белые стены, завешанные крупноформатными черно-белыми фото, в основном – эстетское ню.

– Давно купил этот дворец? – интересуюсь я, пока мы поднимаемся по лестнице.

– Что ты, это не мой дом. Корпорация арендовала его для вечеринок, и мне, как главному пати-мейкеру, предложили здесь жить. Вижу, ты время зря не теряешь, приятель. Что интересного узнал от Августы?

– Ничего конкретного, – уклончиво отвечаю я.

В это время Марк замечает темно-синий кабриолет, заезжающий на территорию резиденции. За рулем сидит загорелая шатенка в белой блузке – ее лица отсюда я разглядеть не могу.

– Это Катрин, – поспешно произносит он, убегая с террасы. –

Я должен ее встретить.

Оставшись один, я допиваю свой виски и продолжаю наблюдать за тем, что происходит внизу. С появлением шатенки публика заметно оживляется. Многие покидают насиженные места, чтобы поздороваться с ней, другие просто приветливо машут рукой с другой стороны бассейна. Если с кем-то на этой вечеринке и нужно обязательно познакомиться, то именно с этой девушкой. За считаные секунды она стала буквально центром внимания.

– Вот ты где, Золтан! – слышу я голос Августы у себя за спиной. – На кого ты там засмотрелся?

– Кто это? – киваю на девушку. – Какая-то знаменитость?

– Можно и так сказать. Дочку Саула не часто можно увидеть на вечеринках. Так что любуйся, пока есть возможность.

Госпожа Юстас, судя по блеску ее глаз, уже успела основательно накидаться. Впрочем, и я уже навеселе. Она облокачивается на ограждение так, чтобы максимально приоткрыть свою грудь.

– Золтан, милый, ты должен кое-что узнать о принципах корпорации.

– Что же, Августа?

– Здесь поощряются дружеские отношения между сотрудниками, – с этими словами похотливая дама кладет руку на мою ширинку, и я с удивлением замечаю, что мой член успел налиться кровью.

Мы вышли из дома к бассейну – сначала я, через пару минут Августа. Катрин среди гостей не было, но судя по кабриолету на парковке, она по-прежнему здесь. Тем временем вечеринка успела набрать обороты: музыка звучала громче и бодрее, по периметру бассейна зажгли факелы, а часть гостей уже вовсю плясала с бокалами в руках. Многие резвились в воде – кто в купальных нарядах, а кто и в одежде. В центре бассейна подобно небольшому острову зависал Фо Ци, одаривая всех окружающих своей благосклонной улыбкой, и стайка юных сотрудниц в бикини льнула к его колышущимся на воде телесам. Кто-то наполнил мой бокал виски, и я, вместо того чтобы сказать «мне хватит», разделался с напитком тремя глотками.

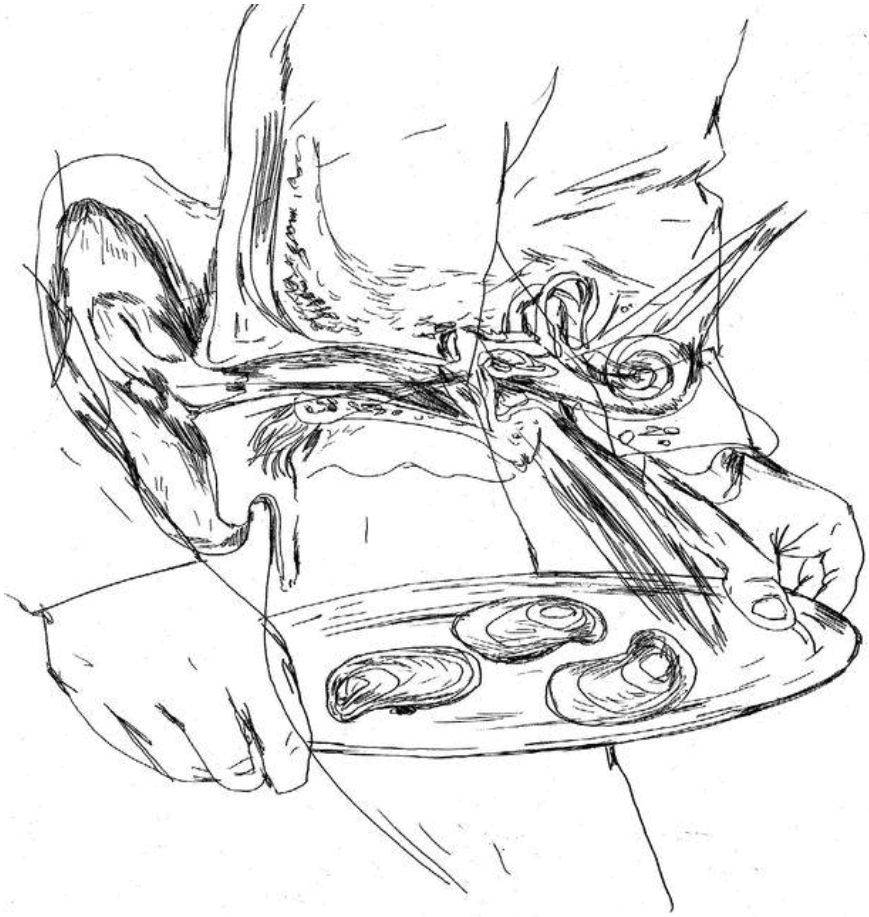
Таблетки, алкоголь, оглушающая музыка – на мгновение мне показалось, что я теряю контроль над своим телом, и чтобы не свалиться в бассейн, присаживаюсь в надувное кресло. «Надо бы вызвать Линн», – подумал я, но не успел достать из кармана телефон: Марк, взобравшись на один из столов, привлек внимание всех присутствующих криком «Эй, народ!». С микрофоном в одной руке и бокалом вина в другой он принялся

вещать:

– Я решил взять слово вовсе не для того, чтобы указать вам на дверь, – в ответ раздается дружный смех. – Вечеринка не заканчивается – скорее наоборот. Как вы знаете, нашего босса, Саула Гаади, редко можно заметить на подобных сборищах. Не потому, что его раздражает наше общество, – снова смех, – а в силу его напряженного графика. Однако Саул попросил меня передать вам привет и пожелание оторваться по полной, – аплодисменты, крики «йеее!» и «ура!». – Но это еще не все, дорогие друзья! Господин Гаади приготовил специальный подарок для каждого из вас! – слово «каждого» Марк выделил особым образом. – Думаю, все вы догадываетесь, о чем речь… Итак, внимание на экран!

Толпа вновь зааплодировала, а я принялся искать глазами экран, о котором шла речь. Спустя минуту я заметил движение на фасаде дома: из-под карниза появились металлические панели, излучающие мелкую водяную пыль. Спиной к экрану и лицом к беснующейся от восторга публике, стоит дочь Гаади Катрин – невозмутимая и слегка отстраненная. На этот раз мне удалось рассмотреть ее: смуглая кожа, миндалевидные карие глаза, четко очерченные губы – восточная красота высшей пробы. Она скрестила руки перед собой, отчего ее идеально круглые груди под белоснежной блузкой слегка приподнялись. На указательном пальце мерцает крупный золотой перстень с темным камнем, в котором отражается огонь факела, стоявшего неподалеку. На мгновение наши взгляды встречаются, и мне кажется, будто она совсем не удивлена тому, что я столь неприкрыто разглядываю ее, как будто мы с ней уже были знакомы, и знакомы давно. Едва заметно кивнув мне, она отводит глаза, а я слышу обращенные ко мне слова официанта:

– Специальное угощение! – В руке он держит поднос с россыпью небольших разноцветных девайсов, похожих на ракушки, – на каждой из них вытеснен логотип «Транс-Реалити».



– Пожалуй, воздержусь.

– Это от господина Гаади, – уточняет официант, приподняв бровь.

Приходится принять «угощение» – к тому же я замечаю, что все остальные гости уже сделали это. Подсматриваю, как они вставляют ракушку в ухо и устраиваются поудобнее. Я предполагаю, что это какой-то девайс для массовых аудиотрансляций. Устанавливаю его в ухо и пытаюсь расслабиться, как и все окружающие.

Голографический фильм, трансляция которого начинается в следующее мгновение, открывается уже знакомым мне логотипом «Транс-Реалити»: буква «Т» с расходящимися в стороны лучами. Когда свечение заполняет весь экран, звучит мужской голос:

– Скоро. Скоро ты получишь то, о чем молился. То, чего всегда желала твоя душа.

Сквозь пятна света начинают проступать абстрактные фигуры, которые, вращаясь, устраивают психоделический

хоровод.

– Ты мечтаешь о рае? Но каким он будет и когда наступит? И наступит ли вообще? Готов ли ты ждать, не зная, получишь ли то, чего ждешь?

Пытаюсь представить человека, произносящего эти слова, но мне это не удается.

– С помощью технологий мы создаем новую реальность – мир, наполненный счастьем. Твой мир. Твои правила. Твой рай. Такой, какой ты сам пожелаешь…

Пока что звучит забавно. Голографические картинки мелькают с увеличивающейся частотой – словно случайный набор визуальных обрывков, похожих на сюжеты карт таро. Два ворона, сцепившихся крыльями друг с другом, чаши весов, установленные на острие меча, алый веер с золотыми персиками, изображенными на нем, молния, бьющая в вековой дуб. И вдруг мерцание прекращается – символы, словно фрагменты пазла, складываются в изображение мужского лица. Я едва успеваю его разглядеть, отметив только восточные черты и пронзительный взгляд. Саул Гаади?

* * *

– Времени не существует. Есть лишь единый бесконечный момент бытия. Стоит лишь осознать это – и ты постигнешь вечность.

Голос доносится до меня с близкого расстояния, сопровождаемый потрескиванием костра. Я вздыхаю от неожиданности. Я больше не на вечеринке! Над черно-синим озером, окруженным белоснежными горами, сгущаются сумерки, а я сижу среди фигур в темных балахонах, окруживших костер. Мужчина, которого я принял за Гаади, сидит напротив и смотрит на меня в упор. Человек слева подает мне чашу с темным напитком, и я делаю глоток. Отмечаю, что у меня почему-то смуглые руки. Кто я? Голос Старейшины – а я почему-то уверен, что его следует называть именно так – обволакивает мое сознание.

– Однажды в Боливии я захотел добраться до озера Титикака. Невероятное место силы, подобное этому. И тут я обнаружил, что местные жители не знают, что такое «*время*». Я спросил у местного инка-пастуха, как долго добираться до озера.

Мир вокруг меня опять меняется. Я вижу низкорослого пастуха, который вытаращил на меня глаза, пока я стараюсь растолковать ему свой вопрос. Он меня не понимает и только

улыбается. И тут я вспоминаю, что за всю неделю пребывания в этих местах ни у кого не видел часов. Тогда я прошу его показать мне, где будет находиться солнце, когда я дойду до озера. Пастух указывает точку на небе. Я прикидываю, что идти где-то три часа.

– На самом деле озеро скрывалось за ближайшей рощей, в пятнадцати минутах ходьбы. Когда я повстречал пастуха на следующий день и спросил, почему он обманул меня, тот объяснил мне, что когда сам идет к озеру, встречает знакомых, болтает с соседями, обедает на траве, разговаривает с птицами… Все, к чему мы стремимся, для него не имеет значения.

Лицо Старейшины вновь проникает в поле моего зрения, и озеро Титикака сливается с озером в Пакистане (почему-то я уверен, что это именно Пакистан). Два мира наслаиваются друг на друга. Переплетаются…

– Этот пастух был счастлив. И ты можешь быть счастлив и сделать счастливыми всех вокруг. Ты должен познать вечность и раскрыть ее для других. Для этой миссии ты получишь драгоценный дар, брат наш. Готов ли ты? – спрашивает меня Старейшина.

Я чувствую сильное волнение. Именно к этому моменту я готовился всю жизнь. Старейшина встает, удаляется в неизвестном направлении, а затем возвращается в сопровождении женской фигуры в таком же балахоне, как и мы все.

Мое братство, окружившее костер, начинает тихо напевать. Девушка скидывает капюшон, и я вижу, что ее лицо впитало красоту всего мира. Кто она?

0015

Прихожу в себя дома, лежа на кровати, с тяжелой головой и жутким вкусом во рту. Надо мной стоит Линн со стаканом воды в руке.

– Хочешь пить? – спрашивает она.

Словно пес, жадно лакаю воду, пытаясь понять, который сейчас час – окна в квартире зашторены.

– Девять часов утра, – отвечает Линн на мой вопрос. – Четверг.

Пытаюсь вспомнить, что было между вчерашним просмотром ролика и сегодняшним пробуждением. Удается восстановить только обрывок видения: красивая молодая женщина, которая скидывает одежду в степном шатре, улыбается мне, что-то говорит почему-то по-французски. Стоит закрыть глаза, и я вновь ощущаю нежное прикосновение ее рук. Кажется, даже чувствую ее дыхание, овевающее мое лицо. Что же это было? И почему мне кажется, что я давно ее знаю? Готов поклясться, что это была Катрин, только со светлыми волосами.

Пока размышляю над этим, Линн приносит мне кофе. По ее словам, прошлой ночью Марк позвонил ей с моего телефона и попросил забрать меня. Когда она заехала за мной, я был немногословен и погружен в себя, а оказавшись дома, тут же уснул, чтобы проспать до утра.

Тянусь к телефону и к неописуемой радости обнаруживаю сообщение:

«Привет! Надеюсь, ты круто оттянулся вчера на вечеринке!))) Отдел кадров на этой неделе подготовит твое личное дело. Ждем тебя в понедельник. Позвоню завтра. Марк».

Как нельзя кстати! День отходняка – как раз то, что мне нужно. Интересно, незапланированный отгул предоставлен всем сотрудникам? Мы заказываем еду из вьетнамского ресторана, пробуем заняться сексом, но мой член вял, как морской огурец.

– Вот что бывает, когда мешаешь мои таблетки с выпивкой, – отмечает Линн.

Лежа в кровати, мы болтаем о том о сем. Я вдруг понимаю, что почти ничего не знаю об этой девушке, которую с такой легкостью впустил в свою жизнь и свою постель. Линн отвечает на мои вопросы спокойно и кратко, но ее саму, похоже, обстоятельства моей прошлой жизни не интересуют – все, что ей

нужно было, она знала от Харона, а остальное ее не беспокоило.

– Слушай, Линн, спрошу напрямую… Ты вообще кто? Ну, в смысле по отношению ко мне. Доктор, телохранитель, водитель, фармацефт, ассистент? Как Харон обозначил твою функцию, если не секрет?

– Не важно. Он попросил, чтобы я присмотрела за тобой. Упомянул, что ты талантлив, но импульсивен.

– Значит, ты должна сдерживать мои импульсы?

– Скорее направлять их в конструктивное русло.

– И как считаешь, ты с этим справляешься?

– Раз ты жив и работоспособен – то да.

Линн лежала на животе, а я разглядывал ее татуированную спину и плечи. «Что означают твои татуировки?» – это самый бредовый вопрос, который только можно задать, но один из рисунков привлек мое внимание, так что я не удержался.

– Это что? – Я коснулся пальцем ее левой лопатки.

Цветная татуировка изображала Иисуса, прибивающего себя к кресту. Он уже прибил ноги и левую руку, в правой держал молоток, а в зубах сжимал пару гвоздей. Непонятно, как он собирался в одиночку завершить начатое – разве что благодаря божественной силе. Не нужно было долго вглядываться, чтобы заметить: татуировка прикрывает крестообразный шрам размером с сигаретную пачку.

– Старая история, – произносит Линн, и я решаю, что на этом все, но она продолжает: – Один урод оставил эту отметину. Я про шрам, а не про татуировку.

– Да, я понял. А кем он тебе приходился?

– Мужем.

– Вот как… Ты была замужем?

– Очень давно. А ты? Был женат?

– Ты же знаешь, что нет.

– Да, знаю…

– А что с ним теперь?

– Он умер три года назад. Его убили.

– Это как-то связано с тобой?

Она лишь пожимает плечами. Какое-то время мы молчим, пока она не спрашивает:

– А у тебя есть сожаления о прошлом? Случалось в твоей жизни что-то, что ты бы хотел отменить?

Я пожимаю плечами:

– Разве что один день, без которого все было бы гораздо проще.

– Что за день?

– День своего рождения.

Линн усмехается, но тут же понимает, что я не шутил. Она проводит рукой по моей груди.

– Тебя что-то мучает? Родители, несчастная любовь?

– Нет. В этом-то и проблема.

Теперь уже она ведет себя «как девчонка», думаю я. Довольно странно как для холодной томбой-девицы, какой она поначалу была. Мне неловко от этого, решаю поменять тему:

– Откуда ты знаешь старика?

– Мы познакомились пару лет назад. Я тогда работала в эскорт-сервисе.

Всего пару лет? Чувствую укол ревности.

– Эскорт-сервис… Это что-то вроде элитной проституции? – подкалываю я.

– Не совсем. Я не спала с клиентами – кроме особых случаев. Так же, как и ты, – парирует она.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– И что, Харон тоже был твоим клиентом?

– Иди ты! Нет, конечно. Мы познакомились на званом ужине, куда я пришла с одним типом, а тот оказался знакомым Харона. Перекинулись парой слов. Через неделю он нашел меня и предложил работу.

– Чем же ты его так зацепила?

– Не знаю, наверно, он хорошо разбирается в людях. В тебе ведь он тоже что-то заметил.

– И что же он заметил, по-твоему?

– Ты прирожденный игрок, Зет. Все, что ты делаешь, ты делаешь не ради денег – точнее, не только ради них. Тебе нравится рисковать, блефовать, передергивать карты, принимать чужие личины… Поэтому ты здесь, а не в Пасадене. И у тебя нет привязанностей. Я не говорю, что это плохо. Напротив, это очень удобно в нашей работе. Ты одиночка. Вот в этом мы даже похожи с тобой – мне тоже не нужны друзья и привязанности.

– Я заметил.

– А зачем они? Лишний якорь, потеря мобильности. Да и вообще…

– Мне кажется, что это начало прекрасной дружбы, – отвечаю я фразой из фильма. Но Линн, похоже, этот фильм не смотрела.

– Думаю, наши отношения практичнее, чем дружба, – усмехается она. – Ты так не считаешь?

– К слову о друзьях… есть у меня один. – Я опускаю ее руку к своему паху. – И он, кажется, уже пришел в себя!

В следующую минуту мы уже занимаемся тем, что получается у нас гораздо лучше разговоров.

0016

На следующий день, в пятницу, уже после полудня, я просыпаюсь от телефонного звонка. Еле продрав глаза, нашариваю телефон, одновременно обнаружив, что Линн исчезла. Звонит Марк – хочет заскочить ко мне. Интересно, что ему нужно? Осведомиться о том, как я себя чувствую после вечеринки, или что-то еще? Я даже не успел толком одеться, как Марк уже позвонил в дверь.

– Чем закончилась вечеринка? – интересуюсь я, когда мой гость, осмотрев квартиру, уселся в кресло с чашкой кофе в руках. – Кажется, я чуток перебрал у тебя.

– Ага, отключился в кресле у бассейна. Как тебе подарок Саула?

– Честно говоря, я не понял, что это было. Какой-то странный фильм… Знаешь, у меня от этого мелькания кадров возникло что-то вроде галлюцинации.

– Да что ты? – Марк демонстрирует удивление.

– Может, расскажешь, что это было? Или мне нужно сходить к психиатру?

– К психиатру можешь пока не спешить, – улыбается Марк. – К тому же в корпорации работают прекрасные специалисты, их услуги – часть твоего соцпакета.

Затем мы обсуждаем Августу, поскольку основное время на вечеринке я провел именно с ней. Марк соглашается с тем, что глава Юридического департамента – «довольно милая дама» (моя формулировка), но предупреждает, чтобы я с ней был поосторожнее, а то она меня трахнет (опоздал, Марк).

– Эта милая дама в свое время и мне проходу не давала, – сообщает он. – Она не только сластолюбива, но еще довольно мстительна и злопамятна.

– У вас с ней что-то было?

– А сам-то как думаешь?

– Честно говоря, я думал, что женщины тебя не интересуют.

– Золтан, открою тебе тайну: женщины меня *иногда* тоже интересуют. Но не такие, как Августа. Ну да ладно, я ведь зашел к тебе не для того, чтобы потрепаться про телочек. Нам нужно поговорить о работе. Сегодня утром я разговаривал с Паоло, и речь зашла о тебе…

По словам Марка, Рамбан хочет, чтобы я как можно скорее разобрался в деятельности корпорации. Для этого мне предстоит пройти небольшую стажировку в разных департаментах – по неделе в каждом, под непосредственным руководством глав

отделов. Начать я должен с понедельника – с отдела по подбору персонала. Через неделю – Департамент безопасности и так далее.

– Я сам это тоже проходил, – признается Марк. – Было непросто, но, как видишь, остался жив.

Незаметно для него я нажимаю крошечную кнопку под кофейным столиком-экраном, включая запись разговора. Информация, которой мой гость собирался поделиться, наверняка будет интересна Харону. Однако Марк ведет речь не столько о департаментах, сколько о людях, которые их возглавляют. По его словам, все они в той или иной мере представляют для меня угрозу, но некоторые – в значительно большей степени, чем другие. А еще они терпеть друг друга не могут, но при этом старательно делают вид, что это не так. Так что мне предстоит еще та прогулка по минному полю.

– Марк, дружище, мне кажется, ты хочешь меня запугать.

– Зачем мне это? Единственное, чего я хочу, – чтобы ты не облажался, общаясь с нашими «шишками». Видишь ли, я несу за тебя ответственность – и перед Рамбаном, и перед Гаади.

Единственный из боссов, о котором не было сказано ни слова, – это Паоло Рамбан. Когда его имя всплывало в разговоре, рассказчик ловко перескакивал на другую тему, не награждая Рамбана ни комплиментом, ни колкостью. Когда его экскурс по ключевым персонам «Транс-Реалити» подошел к концу, рука Марка каким-то образом оказалась на моем колене.

– Может… – произнес он, не договаривая фразу, смысл которой был и так понятен.

– Извини, я пас, – аккуратно убрав руку гостя, на всякий случай слегка отодвигаюсь от него.

– Какие строгие нравы! – смеется Марк. – Золтан, дружище, ты словно застрял в Сингапуре своего детства.

Знал бы он о моем детстве!

– Может, в другой раз… – решаю я сгладить ситуацию.

Слишком ценный информатор – не стоит отталкивать его излишне резко. Но не настолько ценный, чтобы терпеть его руку на своем колене.

0017

Выходные я провел наиприятнейшим для меня образом – умиротворяющий Нагаркот во всю видеостену и такое же умиротворяющее чтение. К понедельнику был как новенький. Для окончательного закрепления эффекта я решил заскочить в автоцерковь, расположенную неподалеку от «Транс-Реалити», между go-go-баром «PassionFruit» и клиникой «Смена пола за час».

Стремительно растущая сеть автоцерквей пользуется особой популярностью среди вечно занятых клерков. Не нужно куда-то специально ехать – молельные капсулы уже растыканы почти на каждом углу. Также не нужно приходить на службу в определенное время – эти кабинки доступны двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Некоторые даже устанавливают молельную кабину прямо у себя дома, но по мне – это уже слишком. Я и раньше пару раз в месяц заглядывал в ближайшую обитель веры, а теперь, когда мне стало известно, что автоцеркви принадлежат «Транс-Реалити», мои визиты приобрели еще и практический интерес.

В этот раз мне хочется чего-то экзотического, и я выбираю индуистское священнодействие. В молельной кабине царит полумрак, струится аромат сандаловых благовоний, а на стенах вокруг меня мелькает череда многоруких и многоголовых богов. Я надеялся на то, что меня свяжут с моим знакомым из Калькутты, но мне достается оператор из Восточной Европы – судя по тому, как он растягивает гласные.

– Намасте, брат мой! – обращается ко мне голос из динамика. – Ты хотел бы, чтобы я почитал тебе Веды или, может, ты желал бы помолиться вместе?

– Ни то ни другое, приятель, – отвечаю я. – Мне бы хотелось просто поболтать.

– И о чем же ты хочешь поговорить, брат?

– Знаешь, в последние дни со мной случилось много всякого… И похоже, не ко всему из этого я был готов.

– Даже встречаясь с неизведанным, мы должны сохранять шанти…

– Давай обойдемся без этих назидательных штучек, – попросил я.

– Как скажешь, – согласился собеседник. – Что же с тобой стряслось?

– Я встретил женщину, о которой все время теперь думаю. Она мне даже снится.

– Это прекрасно, брат. Ты не думал о том, чтобы признаться

ей в своих чувствах?

– Мы с ней даже не знакомы. К тому же в моей жизни есть еще и другая женщина…

– Тебе не кажется, что ты растрачиваешь себя? Не лучше ли сосредоточиться на одной женщине, чтобы сделать ее счастливой?

– Мы ведь договорились – без нравоучений!

– Большинство людей приходят в нашу церковь именно за тем, что ты называешь нравоучениями.

– Только не я.

– Тогда зачем ты здесь?

– Мне просто нужно с кем-то поговорить. Обычно я заглядываю сюда случайно или если нужно собраться с мыслями перед важным делом. На этой неделе – и то и другое.

– Хочешь, я расскажу тебе индуистскую притчу?

– Только не притчу, твою мать!

– Не нужно так раздражаться, брат мой. Мне кажется, тебе недостает умиротворения. Может быть, ты хочешь предаться медитации? У тебя есть еще восемь оплаченных минут – этого времени вполне достаточно.

Отключиться от своих обычных мыслей во время медитации мне не удается. В моем воображении возникают то Катрин, то Линн, то Августа, а затем и вовсе закручивается хоровод из женщин, с которыми у меня что-то было или о которых я фантазировал. Когда у меня все же получается изгнать из головы всю эту вереницу и мне начинает казаться, что я нахожусь в нескольких шагах от просветления, сеанс заканчивается.

Молельная кабина распахивает двери и заполняется ярким светом с улицы. В этот раз я чувствую еще большее раздражение от церкви, чем в прошлый. Вроде бы церемонии проводились по правилам соответствующих конфессий, но ни умиротворения, ни прозрения они мне не принесли. Особенно после ни с чем не сравнимого опыта на вечеринке Марка. Неожиданно для себя я чувствую острое желание его повторить… Даже несмотря на то, что я все еще не понимаю, что это на самом деле.

Марк встречает меня в вестибюле офиса, чтобы вручить временный пропуск и бриф на стажировку. Быстро просматриваю его, пока мы поднимаемся в лифте и идем по коридорам. Мой новый приятель, как обычно, болтает без умолку.

– Сегодня ты начинаешь неделю в отделе кадров. Руководит им один из древнейших акционеров корпорации, Давендранат Чопра. Хочу тебя сразу предупредить. Чопра всегда обладал скверным характером, а с тех пор, как его положение пошатнулось, так и совсем озверел.

– Что значит – пошатнулось?

– Главное, что ты должен знать, – этот тип очень вспыльчив, даже агрессивен. Если хочешь, чтобы он воспринимал тебя всерьез, придется научиться правильно реагировать на его вспышки гнева. Когда начнет на тебя орать, а он начнет обязательно, ни в коем случае не тушуйся – сохраняй спокойствие. И конечно же, не вздумай орать в ответ. Ну, это и так понятно. А еще тебе нужно показать ему, что ты настоящий мужик, что в тебе есть стержень. Не бойся показаться грубоватым – для него это нормально. Не в том смысле, что ты должен хамить ему, боже упаси. Просто покажи, что ты неотесанный мужлан – такой же, как и он. Тогда все у вас получится.

– А чего он должен на меня орать?

– Поверь мне, повод найдется.

– Столько заботы, Марк, я тронут! – улыбаюсь я, но он остается серьезным.

– Это моя работа. Нам нужно, чтобы ты прошел эту стажировку, и каждый ее этап будет для тебя испытанием. Думаю, ты справишься. Главное, помни: в нашей компании ничего нельзя

воспринимать буквально.

Вспоминаю слова Паоло Рамбана: многое из того, что они здесь делают, можно выразить лишь языком метафор. Посмотрим, что он имел в виду.

Мы вошли в приемную Чопры, и Марк распахнул объятия перед секретаршей – сексапильной блондинкой слегка за тридцать, с большой силиконовой грудью. Про себя отмечаю, что ее лицо кажется мне очень знакомым. Не могу вспомнить, где я видел ее раньше – точно не в офисе корпорации.

Покачивая соблазнительными бедрами, секретарша Чопры заводит меня в кабинет своего шефа, в то время как тот разговаривает по телефону, сидя за большим дубовым столом. Он замечает меня и, не отрываясь от разговора, жестом предлагает сесть. Не найдя ничего кроме лавки, сделанной из двухметрового обрубка широкого ствола, я присаживаюсь на нее и принимаюсь разглядывать кабинет руководителя Департамента персонала, а также самого Чопру. Он говорит на языке, которого я не знаю, похожем одновременно на хинди и санскрит. Спустя минуту Чопра заметно распаляется, и в его речи начинают проскакивать интонации, в которых даже не владеющий языком человек вроде меня может опознать ругательства.

Чопра довольно высокого роста и широк в плечах – казалось, он с трудом умещается в своем немаленьком кресле. Из-за седой бороды и длинных серебристых патл было сложно определить его возраст, но уж точно не меньше пятидесяти. По желтоватым усам можно было сделать вывод, что он много курит, однако запаха табака в кабинете я не уловил. Выражение его смуглого лица оставалось неизменно суровым – возможно, из-за глубокой морщины, взбиравшейся от переносицы и делившей лоб пополам. Он одет в простую рубаху, расстегнутую на груди, а его крупные руки украшают два перстня: на правой руке – с изображением многорукого божества, на левой – с двумя перекрещенными молниями.

Внезапно Чопра, заметив, что я разглядываю его, бросает на меня свирепый взгляд – мол, чего уставился? Я вынужден переключить внимание на стену за его спиной, где красуется коллекция древних амулетов – костяных, деревянных и высеченных из камня. В углу – и я едва поверил своим глазам, настолько неуместен он был в офисном кабинете, – разместился запачканный пеплом алтарь бога Шивы. Под ним лежал барабан, труба из бычьего рога, еще какие-то мирные предметы вроде сосуда для воды, серебристых тапочек и колокола. Еще я заметил четки из костяшек человеческих пальцев и запачканную бурыми пятнами чашу, в которой было несложно узнать верхушку черепа.

– Это ты – Золтан? – завершив телефонный разговор, Чопра обращает взгляд на меня.

С трудом оторвав глаза от алтаря, поднимаюсь с неудобной скамьи, ожидая, что он протянет мне руку. Этого не происходит, и я усаживаюсь обратно.

– Рамбан сказал, что тебя вне очереди допустили до стажировки, – ворчит он. – Сразу хочу сказать: я не в восторге от этой идеи.

– Почему бы вам не обсудить это с мистером Рамбаном? – предлагаю я, тут же замечая, как его глаза наливаются кровью.

– Ну, давай, поучи меня еще, что и с кем мне обсуждать!

– Простите, но я…

– Ты знаешь, сколько я видел таких сопляков, как ты? – Он переходит на крик. – Думаешь, ты новая звезда компании и тебе все можно? Я таких, как ты, еще с десяток найду, хоть сегодня!

Вспомнив о совете Марка, я развалился в кресле, сложив руки за головой, будто никуда не собираюсь уходить. Спокойно смотрю ему в глаза.

– Господин Чопра, давайте оставаться в рамках корпоративной этики. У вас есть ко мне вопросы или поручения?

Чопра с минуту смотрит на меня, громко сопя и пожевывая ус, словно решает, прибить меня массивным пресс-папье или выбросить из окна.

– Как по мне, так все вы – жалкие сопляки и потеря времени! – ворчит он. – Чтобы тут работать, нужны стальные яйца. У тебя они есть, *ганду*? Вот что я хотел бы знать!

Я все так же смотрю на него в упор, но доброжелательно, ожидая очередного взрыва или другой выходки. Что-то пробормотав про себя, он поднимается со своего места и, тяжело ступая, идет к двери. Распахивает ее и орет на всю приемную:

– Дженна! Покажи этому *чуттия*, что тут у нас к чему! И проследи, чтобы не совал нос куда не следует!

Дженна появляется в дверях, прижимая к груди планшет с уже знакомым логотипом компании, и одаривает меня соблазнительной улыбкой, будто не замечая, до чего разъярен ее босс. Меня в ней это сразу подкупает.

– Итак, Золтан, вы готовы? Экскурсия начинается! – бодрым голосом произносит она. – Следуйте за мной!

– И не дурить там! Кожу сдеру! – добавляет Чопра, провожая меня взглядом – к моему удивлению, гораздо менее свирепым, чем в начале.

Кажется, мне удалось внушить ему какое-то уважение. Помимо этого, можно было бы сказать, что наше общение было непродуктивным. Если бы минутой раньше я не успел сделать

бросок к столу и сфотографировать лежавшую там распечатку.

0018

Во время обследования пятнадцатого этажа, где размещался Департамент персонала, я узнал, что все претенденты перед приемом на работу в «Транс-Реалити» без исключения проходят трехступенчатый тест по системе «ЗС», технология которого разработана лично Давендранатом Чопрой. Сначала Дженна завела меня в небольшую комнатку, похожую на кладовку. Это помещение прозрачной стеной было отделено от просторного зала, где пятеро клерков за маленькими столиками проводили собеседование с пятерыми соискателями на должность.

– Они нас не видят, верно? – спрашиваю я, слегка постучав по стеклянной стене.

– Зато мы можем их и видеть, и слышать. В каждый стол встроен микрофон, – Дженна протянула руку к пульту на стене, и наша комнатка наполнилась голосами.

Это была беседа клерка лет двадцати пяти и пришедшей на собеседование девушки примерно такого же возраста.

– Представьте себе ситуацию: в офисном здании одновременно падают три кабины лифтов, – монотонным голосом бубнил клерк. – Вы следите за происходящим на мониторах. В одной кабине находится ваш близкий друг, в другой – трехлетний ребенок, а в третьей – щенок лабрадора. Вы успеете дотянуться лишь до одного рычага, чтобы остановить падение одной из кабин. Кого вы спасете?

– Ребенка, – не раздумывая, ответила девушка.

– А вас не удивляет, что пятилетний ребенок очутился в кабине офисного лифта без сопровождающих?

– Я об этом не подумала… Может, его привели родители, а он забежал в лифт?

– Но вы должны понимать, что все современные лифты не трогаются с места, если не ощущают массу тела взрослого человека.

– Я думала, это условие задачи…

– Но никто не говорил вам, что вы не можете сомневаться в этих условиях. Я уж молчу о том, откуда в офисном центре взялся щенок лабрадора…

– Тогда, пожалуй, я спасла бы своего друга.

– Мне очень жаль, но ваш друг уже разбился, пока мы тут беседовали о детях и щенках.

Дженна выключила звук.

– Это первая из ступеней теста «ЗС» – Спикинг-Тест, – объяснила она. – Цель спикинг-теста – выявить у претендента

склонность к критическому мышлению и…

– …любовь к щенкам?

– Уровень эмпатии. Мы анализируем, насколько одно мешает другому.

– Эмпатия вообще непрактичная вещь.

– На некоторых позициях в нашей компании она может быть гораздо полезнее критического мышления. Пройдем дальше.

Мы долго идем по коридору без окон, прежде чем оказываемся в очередном кабинете с прозрачной стеной. На этот раз просторный зал за стеклом напоминает учебную аудиторию: две дюжины столов, за каждым из которых – по соискателю. Все они что-то сосредоточенно печатают на мониторах, интегрированных в рабочие столы.

– Вторая ступень «ЗС» – Стресс-Тест. Соискателям дается письменное задание из пятидесяти вопросов, на которые нужно ответить в течение получаса.

– А в чем стресс?

– Сейчас увидишь.

Дженна нажимает пару кнопок на встроенной в стену панели, и людей обдает струями воды из-под потолка. Те вздрагивают, затем поспешно отряхиваются, но продолжают печатать.

– У них что, водостойкие гаджеты?

– Совершенно верно. Смотри, что будет теперь.

Она нажимает еще какую-то кнопку, и одна из девушек подскакивает на месте так, что клавиатура вылетает у нее из рук.

– Разряд тока, – объясняет Дженна. – А теперь попробуем посильнее.

На этот раз она шарахает током парня, который сидел в первом ряду. Из-за лужи воды вокруг его стола током бьет и тех, кто сидит поблизости.

– А какие есть еще факторы стресса? – любопытствую я, пытаясь скрыть легкую оторопь от происходящего. Дженне же, кажется, все это даже нравится.

– Можно напустить едкий дым, можно использовать неприятные шумы и вибрацию столов. И разумеется, можно регулировать температуру – сделать из аудитории сауну или холодильник. Что бы ты выбрал, Золтан?

– А можно использовать несколько функций сразу?

– Почему бы нет!

– Тогда я предпочел бы едкий дым, холод и вибрацию столов.

– Без проблем.

– Разумеется, я шучу! – спохватываюсь я.

– Как скажешь. – Дженна, кажется, немного разочарована.

Пока мы идем по коридору, я обращаю внимание на ряд

дверей, обозначенных знаками всевозможных религий и культов, причем довольно неравномерно. Целых четыре двери были с христианскими крестами, несколько с полумесяцем, пара с фигуркой Будды, а остальные маркированы двумя, тремя, а то и пятью символами сразу (я разглядел даже перевернутую пентаграмму сатанистов).

– Это что, молельные залы?

– Можно сказать и так.

– Не много ли для одной корпорации?

– О, ты не понял. Здесь не молятся, а помогают молиться другим. Загляни, только тихо.

Приоткрываю ближайшую дверь, которая помечена одновременно индуистским символом Ом и звездой Давида. Зал, открывшийся моим глазам, устроен как обычный колл-центр, с отсеками, десятками сотрудников в мятых рубашках и телефонными гарнитурами на головах. Все они бормочут что-то, кто-то монотонно напевает, кто-то безразлично слушает, кивая головой, и все время от времени поглядывают на часы в ожидании ланча. Перед «священниками» стоят мониторы с интерактивным текстом сценария, с которым те иногда сверяются.

– Намасте, брат мой! Ты хотел бы, чтобы я почитал тебе Веды или, может, ты желал бы помолиться вместе? – вдруг различаю знакомый голос.

Прислушавшись, понимаю: тот самый «индуист» из «Восточной Европы», с которым я общался утром, оказывается полным лысеющим азиатом в очках и потертом пиджаке. Умело изображая восточноевропейский акцент, он успевает раскладывать пасьянс на компьютере и прикладываться к чашке кофе.

Я остолбенел от удивления, близкого к разочарованию, – настолько обыденной оказалась изнанка универсальных автоцерквей. Неудивительно, что они начали раздражать меня в последнее время! Как и неудивителен их успех. Команда вышколенных болтунов обслуживала вечно спешащее общество куда лучше старомодных церквей. Только с какой целью «Транс-Реалити» этим занимается? Неужели этот бизнес настолько прибылен? От этих мыслей меня отрывает Дженна, которая довольно настойчиво тянет меня (за руку) из дверей «молельни».

– Идем дальше? Только не спрашивай меня по сути этого дела, я тут сама ничего не понимаю.

Подчиняюсь, решая оставить размышления о своем открытии на потом. Спустя несколько минут мы оказываемся в помещении, напоминающем раздевалку спортклуба: в ряд выстроились

шкафчики для одежды и душевые кабинки. Напротив душевых три двери, над одной из которых горит красная лампа с надписью «НЕ ВХОДИТЬ».

– Вот мы и добрались до места, где проводится третья стадия теста «ЗС», – сообщила моя провожатая. – Это Секс-Тест.

– Секс-Тест? – Я решил, что ослышался.

– Да, именно.

– Здесь занимаются сексом с соискателями на должность? – Я указываю на дверь с зажженной над ней лампой.

– Понимаю, это звучит несколько непривычно. Но если задуматься, ничего удивительного в этом на самом деле нет. Ведь в большинство компаний сотрудники попадают именно через постель. Просто это тщательно скрывается, а у нас в корпорации секретов из этого не делают.

– Но зачем нужен этот… секс-тест?

– Так мы собираем обширный спектр информации. Каков человек в постели, таков он и в работе! – так у нас говорят. Ведь есть личностные качества, которые без помощи секса не выявишь.

– И кто же проводит эту секс-аттестацию?

– Специальные сотрудники – мужчины и женщины. У нас в штате специалисты различной сексуальной ориентации. В некоторых случаях секс-тест провожу я лично.

– А если бы речь шла обо мне, то кто бы проводил секс-тест в моем случае?

– Пожалуй, я сама, – подмигнула она мне.

– Начинаю жалеть, что в моем случае обошлось без системы «ЗС».

– Это невозможно, Золтан. Все сотрудники проходят трехступенчатый тест перед приемом на работу. Исключения не делаются ни для кого.

– Но я уверен, что не проходил никакого трехступенчатого теста.

– Сейчас проверим. – Она заглянула в свой планшет. – Я была права. Просто ты проходил тесты не в нашем департаменте, а индивидуально. Стресс-тест с тобой проводил господин Чопра, спикинг-тест – Рамбан, а секс-тест – госпожа Юстас.

Пока я перевариваю эту информацию, красная лампа над дверью гаснет, и оттуда выходит мускулистый мулат с обмотанным вокруг пояса полотенцем.

– Привет, Дженна! Кандидатка энергична и открыта для экспериментов, – сообщает он, прежде чем скрыться в душевой.

Вслед за этим из-за двери появляется раскрасневшаяся брюнетка лет двадцати, тоже завернутая в полотенце.

– Поздравляю с приемом на работу! – официальным тоном объявляет моя спутница девушке. – Такие сотрудники, как вы, – будущее «Транс-Реалити»!

Взглянув на Дженну повнимательнее, я вдруг вспоминаю, где видел ее раньше. Ну, конечно, она же порнозвезда! Сколько раз я смотрел фильмы с ее участием!

Уже дома я вспомнил о документе, который сфотографировал

в кабинете Давендрената Чопры. Прежде чем отправить фото Харону, пробегаюсь по нему глазами, окончательно убедившись, что это санскрит. Я пропускаю текст через программу-переводчик и читаю немного корявый текст.

«…и боги собрались на святую гору. Они согласились на это: нам не нужно самим чинить мир, который [прохудился]. Позвольте нам назвать человека в этой грязной работе и дать ему силу мыслей, слов и крови, чтобы [построить] множество миров. Пусть он делает эту работу под нашим наблюдением, чтобы он не [допускал мысли] посчитать нас равными.

А вы узнаете создателя мира семь [раз]. Прежде всего игрока Вы узрите – великого лжеца. Вы также познаете, что он проходит вдоль границы. Его пороки вы познаете. Вы узрите [ручей], который связывает его с Богами. Вы улицезреете в нем великую пустоту и слезы. И еще, вы узрите специальную печать на лбу.

Когда вы узнаете создателя мира, должны вы избегать его. Где он – там есть конец огня, разрушение и тишина – все великие страдания. И не давай своей дочери в жены ему, потому что ждет ее…»

Что именно ждет дочь, выданную за «создателя миров», я так и не узнал – на этом текст обрывался. В любом случае документ кажется мне довольно занятным. Исполнитель воли богов по идее должен быть редким счастливцем. Здесь же он описывается как проклятый всеми отщепенец. И что подразумевается под множественными мирами? Разве основой любой космогонии не является единожды созданный мир?

Я решаю – пусть Харон сам заморачивается с толкованиями, и отправляю ему фото с небольшим объяснением, откуда это взялось. Если в этом тексте есть что-то, что поможет мне в работе, Харон сообщит. После чего на всякий случай удаляю снимок с телефона. Следует быть осторожным.

0019

Неделя стажировки в Департаменте персонала пролетела довольно быстро, хотя и стоила мне немалых нервов. Каждый день я шел на работу, гадая, какой сюрприз корпорация преподнесет сегодня. Я проводил время, наблюдая за тем, как соискателей на должность бьют током и обливают водой. При этом старался не выказать ни малейшего сочувствия к ним, ведь было понятно, что за мной также наблюдают.

За это время я успел подружиться с Дженной. Несколько раз во время обеденного перерыва мы с ней дежурно флиртовали, пасуя друг другу банальные фразы, как опытные партнеры по теннису передают мяч: ловко, но без особого энтузиазма. Я видел, что стоит мне захотеть – и мы тут же окажемся в одной постели. Не то чтобы я был против, но образ ее грозного босса удерживал меня от более решительных шагов. Я предполагал, что мне может потребоваться ее помощь в дальнейшем – вот тогда я был готов рискнуть.

С Линн в эти дни я почти не виделся – впрочем, ее это нисколько не смущало. Мы пересеклись с ней всего один раз: она заехала ко мне домой, чтобы проверить квартиру на предмет подслушивающих устройств. Наше свидание ограничилось совместным распитием кофе и непродолжительной болтовней. Что касается Катрин, то за неделю я видел ее лишь однажды: она заходила в лифт, когда я вошел в холл небоскреба, это длилось не больше секунды.

Воскресным утром я встречаюсь с Хароном – на этот раз на подземном паркинге, в слепой зоне камер видеонаблюдения. Мы обсуждаем с ним мой отчет о разговоре с Рамбаном, который я отправил еще неделю назад.

– Знаешь, Харон, эта история с новой религией не похожа на розыгрыш. Думаю, что Рамбан говорил об этом серьезно.

– Почему?

– У Чопры в кабинете есть алтарь Шивы, и я видел, что собой представляет изнанка их автоматических церквей. Огромные колл-центры, на весь этаж. И, полагаю, это было только одно отделение. Все поставлено на широкую ногу.

– Случайно видел или пришлось постараться?

– Ну, не совсем случайно…

– Значит, они хотели, чтобы ты это увидел. Зет, в этой корпорации ничто не делается просто так.

Интересно, почему Харон о них такого мнения? Его привычная паранойя? Или он знает о корпорации больше, чем

хочет показать?

– Может быть. Я только пока не понимаю, как они собираются победить конкуренцию? Ведь обязательное условие любой религии – ее божественное происхождение. Священные принципы должны быть ниспосланы свыше, а не разработаны современной корпорацией.

– А ты не думал, что у Саула может оказаться что-то посущественней божественных откровений? – спрашивает Харон. – Смотри-ка.

Он достает планшет и запускает видео: двое мужчин что-то горячо обсуждают за столиком кафе.

– Узнаешь их?

Один из них – Давендранат Чопра, его сложно не узнать. Но кто второй?

– Это Игаль Мизрахи. Знакомое имя?

Конечно, знакомое. Израильский ученый, запатентовавший технологию оцифровки и последующего воспроизведения личных воспоминаний. Год назад о нем трубила вся пресса, настолько революционным и эпохальным было открытие.

– Когда сделана эта запись? – уточняю я.

– Сразу после того, как Мизрахи получил патент на технологию, которую назвали Memnotech. Конечно, сама по себе эта встреча ничего не значит. Но есть свидетельства, что Чопра и Мизрахи до сих пор постоянно общаются. И если бы ты сумел завоевать доверие Чопры, то не я бы тебе это рассказывал, а ты мне.

– Завоевать доверие? Да я уже рад, что ухитрился не вылететь из его кабинета вверх тормашками в первый же день. А вот его секретарша как раз может меня навести на какую-нибудь информацию, и я над этим работаю.

– Думаешь, Чопра – злобный тип? Да по сравнению с остальными, кто встретится на твоем пути, – он просто шумный скандалист. Я уж не говорю про Саула Гаади, который раскроет тебя с полуслова, если тебя к нему когда-нибудь допустят. Ты рано расслабился, Зет. Именно сейчас самое время собраться.

Так резко старик на меня наезжал крайне редко. Даю максимально нейтральный ответ:

– Я понял, Харон.

– И еще. На следующей нашей встрече я хочу получить ответ на три вопроса. Первое: что связывает Игаля Мизрахи с корпорацией?

Второе: зачем им понадобилась сеть автоцерквей?

И третье: какую роль в «Транс-Реалити» играет дочь Саула, Катрин Гаади?

Снова Катрин… Видение, завладевшее мною на вечеринке у Марка, опять предстало перед глазами. Кому на самом деле принадлежит этот облик – совершенный, притягательный, недоступный – Катрин или какой-то другой, похожей на нее девушке?

– Ты меня слушаешь?

Окрик Харона возвращает меня на землю, точнее, под землю – в пустынный паркинг. Слегка остыв, старик интересуется, какое впечатление в целом производит корпорация изнутри. Я излагаю ему ключевые пункты: предельная эксцентричность топ-менеджмента, сексуальная распущенность и колл-центры для всех основных религий. И все это – под одной крышей.

– Знаешь, Харон, для меня все это не очень понятно. Если они действительно собираются создать новую религию, то логично было бы соперничать с другими религиями, а не развивать сеть автоцерквей. Зачем им это все?

– Ты мыслишь слишком прямолинейно, – возражает он. – Во-первых, им нужен материал для сбора информации, изучения и сравнения. А во-вторых, пока нет уверенности, что Саул разрабатывает *принципиально* новую религию. Возможно, он просто хочет адаптировать для своих нужд уже существующее верование. Или создать некий синтез конфессий, как это происходит в его автоцерквях.

Его предположение кажется мне логичным. «Автоцеркви – Игаль Мизрахи – Катрин» – повторяю я полученное от старика задание. Хоть я и новичок в корпорации, я уже обзавелся парой друзей, которые могут мне помочь, – Дженна и Марк. Главное, не быть слишком настойчивым и скрывать важные вопросы под ничего не значащей болтовней.

– Ты сделал перевод документа Чопры? – спрашиваю у Харона, когда мы уже прощаемся.

– Какого?

– Ну, тот, на санскрите.

– Ах, это… Отрывок из какой-то притчи, кажется, суфийской. Без начала и конца, довольно бессмысленный.

– Суфийская притча… на столе у индуиста Чопры?

– Ты сам видел – отбор персонала там проходит весьма экзотично. Может, это тоже какой-то хитрый тест для сотрудников?

Звучит логично. Если меня заставили глотать кислоту, а низовых клерков буквально прогоняют через постель, то почему бы и не оставить на столе эзотерическую притчу-подсказку для особо любопытных?

После этого мы расстаемся. Когда моя машина выбирается из

подземелья, небо над городом затянуто густыми тучами. Сквозь стену ливня пробираются стаи скутеров и капсулы такси, обдавая редких прохожих потоками воды. На приборной панели автомобиля вспыхивает огонек – звонок от Линн: мой новый друг – телохранитель – любовница – надсмотрщик?

0020

Пока жду Линн дома, изучаю доступную информацию об Игале Мизрахи. Типичный юный гений, ролевая модель целого поколения. Я всегда относился к этим небрежно одетым миллиардерам с нескрываемой завистью – на их фоне выглядишь законченным неудачником. Только взгляните на его достижения! В свои двадцать девять лет он уже успел зарегистрировать около десятка патентов, которые ежемесячно приносят ему миллионы.

Добираюсь до фото. С фотографии на меня смотрит худощавый, рано облысевший мужчина с лишенным эмоций лицом и цепким взглядом карих глаз. Он одет в растянутую белую футболку и потертые джинсы, а в руках держит одно из своих творений – самообучающийся протез руки. Пробежав глазами биографию Игаля, узнаю, что в шестнадцать лет он поступил в Тель-Авивскую академию, где изучал нейроинженерию и философию под руководством Юваля Харари. Проучившись там всего два года, бросил учебу, чтобы основать исследовательскую компанию, которой дал ироничное название «Брейн-Хак». Среди его изобретений – вполне понятные, например, умный дом, управляемый мысленными сигналами, и совершенно безумные вроде нейро-имплантата, усиливающего или подавляющего эмоции.

Типичная «гаражная история», которые пишут пиарщики мегакорпораций. Одиночка-гений собирает прототип чуть ли не в подвале маминого дома, упорный труд, череда счастливых совпадений, «американ-дрим», бла-бла-бла. Никогда таким историям не доверял, зная по собственному опыту, что все гораздо прозаичнее. Новые технологии требуют огромных ресурсов и финансовых вложений, и решение об их разработке принимают люди в дорогих костюмах, заседая в конференц-залах на верхних этажах небоскребов. А эти сказочки пишутся для доверчивых обывателей, чтобы стать «ближе к народу».

Интересно, как на самом деле было у Мизрахи? К сожалению, никакой информации по его ангелам-инвесторам в открытом доступе не нахожу. Делаю мысленную пометку: забросить Сумо задание на эту тему. Возвращаюсь к описанию изобретений, где читаю про последнюю и главную его разработку – технологии записи, хранения и воспроизведения человеческих воспоминаний. Тот самый Memnotech, о котором говорил Харон.

То, что было разработано в этой области до Мизрахи, требовало скрупулезного считывания мозговых волн, «тренировки» искусственного интеллекта под конкретного

пользователя, а то и вживления электродов хирургическим путем. И все это лишь для того, чтобы создать более удобный интерфейс «человек – машина», который в основном использовался в индустрии развлечений. Мизрахи же каким-то образом добрался до сути личности человека: памяти, мыслей, эмоций, пережитого опыта. Совсем недавно он презентовал все это в небольшом девайсе, не требовавшем армии лаборантов для обслуживания. Правда, его изобретение пока не было выпущено в массы, о чем в статье содержался ряд догадок: совершенствуют, искореняют баги, устраняют побочные эффекты и так далее.

Запускаю ролик с презентации Memnotech. Мизрахи в том же наряде, что и на фото (интересно, у него есть другая футболка?), только теперь в руках он держит не протез, а гаджет размером с ракушку улитки – что-то подобное я уже видел на вечеринке у Марка. Второе такое же устройство вставлено в его ухо и прикрывает висок.

– Наши воспоминания – это файлы, хранящиеся в самом совершенном компьютере, – говорит он, постукивая пальцем по высокому лбу. – Мы разработали способ копировать эти файлы, чтобы затем воспроизводить. Теперь вы можете переживать собственные воспоминания столько раз, сколько захотите, и при этом не нужно бояться, что со временем они померкнут. А главное – вы сможете переживать воспоминания других людей. Но это лишь первый шаг… Что еще вы хотели бы скопировать? Сны, мысли, эмоции, желания? А может, все, чем являетесь? Собственную личность, целиком, без остатка? – Из зала доносятся восторженные крики. – Уверяю вас, скоро, очень скоро это станет возможным! Я записываю это выступление с помощью технологии Memnotech, и мне приятно будет пережить его снова, когда мои пророчества сбудутся!

Я бы точно отказался – с таким высокомерным видом Мизрахи озирал ликующую толпу поклонников, должно быть, чувствуя себя королем мира. Останавливаю видео – Линн уже поднимается в лифте.

– Выполняешь задание Харона? – демонстрирует она свою осведомленность, заметив на мониторе лицо Мизрахи.

– Ага, тружусь без выходных.

В руках у Линн коробка с пиццей, как мило! Она сбрасывает с себя только кожаную куртку, а мне хочется, чтобы и остальную одежду. Расправляясь с пиццей, мы обсуждаем, как технологии, созданные Игалем Мизрахи, изменят мир. По поводу Memnotech я высказываюсь, что это не более чем дорогостоящая игрушка, необходимая тем, кому недостаточно собственных переживаний – по причине их скудности. Замечаю по лицу Линн – ей явно есть

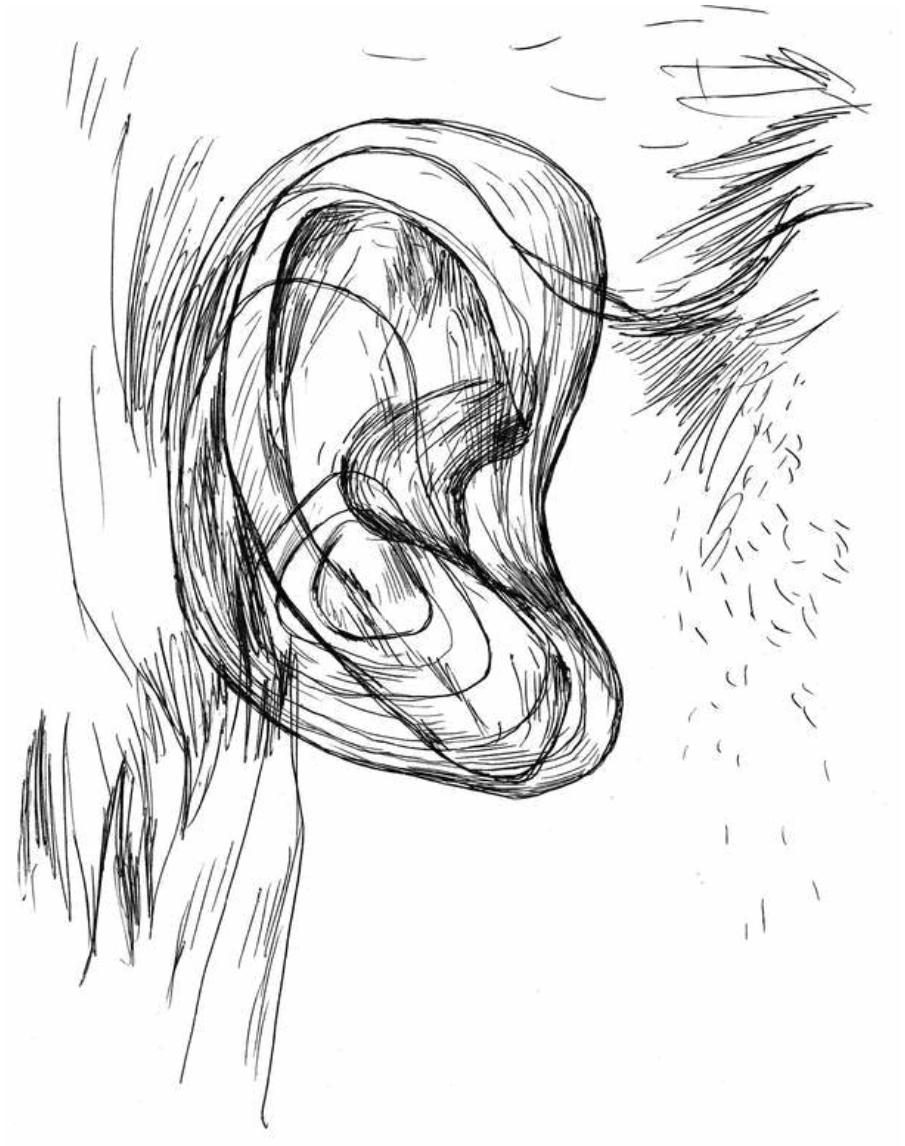
что сказать на эту тему. Она даже подвинулась поближе.

– Ты сам-то пробовал? Memnotech можно купить на черном рынке.

Решаю соврать, чтобы не выглядеть технодевственником.

– Да, пару раз. Честно говоря, не зацепило.

– А что именно?



– Один раз – воспоминания какого-то актера о том, как он получил «Оскар». Второй раз – что-то про первое свидание. Это было давно, уже не помню.

Я даже не знаю, есть ли такие программы, сочиняю на ходу.

Нет, про «старейшин» у озера я ей рассказывать не стану. Но Линн так увлечена какой-то мыслью, что не замечает моих маневров.

– Тебя не вставило, потому что ты пробовал «ванильные» воспоминания, – отрезает она.

– А какие еще бывают? С жестким сексом и убийствами?

– Представь себе, да. Если знать, где искать.

– А ты знаешь?

– Конечно!

Она достает из кармана два девайса, похожих на ракушки, протягивает мне один из них.

– Откуда у тебя это? – с искусственным безразличием интересуюсь я.

– От Харона. Он хочет, чтобы ты проникся изобретением Мизрахи.

– А зачем сразу два гаджета? Мы же можем сделать это по очереди.

– В том-то и штука, Зет, что мы сможем сделать это одновременно. Параллельные воспоминания – слышал про такие?

Не слышал. Линн объясняет: одновременно записываются воспоминания двух и более людей об одном событии. А потом другие люди эти воспоминания синхронно переживают, глядя на событие с разных точек.

– А что мы будем «смотреть»? – интересуюсь я.

– Увидишь.

Она помогает мне надеть устройство и подключает его. Ощущение странное, но неприятным его не назовешь – как будто моя ушная раковина наполняется пузырьками из газировки.

– Ну что, готов? Тогда поехали.

* * *

Комната исчезает, и перед глазами начинают мелькать пятна света. У меня не сразу получается сфокусировать взгляд, но потом я различаю промелькнувшую мимо меня вывеску, почему-то на немецком языке. Что там написано, я не понимаю, зато осознаю, что смотрю на улицу из окна автомобиля на большой скорости. Тут же появляются и слуховые ощущения: громкая музыка – какой-то марш – и молодые голоса, которые подпевают словам марша и смеются. Перевожу взгляд на группу белокурой молодежи в защитной одежде, заполнившей салон небольшого микроавтобуса. Новое ощущение – мою руку кто-то сжимает. Я узнаю ее, худощавая брюнетка, в которую я, оказывается,

влюблен, смотрит на меня с гордостью.

«Брат, сестра! Обнимемся!» – К нам пробирается крепко сложенный парень. Язык для меня незнакомый, что-то скандинавское, но я понимаю каждое слово. Крепыш прижимает меня к себе, потом мою любимую, стискивает наши головы вместе, целует нас в лоб. Все остальные почему-то взирают на нас с восхищением, как на героев. Я тоже испытываю гордость, хотя понятия не имею, чем она вызвана. «Единство и сила!» – произносит крепыш, и лозунг подхватывают остальные. «Вы навсегда в наших сердцах».

Не успеваю сообразить, как мы с моей любимой оказываемся высаженными на людной площади перед торговым центром. Взвизгнув тормозами, микроавтобус уносится. Я смотрю на свою спутницу. Таких сильных чувств я не испытывал никогда и ни к кому в жизни. Я знаю, что мы с ней – избранные и наша любовь останется в веках. А еще я испытываю решимость и огромное воодушевление, будто перед полетом в космос. «Я люблю тебя», – одними губами произносит она. И достает из наплечной сумки автомат.

Первая же очередь сметает поток людей, находившихся ближе к нам. Она поднимает ствол и длинной очередью окатывает стеклянный балкон торгового цента, вдребезги разнося рекламные боксы и подкашивая несколько человек. Перезаряжает, пока я из пистолета добиваю трех мужчин, скорчившихся в лужах крови у меня под ногами. Еще несколько пуль валят на прилавок охранника, посмевшего устремиться в нашу сторону. Упоение и ненависть к жирным бюргерам переполняют меня. И восторг… Дикий восторг от своей власти над жизнью и смертью.

Мы идем по фойе торгового центра, синхронно вскидывая свои короткие автоматы, изрыгающие смерть. Мне хочется взять ее за руку, но некогда, кроме того, между нами уже много раз все сказано. Мы останемся любящими и молодыми навсегда. И я знаю, что вижу ее последние минуты… Словно в ответ на мои мысли, она будто натыкается на невидимое препятствие и падает на колено. Я успеваю заметить кровь на ее губах, когда сильный удар в спину сбивает с ног и меня. Боли нет, только онемение в грудной клетке, куда попала пуля полицейского… Окровавленными пальцами дотягиваюсь до кольца в поясе, а другой рукой накрываю ее тонкие пальцы. Прощай, любимая. Жду, пока вокруг нас образуется достаточно большая толпа, и выдергиваю кольцо…

– Вот черт… – вырывается у меня, когда воспоминание заканчивается.

Прихожу в себя весь взмокший, с совершенно съехавшей

крышей. Смотрю на Линн, тяжело дыша, еще не до конца понимая, где нахожусь.

– Подожди, не снимай, я сама. – Линн освободила мое ухо от гаджета. – Ну как?

– Это… Мюнхен? На этих придурках был Memnotech? Какого черта! Я не соглашался входить в роль гребаного антиглобалиста! И убивать людей!

– Ты никого и не убивал. Это было просто воспоминание. Чужое воспоминание.

– Ты в своем уме?

– Не будь ханжой, Золтан. Зато какие эмоции! Настоящая любовь! Как еще ты смог бы испытать такое?

– Но ты могла предупредить меня, чего мне ждать?

– Тогда эмоции не были бы такими сильными.

– Чокнутая!

Она вздыхает, не в силах скрыть свое разочарование.

– Давай в следующий раз я буду выбирать сюжет? – требую я.

– Как скажешь. Между прочим, это хит на рынке нелегалки. Хотела показать тебе сразу лучшее.

В тот день мы не занимались сексом. Досмотрели выступление Мизрахи, потом – пару эпизодов сериала про убийцу с провалами памяти. Чмокнув меня на прощание, Линн отчалила под дождь. Ракушка Memnotech осталась лежать на столе, вторую она забрала.

Интересно, предполагал ли создатель, что его изобретение будут использовать так, как это сделали мы сегодня? Думаю, ему-то точно известно, что судьбу технологий определяют люди, которые ими пользуются. И если люди хотят секса, насилия и грязи, то никакая технология не сможет им в этом отказать.

Рассматриваю гаджет. У меня в руках – ключ для побега в другой мир. Чужой, но реалистичный, настоящий! Привлекательная мысль – и пугающая одновременно. Я задумался: а хотел бы я это повторить? Повторять много раз, сделать своей второй жизнью? Вспоминаю свои эксперименты с наркотиками в тусовке рекламистов. Мы испытывали временное забытье, а то и искажение сознания. Потом приходили в себя, ощущая собственное ничтожество, и это заставляло нас стремиться к забытью снова. Но ведь никакие наркотики не могли сравниться с Memnotech по силе ощущений! Я бросаю ракушку в ящик тумбочки возле кровати и заваливаюсь спать.

– Чопра – не самый странный тип, с которым тебе придется столкнуться, уверяю тебя! – обнадеживает меня Марк на следующий день, сопровождая по коридорам отдела безопасности. – Что касается Игги Бьольверка, то он, конечно, поприятней в общении, но жучара еще тот. И понятно – его департамент отвечает за всю нашу безопасность. С кем бы он ни общался, он сканирует собеседника и всеми силами пытается докопаться до того, что от него скрывают.

– А если мне нечего от него скрывать?

– Всем есть что скрывать, Золтан, и ты это знаешь. Ты ведь уже встречался с Игги? Уверен, он показался тебе не таким опасным человеком…

– Так и есть.

– Не ведись на его обаяние, если не хочешь, чтобы этот шведский пройдоха слопал тебя с потрохами. Поверь, своим единственным глазом он видит больше, чем другие способны разглядеть в микроскоп. И если он почувствует в тебе хоть долю неискренности или лукавства, то начнет копать. И не прекратит, пока не докопается до всех твоих скелетов в шкафу. В свое время Игги консультировал почти все значимые разведслужбы мира, а это о чем-то да говорит.

Когда я вошел в кабинет Игги Бьольверка, тот кормил своих воронов, отщипывая кусочки от булки. За его спиной в огромном окне мерцает реклама на фасадах небоскребов, а в небе над ними реет гигантский транспарант «ПРИВЕТСТВУЕМ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИЕЙ». Конечно, в этом городе можно ожидать чего угодно, но это было слишком даже для Сингапура. Однако спустя несколько секунд дроны разворачивают транспарант во всю длину, и я с облегчением читаю: «ПРИВЕТСТВУЕМ ДЕЛЕГАТОВ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИЕЙ»

– А, Золтан! Проходи! Ты помнишь Хугина и Мунина? Я вас уже знакомил.

– Конечно, Игги! А кто из них Хугин, кто Мунин?

– Хугин – тот, что справа, – отвечает он, указывая на ворона, который сразу нахохлился, стоило мне приблизиться к клетке.

– Кажется, я ему не нравлюсь.

– Эта птица очень своенравна. Если он кого-то невзлюбил, то это навсегда. Ты не против, если я открою клетку?

– Если они не выклюют мне глаза.

– Вот и узнаем. Да садись ты, чего стоишь!

Я присаживаюсь на стул. Бьольверк открывает дверцу клетки,

а затем, опираясь на свою массивную трость, шествует к столу, где опускается в кресло. Заметив, что клетка открыта, вороны начинают суетиться и спустя несколько мгновений вылетают наружу. Кружат по огромному кабинету, громко хлопая крыльями, затем пикируют на стол перед Игги.

– Хочешь, расскажу тебе, как потерял свой глаз? – предлагает мой собеседник таким тоном, словно собирается поведать, где провел отпуск.

– Только не говорите, что это сделал Хугин.

– Что ты, он бы никогда так со мной не поступил!

В это время один из воронов, кажется, Мунин, поднявшись в воздух, усаживается прямо мне на голову.

– Не вздумай прогонять его! – предупреждает Игги.

Второй ворон, взлетев со стола, садится ему на плечо.

– Вы собирались рассказать, как потеряли глаз, – напоминаю я, стараясь сохранять самообладание.

– Да, верно. Это было много лет назад, еще во время службы в разведке. Однажды я вышел на очень ценный источник информации… От этих данных зависела не только судьба моего ведомства, но и судьба нескольких государств. Я начал активно работать с источником, но столкнулся с проблемой – этот человек оказался фанатиком. Ему не нужны были ни деньги, ни женщины, ни услуги. Он был готов поделиться информацией лишь в том случае, если я докажу, что эта информация действительно мне необходима. В качестве такого доказательства должен был выступать мой правый глаз.

– Неужели эти данные того стоили?

– Как видишь. – Он приподнимает повязку, продемонстрировав мне зияющий провал глазницы. – Более того, по условиям сделки я сам должен был вырвать его, не прибегая к помощи других людей и не используя хирургические инструменты.

– Какая жуть! – Я ежусь, тут же почувствовав, что ворону, сидящему на моей голове, это не нравится.

– Советую не совершать резких движений, – бросает Игги. – Так вот, получив мой глаз, этот источник дал мне все, что меня интересовало. Но на этом история не заканчивается. Узнав, что он сотрудничал со мной, его работодатели довольно жестоко с ним расправились. Спустя неделю после нашей роковой встречи я получил голову этого человека, забальзамированную в банке. Если тебе интересно, она стоит в том шкафу – сможешь потом взглянуть. И теперь, когда мне нужно совершить сложный выбор или я не могу найти ответ на какой-то важный вопрос, я всегда достаю эту голову из шкафа и советуюсь с ней.

– Хотите сказать, что она вам отвечает?

Мне было интересно, когда он решит, что достаточно меня запугал, в чем я ему старательно подыгрывал. Черта с два история про глаз была правдой, но изобретательность шведа я оценил. Хотя кто его знает. Одно из двух: либо в этой корпорации достигли высшего мастерства в одурачивании людей, либо здесь действительно можно ожидать чего угодно и от кого угодно.

– Не будь дураком, Золтан, – произносит Игги. – Конечно, отвечает, но не в прямом смысле этого слова. Не нужно быть мистиком, чтобы понять: и одушевленные существа, и неодушевленные предметы способны указывать нам путь. Дело лишь в том, способен ли ты заметить их указания и правильно истолковать. И конечно, тут очень важно умение четко сформулировать вопрос. Хочешь попробовать?

– Попробовать что? – делано удивляюсь я.

– Спроси о чем-нибудь Мунина. Не обязательно задавать вопрос вслух – достаточно подумать о том, что тебя интересует.

– Хорошо, попытаюсь.

«Мунин, твой хозяин всех за дураков считает?» – произношу я про себя, при этом, разумеется, состроив глубокомысленное лицо для Игги. Ворон, словно раздумывая над ответом, принимается сучить лапами, ероша мои волосы. Вслед за этим он взлетает с моей головы и, проделав пару кругов, возвращается в клетку. Я не успеваю уловить сигнал, который Игги подал своей дрессированной птице, но уверен, все это – отрепетированное представление для особо впечатлительных.

– Ну как, ты получил ответ на свой вопрос? – интересуется Игги.

– Более чем! – Я даже важно нахмурился, чтобы показать глубину своего потрясения. Игги довольно ухмыляется.

– Тогда пришла моя очередь задать тебе пару вопросов. Золтан, знаешь, как у нас поступают с теми, кто угрожает безопасности корпорации?

– Увольняют?

– А вот и нет. Их переводят в мой департамент. И поверь мне, это куда хуже, чем Хельхейм. Знаешь, что такое Хельхейм?

– Что-то из скандинавской мифологии? Ад?

– Не совсем, но довольно неприятное место, – кивает он.

Игги поднимается из-за стола, подойдя к клетке, снимает ворона со своего плеча и, отправив его к собрату, запирает решетчатую дверцу.

– Давай сменим тему, – предлагает он затем. – Золтан, что тебе снилось в последнее время?

– Я редко запоминаю сны. А почему вы спрашиваете?

– Это один из первых уроков, которые я вынес, когда начал заниматься безопасностью. Мы должны контролировать свое поведение и мысли каждую минуту – когда бодрствуем и когда спим. Особенно когда спим. Ведь если тебе что-то приснится, ты уже не можешь *отснить* это обратно. А то, что происходит с тобой в жизни, зачастую можно отменить. И в некоторых случаях после отмены тебе даже вернут деньги.

– Но разве сны можно контролировать? – удивляюсь я. – Ведь это, по определению, неподконтрольная территория…

– Конечно, можно! – Он встряхивает своей седой гривой. – Существует множество методов контроля собственных сновидений. Есть среди них рациональные и мистические, сложные и простые. Соответственно, и степень контроля различна.

– А лично вы какими методами пользуетесь?

– Боюсь, тебе они пока не под силу. Но могу научить тебя одному приему, довольно эффективному. Думаю, тебе он пригодится в работе.

Что это за работа, которая требует управления снами? – спрашиваю я себя, но лишь киваю в ответ, демонстрируя готовность слушать.

– Это одна из практик, служащих включению осознания внутри сна. Внутри сновидения нужно провести тест на реальность, например, привнести в него внешний объект, – начал Игги. – Это может быть что угодно – к примеру, наручные часы. Главное – очень четко представить себе этот предмет. К примеру, тебе снится, что ты идешь по морю на ладье викингов. Потом ты смотришь на свою руку и видишь на ней часы. Не любые, а именно свои, воссозданные в мельчайших деталях. Это твой якорь, с помощью которого ты напоминаешь себе: если я вообразил себе этот предмет, то могу вообразить любой другой предмет, человека или событие. Нам кажется, что мы не можем управлять своими снами, потому что мы просто не помним во сне о том, что у нас есть такая возможность.

– А что для вас служит таким якорем? Часы?

– Лучше подходит предмет, который имеет для тебя сильную эмоциональную привязку. У меня есть мои вороны – отличные проводники по сновидениям. Если хочешь, можешь тоже воспользоваться ими – но для начала тебе придется хорошенько запомнить, как они выглядят.

Я устремляю взгляд на клетку, чтобы рассмотреть птиц получше. Только такой странный человек, как Игги, мог влюбиться в этих остроклювых страшилищ. Если я и испытывал к воронам какие-то эмоции, то это было желание держаться от них

подальше.

– Хугин – тот, что покрупнее, – продолжает обрабатывать меня Бьольверк. – Если во сне ты вообразишь его в деталях, то будешь лучше понимать, что происходит. А если с тобой будет Мунин – ты гарантированно запомнишь свой сон.

– А если представить себе обоих воронов?

– Для начала попробуй представить хотя бы одного, – усмехается Игги.

Я одергиваю себя: не стоит слишком ерничать с этим типом – он явно был высокого мнения о своих манипулятивных способностях. Пообещав Игги поразмыслить над «преподанным мне уроком», я покидаю этот странный кабинет.

Вернувшись в тот день домой после работы, я чувствовал себя раздраженным и сбитым с толку. События последних дней, прямо скажем, не способствовали ясному видению ситуации. Сначала вечеринка, выбившая меня из колеи. Затем секс-тесты, наезд со стороны Харона, Memnotech и, наконец, вороны с их сверлящими глазами и острыми клювами. И конечно, Игги – энигматичный, жесткий, пугающий. С человеком, который собственными руками вырвал свой глаз в обмен на информацию, даже если он и придумал эту жуткую байку, лучше не шутить.

И все же, почему глава департамента безопасности и ключевой акционер корпорации говорил со мной про сны? Или это был очередной психологический тест? И как религия и сны – связаны между собой в новом проекте корпорации? Чтобы ответить себе на этот вопрос, следует хорошо присмотреться к Игги, пока он присматривается ко мне.

0022

Каждый день моей стажировки в Департаменте безопасности начинается одинаково – с получасового общения с Игги Бьольверком. Иногда мы встречаемся в его кабинете, иногда – в небольшом саду на крыше здания, предназначенном для отдыха сотрудников. После полнейшего игнора со стороны руководителя отдела кадров Давендраната Чопры, перепоручившего меня своей ассистентке, мы быстро сблизились с одноглазым шведом, и я чувствую себя чуть ли не его давним приятелем. Игги травит шпионские байки, секретность которых истекла за сроком давности, рассказывает о функциях департамента и о вызовах, с которыми приходится сталкиваться его сотрудникам.

Может, я и поддался притворному образу Игги, о котором меня предупреждал Марк. Однако мне все же кажется, что Игги относился к типу людей, которым нет нужды притворяться. Он именно такой, каким кажется, – жесткий, циничный и расчетливый. Его притягательность уравновешивается ощущением опасности, которую он источает, что заставляет окружающих постоянно держать дистанцию и не расслабляться ни на минуту. В завершение каждой встречи он выдает мне задание на день – чаще всего довольно неожиданное.

Началось с того, что во вторник мне было предложено выяснить, кто из сотрудников департамента ворует йогурты из холодильника. Сначала я решил, что Игги шутит, и что-то даже сострил в ответ. Однако тот просто уставился на меня своим единственным глазом, так что мне пришлось подняться и покинуть кабинет в неловком молчании. Пока я брел по коридору, представлял, как Игги ухмыляется, наблюдая за мной через свои вездесущие камеры.

Я вхожу в небольшую кухню-столовую за полчаса до ланча и начинаю «расследование» с изучения содержимого общего холодильника. Запихнуть в него мини-камеру было слишком очевидным. Да и явно не этого от меня ожидал Игги – одна камера уже висела под потолком, давая прекрасный обзор всей кухни. Минут пятнадцать я потратил на то, чтобы выпотрошить в раковину все найденные в холодильнике баночки и бутылочки с йогуртом, подписанные «Клэр», «Санчес» и даже «Мой!!! Не жрать!!!». Последний я употребил внутрь. После чего наливаю себе кружку кофе и устраиваюсь в углу поудобнее. Не буду отрицать удовольствие, которое я получил от наблюдения за офисными клерками, находившими свои выпотрошенные йогурты в помойном ведре. Они возмущались и даже обращались ко мне

за сочувствием. Все, кроме одного – лохматого юнца. Он, не обнаружив ни одного йогурта в холодильнике, довольно равнодушно заглядывает в ведро, после чего сует в карман какой-то сэндвич (наверняка чужой) и удаляется. Я поднимаю глаза к камере наблюдения и показываю на удаляющегося юнца пальцем. Смайлик, который тут же приходит ко мне на телефон был таким же одноглазым, как и мой наставник. Одинноль!

В среду я должен был узнать, почему один из охранников каждый день покидает офис на полтора часа позже конца смены. Я снова решил действовать нестандартно и даже не подумал прятаться в офисе после закрытия. Шести минут за компьютером со знакомым хакером мне хватает, чтобы взломать соцсеть нашего охранника и записать несколько скринграбов пылкого видеочата этого придурка с каким-то трансвеститом. Тут я тоже неплохо повеселился, наблюдая, как после закрытия офиса охранник выполняет задания своего любовника. Полностью голый, он скакал по комнате охраны с дубинкой и фонариком в самых разных местах. Ничего нового, Зет: люди порочны, а наедине – порочны до смешного. Два-ноль, Игги!

В четверг мне поручили собрать компромат на троих уборщиц. Тут я решил притормозить. Если бы я добивался возможности работать в отделе безопасности, то в два счета решил бы задачу. Однако я напомнил себе, что должен выглядеть всего лишь толковым пиарщиком (которым я притворялся), а не опытным корпоративным шпионом (которым был на самом деле). И что раскрывать свои способности именно перед Игги – наиболее опасно.

Именно поэтому я ограничился копипастом кое-какой информации из отдела кадров, сочинил от себя несколько деталей из личной жизни этих женщин и скинул все это Игги на почту. Конечно, мою отсебятину было легко проверить, и я уверен, что Игги это тут же сделал. После чего засчитал себе один балл в нашей игре. А мне скорее всего поставил «зачет» напротив графы «умеренно сообразительный, опасности не представляет».

Может, мне показалось, но Игги остался мною доволен. Как я и рассчитывал. И вот в пятницу утром я получаю итоговое задание. Подготовить досье, на кого бы вы думали? На моего нового приятеля Марка. Я сразу понял, что остальные задания давались «для разминки». А теперь мне придется серьезно пораскинуть мозгами.

Тут, наверное, самое время рассказать о моем раздвоении личности. Дело в том, что Золтан – это не одна личность, а сразу две. Например, Золтан #1 (для простоты будем называть его Z-1) всегда играет по правилам, не нарушает законы, придерживается

корпоративной этики и демонстрирует лояльность везде, где только можно ее продемонстрировать. Тогда как Золтан #2 (Z-2) – беспринципное существо, готовое продать собственного отца ради достижения целей. Это довольно неприятный скользкий тип, если знать его так же близко, как знаю его я.

Итак, как поступил бы Z-1, если бы ему поручили собрать досье на приятеля? Он отправился бы прямиком к Марку, честно сообщил бы ему о полученном задании, а в награду за честность получил бы прилизанное жизнеописание, над которым вдоволь бы посмеялся Игги Бьольверк. При этом нельзя исключать возможность того, что Марк, поделившись «сокровенным», тут же отправится в кабинет Игги, чтобы посмеяться вместе с ним.

А как в этой ситуации предпочтет поступить Z-2? Для начала затребует у Харона полицейское досье на Марка – связи старика в среде правоохранительных органов по-прежнему актуальны. Затем с помощью того же хакера взломает все аккаунты объекта исследований. А после этого воспользуется расположением Дженны, которая ведает офисными секретами. Так я и поступаю.

Из кусков разношерстной информации складывается цветастая картина, которая заставляет меня симпатизировать Марку еще больше. Как оказалось, у нас с ним гораздо больше сходства, чем различий.

В частности, Марк оказался, как и я, сиротой, без каких-либо достоверных сведений о биологической матери. В раннем возрасте он был усыновлен обеспеченной семейной четой: мама – малайка, отец – из Германии. Его родители, так же как и мои, погибли – пали жертвой вируса, который подцепили во время африканского сафари. И так же как и я, Марк получил прекрасное образование. В его резюме значился Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана, где он изучал социологию, а также практика в отделе кадров швейцарской IT-компании. Он довольно рано определился со своей сексуальной идентификацией, и хотя ему по каким-то причинам нравилось выдавать себя за бисексуала, его контакты с женщинами можно было пересчитать на пальцах одной руки.

В возрасте семнадцати лет он провел три месяца под домашним арестом без права пользования интернетом из-за кибермахинаций и продажи личных данных. Жизнь по ту сторону закона – еще одно сходство со мной! В корпорации Марк начал работать полтора года назад, когда ему было двадцать три. Попал он сюда, что неудивительно, по гей-каналам. Один из его любовников работал моделью на показах Паоло Рамбана и познакомил Марка с его будущим боссом.

Копнул я и внутри корпорации. Вот тут-то и пригодилась

Дженна. Мне наконец-то удалось использовать ее, чтобы проникнуть в святая святых отдела кадров – архивное хранилище, где среди высоких шкафов с картотеками мы предались короткому, но бурному сексу. Как объяснила Дженна, серверам такие важные данные не доверялись! Потом Дженна была не против поболтать. Мы валялись прямо на полу, используя в качестве простыни чехол для мебели, и раскуривали гаджет со смесью табака, чая и, по-моему, 2C-B. Как бы между прочим я спрашиваю ее, было ли у нее что-то с Марком. Пока расслабленная Дженна прихорашивается и выдает один анекдот за другим (по ее мнению, у карьериста Марка стояло на корпорацию куда лучше, чем на женщин), я встаю, нахожу шкаф с нужной мне литерой и быстро выуживаю из него личное дело Марка.

За несколько минут, что были в моем распоряжении, я пролистал досье. Анкетные данные я просто запоминаю, а кое-что даже фотографирую на телефон. В частности, страницу-мемо о том, что Марку прочили повышение на загадочную должность, которая в досье была обозначена буквами «Д.Р.» И совсем уж странная ремарка в приложении, похожем на медицинскую справку: «ГЕН ∞ ВЫЯВЛЕН В СЛАБОЙ ФОРМЕ».

Что это значит «ген ∞» и «Д.Р.», мне установить так и не удалось: ни листая досье, ни дома. Но, судя по сфотографированному документу (авторства Паоло Рамбана) – это было что-то очень престижное и высокооплачиваемое. По каким-то причинам кандидатура Марка была отклонена, о чем на документе стояла соответствующая резолюция самого Саула Гаади.

Интуитивно я решаю придержать эту информацию для себя. Скомпилировав из остального симпатичное, но не слишком углубленное досье на моего нового приятеля, я пересылаю документ Игги Бьольверку.

– Отличная работа, Золтан, – хвалит меня Игги в конце рабочего дня.

Не думаю, что в этом досье было что-то, чего бы он не знал. Да и вряд ли Марк так уж интересовал Бьольверка – меня явно тестировали на верность корпорации. И сами того не подозревая, предоставили мне возможность узнать кое-что очень полезное для Золтана-шпиона.

Выйдя из кабинета Игги, в лифте я вдруг натыкаюсь на Марка и сразу цепляюсь за прекрасную возможность продолжить свое расследование – теперь уже выполняя задание моего истинного шефа, Харона.

Я одариваю Марка самой обаятельной улыбкой из своего

арсенала.

– Дружище, рад тебя видеть! Что у нас на вечер?

Марк растерянно хлопает глазами, по всей видимости, такого радушия и «нас» он от меня уже и не ждал. Подняв градус своего обаяния, беру его за плечо.

– У меня паршивое настроение, Марк. Не совершить ли нам рейд по барам?

– Сейчас?

«Вдвоем?» – угадываю я его истинный вопрос. И подмигиваю – «истолковывай как хочешь, мой сладкий». Можешь даже попытаться меня соблазнить, пока я выкачаю из тебя нужную мне информацию.

– Почему бы и нет?

Марк расплывается в улыбке.

0023

Мы решаем отправиться в пятый дистрикт – бывший Гейланг, район, даже в пуританские времена известный своими борделями, питейными заведениями и, конечно, ночным рынком. Именно в шумных закоулках этого района я провел самые яркие годы своего уличного детства. Теперь я прогуливался здесь рядом с Марком, разглядывая знакомые места. Вот тут всегда сидел нищий, воняющий всеми помойками на свете. А на самом деле – уличный наблюдатель Харона. Здесь мы подрались с детской бандой из чужого района. Драка стенка на стенку закончилась несколькими швами на пузе Сумо (его пырнули разбитой бутылкой) и нашей полной победой. А вон в том доме на втором этаже всю нашу ватагу кормила лапшой глухая бабка, которую мы за глаза называли «старой шваброй», а про себя любили за терпение и доброту.

С тех пор район сильно изменился – внешне, но не по сути. Прежде шопинг и разврат соседствовали друг с другом, однако несколько лет назад торговые ряды переместили под землю, и на их месте выросла шеренга баров. В местных заведениях вам предложат эротический массаж в четыре руки, секс-шоу на любой, даже самый извращенный вкус, секс с женщинами, мужчинами, транссексуалами и роботизированными куклами.

К своему удивлению, здесь я увидел расцвет нелегальной торговли секс-воспоминаниями. Оказалось, можно было воспользоваться этой услугой в одном из здешних салонов, а можно закупиться для домашнего просмотра. Одетая в мини-юбку и миниатюрный топ тайка, стоящая у дверей салона, призывно поводит искусственными ресницами, распахивая рекламный планшет. На меня уставились обнаженные красавицы… и красавцы, интимные места которых прикрыты звездочками и сердечками, а надписи обещают – «Абсолютное доминирование», «Приключение в гареме» и даже какую-то «Цветную карусель».

– Заходи, красавчик. Неотличимо от настоящего дела, только без риска и лишних трат! – заученно воркует она.

Я вспомнил свой опыт с технологией Memnotech, которую мне открыла Линн. Вот уж точно, неотличимо!

– А это законно?

«А ты не коп?» – будто спрашивает тайка, быстро оценив взглядом мою обувь. После чего расплывается в улыбке: видимо, в туфлях моего класса может ходить либо коп, насквозь продажный, либо… дорогой корпоративный шпион, желающий потратить лишние деньги.

– Может, ищешь чего-то особенного? Тогда…

Она поднимает бровь, приглашая войти в дверь, где меня ждут особые предложения. Но Марк прерывает наш милый разговор, явно раздраженный отсрочкой свидания в баре.

– Не заморачивайся этой хренью, пошли! Ты тут еще ничего не видел.

Мало же он про меня знает. Шагая по улице, мы постоянно натыкаемся на престарелых туристов, выбирающихся из отелей в поисках юной плоти, на сутенеров с рекламными мониторами на груди, на вертлявых зазывал из go-go-баров, мутных типов, пытающихся что-то впарить каждому встречному, и, конечно, на проституток обоего пола: юных и зрелых, симпатичных и отвратительных, худых и толстых, отстраненных и прилипчивых. За всем этим беспристрастно наблюдают полицейские квадрокоптеры, длинной гирляндой зависшие в паре метров над бурлящей толпой. Обычный пятничный вечер в пятом дистрикте.

Марк выбирает бар под названием «Красная пагода». В отличие от других заведений, здесь немноголюдно. По его словам, он здесь ни разу не был. Несмотря на это, официантка обращается к нам по имени и спрашивает: вам как обычно? Оказывается, теперь у здешних баров существует единая клиентская база – полагаю, как и у борделей. Спустя минуту нам приносят по коктейлю. За соседним столиком огромный европеец лет шестидесяти тискает миниатюрную китаянку, чуть поодаль напивается компания японцев. В баре царит багровый полумрак – лицо Марка кажется вылепленным из терракоты.

– Ну, как тебе работается у нас? – интересуется он скучающим тоном, но на самом деле я угадываю его волнение: Марку хочется поскорее разгадать мою игру.

Начинаю увлеченно рассказывать, насколько поражен мощью и размахом корпорации, какие экстравагантные личности мне в ней встречаются. Всю чепуху, которую нес бы рядовой новичок. Марк слушает рассеянно, чаще глядя на мои руки и губы, чем в глаза. Я решаю, что пора запустить пробный шар.

– Но существует немало моментов, которые, должен тебе честно сказать, выбивают меня из колеи.

– Это понятно.

Марк даже не переспрашивает, что я имею в виду.

– Знаешь, все эти странные штуки, которые тебе встретятся в «Транс-Реалити», – отличная школа, – утверждает он. – Здесь ты научишься ничему не удивляться. Поверь – пригодится, чем бы ты в будущем ни занимался.

– В будущем? Мне кажется, я тут надолго. У меня большие планы на эту компанию, может, даже до «Д.Р.» дорасту?

Бросив последнюю фразу, спихиваю на пол свой бумажник и наклоняюсь за ним. При этом краем глаза наблюдаю за лицом Марка в зеркальной колонне бара. Увиденное меня разочаровывает. Марк все так же рассеянно глазеет в свой бокал и не подает ни малейшего вида, что аббревиатура «ДР» ему о чем-то говорит. Он явно скучает – попробую сменить тему.

Мы перемываем косточки тем, с кем я успел познакомиться на работе, но ничего нового услышать от него так и не удается. Когда я интересуюсь, предстоит ли мне знакомство с Саулом, Марк наконец-то немного оживляется.

– Похоже, ты думаешь, мистер Гаади только и ждет возможности пообщаться с каждым стажером, – ухмыляется он. – Даже главам департаментов приходится ждать чуть ли не месяцами, пока он их примет. Рамбану повезло чуть больше – он общается с Саулом каждую неделю.

– Кстати, где Паоло? Давно его не видно.

– В командировке, – неопределенно отвечает Марк. – А ты часто путешествуешь?

– Немного по американскому континенту, в юности.

– Почему же ты вернулся в Сингапур?

– Прошлое обладает огромным притяжением. Наверное, я просто ему поддался.

Пытаясь ускользнуть от попытки Марка перейти на личные темы, вспоминаю о разговоре с Паоло Рамбаном. Пересказываю ту часть, которая касалась продвижения новой религии. Он слушает терпеливо, но к концу моего рассказа, осушив свой бокал, показывает два пальца бармену – «повторить». Он явно решил, что пора брать инициативу на себя.

– Не стоит понимать слова Паоло слишком буквально, Золтан. В наше время религией можно назвать что угодно. Капитализм, маоизм, гуманизм, феминизм или вегетарианство – выбирай свой культ и поклоняйся ему сколько влезет. Даже коммунизм опять в моде. Тебе действительно все это интересно?

– То же самое можно сказать и о технологиях, – продолжаю я вести свою игру. – Они тоже могут служить религиями.

– Я же и говорю. Вспомни хотя бы социальные сети. Пока люди не поняли, что от них больше вреда, чем пользы, все буквально молились на них. И это было всего лишь десять лет назад.

– И все же из слов Рамбана можно сделать вывод, что корпорация готовит что-то такое же грандиозное.

– Может быть. – Он уклоняется от прямого ответа. – В любом случае общество этого давно ждет. Оглянись вокруг!

Марк кивает на наполняющийся посетителями бар. Я обвожу

взглядом разношерстную толпу: от молодящихся туристов за шестьдесят до обвешанных девицами богатых юнцов. Кто-то напивается, кто-то выпускает из ноздрей разноцветный дым, кто-то танцует или предается откровенным ласкам в полумраке. Объединяет всех, и мужчин, и женщин, одно – шальные глаза и порывистые движения, выдающие желание выжать из момента все. Марк усмехается, будто сам он находится выше окружающей нас суеты, и продолжает:

– Это же один большой общий сон! У большинства людей в наше время есть все, что нужно для беззаботной жизни, почему же они так пытаются вырваться из нее? Уйти в наркотическое опьянение, оглушить себя громкой музыкой, занять руки телом, телами, множеством тел? Но души их ищут спасения! Именно поэтому сейчас так популярны религии. Одни наши автоцеркви обслуживают десятки миллионов ежедневно. Люди пытаются погрузить себя в состояние подсознательного, в мир примитивных желаний. Они будто что-то там потеряли и не могут найти! Весь мир пытается погрузиться в забытье, Золтан. Просто раньше это делалось с помощью наркотиков, транквилизаторов, антидепрессантов и безудержного секса, а теперь на помощь пришли еще и технологии. Ты же видел, как быстро нелегальный Memnotech распространяется на черном рынке? Не вижу в этом ничего плохого – без подобной дури многие из этих людей стали бы опасными для общества. А само общество давно бы съело себя изнутри. Да, наркотики и другие излишества выбивают людей из колеи. Но они же и разрушают старые структуры, освобождая место для чего-то большего. Высшего сознания, если угодно – нового порядка. Идеального, вечного! Именно на это направлены все наши проекты, Золтан, а не на создание всего лишь еще одной религии. И когда мы их воплотим… Мир никогда не будет прежним.

Марк торжествующе смотрит на меня, возбужденный своей речью.

– Ничего себе, – роняю я. Права была Дженна, у Марка и правда стояло на корпорацию. – Что же это за проекты?

– Не так быстро, малыш, – смеется он. – Если успешно пройдешь стажировку, тебе дадут соответствующий уровень доступа. Тогда и удовлетворишь свое любопытство. А пока – давай выпьем еще!

Я строю невинный вид, а про себя ругаюсь последними словами. Марк явно глубже, чем я полагал. К тому же то ли он не доверяет мне, то ли свято чтит корпоративное соглашение о конфиденциальности. А может, и сам толком ничего не знает! В любом случае ничего конкретного я не узнал, и мне придется

доигрывать свою роль без какой-либо награды. Теперь уже я показываю два пальца бармену – лучше набраться, чтобы, если что, можно было сослаться на плохое самочувствие.

Мы покидаем бар около полуночи, уже изрядно пьяными. Расцвеченный неоном дистрикт приближался к фазе максимального безумия. Людей на улицах стало в разы больше. Теперь нам приходилось протискиваться сквозь плотную потную толпу, которая горланит и хохочет, источая алкогольные пары. Одних прохожих буквально за руки втаскивали в бордели, других выкидывали оттуда. Лазерные лучи, прорезая облака разноцветного дыма, слепят глаза, а оглушительная музыка, доносящаяся из каждого бара, заставляет вибрировать внутренности.

– Пора валить отсюда! – кричит мне в ухо Марк и смотрит с намеком. Упс, пора применять свою алкозащиту.

– Кажется, меня мутит, дружище. Пошли куда потише!

Мы сворачиваем в переулок, где людей поменьше. Между двумя go-go-барами втиснута капсула универсальной церкви, на табло которой сменяют друг друга символы различных религий. Вот оно, спасение!

– Отличный способ замолить грехи, – усмехаюсь я. – А правда, что этой сетью владеет «Транс-Реалити»?

– Это была лучшая покупка за последнее время! – отвечает Марк. – Ты не представляешь себе, сколько людей во всем мире пользуются этими штуками. Если твое вероисповедание не доминирующее, нужно было ехать в другой район, а иногда и на другой конец города. А теперь эти капсулы расставлены повсюду – как мини-маркеты возле дома.

Он и впрямь гордится своей чудо-корпорацией, и я решаю этим воспользоваться.

– Но ты же говорил, что корпорация не связана с религией…

– Во-первых, я этого не говорил. А во-вторых, сеть автоцерквей – отличный маркетинговый канал. Кстати, хочешь посмотреть наш новый ролик? Его буквально вчера запустили.

– Конечно, хочу!

Не давая Марку спохватиться и вспомнить о его цели свидания, я скрываюсь в капсуле, пропахшей алкоголем, табаком и марихуаной. В этот раз я выбираю бесплатный режим, чтобы не отключать рекламу. И первый же ролик, который возникает на мониторе, открывается логотипом «Транс-Реалити».

– Тебе говорят: у тебя есть шанс оказаться в раю…

Нет сомнения – это тот же голос, который звучал в ролике на вечеринке у Марка.

– Живи праведной жизнью, усердно молись, жертвуй на

строительство храмов. И тогда, может быть, ты будешь вознагражден после смерти.

На экране появляется лицо католического пастора, рядом с ним возникает лицо раввина, муллы, ламы, индуистского священника.

– Но никто не даст тебе гарантий. *Никто* не видел тот рай, который обещают.

Камера пролетает над готическим собором, мечетью, синагогой, индуистским и буддистским храмами.

– Рай – это не просто призрачная надежда. Рай – это реальность. И эта реальность доступна каждому.

Экран заполняется свечением, пульсирующим в такт словам.

– Не важно, во что ты веришь и какую религию исповедуешь. Ты достоин рая уже при жизни. Никто не будет отвергнут, никто не останется разочарован. Скоро все изменится!

Сквозь сияние проступает логотип корпорации, и на этом ролик заканчивается. Следом за ним на экране демонстрируется реклама международного страхового общества, но это меня не интересует.

Я задерживаюсь в кабинке, ожидая, пока Марку надоест меня ждать и он уйдет вымещать досаду на каком-нибудь платном мальчике. Не слушая «священника» (теперь-то я знал, что это всего лишь клерк из колл-центра «Транс-Реалити») и односложно отвечая на его вопросы, я размышляю. Все, что Марк плел мне сегодня о том, что слово «религия» в контексте корпорации следует воспринимать аллегорически, – просто треп, не более того. Если уже вовсю крутят тизер нового проекта, вряд ли его запуска на рынок придется ждать слишком долго. Нужно поторопиться, ведь если Харон узнает обо всем не от меня, а из рекламы или новостей, ничего хорошего мне это не сулит. Остался только вопрос, что же такое это таинственное «Д.Р.» и у кого мне это разузнать?

Ломая голову над этими вопросами, я начинаю клевать носом. То ли бубнеж «священника» меня убаюкивает, то ли много выпил. А может, выбранный мною ладан вступил в реакцию с шестью… девятью?.. коктейлями…

0024

Я прихожу в себя от укола под ребро. Открыв глаза, нащупываю какой-то предмет – им оказывается остроносая шишка, которая и колола меня в бок. Вместо кабинки универсальной молельни меня окружает тропический лес. Густая зелень нависает над головой. Резко сажусь и осматриваюсь. Я действительно нахожусь в лесу и не помню, как сюда попал. Судя по багровеющим в просветах деревьев лучам зари, сейчас раннее утро. Немного ясности в ситуацию привносит пластиковый пакет с логотипом «Транс-Реалити», привязанный к моей ноге. Открыв его, нахожу там нож, бутылку воды, репеллент от москитов, пару шоколадных батончиков и сложенный вчетверо листок с печатным текстом.

Доброе утро, Золтан! Как ты, возможно, уже понял, наш департамент заинтересован не только в обеспечении безопасности корпорации, но и в безопасности каждого из сотрудников. В целях формирования твоих навыков выживания я предлагаю тебе пройти тест «Утро в джунглях». В настоящее время ты находишься на одном из десятков островов, окружающих наш прекрасный город. Твоя задача – добраться до офиса не позднее окончания рабочего дня. Чтобы упростить для тебя прохождение задания, неподалеку я оставил для тебя три подсказки с кодовыми названиями «Фреки», «Гунгнир» *и* «Валькирия». *Обнаружив все три подсказки, ты сумеешь попасть в офис к обеду. Надеюсь, ты не обиделся, что наши специалисты забрали тебя из твоей квартиры – это сделано исключительно ради совершенствования навыков, которые наверняка пригодятся тебе в будущем.*

С дружеским приветом,
Игги Бьольверк,
Глава Департамента безопасности.

Ниже виднелась угловатая подпись, похожая на сплетенные между собой руны.

Они что, совсем охренели?! Я еще раз перечитал текст. Из моей квартиры? Я и дома успел побывать? Или текст составили до того, как решили усыпить меня в молельне?

В любом случае ни похищение из молельни автоцеркви, ни из моей собственной постели не укладывалось в мое представление о стажировке в корпорации. Но об этом я решил поразмышлять позже. Я обшарил карманы: телефона не было. Прекрасно! Вокруг ни души – возможно, островок вообще необитаем, или он из тех,

где живет несколько десятков беглецов от городской суеты. В любом случае ждать помощи пока что неоткуда.

Сделав глоток воды из бутылки, я присел на поваленный ствол дерева в попытке собраться с мыслями. К счастью, после знакомства с Игги я подтянул свои познания в скандинавской мифологии, так что знал, что Фреки – кровожадный волк Одина, самого почитаемого божества нордических стран. Одноглазый воин – символ мудрости, смерти, магии… и поэзии.

Слово «Гунгнир» также имело непосредственное отношение к скандинавскому богу – так называлось его копье, не знающее промаха. Как ни глупо выглядела вся эта скандинавская философия на фоне джунглей, я ощущал разгорающееся любопытство. Итак, чтобы решить задачку, мне предстояло найти волка, копье и валькирию. Не обязательно в таком порядке – скорее, прежде чем встретиться с волком, было бы неплохо уже обзавестись копьем.

Для начала осматриваю просвет в густой растительности – ищу на стволах деревьев какие-то зарубки, руны, стрелки, да хоть что-нибудь. Единственное, что мне удается выяснить, – в какой стороне находится север, но это ничего не дает. Замечаю некое подобие тропинки, взбирающейся на холм. Иду по ней, прихватив пакет. Время от времени останавливаюсь, чтобы прислушаться – вдруг неподалеку расположился какой-нибудь поселок. Но ничего, кроме птичьих криков, мне расслышать не удается. Начинает припекать солнце, становится душно – полуденная жара приближается. Как ни пытаюсь экономить воду, бутылка уже наполовину пуста. По ощущениям, я блуждаю среди зарослей уже больше часа. По идее я уже должен был привыкнуть к сюрпризам, которые мне преподносит «Транс-Реалити», но эта игра на выживание нравится мне все меньше. Или она мне все-таки очень нравится? Раздумывая над этим, я замираю. В тени, перегородив дорогу, серым силуэтом застыл волк.

Присматриваюсь: это все-таки пес, но по размерам он не уступает своему лесному родичу. Определить породу невозможно: неизвестно, сколько поколений дворняг вступали в контакты, прежде чем на свет появился такой здоровяк. Косматая пепельная шерсть, хищные глаза, острые уши, ощеренные клыки. Пока он, разглядывая меня, неподвижно стоит посреди просвета в джунглях, я быстро взвешиваю, какой из путей выбрать – обороняться с помощью ножа или взобраться на дерево, от которого меня отделяет пара метров. Когда пес начинает беззвучно приближаться, я выбираю третий вариант.

– Фреки? – спрашиваю я его.

Пес останавливается и смотрит на меня. Достав из пакета

шоколадный батончик и освободив его от обертки, бросаю на землю перед псом. Принюхавшись к угощению, тот заглатывает его и поднимает морду кверху, требуя еще. Второй батончик тоже отправляется в его пасть.

– Больше нет, Фреки.

Фреки, если его зовут именно так, недовольно рычит, но ему приходится поверить мне на слово. Потеряв ко мне интерес, он покидает тропинку, устремившись в заросли. Я решаю последовать за ним – другого плана у меня все равно нет. Похоже, пса это нисколько не смущает. Напротив, время от времени он оглядывается, чтобы убедиться, не отстал ли я, перебираясь через поваленные древесные стволы. Тем не менее я стараюсь соблюдать дистанцию в десяток метров – на тот случай, если Фреки, забыв о возникшей между нами дружбе, решит атаковать. Мы бредем по лесу довольно долго, и я уже начинаю думать, что пес просто бесцельно блуждает, а вместе с ним и я. Вдруг он останавливается у большого дерева. Я замечаю, что из толстого ствола, на высоте примерно полутора метров, параллельно земле торчит длинное копье.

– Спасибо, Фреки! – произношу я, и в то же мгновение пес исчезает в кустах.

Приблизившись к дереву, пытаюсь выдернуть копье, но оно намертво вонзилось в ствол, как меч короля Артура – в камень. Поднимаю глаза и замечаю, что еще в двух метрах над тем местом, куда воткнуто копье, на коре вырезан какой-то знак. Используя копье как опору для ног, я забираюсь на него и, обхватив ствол, добираюсь до рисунка.

Фигурка, вырезанная на поверхности коры, изображает человека в развевающемся плаще с широкими рукавами и причудливой шляпе. В руке он держит копье, устремленное еще выше. Проследив, куда оно указывает, я замечаю небольшой пластиковый пакет, подвешенный к одной из толстых ветвей. Спустя несколько мгновений пакет оказывается у меня в руках, и я достаю из него *свой* мобильный телефон.

Набрать Линн – лишь половина дела. Но как объяснить ей, где я нахожусь? Я уже убедился, что геолокация в моем телефоне не работает: то ли связь не позволяет, то ли эти гады и в нем покопались.

– Один из десятков островов, – снова и снова повторяю я, как идиот, сидя на земле под огромным деревом. – Это все, что я знаю.

– Маловато информации, – в очередной раз отвечает она.

– Ты можешь засечь по номеру, где я нахожусь? Обратись к нашему общему знакомому.

– Это не так быстро делается, Зет! Может потребоваться несколько часов. Ты ведь не хочешь сидеть в джунглях до конца дня? Так что думай.

– Постой-ка! У меня есть еще одна неиспользованная подсказка.

– Какая?

– Валькирия.

– Что «валькирия»?

– Просто валькирия. Я не знаю, что конкретно имелось в виду.

– Погоди минуту. – Я слышу звук клавиатуры. Линн ищет что-то в интернете.

– Так… Опера Вагнера… Это не то… Кажется, нашла! Валькирия – «выбирающая убитых». Девы-воительницы прилетают на крылатом коне за воинами на поле битвы, – скороговоркой читает она. – И решают, кому из воинов выжить, а кому – погибнуть.

– Да, я знаю. Но я пока еще живой, – пытаюсь пошутить.

– Воины… Солдаты… – бормочет Линн.

– Какие еще солдаты? Здесь только чертовы заросли!

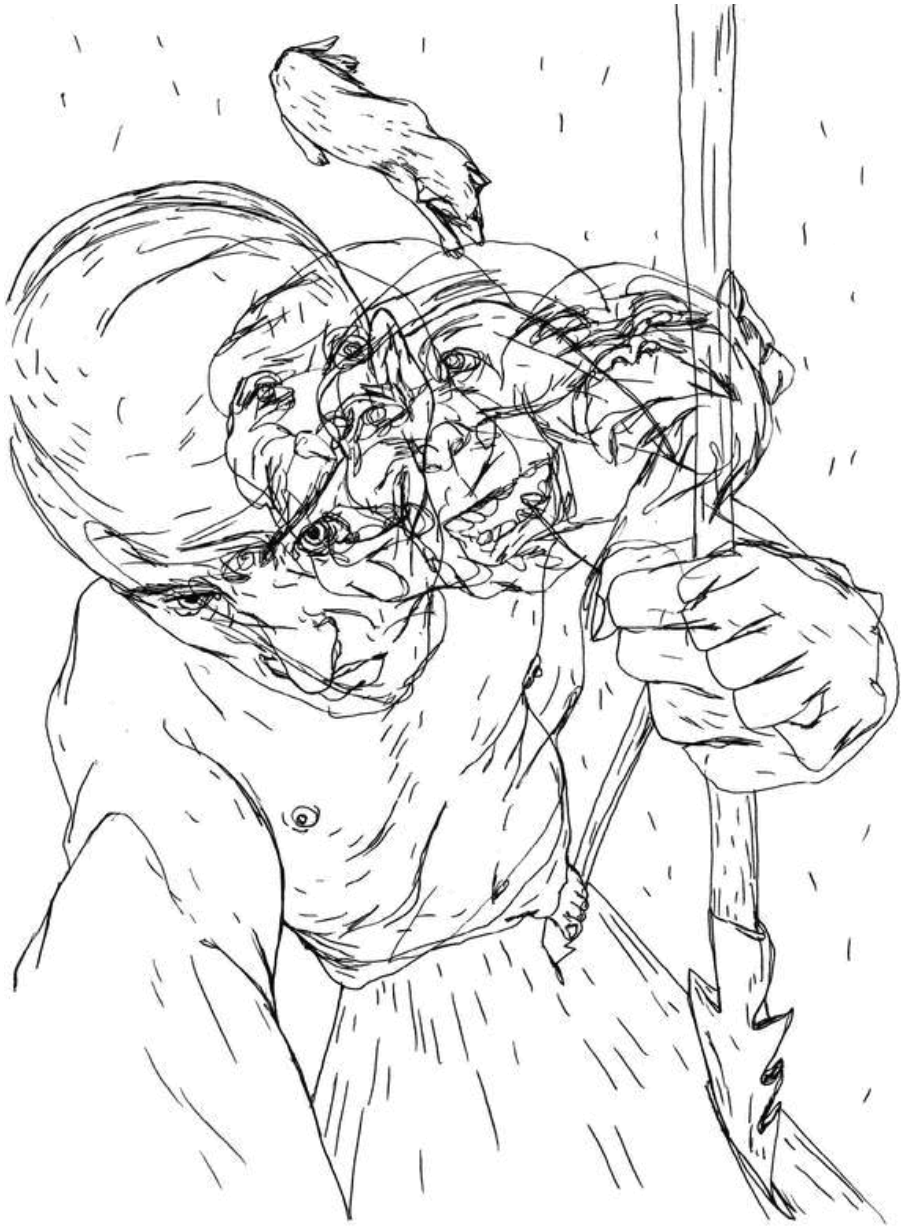
– Потерпи.

Линн отключается и перезванивает через несколько минут:

– Ты на острове Сентоза.

– С чего ты взяла?

– Форт Силосо. Сначала использовался для защиты от пиратов, затем – как опорный пункт времен Второй мировой. Когда Сингапур капитулировал, был сдан и форт. Его превратили в лагерь для военнопленных. По данным архивов, от жестокого обращения японцев там погиб каждый третий пленный солдат…



Я помню этот остров – бывал здесь в былые времена. Только тогда он был людным. По острову курсировал транспорт, туристам предлагались цивилизованные прогулки по джунглям по специальным подвесным мостикам. С тех пор все изменилось: джунгли разрослись, а остров развлечений пришел в запустение.

Пробираюсь еще несколько десятков метров по чаще. Приглядываюсь: так и есть, обветшавшие туристические мостики.

– Линн, ты еще на связи?

– Да, я здесь.

– Похоже, ты права. И как мне отсюда выбраться?

– Если я все правильно рассчитала, тебе нужно двигаться на запад. Там ты найдешь заброшенный мемориал. Я прилечу на своем железном коне через пару часов, – шутливо отмечает она.

Я допиваю последние капли из бутылки и в этот момент замечаю Фреки. Высунув морду из зарослей, он с интересом наблюдает за мной. Разглядывает меня несколько минут, а затем вновь исчезает – на этот раз окончательно.

Продвигаясь на запад, как велела Линн, я действительно упираюсь в заброшенный форт Силосо: об этом свидетельствует едва различимая надпись на ветхой табличке. В память о погибших, а заодно для привлечения туристов, здесь был обустроен мемориал: бункеры, склады, тоннели открыли для посещения, а по всей территории расположили манекены британских солдат, давно выцветшие на солнце.

Поле брани Сингапура давно лежит в финансовой плоскости, и государство полностью потеряло интерес к войне на всех исторических этапах: воинская повинность больше не распространяется на всех мужчин, не говоря уже о вручении повесток всем мальчикам при рождении. Про события почти столетней давности и говорить не приходится: очевидно, мемориал давно уже не посещала ни одна живая душа. Только блеклые манекены солдат.

Я опускаюсь на землю, облокотившись спиной на раритетную пушку, и, утомленный зноем, начинаю клевать носом, размышляя, чему меня должно было научить это испытание. Меня приводит в чувство рычание мотоцикла моей Валькирии.

– Как же я рад тебя видеть, – признаюсь я.

– Не сомневаюсь, – отвечает Линн.

– Подожди-ка. Дай мне свой телефон на минуту. И ручку – есть?

Открыв навигатор, изучаю нашу позицию. Может, я что-то упустил. Записываю на руке координаты из телефона Линн. Точно нужно будет вернуться сюда еще раз, на свежую голову, и все проверить. Черт, до конца рабочего дня всего пару часов – нужно поспешить, а то задание будет провалено! Впрочем, мне тоже есть что высказать Бьольверку. Мне не нравится, когда меня

похищают из постели. Мне не нравится, когда меня без моего ведома накачивают наркотиками! Мне не нравится, когда меня оставляют одного в чертовых джунглях!

– Золтан! – слышу я голос Линн. – Ты бредишь.

Я открываю глаза в собственной постели, полностью раздетый. Линн стоит рядом, в своей косухе, очевидно, готовая уходить.

– Кошмар приснился? – улыбается она. – Ну и набрался же ты вчера в Гейланге. Нам с таксистом пришлось тащить тебя до постели. Кстати, при случае скажи спасибо своему приятелю Марку – это он мне позвонил.

Не успел я собраться с мыслями, как Линн ушла, подмигнув мне на прощание. Какое-то время я продолжаю лежать на спине. Я мог поклясться, что еще секунду назад сидел сзади нее на мотоцикле, мы мчались по мосту с острова Сентоса к офису, я смотрел на заброшенную канатную дорогу… Даже ощущение седла мотоцикла под ляжками еще не прошло, я мог пересчитать каждую заклепку на куртке Линн…

Потянувшись за телефоном, я замер. На моей руке были записаны координаты. Тут же набираю Линн.

– Ты еще недалеко уехала? Вернись, пожалуйста. Мне нужно сгонять с тобой в одно место…

0025

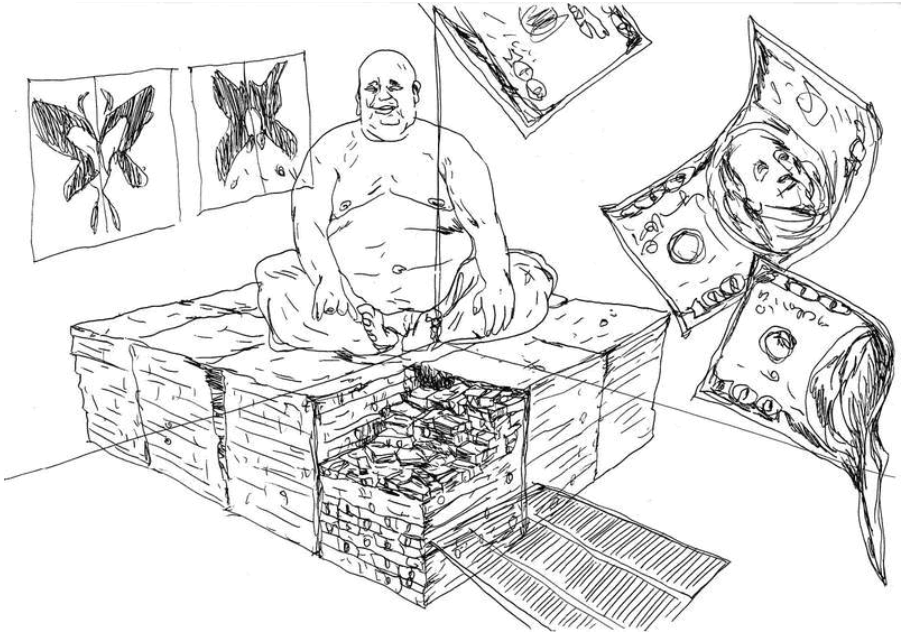
Мне так и не представилась возможность обсудить с Игги свое испытание. Стажировка в департаменте была окончена, и на пятый этаж я больше не мог попасть – не позволяла магнитная карта. Может, это и к лучшему.

Помню свой истерический хохот, который обеспокоил даже всегда невозмутимую Линн, когда я носился по заброшенному форту на острове, обнаруживая то старые фигуры солдат, то пушку, у которой задремал, то долбаное дерево, то кучу дерьма этого чертового пса, любителя шоколадных батончиков. Чего не было в этом лесу – так это следов моего присутствия. Ни пакета, ни копья, ни рун. Когда я осторожно поинтересовался у Линн, помнит ли она это место, она посмотрела на меня как на сумасшедшего. Я и сам так на себя поглядывал в зеркало в последнее время.

Одного я не мог понять, откуда у меня на руке взялись координаты, явно записанные моими же собственными каракулями. Еще одна загадка в мою копилку. Свинью-копилку с большим логотипом «Транс-Реалити» на розовом боку!

С Хароном тоже не получилось встретиться, его не было в городе. Тем временем началась очередная неделя стажировки – на этот раз в финансовом департаменте «Транс-Реалити».

Начало этого этапа скорее напоминало посвящение в какую-то духовную школу. Впрочем, я уже перестал удивляться странностям этой корпорации и соразмерять свои ожидания с тем, что видел и испытывал. Лишь впитывал информацию, пытаясь сложить из нее более-менее целостную картину.



В зале для медитаций нас двое – я и Фо Ци. Он сидит напротив меня в позе лотоса, сложив руки под обширным животом. На платформе, сооруженной из пачек стодолларовых купюр.

– Здесь пятьдесят миллионов, – объясняет он таким тоном, словно речь идет о чем-то обыденном. – Дело в том, что в наше время деньги превратились в продукт воображения, они больше не материальны. Таким образом, я пытаюсь напомнить себе, что деньги – нечто реальное, осязаемое, а не просто компьютерные нули и единицы.

Фо Ци возвышается надо мной примерно на метр и, соответственно, на пятьдесят миллионов баксов. Я сижу на обыкновенной циновке стоимостью примерно долларов пятьдесят. Определенно из всей разношерстной компашки боссов «Транс-Реалити» Фо мне наиболее симпатичен, хоть я его почти не знаю. Будто я чувствую, что под толщей его жира скрывается доброе сердце, но тут речь о другом – о том умиротворении и чувстве спокойствия, которое от него исходит. Этот человек сумел достигнуть максимальных высот, затем почти все потерял, теперь вознесся снова. Такие уроки учат тому, что взлеты и падения – лишь часть большой игры, результат которой измеряется вовсе не деньгами. Похоже, он понимал это задолго до того, как был вынужден бежать из Китая. Истинный буддист – думаю я, а он, словно прочитав мои мысли, произносит:

– В буддизме самой большой ценностью является

осознанность. К сожалению, из-за осознанности люди часто забывают о важности воображения. Даже сам Будда Гаутама говорил: все, что ты собой представляешь, соткано из твоих помыслов. И если действуешь с дурными помыслами, то несчастья следуют за тобою, словно тень. Ты занимался когда-нибудь развитием своего воображения, Золтан?

– Целенаправленно – нет.

– Хочешь попробовать?

Смиренно киваю. В отделе кадров со мной проводили секс-тесты. В отделе безопасности учили практике осознанных сновидений. Почему бы не позаниматься развитием воображения в отделе финансов?

– Если говорить о силе воображении в контексте буддизма, следует начать с того, что буддистская философия неверно понята европейцами, – начинает Фо Ци. – Проблема кроется в тонкостях перевода. Я имею в виду слово «*дукха*», которое обычно переводят как «страдание». «Все есть страдание» – в таком переводе первая из Благородных Истин буддизма звучит не слишком обнадеживающе, правда? Более корректный перевод этого слова – неудовлетворенность, беспокойство, томление ожиданием. Именно воображение помогает избежать всего этого, предоставляя возможность увидеть свою цель и путь, ведущий к ней.

Я ерзаю на циновке – ноги, сложенные в лотос, стали затекать. Фо Ци жестом показывает мне, что я могу расслабиться, и продолжает:

– Воображение условно можно разделить на два вида – вредное и полезное. Вредно оно, если наполняет твою жизнь иллюзиями. Полезно, когда помогает тебе создавать мир, приспособленный для твоего личного совершенствования.

– Создавать мир – в фигуральном смысле?

– Все что угодно можно понимать буквально или фигурально – суть вещей от этого не меняется. Мы каждый день заново создаем мир, когда открываем глаза, проснувшись. И также создаем миры, когда спим – куда более продуктивно, чем когда бодрствуем. Знаешь, что мешает воображению, Золтан?

– Ограниченность? – высказываю я догадку.

– Верно. Ограниченность нашей реальности. – Кажется, мой собеседник вполне удовлетворен ответом. – Все дело в том, что, пытаясь вообразить что-то новое, мы используем скудный набор устоявшихся представлений. Проще говоря, наше воображение лишь комбинирует пазлы опыта, и, хотя количество этих комбинаций бесконечно, мы не в силах вообразить нечто действительно новое. Во всем, что мы видим – в реальности или в

фантазиях, – мы ищем знакомые нам черты.

Фо Ци кивает на несколько пергаментов в рамках, висящих на стене. Только теперь я замечаю: то, что я поначалу принял за начертанных тушью бабочек – это красиво оформленные тесты Роршаха.

– Когда ты смотришь на чернильное пятно или на облако над головой, ты невольно спрашиваешь себя: на что из того, что я уже видел, это похоже? Мы ищем узнаваемые образы во всем, поскольку среди неузнаваемого мы просто не можем функционировать. Такова природа нашего мышления.

– Да, так проще, – произношу я. – Эволюция научила нас так мгновенно отличать знакомое от опасного.

– Так, конечно, проще. Но также это ограничение, которое удерживает нас в узких рамках нашей реальности. К счастью, это препятствие преодолимо, – улыбается Фо. – Существует троичный путь, следуя которому ты сможешь значительно расширить возможности своего воображения.

Я пытаюсь понять, как вся эта теория соотносится с грудой кеша под его толстой задницей. Пытается ли Фо Ци дать мне какой-то ключ к успеху или просто морочит голову? Демонстрирую ему свою готовность слушать… и не зря. То, что за этим следует, буквально переворачивает мое мировоззрение.

– Итак, ловушка, в которую мы загоняем свое воображение, состоит в том, что в жизни мы опираемся на собственный опыт. И чтобы освободить силу воображения, мы должны отказаться от этого опыта в пользу предчувствия.

– Отказаться от опыта? Я всегда считал, что нет ничего ценнее его.

– Это непросто, но достижимо, стоит только поставить себе такую задачу, – заверяет меня мой собеседник. – Отказ от опыта придет к тебе с опытом.

– Звучит как парадокс… Как можно избавиться от опыта, набравшись опыта?

Фо Ци нагибается к столику, разделяющему нас, на котором стоит традиционный сервиз для чайной церемонии. Он берет чайник и льет в пиалу темно-зеленый чай, продолжая говорить.

– Полную чашку уже нельзя наполнить, верно?

– Да, потому что она уже и так полна. – Я слежу за чаем, который начинает переливаться через края пиалы. Фо Ци берет стеклянный сосуд и льет в чашку чистую воду, делая чай все светлее.

– Точно так же я предлагаю тебе наполниться, чтобы освободиться от того, что тебя наполняет. Посмотри, горячий чай покидает пиалу, замещаясь холодной прозрачной водой. Так и

твой предыдущий опыт заменяется новым.

Кажется, я начинаю что-то понимать.

– Но пиала ограничивает количество жидкости, верно?

– Да, мой дорогой друг. Вот они, ограничения нашего человеческого разума. Чтобы побороть эти ограничения, мы должны разрушить границы логики. Это второе правило.

Я вздрагиваю от резкого звука – Фо Ци разносит пиалу в куски ударом чугунного чайника, разбрызгав жидкость по всему столику. Он смотрит на меня с хитрой усмешкой.

– Упс. Кажется, разум не выдержал и разлетелся вдребезги! – пытаюсь пошутить я.

– Ты про осколки? Нет, вся пиала здесь. Просто в другой форме, понимаешь?

– В форме… осколков? Но осколки пиалы не могут служить своей цели, значит, это уже не пиала!

– А ты вообрази, что может.

– Как? Это же нереально!

– Да, в нашей реальности разбитая пиала не существует, как, собственно, «пиала». Лишь как «осколки пиалы», которые не могут быть нам полезны. Однако при достаточно развитом воображении ты сможешь увидеть пиалу в этих осколках и даже выпить из нее чаю.

– Не понимаю как?

– Очень просто. И невероятно сложно. Однако и это очень важно, мой дорогой: чтобы вообразить несуществующее, мы должны утратить веру в реальность!

Я ощутил волнение. В моей голове всплыли приключения в лесу, оставившие реальный след на моей руке. Трип на вечеринке… Происходило ли это в действительности? А почему, собственно, я верю, что происходящее сейчас – реально?

Фо Ци наблюдает за мной, будто догадываясь, какой вихрь мыслей вызвали во мне его слова.

– Положим, я откажусь от веры в реальность, – нервно усмехаюсь я. – Что это поменяет? Разве в реальность нужно верить или не верить? Вот она, здесь и сейчас. Она не нуждается в подтверждении верой.

– Боюсь, ты ошибаешься, Золтан. Сознание – это огромная сила, трансформирующая вероятность в действительность. И в скором времени я постараюсь тебе это продемонстрировать. Не пытайся осознать все сейчас, – произносит он. – Осознание придет со временем и наступит мгновенно – как любое прозрение. А сейчас я хотел бы предложить тебе непродолжительную медитацию. Ты когда-нибудь медитировал прежде?

– Приходилось.

– Просто закрой глаза и постарайся осознать то, что я буду тебе говорить.

Я подчиняюсь.

– Великие мастера учат, что медитация помогает растворить себя в мире вокруг. Почувствовать себя молекулой этого мира, сотканного из стихий, – песчинкой, которую носит ветер. Но при этом человек не должен ощущать ни свою беспомощность, ни безнадежность – так сказать, хороший повод смириться и принять бессмысленность бытия. И я во многом согласен с ними, мой друг, – это прекрасно работает для целой категории людей, называющих себя «осознанными», – словно издалека доносится до меня голос Фо Ци. – Но большинство мастеров зачастую скрывают критически важный навык от своих учеников. Куда интереснее становится, когда ты запускаешь импульс своего намерения в пространство и начинаешь менять эго – менять мир и реальность. Это и отличает осознанных от просветленных. Научить тебя осознанности – думаю, это будет не так уж сложно. А вот заставить тебя достичь просветления – это настоящий вызов!

– Полагаю, долгий путь к просветлению начинается с одного маленького шага? – подал голос я.

– Все верно, – кивнул он. – И вот он, этот шаг. Прямо сейчас ты должен воссоздать в своем воображении этот зал и толстого китайца, сидящего на пачках денег.

Первое задание оказывается совсем несложным.

– Ты должен вообразить эту картину в мельчайших деталях, – требует Фо.

Я стараюсь воссоздать в своем воображении каждую складочку на его животе и даже разглядеть портреты американских президентов, на которых покоятся его ляжки, обтянутые шелковыми шароварами.

– А теперь представь, что здесь нет никаких пачек денег, – продолжает он.

Выбросить деньги из головы оказывается не так уж просто. Но спустя примерно минуту мне это удается – в своем воображении я перемещаю Фо на циновку, подобную той, на которой сижу сам.

– Теперь, Золтан, ты должен представить, что и меня тоже нет в этом зале.

Я послушно стираю Фо Ци из воображаемой картинки. Остается пустое пространство, ограниченное белыми стенами с нарисованными на них яркими мандалами. Какое-то время мой буддистский учитель не издает ни звука.

– Фо? – зову я спустя несколько минут.

В ответ – тишина. Я открываю глаза и вижу, что в зале нет ни

китайца, ни его денежного подиума. Поднимаюсь с циновки, не веря своим глазам. Если это какой-то фокус, то его провернули так умело, что я ничего не услышал и не почувствовал. Как они это сделали? Мысль об использовании голограммы я отбрасываю, вспомнив ощущение от пухлой руки Фо Ци при рукопожатии. Потайной люк?

Я как раз ползал по полу, выстукивая покрытие и проверяя каждую щель, когда в дверь заглянула секретарша Фо Ци. Она ничуть не удивилась, когда увидела меня ползающим на карачках и лишь сверилась с чем-то в планшете.

– Господин Фо Ци приносит свои извинения за то, что не сможет сегодня прийти на встречу с вами, – произнесла она со служебной улыбкой. – Он спрашивает, не слишком ли вас утомило ожидание и согласны ли вы завтра присоединиться к нему на прогулке.

Если моя поза и не вызвала у секретарши эмоций, то мое ошеломленное лицо ее явно позабавило. Она протягивает мне мой брифкейс и провожает до лифта. Я держу все вопросы при себе. Уверен, уже скоро я докопаюсь до истины и пойму, что здесь творится.

0026

Утром я занимался личными финансами: подбивал бюджет, платил по счетам, раздавал долги. Эта деятельность меня утомила и расстроила – я явно жил не по средствам. Даже после получения аванса от Харона в моем бюджете остались зияющие дыры, грозящие мне скорым коллапсом, если я не закончу свое задание успешно. Пока же все шло не слишком гладко: я продвигался на два шага, и тут же сотрудники корпорации своими экспериментами отбрасывали меня на один назад. Корпорация будто намеренно расшатывала мои нервы, не оставляя возможности собраться с мыслями.

Вспомнив про таблетки, полученные от Линн, выуживаю их из тумбочки и принимаю одну. Однако немного поразмыслив, кладу в карман всю банку – мне это пригодится. Главное не подсесть на эти колеса, если, конечно, это еще не произошло. Заметив в ящике заброшенную мною ракушку Memnotech, вспоминаю, что хотел как-то попробовать поэкспериментировать с ней. Но уж точно не сейчас – впереди очередные загадки от Фо Ци.

Спустя пару часов мы с ним прогуливаемся неподалеку от офиса, и тщедушные клерки расступаются в стороны, пропуская крупную тушу. При этом Фо Ци ведет себя так, будто мы и вправду вчера встречались с ним и не было никакого трюка с исчезновением. Я прекрасно помню его слова о невозможности осознать все сразу, поэтому избегаю лишних вопросов и просто впитываю информацию.

Сегодня Фо Ци одет в просторную рубаху из черного шелка, расшитую золотыми конями, и выглядит он в этом наряде, мягко говоря, необычно. Особенно если учесть, что мы находимся в самом сердце Сити. Один из клерков собрался было запечатлеть колоритного персонажа на свой смартфон, но тут же передумал после того, как Фо обратился к нему с благодушной улыбкой:

– Не стоит этого делать, мой дорогой!

Харизма Фо Ци настолько сильна, что клерк тушуется и убегает, как будто Фо на него грубо наорал. Я не успеваю осмыслить это, как мы уже подходим к небольшому парку с садом камней. Он со всех сторон окружен небоскребами – подняв голову, можно увидеть лишь кусок неба размером с квадрат Малевича. Мой спутник занимает своей задницей полскамейки и принимается шумно фыркать, пытаясь отдышаться. Преодолевать больше нескольких сотен метров за раз он, похоже, не привык.

– Так о чем мы с тобой говорили? – спрашивает он,

восстановив наконец дыхание.

– О деньгах и… воображении.

– Да, точно. Люди любят деньги – это аксиома, тут не поспоришь. Но ключевой нюанс заключается в том, что они любят деньги по-разному. И если ты сумеешь разобраться в природе этой любви в каждом конкретном случае, то цены тебе не будет. Вот ты, Золтан, как ты любишь деньги?

– Полагаю, что без фанатизма. Скажем так, я не готов убить из-за денег – даже если речь будет идти об очень большой сумме.

– А предать? – поинтересовался Фо.

– Тут все сложнее… – замялся я. – Зависит от того, что за человек и что за предательство…

– Предательство – это всегда предательство, разве нет? По крайней мере ты не пытаешься делать вид, что деньги для тебя не главное.

– Интересно, а вы что думаете по этому поводу? – любопытствую я.

– В моем случае все просто. Я считаю, что деньги – одна из двух по-настоящему стоящих вещей в этом мире.

– А вторая?

– Разумеется, любовь. Ни деньги, ни любовь нельзя купить, зато их легко растратить. И деньги, и любовь делают нас честными: мы не врем ни когда платим, ни когда любим. Деньги и любовь – это самое большее, что мы можем дать другим, и самое большее, что можем у них взять.

Мы на некоторое время замолкаем. Он опять меня удивил. Неожиданно было услышать такие поэтичные слова от подобного увальня, в особенности если он – глава Финансового департамента.

– А теперь, Золтан, хочу предложить тебе выполнить небольшое упражнение. Точнее, три упражнения. Для начала я попрошу тебя оставить кошелек здесь, на скамейке. Все – и деньги, и кредитные карточки.

Делаю то, что он велит.

– Цель предстоящего упражнения – выяснить, как строятся твои отношения с деньгами. В данном случае нам предстоит узнать не то, как ты относишься к деньгам, а как они относятся к тебе. Первое задание очень простое: тебе предстоит найти денежную купюру в этом парке.

– А вы уверены, что она здесь есть?

– Не уверен, Золтан. Но ты должен ее найти. За пять минут.

– Но если все-таки ее тут нет…

– Тогда мне придется написать в своем отчете для Паоло и других акционеров, что ты не справился с простейшим

заданием, – мягко перебивает меня он. – Некоторые из них даже обрадуются. Но ведь мы с тобой не хотим разочаровать Саула, который остановил на тебе свой выбор?

Несмотря на мягкость, Фо Ци явно не шутил. Вот это ставки! Особенно в свете моих утренних переживаний о деньгах мне вовсе не хотелось провалиться на подобной ерунде. Наматывая круги вокруг сада камней, я судорожно просчитываю в уме варианты, на случай неудачи в поисках. Украсть, выпросить, продать свой телефон, в конце концов. Всего пять минут! И тут мой взгляд падает на смятую бумажку мелкого номинала, валяющуюся возле урны.

Чуть ли не бегом вернувшись к скамейке, вручаю находку Фо.

– Теперь чуть усложним задание, – произносит китаец, сняв с себя шапочку и положив в нее купюру. – Тебе нужно найти еще одну купюру. Эта – мелкая, а ты должен принести мне крупную. Скажем, в двадцать сингапурских долларов. Можешь расширить круг поисков, но далеко не уходи. Даю тебе десять минут.

– Но крупные купюры на земле долго не залеживаются… – пытаюсь возразить я.

– Кто-то постоянно теряет деньги, а кто-то их находит, – отвечает он. – Значит, этим кем-то можешь быть и ты. Действуй, время идет!

Выйдя за пределы парка, я прохожу вдоль стен небоскребов, но, как и следовало ожидать, ничего не нахожу. Ни мелких, ни крупных купюр. Может, я их просто не замечаю, занятый своими лихорадочными мыслями? Тогда я вспоминаю простое правило: хочешь что-то найти – представь в деталях, как это «что-то» должно выглядеть. Я пытаюсь вообразить искомую купюру вплоть до мелочей: цвет, фактуру, портрет президента, смятый уголок. Спустя несколько минут поисков я действительно ее нахожу – сложенная вчетверо и придавленная сверху пустой пачкой от сигарет! Разворачиваю – целых пятьдесят долларов! Кажется, я наткнулся на наркоманскую закладку, но размышлять некогда. Одна минута на размен купюры у уличного торговца, и я гордо протягиваю двадцатидолларовую купюру Фо Ци.

– И наконец, третье задание, самое важное, – произнес он, приняв из моих рук деньги. – Не забывай, от этого задания зависит твоя судьба в нашей компании. Я хочу, чтобы ты принес мне монету.

– Что? Какую монету?

– Любую. Золотую, серебряную, медную.

– Монеты давно не используют – мне что, в музей бежать?!

– Даю тебе пятнадцать минут. Время пошло!

Пятнадцать минут – этого времени слишком мало, чтобы

разработать план похищения музейного экспоната. Быстрым шагом я иду по парку, даже не пытаясь совладать со злобой. Чертовы Рамбаны и Фо Ци со своими коанами, чего они от меня хотят? Или чему именно пытаются научить?

Смех и оживленная болтовня заставляют меня оглянуться – неподалеку от фонтана фотографируется группа веселых японок, ярко накрашенных и одетых в традиционную одежду. Занятый своими мыслями, с завистью разглядываю их. Хотел бы я сейчас быть таким же беззаботным, а не выполнять абсурдные задания повернутого на буддизме финдиректора.

И тут я вижу монетки. Целая гроздь, нанизанная на нитку, украшает шею самой красивой из девушек. Я бросаюсь к ней. Что-то говорю, от волнения – на «синглише», мешая английские слова с малайскими и китайскими, тыкаю пальцем в монисто, умоляю, пытаюсь очаровать. Японка сначала меня не понимает, но, видимо, мое отчаявшееся лицо кажется ей настолько забавным, что она вдруг, прыскает, кланяется мне и снимает с себя ожерелье. Трясущимися руками я снимаю с нитки одну монетку, серебристую с дыркой посередине, рассыпаюсь в благодарностях и несусь в сторону скамейки Фо Ци.

И застаю там потрясающую картину. Фо сидит в позе лотоса, закрыв глаза и благодушно улыбаясь солнцу. На его лице разлились покой и умиротворение, руки сложены под обширным пузом. Он будто олицетворяет собой Будду и уж точно представляет собой привлекательную картину для туристов, которые, пока я бегал, накидали в стоящую на скамейке шапочку как мятых купюр, так и несколько блестящих монеток!

Бухнувшись рядом с ним, пытаюсь отдышаться и добавляю свою монетку к уже лежащим в шапочке. Фо Ци, открыв глаза, одобрительно смотрит на меня.

– Я выполнил задание?

– Зависит от того, вынес ли ты из него урок. – Фо Ци смотрит на меня, ожидая ответа.

– Деньги сами придут? – пытаюсь угадать я.

– Почти. Да, их тебе принесут люди. Ты лишь должен дать им что-то взамен, а не бегать за ними и уж, не дай бог, не предавать ради денег.

– Но у меня ничего не было!

– У меня тоже. Да я и не предлагал ничего. Почему же люди накидали мне полную шапку денег?

Я не знаю, что ответить. Фо Ци встает, бережно собирает деньги из шапочки и кладет их в карман. Отдает мне мою монетку, видимо, на память о пройденном уроке. Мы идем к выходу из парка, пока он продолжает говорить.

– Я дал людям что-то более важное, чем вещи или услуги. Я дал им возможность пожертвовать чем-то ради просветления, которое олицетворял, медитируя прямо на скамейке, среди уличной суеты. А они совершенно добровольно за это заплатили. Так работают и религии, и наша корпорация. Кстати, в отношении к деньгам в том числе и состоит уникальность «Транс-Реалити». Как бы ни банально это звучало – деньги для нас не цель, а лишь средство достижения целей. Подумай над этим на досуге.

Фо несет свое грузное тело с величественным спокойствием. Мой озабоченный вид не ускользает от его внимания.

– Думаю, тебе стоит чаще заниматься медитацией, – советует он, когда мы приближаемся к офису. – Ты выглядишь слишком нервным.

* * *

Все, что произошло со мной в последние дни, нуждается в расшифровке. Харон требует регулярных отчетов, и мне приходится удовлетворять его желания, соединяя реальный опыт с собственными домыслами.

В воскресенье вечером мы встречаемся с ним в порносалоне, расположенном в подвале торгового центра. У входа в кабинку для мастурбации сталкиваемся с выбирающимся оттуда прыщавым юнцом, застегивающим на ходу ширинку. Тот с презрением окидывает нас взглядом, будто двух извращенцев. Ни я, ни Харон не решаемся присесть на обтянутый винилом диван, установленный напротив монитора с порно, и разговариваем стоя лицом к лицу.

Мы не виделись с момента окончания стажировки в отделе кадров. Ответов на вопросы Харона по Мизрахи у меня пока нет. Про дочь Саула Гаади мне тоже не удалось ничего разузнать. Но мне все равно есть что ему поведать: и про задания Игги, и про откровения Марка, и про коаны Фо Ци. Скромно умалчиваю только про эпизод в лесу, так как сам пока не понимаю, что это было.

По мнению Харона, испытания, которым подверг меня Фо Ци, – это не два различных коана, а две части одного и того же теста.

– Смотри сам, Зет, – говорит Харон, – в первом случае он занимался тренировкой твоего воображения, заставляя в мельчайших деталях представлять пачки долларов. Во втором

случае он добивался, чтобы ты материализовал воображенные тобою дензнаки. Что он и сам делает каждый день, разве что без помощи медитаций.

– Не слишком ли это поэтично для человека, который должен быть максимально прагматичным? – возразил я.

– Не забывай, мы имеем дело не с обычной корпорацией, а с «Транс-Реалити». В обычных корпорациях не совершают жертвоприношений богам, не пытаются управлять снами и не медитируют, сидя на миллионах.

– А ты не думал, что весь этот цирк, которым они наполнили свою офисную жизнь, призван отвлечь внимание от чего-то гораздо более прозаического? – высказываю я свое предположение.

– Если хочешь кого-то одурачить, скажи ему правду, – задумчиво произносит Харон.

– Еще одна буддистская мудрость?

– Почти, – отвечает он. – Это сказал Бисмарк.

В конце разговора он отдает мне пакет из «Макдоналдса», наполненный пачками купюр. Посвященная деньгам неделя заканчивается деньгами, что кажется мне логичным. Вес пакета наполняет меня умиротворением, и какой-то нерв, зажатый внутри меня всю неделю, наконец расслабляется. Во всяком случае, выкладываюсь я недаром.

0027

В понедельник утром я сидел в приемной Августы Юстас на тридцатом этаже. Глава юридического департамента, по словам Марка, была не только сластолюбива, но еще довольно мстительна и злопамятна. Постараюсь это учесть. А еще она довольно непунктуальна, судя по тому, что опаздывает уже на полтора часа.

«Госпожа Юстас ждет вас в фитнес-центре», – наконец сообщает мне секретарь. Фитнес-центр размещался на том же этаже. Мне выдают спортивный костюм с логотипом «Транс-Реалити» на груди. Облачившись в него, прохожу в зал кардиотренажеров, где Августа остервенело крутит педали привинченного к полу велосипеда. Она одета в черный спортивный костюм с белым воротничком, а ее загорелое тело покрывают капельки пота. Поприветствовав белокурую мадам, забираюсь на соседний велотренажер. В моей голове вертится вопрос, от которого я не мог отделаться с самого утра: закончится ли моя сегодняшняя стажировка сексом с этой дамой?

– С кем из наших «шишек» ты уже успел пообщаться? – любопытствует она, будто и правда не знает.

– На прошлой неделе проходил стажировку у Фо Ци, на позапрошлой у Бьольверка, а до этого у Чопры.

– И как они тебе?

– Интересные экземпляры, – уклончиво ответил я.

– А поподробнее?

– Сложно судить – мы не так уж много общались. Господин Бьольверк производит впечатление опытного вояки. Похоже, он рассматривает корпорацию как поле боя, где есть свои и чужие, герои и предатели…

– А что ты скажешь про его воронов?

– Один из них как-то даже сел мне на голову.

– Вот как? Интересно!

– Что же касается господина Чопры, то, по-моему, он хочет казаться куда более грубым, чем есть на самом деле.

– А вот тут, Золтан, ты попал пальцем в небо. Насколько я его знаю, а знаю я его довольно близко, – она подмигнула мне, – он именно такой засранец, каким кажется. Впрочем, я рада, что Чопра тебя не испугал, а Бьольверк не обвел вокруг пальца – иначе тебя бы тут не было.

– А что написал Фо Ци в своем отчете?

– Фо Ци не пишет никаких отчетов. – Августа рассмеялась. – Вот этот хитрец как раз крепкий орешек и, несмотря на внешнюю

добродушность, себе на уме.

Нашу беседу прерывает личный тренер Августы, сообщив о том, что мы можем перейти в бассейн. Я замечаю ревнивый взгляд, которым юный крепыш, почти мальчик, награждает мою скромную персону.

Бассейн окружали мраморные колонны, а потолок был усыпан цветными витражами с библейскими и античными мотивами (разглядел я среди небожителей и Юстицию с весами – какая нескромная аллегория, мадам Юстас!). Тут мы снова оказываемся одни, как и в тренажерном зале. Возможно, в рабочее время пользоваться фитнес-центром могла лишь глава департамента – я не стал уточнять. Пока мы плаваем от одного бортика к другому, моя наставница рассказывает, чем именно занимается возглавляемый ею департамент.

– Разумеется, через наш отдел проходит множество договоров. С сотрудниками, с подрядчиками, субподрядчиками, с рекламодателями… Но все это совсем неинтересно. Гораздо более увлекателен другой аспект нашей работы. Речь идет о юридическом оформлении отношений с особыми клиентами. И особыми привлеченными специалистами.

– Особыми? – Я навострил уши.

– Рассмотрим гипотетический пример. Допустим, некий заказчик хочет снять видео, в котором он плавает в бассейне с известной актрисой, а затем занимается с ней сексом. Как бы ты это устроил, если бы к тебе поступил подобный заказ?

– Для начала я связался бы с этой актрисой…

– И что бы ты ей сказал? Не хотите ли потрахаться с богатым стариком на камеру? Естественно, она пошлет тебя куда подальше.

– Значит, нужно использовать цифровую графику, – предполагаю я.

– Допустим. Мы оцифровываем актрису и запускаем этот симулякр в бассейн с похотливым миллионером. Они там плавают, а потом она делает с ним то, что в жизни не согласилась бы делать ни за какие деньги. Должны ли мы в этом случае получить согласие актрисы?

– Думаю, контракт может как-то ограничивать использование. Не знаю, я не юрист.

– Все правильно, Золтан, схватываешь на лету. Именно, «может». Но «должны ли» мы просить у актрисы согласия на все непотребства, которое совершает ее цифровая копия?

– Не понимаю… Корпорация – это что-то вроде элитной порностудии?

– Разумеется, нет! – смеется она. – Я же сказала, пример

чисто гипотетический. Вопрос в другом. Если нам «принадлежит» оцифрованная копия актрисы – так мы с ней договорились, – что мы можем с ней делать, а чего не можем?

– А что закон говорит по этому поводу?

– Закон? Законы – это миф, мой мальчик. И юридические, и религиозные, и моральные – все они приняты обществом за факт, чтобы избежать хаоса между людьми.

– А как же права человека: на частную жизнь, на распоряжение своей личностью, на…

– Человека, Золтан. Че-ло-ве-ка. Но мы же распоряжаемся не самой актрисой, а ее виртуальной копией! По контракту с нами, за который, кстати, мы немало платим, – ее оцифрованная личность делает все, что мы от нее захотим. Подчиняясь совсем другим законам.

– Каким?

Августа, выбравшись на бортик, похлопывает рукой по гладкой плитке, приглашая сесть рядом – она явно собирается сообщить мне что-то важное. Я тоже выбираюсь из бассейна, но присаживаться не тороплюсь, ожидая подвоха. Августа со странной усмешкой смотрит на меня снизу вверх.

– Сними плавки, Золтан.

– Что?!

– Не бойся, никто за нами не следит. Покажи мне своего приятеля, я его давно не видела.

– Извини, Августа, но…

– Ты отказываешься?

Я смешался, не зная, как поступить. Но она лишь хитро улыбается.

– Не хочешь?

– Не знаю…

– И имеешь право не хотеть. Но будь на твоем месте твоя цифровая копия – она бы подчинилась. Подчинилась бы законам куда более реальным, чем все твои хваленые права человека. Таким же реальным, как законы физики – цифровым алгоритмам. А кто создает эти алгоритмы, тот создает и законы, для таких привлекательных игрушек вроде тебя.

– Но я не игрушка!

– Нет? Сними плавки, Золтан. Или сегодня будет твой последний день в этой корпорации.

Я вдруг вижу другую Августу – строгую, властную, опасную. Она смотрит на меня в упор, без тени улыбки. Мне совсем не хотелось провалить свое задание из-за приступа ложной скромности, и я, недовольно хмыкнув, распускаю шнурок и

скидываю плавки на кафель бассейна. Я возвышаюсь над своей начальницей совершенно голый, и мой член нависает прямо над ее запрокинутым лицом. И тут Августа хитро улыбается.

– Ты сделал это. Подчинился.

– Еще бы!

– Да, но ты недоволен, не так ли? Сделал это по моему приказу, против своей воли. Вот так и люди подчиняются законам, Золтан.

Встав на ноги, она прижимается ко мне, проводит рукой по моим бедрам. Я ощущаю ее прохладное от воды тело, довольно упругое и гибкое для ее возраста. Чертова баба, я почувствовал, что меня начинает заводить вся эта игра! Августа приближает губы к моему уху.

– А теперь ты уже не так недоволен, да? Тебе нравится подчиняться. В тебе говорит древний закон самца, который не может отказаться от легкого секса – алгоритм, заложенный самой природой. Несмотря на то что это противоречит и твоим пресловутым правам, и морали, и еще куче подобных мифов-надстроек. Вот в этом-то и заключается вся прелесть алгоритмов, малыш…

Августа отстраняется от моего лица, наклоняется и… к моему разочарованию, подает мне плавки.

– …ты им подчиняешься, но при этом не испытываешь ничего, кроме удовольствия.

Она смеется, оценив мой ошалевший вид.

Каждый раз, когда общаюсь с этой дамой, меня не покидает ощущение, что она играет со мной. Мне и прежде приходилось иметь дело с властными бизнес-леди, но Августа, пожалуй, затмила их всех. Интересно, ее царственное высокомерие и манеры римской матроны приобретены с возрастом и положением или она всегда была такой? Чему я не удивлялся, так это сластолюбию показной католички. По этой части любители библейских витражей и молитв на латыни давно уже подмочили себе репутацию.

– Ты им подчиняешься, если, конечно, ты – виртуальная копия вроде нашей гипотетической оцифрованной актрисы, – добавляет она. – Людьми управлять намного сложнее, они то и дело вспоминают про законы, права и так далее… Если ты и вынесешь отсюда хоть что-то, кроме своей эрекции, то запомни одно. Законы существуют только в головах людей. Мы работаем над новым витком эволюции, и новые законы для него тоже создаем мы. Так что работа в моем департаменте не такая скучная, как могло тебе показаться.

– Да уж, не соскучишься, – бормочу я.

– Мне нужно идти. – Августа уходит, шлепнув меня по заднице, и я понимаю, что на сегодня урок окончен.

0028

«Стажировкой» мою неделю в юридическом департаменте можно было назвать только иронически. И даже с ноткой истерики – настолько я был вымотан к концу этих пяти дней. Я ожидал что-то вроде копания в документах и присутствия на переговорах. Но вместо этого внезапно обнаружил себя в положении эскорта госпожи Юстас.

Августа если и появлялась в офисе «Транс-Реалити», то только для того, чтобы посеять панику среди сотни сотрудников, разнести в пух и прах кропотливо созданные ими отчеты и ущипнуть за попку кого-то из мальчиков-юристов. Ах, ну да, иногда она потела в зале и плавала в бассейне. Как я теперь знал – выпускала пар после заседаний правления.

Остальное же время Августы было занято посещением бесконечных завтраков, бранчей, ланчей, ужинов, ночных коктейлей, выставок, концертов, баров, частных вечеринок, клубов, выездов на яхты и даже одной свингер-пати. На половине из этих мероприятий она и правда с поразительной эффективностью вела переговоры и решала важные дела со значительными персонами. Но остальные посещала явно только под предлогом подобных переговоров. Августа всегда одевалась в черное, считая, что это ее стройнит. К счастью, я уже знал, какая развратная особа кроется под этим монашеским нарядом.

Католические крестики – бриллиантовые, платиновые и золотые, – которые Августа меняла каждый день, перевидали такое количество домогательств к смазливым молодчикам, что должны были расплавиться или утащить ее в ад. О последнем я особенно мечтал, так как принял на себя основную часть нагрузки. Августа требовала, чтобы я появлялся даже не в офисе, а на пороге ее дома ровно в девять, и отпускала меня перед рассветом. Я не принадлежал себе, постоянно находясь при ней, держал ее телефон, сумку и ключи, таскал ее покупки, следовал за ней на вечеринках и глупо улыбался незнакомым людям на ланчах и бранчах.

Особое мастерство требовалось, чтобы не угодить к Августе в постель. Тут меня спасала ее нежная любовь к рижскому бальзаму. Я уже знал, что два шота этого волшебного эликсира делали ее веселой и говорливой, после третьего ее тянуло на секс, зато после шестого ее голову начинали посещать мрачные мысли. И угроза секса по необходимости сменялась необходимостью утешать рыдающую госпожу Юстас, битый час уверяя ее, что она не стареет и что ее все любят. С одной стороны,

это меня устраивало куда больше, чем ее располневшее тело. Но с другой – расстраивало, так как полезной для дела информации я из Августы за всю неделю выудил ровно ноль.

Именно после одной из таких ночей-исповедей, затянувшейся до половины пятого утра, меня и разбудил звонок Августы. Словно позабыв, сколько шотов мы выпили вчера за окончание моей стажировки (я бросил считать после долгожданного шестого), Августа проворковала, что ждет меня в восемь вечера в арт-центре шведского посольства. Какая-то мегавыставка, о которой все говорили. Только выдержка корпоративного шпиона позволила мне не послать ее подальше, вместе со всем шведским посольством и королем в придачу.

И вот я стою в вестибюле здания, где проводятся самые громкие экспозиции современного искусства. Августа опаздывает почти на час. Я разглядываю посетителей, которые поднимаются по лестнице в галерею торжественными, а выходят ошалевшими. «ЗАХОДИ ВНУТРЬ» – приходит вдруг сообщение. Чертова баба, это последний раз, когда ты мной командуешь, неуверенно бормочу я про себя и проникаю на выставку мимо почти голой девушки со сканером в руках и странными знаками, нарисованными по всему телу.

Я оказываюсь в полной темноте перед стеной. Могу разглядеть лишь тускло светящуюся инфографику, которая приглашает сфотографировать стену, а потом выключить вспышку. Так и поступаю. Оказывается, на стене, белым по черному, была начертана надпись по-английски. «Лабиринты жизни бесконечно сложны…» – начинаю читать я, но постепенно запутываюсь. Буква за буквой, английская надпись переходит в набор каких-то символов, и заканчивается полной неразберихой. Чувствую холодок от сквозняка и вхожу, практически на ощупь, в первый проем двери.

Довольно скоро я понял, что мой план 1) поскорее найти Августу, 2) увести ее в бар и 3) заставить вылакать литр рижского ликера – обречен на провал. Выставка представляет собой экспозицию передового видеоарта и инсталляций, которые расположены в подобии лабиринта из черных стен и проемов. При этом проемы меняют свое расположение, а стены возникают там, где их раньше не было. Чтобы проделать путь от начала экспозиции к концу, нужно разгадывать надписи на стенах, начертанные на выдуманном языке. Этим и объясняется ошалевший вид посетителей, которые мне встречаются. По некоторым видно, что они уже давно утомились и просто хотят наружу. Более того, лабиринт продуман так, что правильные повороты ведут к работам в позитивном ключе, а неправильные –

к зрелищам различной степени кошмарности.

Я довольно быстро догадываюсь, что для расшифровки надписей, собственно, и давался ключ-надпись на стене, который я сфотографировал. Но к выходу я не тороплюсь, настолько крутые работы тут представлены. Я вздрагиваю, когда на меня бросаются бежать безголовые фигуры, созданные лазером в задымленном воздухе. Смеюсь над мышонком, застрявшим в банке: как тот ни пытается выбраться, все равно оказывается на дне в безупречно зацикленном трехмерном видео. Пожимаю плечами перед явно вымученными работами, конечно же, про дух, сознание и прочее просветление.

И застываю, завороженный, когда оказываюсь перед высокой стеной ревущего пламени. На ее фоне, спиной ко мне, неподвижно стоит женский силуэт пятиметровой высоты. Пламя бушует, пока девушка, раскинув руки, не падает навзничь. Ее тело поглощает тягучая черная вода, которая проецируется на весь пол. Но волны от ее падения расходятся все шире и шире, вовлекая в свои колебания языки пламени на стене – и те постепенно утихают, входят в умиротворенный ритм, пока вся стена передо мною не превращается в спокойную водную гладь.

Я настолько потрясен зрелищем, что, когда шум пламени стихает, вздрагиваю от звука чьих-то шагов. Оборачиваюсь. Окрашенная в индиго отблеском инсталляции, неподалеку от меня стоит Катрин Гаади – дочь Саула и часть моей работы. На ней длинное, облегающее фигуру платье. Она действительно чертовски красива, но вид у нее озадаченный. Я догадываюсь, что она не потрудилась сфотографировать надпись и потерялась во всей этой игре. Делаю шаг в ее сторону.

– Катрин, вы заблудились?

Она с удивлением смотрит на меня, затем вдруг узнает.

– Я вас знаю! Вы… – Она запинается.

– Золтан Варго. Я прохожу стажировку в «Транс-Реалити». На данный момент в юридическом департаменте.

– Хмм… Значит, ты сейчас у Августы. – Она с еле заметной в полумраке улыбкой смотрит на меня.

Известно ли ей про похотливые наклонности моей нынешней начальницы? Неужели Золтан-шпион покраснел? То ли из-за непринужденного «ты», то ли из-за своего позорного положения при Августе.

– Я, кажется, догадался, как отсюда выбраться. Провести? – предлагаю я.

– Супер! – радуется она как девочка. – Я тут уже целый час брожу одна!

Я указываю пальцем на ближайший проход (не уверен, что

правильный). Мы идем по галерее вдвоем. С этой минуты выставка для меня исчезает – я ощущаю легкий аромат ее духов и тепло ее тела, когда в узком коридоре наши руки случайно соприкасаются. Катрин же настроена на шутливый лад. Ей явно нравится, что она не одна в этом лабиринте.

– Ну и как тебе Августа? – произносит она.

– В каком смысле?

– Да ладно, расслабься! – Катрин улыбается, глядя на уже знакомого мне мышонка. – Ты тут ни при чем. Такая уж она, любительница свежих впечатлений. И чем впечатление свежее – тем лучше.

Так, я только что трансформировался из «игрушки» Августы в ее «свежее впечатление».

– Думаю, не в любви к впечатлениям дело. У нас с ней довольно содержательное общение. – (Мне кажется или я оправдываюсь?) – Я пока понимаю не все, что она говорит, но…

– Я уже и не пытаюсь там ничего понять, – непринужденно отмахивается она. – А ты точно уверен, что хочешь примкнуть к этому культу?

– Что?

– «Транс-Реалити», – смеется она. – Как ты во все это влип?

– Просто остановил самолет, – честно признаюсь я.

Она требует разъяснений, и мне приходится рассказать ей о своей встрече с Паоло Рамбаном. Катрин снова заливается смехом, а я любуюсь ее ровными белыми зубами и ямочками на щеках. В отражении инсталляции с бегущими облаками она кажется мне смуглым и прекрасным ангелом.

– Уверена, Рамбана твоя выходка взбесила! Но он и виду не подал, верно?

– Он меня даже похвалил!

– На часы смотрел перед этим?

– Часы? Кажется, да… – пытаюсь припомнить я.

– Значит, это не Рамбан тебя похвалил, а отец. Рамбан с ним на круглосуточной связи. При его раздутом эго – непростое положение. Я на днях была у него в «Семи Грехах»…

– «Семь Грехов»?

– Это его ресторан – целое представление! Парад кича и претенциозных аллегорий, в духе раннего Ренессанса.

– Рамбан и сам ходячее представление, – добавляю я.

– О да, он любит позировать! Особенно перед теми, кто его плохо знает.

Мы на минуту замолкаем, любуясь механическими фигурами мужчины и женщины, которые целуются, а потом сливаются друг с другом благодаря хитроумной конструкции. Я роюсь в голове в

поисках какого-нибудь остроумного ответа, но она меня опережает:

– А ты, Золтан, наверное, увлекаешься технологиями, раз решил работать в «Транс-Реалити».

– Да, именно так. Но ведь технологии – это тоже искусство. Специалисты формируют коды и алгоритмы, которые создают невероятные картинки без использования красок и кисти.

– Это все и правда удивительно, но… Искусство пробуждает в человеке новые эмоции, а технологии чаще высасывают их, словно питаются ими. Прямо противоположный эффект. А ведь именно эмоции дают нам силы жить дальше.

– Что ты имеешь в виду?

– Даже не знаю, как объяснить… Я люблю вспоминать счастливые моменты жизни. Будто возвращаюсь в то же состояние.

Я задумался, и тут же перед глазами всплыла картинка из детства. Мы с Сумо выбираемся из окна, лихо перемахиваем через заборы, бежим по крышам, что есть сил мчимся к вокзалу. Там уже на ходу запрыгиваем в пустой товарняк, затем выпрыгиваем из вагона в поле, где до самого горизонта – никого. В приют мы возвращаемся голодными, но абсолютно счастливыми. Опустив упоминание приюта, рассказываю этот эпизод Катрин. Она улыбается. Я тоже начинаю смеяться.

– Эти школьные приключения… Думаю, у тебя тоже есть похожие истории.

– Не уверена. – Катрин отрицательно машет головой. – Я не ходила в школу. Отец решил, что мне больше подходит домашнее обучение. Так что все это мне совершенно не знакомо. Что ты чувствовал, когда вы с другом убежали из города?

– Свободу. Абсолютную свободу.

– Золтан, а ты не боишься рисковать? Мой отец – непростой человек, и не каждый сможет с ним работать.

Я пожимаю плечами.

– Все в мире можно рассматривать как риск… или как возможность.

Мы бродим по выставке еще какое-то время, обсуждая мой опыт в других департаментах, болтая о друзьях, родителях. По ее словам, я понимаю, что смерть матери, когда она была еще маленькой девочкой, наложила неизгладимый отпечаток на ее дальнейшую жизнь. О своем отце она отзывается прохладно и явно не хочет его обсуждать. Узнав про мою приемную семью, она слегка сжимает мне локоть. Не помню, когда последний раз кто-нибудь проявлял непритворное сочувствие ко мне. По моему телу разливается тепло.

Потом мы вспоминаем, что все-таки должны решить квест, чем и занимаемся, разбавив мрачноватую обстановку галереи шутками и смехом. В конце концов я плюю на приличия и даю хорошего пинка двери пожарного выхода. Под озорной хохот Катрин и рев сигнализации мы вываливаемся на улицу и бежим по аллее, держась за руки и оглядываясь, как два нашкодивших ребенка.

Я провожаю Катрин до парковки. Наградой мне служит улыбка и еще одно легкое пожатие руки.

– Я бы хотела, чтобы ты успешно прошел стажировку. В компании отца не хватает таких людей, – сообщает она серьезным тоном на прощание.

Долго стою, глядя вслед ее машине. Даже не вспомнив, что Августа Юстас в этот вечер так и не нарисовалась.

0029

Приближалась очередная встреча-отчет с Хароном. Интуиция подсказывала, что для получения полной картины «Транс-Реалити» следует прощупать сразу несколько направлений. Новая религия. Автоматизированные церкви. Странный опыт в тропическом лесу. Деятельность Августы. Таинственная роль Марка и это «Д.Р.» напротив его фамилии. Не выходила из головы технология Memnotech. Я точно знал, к кому обратиться по этому вопросу.

С Сумо мы встретились в суши-баре неподалеку от офиса. Выхолощенный интерьер – стекло, бетон и светлое дерево. Заведение выглядит довольно консервативным, учитывая, что на территории одного квартала можно найти дюжину суши-баров, где вам подадут еду на обнаженной девушке или парне, а также сделают во время трапезы массаж, минет или татуировку. А здесь просто обычное меню, и это настоящая экзотика для Сингапура. Вокруг клерки, деловито орудующие палочками для еды и беспрерывно трещащие по телефону или друг с другом. Судя по виду моего друга, в этой обстановке он чувствует себя неуютно. К тому же все, что только что притащил официант, точно не утолит его голод, а лишь раззадорит.

– А здесь есть вообще нормальная еда или только эти козявки? – указывает он на свою тарелку, заполненную суши.

Советую ему заказать стейк из мраморной говядины, затем мы какое-то время болтаем о том о сем. Он интересуется, куда я пропал и почему не появлялся на наших сходках по вторникам.

– Работа, Сумо. Просто завал с работой.

– И чем же ты занимаешься в этой своей конторе?

– Пока вникаю. Я должен пройти стажировку в пяти отделах – в каждом по неделе.

– И какая сейчас неделя по счету?

– Четвертая. Стажируюсь в юридическом департаменте. Правда, на работу это мало похоже – хожу с начальницей на фитнес, плаваю в бассейне, сопровождаю ее на ужины и вечеринки.

– Неплохо! – Сумо хлопает по столу огромной ручищей. – Я правильно понял – ты с ней спишь?

– Было кое-что, ерунда. Давно не приходилось выступать в роли альфонса.

– Ну ты даешь, Зет! И как ты себя чувствуешь в этом амплуа?

– Если я не буду принимать ее подарки, она будет

чувствовать себя обязанной мне.

– Обязанной за то, что ты ее трахаешь?

– Пока получалось избегать.

– Сколько ей лет?

– Слегка за сорок.

– И…

– Я же говорю, ходит в спортзал, следит за собой. А что у тебя на личном фронте?

– Как обычно. Вокруг вьются одни шлюхи, которым нужны только деньги. А если деньги им не нужны, я начинаю нервничать и подозревать, что тут какой-то подвох. Ну а когда я нервничаю, со мной сложно находиться рядом – сам знаешь. В общем, такая себе личная жизнь, ты получше устроился. Может, познакомишь меня со своей начальницей?

Смеемся. Потом обсуждаем, как обстоят дела у Акселя и Тима: первый подумывает подыскать себе новую работу, а второй мечтает раздобыть средства на открытие собственного ночного клуба. Обсудив знакомых, решаю, что пора перейти к сути встречи.

– Сумо, помнишь, в прошлый раз ты мне рассказывал про странный гаджет, который рассыпался на части у тебя в руках?

– Конечно, помню. И что? Ты нашел второй такой же?

– Нет, но я думал, откуда взялась эта штука. Мне кажется, это тестовый прототип одной секретной технологии.

Сумо замирает, потеряв интерес к еде. Мы с ним часто проворачивали те или иные дела, но никогда он не слышал от меня подробностей моей шпионской работы. Будучи моим старым другом, он сразу понял, что я заговорил об этом не просто так.

– Тебе просто кажется или нам тут что-то светит, Золтан?

– Не знаю. Я еще не выстроил все связи.

– Тебе ведь известно: технологии – мой бизнес. Не всегда легальный, но всегда прибыльный. Колись, что там у тебя?

– Поэтому я к тебе и обратился. Ты слышал про технологию Memnotech?

– Ну?

Я достаю из кармана гаджет-ракушку, которую оставила мне Линн. Сумо вертит ее в руках, вглядывается в крошечный QR-код на поверхности, который я даже не заметил.

– Таких еще не видел. Откуда это у тебя?

– Одна знакомая устроила мне демонстрацию, в домашних условиях.

– В домашних, вот как? – Сумо, усмехнувшись, возвращает мне гаджет, быстро оглядывается и нагибается ко мне. – Пробовали что-то горяченькое, а?

– Да уж. Но, насколько я понял, все это «горяченькое» не совсем законно. Даже в пятом дистрикте.

– Можно неплохо схлопотать от легавых, если поймают.

– Вот этого я и не понимаю. Не все ли равно, о чем люди фантазируют наедине? К чему такие строгости?

– У легавых и спроси. Я только знаю, что нельзя добыть слоновую кость, не убив слона.

– То есть?

Сумо опять косится на посетителей кафе. Я в первый раз видел, чтобы он так опасался быть услышанным. Мы явно обсуждали то направление его бизнеса, за которое он сам мог «схлопотать» по всей строгости закона.

– Не знаю, какую именно из нелегалок вы использовали. Учитывая, насколько быстро народ подсаживается на подобные развлекухи, легавым по всему миру не очень нравится, когда людей насилуют, убивают и расчленяют, чтобы повеселить горстку извращенцев. Если тебе интересно, у меня есть парочка новых релизов, жесть еще та.

– А откуда ты их берешь?

Тут Сумо уже на меня посмотрел с подозрением. Нет, он знал, что я не коп. Но и трепаться без нужды тоже не считал нужным.

– Дружище, зачем тебе это знать?

– Не хочешь, не говори. Скажи только, причастен ли к этому каналу человек по имени Мизрахи?

– Изобретатель? Зачем ему проблемы с законом, он и так миллиардер. Скорее всего он и не подозревает, что люди копируют его гаджеты, да еще и с такой целью. Эти яйцеголовые просто витают в облаках.

– Ладно. Но подумай сам. Мизрахи создает технологию, которая подпольно используется для развлечения публики. Я слышал, что расчет был на медицину и образовательные цели, то есть по сути – изобретение полезное. И вот кто-то находит способ скопировать его и использовать для менее безобидных целей.

– Так всегда происходит – и с наркотой, и с гаджетами. К чему ты ведешь?

– Да, но потом вмешивается государство и начинает запрещать некоторые виды использования технологии. Буквально ловит юзеров и дилеров, арестовывает, штрафует, сажает. Зачем вся эта суета?

– И слава богу! Знаешь, как из-за этого взлетают цены? И спасибо легавым, будь они неладны. Лучший маркетинг – что-нибудь запретить.

– Но не логичнее ли было государству надавить на самого

изобретателя? Чтобы что-то поменял в алгоритмах и заблокировал незаконные виды использования?

Похоже, Сумо ни разу об этом не задумывался. Шевелить мозгами – это вообще не его хобби. Он засопел, что-то прикидывая в уме, затем пожал плечами:

– Насколько я в этом разбираюсь, попытки делались. Но мы их всегда обходили, дело техники.

– То есть ты хочешь сказать, что величайший техногений нашего времени, Игаль Мизрахи, не может создать непробиваемую защиту для своих алгоритмов? Ты в это веришь?

– Не может или не хочет. Какая разница. Я лишь тебе говорю как знаток, все их блокировки взламываются довольно просто. Там слабость в самом алгоритме…

Сумо еще продолжал что-то говорить, съехав в непонятный мне техножаргон, но я его не слушал, потрясенный своей собственной мыслью. Я вспомнил лекцию Августы про новый виток эволюции и алгоритмы-законы, которым цифровые личности не просто подчиняются, но делают это с запрограммированным наслаждением. И вспомнил свое собственное наслаждение от происходящего, когда был частью террористической ячейки во время подключения с Линн. Но я же не был цифровой личностью в тот момент, а валялся на диване, с гаджетом-ракушкой в ухе! Или был?

А вот и первый пример – создатель алгоритма Memnotech, Мизрахи, который «не хочет» отбирать у порочных масс любимый новый наркотик, несмотря на все недовольство государства.

– А Мизрахи общается с Чопрой!

Сумо замолчал, и только тут я понял, что произнес последнюю мысль вслух.

– Чего? – переспросил он.

– Мне кажется, я знаю, кто настоящие поставщики этих твоих нелегальных воспоминаний, дружище!

– Эй, я тебе ничего не говорил!

– И не надо, Сумо. Простая логика. – Я настолько доволен своим открытием, что забираю у Сумо счет, который принес официант.

Цепочка связей «Транс-Реалити» начинает вырисовываться у меня в голове. Сначала автоцеркви, потом Memnotech, дальше Августа со своими «гипотетическими» цифровыми актрисами – все это начинает складываться в одну картину. Возможно, верхушка айсберга в форме небоскреба «Транс-Реалити» покоится на множестве пластов, одним из которых является распространение технологии Memnotech – легальное и нелегальное, и подсадка на эту технологию широких масс

пользователей! Если увязать этот пласт с автоцерквями, «новой религией» и экспериментами с цифровой личностью (таких ли умозрительных, как утверждала Августа?) – вырисовывается глобальный и довольно зловещий замысел.

Я жму пухлую лапищу Сумо.

– Даже не представляешь, как ты мне сегодня помог, дружище.

– Не понимаю чем.

– Иногда просто полезно проговорить некоторые вещи с умным человеком.

Он усмехается, но тут же хмурит брови. Умным его называли нечасто.

– Эй, только не испорть мне бизнес своими расследованиями. Сейчас нелегальные воспоминания раскупаются лучше кокаина. И ни легализации, ни полного запрета мне не нужно, ясно?

– Поверь моей интуиции, Сумо, ни того ни другого не будет. Тут ведется игра покрупнее. Собирай свои дивиденды, раз есть такая возможность.

Когда Сумо выходит из ресторана, я замечаю, что у него новый телохранитель, еще более габаритный, чем он сам. «Шкаф» в кожаной куртке открывает перед моим дружком дверцу черного джипа, оба забираются внутрь, и машина уносится, а я возвращаюсь в офис. Похоже, дела у Сумо и правда идут неплохо.

* * *

Сегодняшнюю встречу Харон назначил в зоопарке. Я чуть не рассмеялся, когда увидел его маскировку – собиратель бабочек или профессор колледжа, что-то благостно обсуждая, прогуливается со своим студентом (это я) вдоль клеток с унылыми животными. Однако унылыми они, похоже, виделись только мне: разновозрастные дети в ярких футболках бегали по дорожкам с радостным визгом, что довольно сильно мешало нам разговаривать.

Как ни странно, мои озарения о связи технологии Memnotech, «Транс-Реалити» и Мизрахи, про автоматизированные церкви и рассуждения Августы – его едва интересуют. Сравниваю его вежливое молчание с оживленным обсуждением моей тренировки у Фо Ци и задаюсь вопросом: правильно ли я понимаю суть своего задания и роль Харона в нем? Однако вид у него был довольный, а значит, и мне беспокоиться не о чем.

– К следующему твоему наставнику, Рамбану, надо найти правильный подход, – рассуждает он. – Хорошо бы пересечься с ним в неформальной обстановке, вне офиса. Попробую это устроить. Используешь свое обаяние, расположишь к себе… И я рад, что ты наконец-то познакомился с дочкой Гаади. Воспользуйся этим шансом. Если кто-то и поможет нам по-настоящему продвинуться вперед, то это Катрин.

Даже это небольшое упоминание Катрин заставляет мое сердце биться чаще. Сложно отделить рабочее от личного, когда служебная инструкция пересекается с твоими инстинктами. Но и подозрения по поводу Харона усиливаются. Как этот старый прохиндей собирается устроить мне неформальную встречу с самим Паоло Рамбаном? Что-то очень важное ты не знаешь про Харона, Золтан.

Но еще одно чувство щекочет мне нервы – азарт. Хочется довести до конца эту игру в «Транс-Реалити» и выйти победителем. И не только в своих глазах, но и в глазах Катрин. Мне кажется, я не на шутку увлекся этим заданием. И не только им.

0030

Пятую неделю моей стажировки в «Транс-Реалити» в отделе Паоло Рамбана я ждал с особым интересом. Ведь именно в креативном департаменте, самом сердце корпорации, скрывался ответ на все мои вопросы. Хоть сам Рамбан, яркий с виду и, по моему мнению (и мнению Катрин) банальный показушник, но за стеклами трех этажей его корпоративных владений явно происходило все самое интересное. Не зря именно его отдел завершает «стажировку». Я гадал, какие испытания ждут меня там и к каким секретам допустят такую мелкую сошку, как «Золтан-стажер»?

Я шагаю по длинному коридору в компании Рамбана. Я мог бы тараторить без умолку, пытаясь показать свою осведомленность во всех темах: психология покупателя, уровень сервиса, долгосрочная выгода, формирование лояльности. Но предпочитаю этого не делать. Предыдущие недели научили меня тому, что моя активность не гарантирует результатов. Рамбан сообщает, что сегодня, в первый же день, мне предстоит присутствовать на переговорах с несколькими ключевыми клиентами, и велит лишь слушать, не встревая в разговор. Паоло даже задерживается у дверей в кабинет на минуту, чтобы многозначительно посмотреть на меня и убедиться, правильно ли я его понял. Я киваю.

– Клиенты нашей корпорации – больше чем клиенты. А мы для них больше чем исполнители заказов. Поэтому мы обходимся с каждым из них как с дорогим гостем. Скоро вы увидите меня в деле и поймете, о чем я говорю.

Он толкает дверь, и мы оказываемся в просторном зале, обставленном дизайнерской мебелью, изысканными скульптурами и огромными картинами. По моим прикидкам, это помещение легко могло занимать половину этажа. Окно во всю стену открывало вид на город, от которого захватывало дух. В правом углу от него я заметил сияющий позолоченными дверями индивидуальный лифт. Мы с Рамбаном подходим к окну и наблюдаем с высоты, как к зданию подъезжает белый лимузин. Из него выходит крошечная женская фигурка в красном и тут же прячется в кабинке стеклянного лифта.

Я занимаю скромную позицию позади Рамбана. Через минуту в зале, словно порхая, появляется известная французская актриса Жаклин Фабье, фильмы с участием которой я помню еще с детства.

Рамбан распахивает объятия:

– Мадам Фабье! Как вы прекрасно выглядите, просто богиня!

– Паоло, милый!

Они обмениваются троекратным поцелуем, после чего Рамбан театральным жестом приглашает актрису на просторную софу с двумя креслами напротив. В течение четверти часа мадам Фабье обменивается с ним светскими сплетнями: обсуждают плачевное состояние современного европейского кинематографа, подорожание недвижимости на Лазурном Берегу, эксцентричные выходки одного из скандинавских режиссеров и цинизм папарацци, досаждающих звездам. Рамбан явно в своей стихии, сыплет эпитетами, то и дело переходит на французский язык – трудно представить себе более галантного собеседника. Наконец актриса решает, что пришло время перейти к деловым вопросам.

– Этот юноша… – Актриса награждает меня извиняющейся улыбкой. – Я могу ему доверять?

– Разумеется, мадам Фабье.

– Дело в том, что мой заказ, скажем так, довольно интимного свойства.

– Вам не о чем беспокоиться. Золтан, возможно, будет принимать непосредственное участие в его выполнении. Это новая звезда нашей компании! – Рамбан подмигивает мне.

– Хорошо. Приятно познакомиться, Золтан. Как вы знаете, Паоло, у меня было трое мужей – двое из них уже умерли, один жив.

– Конечно, я помню месье Бокара. Если не ошибаюсь, теперь он проживает в Швейцарии?

– Да, верно, – кивает дива. – Так вот, я хотела бы устроить небольшое любовное приключение с участием всех троих…

Даже если она покраснела, произнося эти слова, толстый слой грима скрыл смущение.

– Что по поводу возраста участников? – невозмутимо уточняет Рамбан.

– Не понимаю вас?

– Хотите ли вы встретить их в какой-то особенный год их жизни? Или так, как вы их запомнили?

– А вы и это можете?

– Мы можем *буквально* все.

– Ну конечно, в особенный! – оживляется Жаклин. – Пусть будет тот возраст, когда я выходила за них замуж.

– А какой возраст установить для вас, мадам?

– О, мой дорогой, я вас просто обожаю! – Она задумывается. – Первый раз я вышла замуж в двадцать пять. Пусть будет двадцать пять!

– Прекрасный выбор, Жаклин! Еще какие-то детали? Наши

технологи еще обсудят с вами все подробности, но этот заказ я собираюсь контролировать лично.

– Детали, мой дорогой! О, эти детали! – Жаклин начинает волноваться. – Я хочу любить. Всех троих. Я хочу быть счастлива снова! Я хочу закат над холмами, запах магнолий, хочу огромный мраморный зал, прекрасную музыку! Я вам не могу передать, как мне одиноко было последние годы, какая гадость это старение, увядание…

– Прошу вас, мадам Фабье!

– Нет, нет, все так и есть. Я не пожалею никаких денег, мой дорогой. Что мне еще осталось, кроме воспоминаний и потерянных иллюзий?

– Мы не торгуем иллюзиями, мадам Фабье. Вы переживете все на самом деле и будете счастливы, как в лучшее время вашей жизни.

– Я сейчас расплачусь, мой милый. – Она и вправду достает платок, прикладывает его к глазам. – Поскорее бы!

Рамбан рассыпается в любезностях, провожая воодушевленную мадам Фабье к лифту.

– Какая женщина! – мурлычет Рамбан. – Я бы и сам с радостью поучаствовал в подобной вечеринке. Мне тоже есть что вспомнить, хотя с красочной жизнью Жаклин Фабье мое существование и рядом не стоит. Хм… Надо подумать о возможности массового производства ее реальности… Может, получится с ней договориться?

Последнее он бормочет уже себе под нос, быстро делая какие-то пометки на своих часах с золотыми символами.

– В двадцать пять она была и правда великолепна, – решаю вставить я, чтобы напомнить о своем существовании.

– Она великолепна и сейчас. И останется такой даже после смерти.

– После… смерти?

Рамбан не успевает ответить – двери распахиваются, и в зал вваливается румяный седовласый здоровяк лет шестидесяти. Это лицо, обрамленное аккуратной желтоватой бородкой, я узнаю без труда. Ричард Грэгсон, один из эксцентричных миллиардеров, мелькающих то на обложке «Форбса», то в скандальных хрониках.

– Рикки?! – Рамбан явно ошеломлен неожиданным вторжением, но быстро напускает на себя гостеприимный вид. – Мы заказали персональный самолет на завтра, но тебя мы счастливы видеть в любое время. Прошу!

– Сразу перейду к делу, – бросает Грэгсон с британским акцентом, полностью проигнорировав как болтовню Рамбана, так и меня, и без приглашения бухнувшись на софу. – Что это за

хрень вы мне подсунули?

– Что именно тебе не понравилось, Рикки? – Рамбан устраивается напротив.

– Что? А что мне могло понравиться, черт возьми! – Грэгсон явно не привык сдерживать раздражение.

– Не могу сказать, если ты мне не скажешь, дружище, – казалось, на Рамбана тон Грэгсона не производил ни малейшего эффекта. – Все наши продукты разрабатываются персонально под…

– Не надо мне пересказывать свой рекламный буклет, старик! Я привык получать ровно то, за что плачу!

– Дай-ка я подниму твой бриф.

Паоло берет со столика планшет, роется в нем, пока Грэгсон достает банку с пилюлями, опрокидывает ее себе в рот и, скривившись, запивает все это виски из инкрустированной золотом фляжки. Руки его при этом немного дрожат, что он пытается скрыть, быстро скрестив их на груди. Паоло, не поднимая головы, озабоченно хмурится.

– Ты принимал эти таблетки во время сеанса?

– Нет… Не помню. Это какая-то гомеопатическая хрень, успокаивает нервы.

Паоло неодобрительно качает головой, открыв на планшете какую-то таблицу, пробегается глазами по строчкам кода и наконец переводит взгляд на Грэгсона.

– Вот твой бриф: охота на аллигаторов в амазонской сельве, затем кровавая стычка с туземцами, потом без паузы – воплощение в ацтекского бога Кетцалькоатля, полет сквозь три мира. И заключительный аккорд: вечеринка в загробном мире с участием покойных диктаторов, указанных в списке. Все правильно?

– Ну да.

– Файлы регистрации указывают, что ты прервал сеанс незадолго до окончания.

– Еще бы!

– Ты же знаешь, мы не рекомендуем преждевременных…

– Я запаниковал, черт возьми! Это… Это было слишком.

– Прекрасно!

– Ничего прекрасного. Сигануть со скалы я могу и в реальности, но… У меня до сих пор руки трясутся. И все из-за вашего орла!

– Кетцалькоатль. Наши технари полтора месяца над ним работали.

– Это жесть, старик! Я должен был испытать эйфорию, могущество, полет – этого что, нет в твоем чертовом брифе? А

я… – тут он бросает смущенный взгляд на меня. – Я обосрался. Обделался прямо во время полета, а-ха-ха!

Грэгсон разражается хохотом с ноткой истерики. Паоло вежливо улыбается, откладывает планшет.

– Рикки, ты же понимаешь, что наши технологии работают в бета-режиме. Мы пока не можем с точностью предсказать все тонкости реакций, особенно когда персональная реальность входит в контакт с такой неординарной личностью, как твоя. Ты же подписывал…

– Плевать, что я там подписывал! Я плачу вам огромные деньги! А добиться такого эффекта я мог бы, просто хлебнув аяуаски.

– Не кипятись, Рикки, мы все уладим. Я разберусь, почему возникла эта проблема. Возможно, произошел сбой на наноуровне. В любом случае ты можешь рассчитывать на компенсацию. Чего бы тебе хотелось, дружище?

– Да все того же! Слушай. Охота, мочилово с аборигенами – это было круто. Лучшее время в моей жизни, и все как настоящее! Может, я переборщил с вечеринкой, только я до нее и не дошел. Сделай мне этот полет. Сделай его правильно! Я хочу парить, понимаешь, надо всем! Как этот твой бог ветра…

– Кетцаль’коатль.

– Да, точно! Только проверьте сначала это все на ком-то, о’кей? – Он смотрит на меня.

Не забывая об инструктаже Рамбана, ограничиваюсь неопределенной гримасой. Грэгсон нетерпеливо ерзает.

– Когда, Паоло?

– Терпение, мой друг. Мы же не хотим давать тебе что-то слепленное наспех. Я подумаю и выйду на связь на следующей неделе.

– Неделя?! – Клиент меняется в лице. – Я хочу поскорее! Не нужно мне никакой компенсации. Может, вам еще подкинуть денег? Паоло, я должен туда вернуться!

Я приглядываюсь к миллиардеру. Его лицо сейчас напоминает гримасу наркомана, которому отказывают в дозе. Он даже растерял всю свою наглость и ведет себя как униженный проситель. Рамбан, похоже, ожидал такой реакции – он едва улыбается мне и поднимает руки в примиряющем жесте.

– Не волнуйся, Рикки, ты же знаешь, как мы тебя ценим. Дай мне несколько минут, я должен навести кое-какие справки. Золтан составит тебе компанию.

Паоло встает и выходит из кабинета. В отражении дверей лифта я успеваю заметить ироничный взгляд, который он бросает на меня перед уходом. Так, кажется, меня бросили под поезд.

Грэгсон опять достает свою фляжку, отпивает и вдруг предлагает ее мне. Я вежливо отказываюсь.

– Ты в этом деле что-то понимаешь? – вдруг спрашивает меня Грэгсон.

Приказ Рамбана Золтану-стажеру хранить молчание я помню прекрасно. Но и упускать такую возможность Золтан-шпион не имеет права. Зная о вероятности прослушки, осторожно подбираю слова.

– Я пока лишь прохожу стажировку в компании, мистер Грэгсон.

– Ну и как тебе она изнутри? Все такие же пройдохи, как твой Рамбан?

– Не могу ничего прокомментировать, – говорю я, при этом всем своим видом показывая: мне есть что сказать. Может, разговорится?

– Пудрит мне мозг своими маркетинговыми приемчиками и всякими обещаниями, а на деле… – Грэгсон опять сердится. – Вот серьезно, я подозреваю, что он понятия не имеет, что делает, этот твой Рамбан!

– Мистер Грэгсон, я не настолько осведомлен…

– Ладно, ладно! Я вижу, у твоего кресла спрашивать совета – и то больше пользы!

Совета? Может, мне показалось, но голос Грэгсона дрогнул – видимо, ему и вправду сейчас нелегко. Я вдруг испытываю жалость к грубоватому миллиардеру. Будто передо мной сидел не избалованный клиент корпорации, а ищущий побега от жизни сосед-наркоман. Чем-то состояние Грэгсона напомнило мне и свое собственное в моменты безысходности.

В этот момент я чувствую, как во мне просыпается… Золтан-я. Мне хочется помочь ему.

– Ваша проблема напомнила один мой сон… – я решаюсь заговорить – …про Интертуалет.

Грэгсон поднимает на меня взгляд, к моему удивлению – ждущий продолжения.

– Представьте себе. Просторный зал, ряды унитазов. Тысячи, миллионы унитазов. И люди – их все больше и больше – падают перед ними на колени, прикладываются к ним лицом и сбрасывают туда все накопившееся, все свои потаенные мысли, нереализованные желания, обиды, боль. Все это стекает в огромный резервуар. А сбросив, они исчезают, окрыленные, чтобы освободить место для других! Это такая яркая, реалистичная картина… На этом сне я всегда просыпаюсь.

– Потаенные мысли? – Он смотрит на меня во все глаза.

– Да, весь этот груз, мистер Грэгсон…

– Рикки.

– Я и не знаю, Рикки, почему вам это рассказываю, ведь это лишь плод моего воображения. Здесь я услышал много интересного. Научился придавать значение своим фантазиям. Разрушать реальность, освобождая место для новой… – Грэгсон слушает меня очень внимательно. – Чтобы освободить силу воображения и приобрести опыт, мы должны от него отказаться в пользу предчувствия, – вспоминаю я слова Фо Ци.

Повисает пауза.

– Отказаться от опыта, чтобы приобрести новый, – задумчиво произносит он. – А ведь в этом что-то есть. Уж чего-чего, а опыта у меня хватает. Может, его слишком много? Вот я и застрял в своей чертовой жизни, а не парю, как орел, мать его!

– О чем вы тут?

Увлекшись разговором, мы и не заметили, как Рамбан вошел в кабинет. Он холодно смотрит на меня, возможно недовольный моей самодеятельностью. Но Грэгсон, резко встав, с воодушевлением подает мне руку:

– Интересная мысль, эээ…

– Золтан, – напоминаю я.

– Вот это дело, Рамбан. Твой мальчуган мне прямо мозги прочистил!

– Правда? – Рамбану все труднее скрывать раздражение. Но миллиардер разражается хохотом.

– Дружище, только не говори, что оставил меня с ним наедине случайно. Знаю я вас, тут случайно ничего не делается. Тонко работаете, молодцы!

Рамбан решает изобразить двусмысленную улыбку.

– Наш технический департамент заверил меня, что три дня будет достаточно.

– Ну и ладненько. А я пока подумаю, про этот, Интертуалет твой. Пока!

Грэгсон хлопает меня по плечу, потом Рамбана и исчезает так же шумно и неожиданно, как появился.

– До связи, Рикки! – кричит ему вслед Рамбан. После чего поворачивается ко мне. Смотрит на свои часы. И неожиданно для меня благосклонно кивает: – Я впечатлен, мой дорогой. Кажется, вы тут нашли общий язык.

– Простите, я не должен был встревать. Но мне показалось, я могу чем-то помочь… – я и правда не знаю, что на меня нашло.

– Пустяки, никакого вреда не будет. Этот чертов самодур… – Рамбан, усевшись в кресло, откидывается на спинку. – Я лично пытался уговорить его начинать с чего-то попроще. Нет, все хотят сразу становиться богами!

Поведение Рамбана меня приободряет.

– Паоло, у меня есть вопрос. Что это было?

– Как что? Переговоры с клиентами.

– Я не это имею в виду. То, о чем вы с ним говорили.

– Ах, это… Я думал, тебя уже ввели в курс дела.

– Честно говоря, я немного запутался. Мне показалось, мистер Грэгсон описывал какой-то наркотрип…

– Почти угадал, Золтан! – Мой собеседник проводит рукой по своей ухоженной шевелюре. – Вот только ни о каких наркотиках тут речь не идет. Наркотики – дешевка для слабаков, а мы продаем самый эксклюзивный товар в мире!

Он берет свой планшет, заглядывает в него.

– Так, что там у нас еще? Оружейный барон из России со своими садистскими фантазиями… Президент Азовстана… Эти переговоры я проведу без тебя – ты и так услышал сегодня достаточно.

«Больше, чем способен переварить», – соглашаюсь я про себя.

Преодолев длинный коридор, я выхожу на балкон и закидываю в рот пару таблеток, полученных от Линн. Внизу во все стороны тянутся трассы, заполненные автомобилями: конец рабочего дня. Из влажной дымки, перемешанной с выхлопными газами, выглядывают кроны пальм, над ними тянутся во все стороны гирлянды проводов, а еще выше дроны тащат в клювах боксы с едой клеркам, застрявшим в офисах.

Я раскладываю разрозненные куски информации по полочкам в своей голове. Кажется, сегодня я максимально близко подошел к ответу на вопрос, чем занимается корпорация. Управляемые сновидения, эксперименты с наркотиками, тренировки воображения – все это звенья одной цепи. И цепь эта прикована к кольцу, вставленному в ноздри богатых клиентов. Настолько богатых и требовательных, что им уже мало готовых чужих воспоминаний. Они желают уникальных переживаний, сконструированных по их индивидуальным запросам. И похоже, корпорация обладает технологией, способной это предоставить. Единственная по-настоящему желанная цель для того, кто располагает всем в этой жизни, – получить другую жизнь. Или повторить уже пережитое. Пока я не понимаю, что конкретно «Транс-Реалити» продает чокнутым миллионерам, но у меня есть предчувствие, что скоро все прояснится.

Словно в ответ на мои мысли телефон вибрирует, доставив сообщение от Линн. Как всегда, краткое, похожее на телеграмму: «Завтра, девять вечера, Белый Бар, в промзоне. Это важно». Мой сексуальный телохранитель явно спешил передать мне какие-то значимые новости.

0031

В ресторане нас только двое – я и Рамбан. Остальные столики пусты. Похоже, ресторан закрыли специально для этого ужина-представления. Сам ресторан похож на телецентр: то ли телестудия, стилизованная под ресторан, то ли ресторан, притворяющийся телестудией. Я одет по-деловому, а Паоло в этот раз нарядился в черную тогу с серебристым подбоем. За его спиной мерцает пара мониторов, на которых транслируется показ моделей: бесконечное шествие длинноногих девушек в нарядах, выполненных из металлических пластин и напоминающих то ли кольчуги, то ли рыцарские латы.

– Итак, можно начинать! – Рамбан хлопает в ладоши.

Темнокожий официант с обнаженным торсом, украшенным массивным бриллиантовым ожерельем, выкатывает на тележке огромное блюдо, накрытое серебряной крышкой.

– Сегодня я презентую особый дегустационный сет из семи блюд. «Гордыня» – так называется первое из блюд, которые мы представим вашему вниманию, – слышу я голос Паоло. – Здесь собраны самые дорогие продукты в мире: крупные тосканские трюфели, нежная фуа-гра, драгоценные дары моря, отборная мраморная говядина и редчайшие фрукты…

Продукты, разложенные на блюде, напоминают натюрморт, написанный Сальвадором Дали.

– Вторая подача! – объявляет Рамбан, сразу после того, как я успел лишь ковырнуть «Гордыню» вилкой. – Это блюдо носит название «Алчность» – оно выполнено из пищевого золота высшей пробы.

На золоченом блюде, представшем перед нами, возвышается переливавшаяся золотыми бликами скульптурная группа, которая изображает дюжину облаченных в туники людей разного пола и возраста. Все они склонились перед стоящим на постаменте тельцом.

– Этим можно не только любоваться – это можно есть! – Хозяин ресторана перерубает хребет золотому тельцу, и на блюдо вытекает багровый ягодный соус, в котором тонут коленопреклоненные фигурки.

– Очень мило! – говорю я, не прикасаясь к приборам. Пока этот ужин больше напоминает показ мод, чем прием пищи.

Тем временем официант уже вкатывает в зал тележку с третьим блюдом, которое носит название «Ярость». Он демонстрирует нам ярко-красное варево под крышкой, затем щелкает зажигалкой, и над котелком вспыхивают языки пламени.

Рамбан сообщает, что это жаркое приправлено самыми острыми сортами перца в мире: кайенским, кампотским, карибским хабанеро, а также сортом «Скорпион Тринидада», и предлагает добавлять табаско по вкусу. Я воздерживаюсь и от «Ярости».

Следующее блюдо носит название «Похоть» и представляет собой собрание афродизиаков, выложенных на теле обнаженной женщины, в которой я узнаю Дженну. Красная и черная икра, устрицы в раковинах, тонко нарезанный имбирь, всевозможные специи, а также черный шоколад. Взяв устрицу с лобка Дженны, Рамбан с удовольствием ее проглатывает.

За «Похотью» следует угощение, которое хозяин ресторана рекомендует как коронное блюдо заведения, – «Чревоугодие». Четверо официантов вкатывают зажаренного на вертеле быка, обложенного различными гарнирами. Его рога выкрашены золотой краской, а на кольце, вдетом в ноздри, болтается связка красных перчиков. Как и раньше, я воздерживаюсь от дегустации, несмотря на уговоры Рамбана.

– Вижу, вы уже немного перебили голод, мой дорогой, – иронично обращается ко мне Паоло. – Значит, пришло время для следующего блюда, которое носит название «Лень».

Он хлопает в ладоши, но официант с тележкой не появляется. Я с недоумением смотрю на Рамбана.

– Чтобы попробовать это блюдо, гость должен сам отправиться за ним на кухню, – с усмешкой сообщает он. – Но раз мой гость слишком ленив для этого, придется мне.

– Я могу сходить, – поднимаюсь я со стула.

– Забыл сказать, Золтан, прежде чем принести это блюдо, ты должен его приготовить. А прежде чем ты его приготовишь, тебе придется придумать рецепт. А прежде чем…

– Сдаюсь, – смеюсь я, усаживаясь обратно. – Видимо, я и правда ленив. Может, перейдем к следующему блюду?

– Не возражаю, – отвечает устроитель ужина. – Седьмая подача – десерт «Зависть»!

После очередного хлопка в ладоши к нашему столу приближаются два официанта, ставят перед нами по блюду и одновременно снимают с них крышки. Я вижу, что перед Паоло красуются многоярусные пирожные, украшенные глянцевыми фруктами, в то время как моя тарелка оказывается пуста.

– Благодаря особому оптическому эффекту каждому из гостей кажется, что он остался без десерта, – поясняет Рамбан. – На самом же деле никто не обделен. Попробуй свой десерт, Золтан!

Взяв в руку вилку, я прикасаюсь ею к невидимому блюду, и она действительно входит во что-то плотное. На тарелку падает вишенка с пирожного. Пробую. Мои рецепторы ощущают все

оттенки сладкого.

– Остались ли еще грехи, которые мы с тобой не отведали? – спрашивает радушный хозяин.

Семь блюд – семь смертных грехов? Кажется, все на месте.

– Что ж. Тогда настало время вынести последнее, самое главное блюдо. Угадаешь какое?

– Нет. – Я пожимаю плечами.

– «Искупление», мой дорогой.

Свет в ресторане гаснет, а за ним гаснут и мониторы. Освещенным остается только пятно посреди зала, в которое четыре официанта вкатывают накрытый багровой парчой столик на колесах. Спустя минуту там появляется фигура, одетая в черный балахон. Свет падает на лицо человека в балахоне, и я вздрагиваю от изумления, узнав знакомые черты. Это тот самый Старейшина из наркотического «трипа» на вечеринке у Марка! Что здесь происходит, черт возьми?

Старейшина смотрит на нас с Рамбаном, а потом резким движением срывает со столика парчовую ткань. Нашим глазам предстает обнаженная… Катрин. Она лежит спиной к нам на боку в красивой позе, подогнув одну ногу и запрокинув руку за голову, подобная греческой статуе. До меня начинает доходить абсурдность происходящего. Что это за странный ужин, где на десерт подается обнаженная дочь нашего босса? Хотя почему-то я не уверен, что это она… Слишком европейская внешность. Более того, я убежден, что ее имя сейчас… Изабел.

– Это очередное блюдо? – пытаюсь пошутить я.

– Вовсе нет. – Рамбан серьезен и торжественен. – Это – очищение от всех отведанных тобой блюд, засоривших твой организм скверной вины и раскаяния. Но готов ли ты принять очищение?

– Стоп, стоп… – Я пытаюсь протестовать, пока в моем мозгу просыпается что-то, похожее на осознание. – Паоло, давай по порядку.

– Пойми главное. Тот, кто способен принести в жертву любимого человека, ожидает такой же готовности от принимающего жертву. Абсолютной готовности. Абсолютной верности.

В ответ на его слова девушка ложится на спину, а Старейшина заносит руку со сверкающим ножом. Я пытаюсь крикнуть, но издаю лишь неразборчивое мычание. Я пытаюсь вскочить, но ноги не слушаются меня – я неподвижно застыл, неспособный на малейшее движение. Рука Старейшины начинает движение вниз.

– Мунин! – кричу я про себя, рисуя в голове образ черной остроклювой птицы.

В тот же миг раздается хлопанье крыльев, и на мое плечо опускается ворон Игги Бьольверка. Мир раскалывается и замирает, появление ворона будто высвобождает меня, я бросаюсь к девушке… и просыпаюсь в своей собственной постели.

Я лежу в темноте квартиры, пытаясь нащупать внутри себя

ощущение абсолютной реальности недавнего сна. Но был ли это *мой* сон? Припоминаю детали. Я отчетливо помню вкус десерта… несмотря на то что я всю жизнь сторонился сладкого. Но во время этого трипа я его пробовал – по своей ли воле? Или кто-то, чьему воображению я подчинялся, как это было в лесу, не знал обо мне таких мелких подробностей?

В одном я был уверен: по чьей бы воле я ни действовал в этом сне, прекратил его я по своей собственной.

0032

Мы встречаемся с Линн в баре на границе промзоны и торгового кластера. Этот район давно облюбовала неформальная молодежь, и пятничным вечером в заведении полно странного вида юношей и девушек. Есть здесь компьютерные гики в футболках с дурацкими надписями, малолетние оторвы с неоновым пирсингом на пол-лица, киберфаны с имплантированными гаджетами, угрюмые некротики в черных балахонах и разношерстные представители других субкультур, мною неопознанных. Бар переполнен, и нам только чудом удается найти столик у окна, из которого открывается вид на испещренную граффити заводскую стену и группу подростков в ярких майках, закидывающихся электронными наркотиками с планшета. Татуированная официантка весом в центнер приносит нам пару коктейлей бирюзового цвета. Линн кажется погруженной в свои мысли.

– Чем будем заниматься сегодня? – интересуюсь я, когда мы приканчиваем напитки.

– Тут неподалеку открывается новый клуб, – отвечает она. – Называется «Крест».

– Странное название. Дискотека для подростков? – киваю я в сторону обдолбаных фриков за соседним столиком.

– Откуда я знаю! Я же говорю: новый клуб. Сходим туда, и сам все увидишь.

Не могу сказать, что меня прельщает перспектива переминаться с ноги на ногу под оглушительную музыку. Однако подозреваю, что за деланым безразличием Линн кроется какой-то секрет. Мы берем такси и оказываемся возле «Креста» спустя полчаса.

Ночной клуб расположен в здании бывшего католического костела, который бросается на меня из воспоминаний детства. Я узнаю его потемневшие стены и выложенную овальными булыжниками дорожку. Статуи двух святых все еще стоят в нишах у входа, но теперь разрисованные неоновыми красками. Я с удивительной яркостью ощущаю свое детское благоговение и страх перед ними. Конечно, приюта моего детства, который раньше находился с правой стороны от костела, теперь нет и в помине. Сгоревшее здание сменила подслеповатая постройка, похожая на автоматический склад. А вот длинный одноэтажный дом слева, когда-то служивший нам воскресной школой, так и стоял, лишь еще больше врос в землю и окутался плющом. Перед костелом находилась мотопарковка. Знак парковки автомобилей

указывал за здание костела. Там, в сгущающихся сумерках, угадывалась группа обветшалых зданий, по стенам которых проползали фары паркующихся машин.

Задерживаюсь на несколько минут, настолько я удивлен как совпадением, так и своими эмоциями. Я не бывал здесь больше двадцати лет, но, оказывается, был привязан к этому месту куда больше, чем полагал. Настолько, что вывеска ночного клуба в виде неонового креста

из слов «DRINK» и «DANCE», пересекающихся на букве N, задевает меня, подобно тому, как святотатство оскорбило бы верующего. Линн оглядывается на меня:

– Идешь?

– Сейчас.

Мне не хочется ничего ей говорить про это место. Но и ощущение чего-то значимого, связанного с ним, тоже не хочется отпускать. Я пытаюсь стряхнуть его и иду к высоким резным дверям.

Мы попадаем в помещение, в котором о прежней функции напоминает лишь планировка, но не дизайн. Стены просторного зала выкрашены в матовый черный, колонны – в ярко-розовый, в первом нефе разместили лаунж-зону с разномастными диванами и креслами, а во втором – подсвеченный снизу танцпол. Диджей расположился на втором ярусе – на хорах, а в боковых нишах, где прежде были установлены фигуры святых, в лучах стробоскопа теперь извиваются полуголые танцовщицы. Высоко под куполом построены комфортабельные VIP-ложи, куда ведут кованые витые лестницы, устланные, подобно пути к алтарю, красными ковровыми дорожками.

Несмотря на раннее время, в клубе много людей – компания здесь собралась довольно разношерстная: мажорная молодежь в дорогих тряпках и агрессивные фрики с увеличенными зрачками, упитанные папики с молодыми любовницами и ярко накрашенные проститутки, прочесывающие периметр в поисках клиентов.

– Ну, как тебе обстановка? – спрашивает Линн.

– Кажется, я уже староват для всей этой движухи. – Я стараюсь скрыть от нее наплыв воспоминаний.

– Ворчишь ты и вправду как старик.

– Раньше я ходил в клубы, чтобы подвигаться, потом – чтобы снимать девчонок. А теперь – даже не знаю зачем. А ты?

– Что я?

– Ты что здесь делаешь?

– Тебя сопровождаю.

Ах да, эскорт-сервис. Иногда я расслабляюсь и забываю, что Линн – не моя подружка, а приставленный ко мне Хароном профессионал. Я перевожу взгляд со стайки бьющихся в экстазе старлеток на хоры, где шаманит диджей в алеутской маске. И тут замечаю вверху зала пару знакомых лиц – это Рамбан и Катрин.

Мое сердце начинает биться сильнее. Облокотившись на резное ограждение VIP-ложи, эти двое что-то оживленно обсуждают, время от времени указывая друг другу на ярких персонажей, клубящих внизу. Не думал, что встречу Катрин в подобном месте. Да еще и в обществе моего теперешнего босса.

Перехватив мой взгляд, Линн спрашивает: поднимешься к ним?

Я предлагаю пойти вместе – поколебавшись пару секунд, она соглашается. Поднимаемся по резной лестнице на ощутимую высоту. При этом подмечаю, что изобретательно направленная акустика оставляет верх зала в относительной тишине, подходящей для разговоров.

– О, Золтан, как я рад вас видеть! – говорит Рамбан, который выглядит слегка выпившим. – Катрин, ты знакома с нашим новым сотрудником? Наша новая звезда, ни много ни мало.

Последнее, мне кажется, он произносит с оттенком сарказма. Или ревности.

– Да, мы уже виделись.

– Мой верный друг, – двусмысленно представляю я свою спутницу. Девушки мельком сканируют друг друга, а старый развратник заключает Линн в объятия.

– Золтан уже рассказывал вам про свою новую работу? – спрашивает он ее.

– Мы это не обсуждали, – уклончиво отвечает Линн.

– Работа – не лучшая тема для беседы на вечеринке, – вклинивается в разговор Катрин.

– А о чем бы ты хотела поговорить, моя дорогая? – обхватив за талию, Рамбан привлекает ее к себе.

Он ведет себя с ней как с любовницей – невольно отмечаю я.

– Мне, к примеру, кажется, что открывать ночной клуб на месте храма – это дешевая провокация, – произносит Катрин, очень аккуратно отодвигаясь от своего друга. – А наш демократичный Паоло со мной категорически не согласен.

– Просто я не нахожу в этом ничего необычного, – пожимает плечами Рамбан. – Так было во все времена. Языческие святилища переделывали в буддистские храмы, православные соборы – в мечети, синагоги – в театры. А вы, Золтан, что об этом думаете?

– Предпочитаю не иметь мнения по этому вопросу.

– Если бы я не был такого высокого мнения о вас, мой мальчик, то решил бы, что вы мне грубите, – смеется Паоло в ответ. – Послушай, Линн, не взять ли нам чего-нибудь выпить?

Взяв мою спутницу под руку, Рамбан увлекает ее вслед за собой, и мы с Катрин остаемся одни, если не считать нескольких сотен людей, отплясывающих вокруг нас.

– Тебе тоже до смерти скучно на подобных вечеринках? – спрашивает Катрин.

– Стало поживее, когда встретил вас с Рамбаном.

Уже догадываюсь, что эта случайная встреча с ней – не такая уж и случайная. Только как мой наниматель Харон мог привлечь к этой операции самого Рамбана? Вот уж кто полон сюрпризов.

Какое-то время мы молча рассматриваем веселящийся народ. При этом я испытываю острое желание прикоснуться к Катрин, но это может обрушить успех всей моей операции. Будто в ответ на мои колебания она задумчиво произносит:

– Похоже, ты даже не понимаешь, во что ввязываешься.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я собираюсь спросить, что Катрин имеет в виду – мои отношения с корпорацией или мое отношение к ней самой. В это время ее что-то отвлекает – по толпе внизу пробегает волнение. Мы заглядываем за ограждение ВИП-ложи. Среди танцующих образовалась проплешина, посреди которой стоит щуплый человек в черном худи, с капюшоном, накинутым на голову, в темных очках и белой марлевой повязке, закрывающей половину лица. Неожиданно человек в черном поднимает руку с изрыгающим алое пламя сигнальным факелом.

Толпа в испуге расступается еще шире, и возле человека в повязке появляются еще несколько так же одетых хулиганов. Сверкают вспышки, факелы летят в толпу, один, крутясь в воздухе и разбрасывая пламя, отправляется в сторону диджейского пульта. Раздаются крики, молодежь начинает разбегаться, дым стелется по залу. Катрин вскрикивает и нервно хватает меня за руку. Я судорожно соображаю. Рамбана нет, Линн тоже исчезла. Мы стоим одни, высоко над залом, где происходит что-то зловещее.

– Надо убираться отсюда! – перекрикиваю я шум, затем бросаю взгляд на ее туфли. – Под хорами есть другой выход, осилишь лестницу?

– Я не знаю! – Она еще сильнее прижимается ко мне. – Кто эти люди?

– Грабители, террористы – какая разница? Надо отсюда валить. Прямо сейчас.

Я замечаю, что диджей, сбросив свою маску, исчезает в нише за пультом. Внизу царят паника и переполох, люди бросаются в разные стороны, создают толкотню в дверях, сбивают друг друга с ног. Включается пожарная сигнализация, звенит разбитое стекло. Катрин оторопело смотрит на происходящее.

– Катрин! Отойди от перил! – кричу я ей, что-то заподозрив.

Поздно. Черный человек поднимает голову и смотрит на нашу ложу. Он вскидывает руку, что-то кричит своим, указывая прямо на нас с Катрин. Все шестеро бегом бросаются к нашей винтовой лестнице. Черт, да что же происходит?!

Мои рефлексы срабатывают быстрее, чем я успеваю подумать. Я поднимаю тяжелый кованый столик и швыряю его вниз по лестнице – тот с грохотом скатывается по ступенькам, блокируя проход. Тем временем я толкаю Катрин к стене, подхватываю стул

и разношу вдребезги витражное окно. Выглядываю. Так и есть – под окнами находится широкий карниз, на который мы когда-то с приютскими детьми забирались по пожарной лестнице. Я слышу визг Катрин, мимо меня пролетает зажженный факел, чуть не опалив мне волосы, стукается о стену и падает к моим ногам. Оглядываюсь. Люди в черном уже на середине лестницы, пытаются перебраться через мою баррикаду. Я подхватываю сигнальный факел, почувствовав жгучую боль от ожога, и запускаю им в главного хулигана, которого уже едва видно в заполняющем клуб дыму.

– Сюда! Выберемся через окно! – кричу я Катрин.

Она не слышит меня, но догадывается по моему лицу, что настроен я решительно. Зажмурив глаза, она подает мне руку, и я выбираюсь на карниз через низкий подоконник. Если бы я боялся смерти – сейчас было бы самое время обделаться по полной. Улица далеко внизу качается на меня, чуть не всосав в пустоту под ногами. Но я удерживаюсь, ухватившись обожженной рукой

за оконный проем, помогаю Катрин выбраться на карниз. Осторожно переставляя ноги, делаю несколько шагов вдоль стены и хватаюсь за ставню следующего окна. В нем показываются белая повязка и очки одного из преследователей – я прямо сквозь витраж бью его ногой в лицо и протаскиваю взвизгнувшую Катрин в сторону пожарной лестницы. Вцепившись в железные перила, Катрин повисает над пустотой. Ее лицо белее бумаги.

– Золтан, помоги мне! – кричит она, пока я пытаюсь вытащить ногу, застрявшую в окне. Не знаю, каким чудом я не срываюсь с высоты, но уже через секунду я прижимаю Катрин всем телом к ржавой пожарной лестнице и шепчу ей в ухо: «Тише, не бойся! Не смотри вниз!» Дрожа всем телом, она переставляет ноги, с которых давно свалились и улетели вниз ее красивые туфли, мы спускаемся. Она – прижавшись к лестнице, а я – к ней, прикрывая ее тело своим.

Пожар в клубе нарастает: я слышу взрыв лопнувшего окна и сразу за ним – шум запоздало включившихся разбрызгивателей. Спрыгиваю с лестницы на газон позади костела и едва успеваю подхватить на руки ошалевшую от страха Катрин.

– Надо валить отсюда. Эти люди гонятся за тобой!

Словно в подтверждение моих слов, голова одного из преследователей показывается над церковной оградой. Я хватаю с газона первое попавшееся под руку – небольшой вазон с цветами – и запускаю им в забор. Вазон взрывается, как граната, напугав человека в черном, пока мы с Катрин изо всех сил несемся в сторону темной аллеи за костелом.

Пробежав через узкий проход между зданиями, мы оказываемся на пустынной улице, где припарковано несколько автомобилей. Я слышу крики позади – люди в масках вот-вот окажутся здесь, и нырнуть в провал метро мы не успеем. Быстро оглядываю машины. Какого-то черта на колеса всех из них надеты блокировочные устройства – здесь успел поработать особо вредный парковочный коп. На всех… кроме красной раритетной «Ламборджини» года 70-го. То ли она позже припарковалась, где не следует, то ли коп не захотел связываться с владельцем слишком крутой тачки. Меня модель машины не смущает. Тем более что под самым бампером я замечаю удачно оставленный универсальный ключ – кирпич.

Стекло с водительской стороны разлетается от второго удара. Я затаскиваю Катрин в машину и шарю под рулевой колонкой в поисках проводов.

– Что ты делаешь? – Катрин с испугом наблюдает за моими действиями. – Я потеряла телефон, позвони кому-нибудь!

– Нет времени, – бросаю я. – Пригнись!

Она сползает с сиденья. А я нахожу то, что искал, – моток проводов, с помощью которых многие старые тачки можно запустить без отпечатка пальца и даже без ключей. Наклонившись, обдираю проводку зубами и, вспомнив свои уличные навыки, соединяю провод стартера с проводом батареи.

Через мгновение, взревев мотором, машина срывается с места. Как раз вовремя – аллея озаряется огнем сигнального факела, а заднее стекло сотрясается от чего-то тяжелого. Бросаю взгляд в зеркальце заднего вида и не могу удержаться от смеха – в меня запустили вазоном с цветами. Эти подонки быстро учатся!

Катрин смотрит на меня как на сумасшедшего.

– Ты чего?

– Да так.

Я вспоминаю, что для девушки все произошедшее –

настоящий кошмар. Я же, кажется, только взбодрился. Закладываю крутой поворот, машина вылетает на трассу, и я наконец немного расслабляюсь.

– Золтан… – еле слышно произносит она.

Я смотрю на нее, краем глаза следя за дорогой. Катрин уже не бледна, наоборот, ее глаза блестят. Не от страха – от восхищения. Так она на меня смотрела впервые.

– Куда подбросить? Или покатаемся еще? – Я пытаюсь разрядить ситуацию юмором.

– Твоя рука! Нужно ехать в госпиталь!

– Пустяки. Вот туфли твои и правда жалко.

Я изучаю повреждения ладони, обожженной сигнальным огнем. Шок проходит, и черное пятно с вкраплениями серы начинает довольно сильно припекать. Катрин берет мою руку в свои, дует на нее. Большего блаженства я не испытывал никогда…

У нее не получается уговорить меня ехать в больницу. Через двадцать минут мы уже подкатываем к легендарному отелю «Раффлз» в центре города. Украшенный флагами фасад выполнен в классическом викторианском стиле. Зато на первом этаже расположены бутики мировых брендов: из них мертвенно мерцают драгоценности и пялятся на прохожих манекены. Почему она живет в отеле? Стремится свести к минимуму быт или не хочет жить под одной крышей с отцом?

Я глушу мотор, и пару мгновений мы сидим в тишине.

– Не могу понять, – наконец роняет она. – Почему эти люди напали на нас?

– Могу придумать тысячу версий. Но не лучше ли тебе позвонить отцу и попросить его заняться этим вопросом?

Катрин с пару секунд смотрит на меня с неопределенным выражением, а потом вдруг наклоняется и нежно целует меня в щеку.

– Спасибо, – шепчет она. – Ты…

Она не успевает договорить – я припадаю к ее губам своими, и мы бешено целуемся, забыв про угнанную тачку с разбитым окном, мою обожженную руку и ее босые ноги – все тонет в адреналиновой волне, запахе гари и аромате ее волос. Оторвавшись от меня, она смотрит мне в глаза расширенными зрачками, с минуту что-то обдумывая и восстанавливая дыхание.

– Тебя надо перевязать! – решительно произносит она.

0033

Массивные двери отеля разъезжаются в стороны. По мраморному коридору мы идем к лифту, двери которого так же неторопливо распахиваются. В лобби я замечаю огромную икебану в форме лотоса. Я не суеверен, но мне кажется, это хороший знак.

В просторном номере – динамический интерьер, он меняется по мере моего продвижения от двери к окну. По стенам пробегают узоры, в которых зашифрованы многослойные символы: карта города, логотип отеля, мой собственный силуэт.

Катрин идет прямо к бару, наливает себе виски, мелькает запрещенная в стране кока-кола (ого!), смешивает, морщась, залпом выпивает. Я ее понимаю. Без приглашения устраиваюсь на диване возле рояля, гадая, действительно ли она хотела «перевязать» меня или просто не желала оставаться одна после всего произошедшего.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, набирая точно такой же текст Линн.

– Нет.

Ответ от Линн приходит почти мгновенно «ОК». Хм. А спросить меня о том же самом? Видимо, в обязанности Линн не входил мой душевный комфорт. Лишь физическая безопасность (догадываюсь) и физическая же удовлетворенность. Я выныриваю из своих мыслей от прикосновения холодных рук Катрин. Она рядом, с аптечкой, мажет мне руку какой-то мазью.

– До сих пор не могу опомниться. Надеюсь, там никто не пострадал из-за меня!

– Не вини себя. Кто бы это ни был, антиглобалисты, террористы, враги «Транс-Реалити» – прежде всего они хотели причинить вред *тебе*. А уже потом твоему отцу или корпорации.

Катрин кивает. Молчит.

– Кажется, ты хотела о чем-то поговорить. – Я запоздало вспоминаю о своем задании.

– А ты свободный человек, Золтан? – вдруг спрашивает она.

– Свободный? Не знаю. Смотря что считать свободой.

Катрин опять замолкает. Похоже, она раздумывает, стоит ли продолжать этот разговор.

– Скажи, ты доверяешь своим чувствам? – наконец произносит она.

– В последнее время – не очень, – вынужден признаться я. – А почему ты спросила, свободный ли я человек?

– А почему ты не ответил?

– Я ответил: смотря что считать свободой.

– Это не ответ. Чтобы быть свободным, ты должен ее ценить, а не оценивать.

– Думаешь, раб не ценит свободу?

– Раб может быть свободным даже в цепях. Это внутреннее.

– Да ты философ!

– Просто много думала над этим. С таким отцом, как у меня, поневоле задумаешься.

– Тогда я несвободен. У меня всегда была свобода выбора, но я столько раз ошибался… А по сути, если подумать, был рабом обстоятельств.

Она вздыхает.

– Хорошо. Представь, тебе стало известно, что скоро мир станет совсем другим. На твоих глазах появляется технология, которая радикально все изменит. Ты видишь, как ее начинают развивать в направлении, которое тебя откровенно пугает, как в нее вливаются огромные ресурсы… Тебя что-то очень беспокоит. Какое-то неясное предчувствие или опасение. Как бы ты поступил на моем месте?

– Про какую технологию ты говоришь? – осторожно прерываю я ее горячую речь.

Катрин тянется к тумбочке и берет с нее плоскую черную шкатулку, в каких обычно держат сигары. Бросив на меня нерешительный взгляд, она приподнимает крышку. В двойном дне на красном войлоке лежат с дюжину знакомых мне ракушек Memnotech.

– Знаешь, что это?

– Нелегальные воспоминания?

– Пробовал что-то подобное?

– Да, на вечеринке у Марка, где тебя первый раз увидел. Честно говоря, так и не понял, как оно мне. – Про опыт с Линн, где я был молодым террористом-смертником, решаю промолчать.

Она нервно усмехается.

– А ты? – спрашиваю я.

– Чаще, чем хотела бы признавать.

– Зачем тебе это, Катрин? У тебя интересная жизнь, неужели

не хватает собственных впечатлений?

– В том-то и дело, что все хотят как раз не собственных впечатлений, а чужих. Ты видишь молодежь вокруг? Наркотики, танцы до одурения, бессмысленный экстрим. Они отчаянно пытаются вырваться из своей жизни, соскочить с *собственного* поезда…

– Идущего в никуда… – договариваю я за нее.

– Да! Именно это ощущение – что все катится по кругу, что все уже испытано и известно наперед. А это… – Она указывает на ракушку. – Это – побег.

– Вообще-то больше похоже на наркотик.

– Да. И такой мощный, какого человечество еще не знало.

– Не считаешь, что это несколько лицемерно с твоей стороны?

– Осуждать других, а самой закидываться этим? – договаривает она и грустно кивает. – Да, ты прав. Только я ничего не могу с этим поделать. Я теперь тоже несвободна, Золтан.

Я замечаю слезы в ее глазах.

– Даже не могу себе представить, какой апгрейд этой технологии готовит мой отец. Он задумал что-то гораздо более масштабное, чем Memnotech.

Тут она осекается, будто чуть не сказала лишнее. Пока я думаю над ее словами, мой взгляд падает на небольшую фотографию на рояле. Я вглядываюсь в знакомое лицо, Катрин ловит мой взгляд.

– Это моя мама. А рядом – я, видишь? Мне здесь лет пять.

– Как ее звали? – спрашиваю я, уже зная ответ.

Именно это лицо я видел в своем трипе на вечеринке Марка. Именно она, а не Катрин, лежала на жертвенном столе в ресторане Рамбана. Именно про нее я был точно уверен, что зовут ее не Катрин, а…

– Изабел. Изабел Гаади, – доносится до меня. – Она была француженкой. Похожа на меня? Только кожа светлее. Все так говорят.

Пока я пытаюсь справиться с вихрем мыслей и догадок, из черной шкатулки Катрин достает одну ракушку-девайс и протягивает его мне.

– Я хочу, чтобы ты понял.

– Понял что, Катрин?

– Сейчас увидишь. Давай вместе со мной?

– Чье это воспоминание?

Вместо ответа Катрин помогает мне надеть одну ракушку, а надев вторую на себя, запускает симуляцию.

В следующее мгновение комната подергивается рябью, и я оказываюсь на грязной палубе какой-то баржи посреди моря. Я тут же покрываюсь потом, чувствую жар и… сексуальное возбуждение?

Солнце печет нещадно, заливая светом троих темнокожих парней. Таких же темнокожих, как и я в этом воспоминании. Все они – мы – с голыми торсами и в шортах, перемазанных мазутом. И на каждом из нас – ракушка Memnotech. Один из чернокожих открывает ржавую крышку люка и вместе с товарищем за руки вытаскивает оттуда мулатку с такой же ракушкой на ухе. Я подхожу к девушке (похоже, я тут главный), отвожу волосы от ее лица. Симпатичная. Смотрит в пол, как испуганный котенок. Чувствую прилив звериных эмоций, собираю ее черные волосы в кулак и резко вздергиваю ее лицом к себе: смотри на меня, сучка! Мулатка глубоко дышит, ее губы приоткрыты в немом крике, ее зрачки ищут сострадание в моем лице. Я тоже ищу его внутри себя… но не нахожу!

Заглянув в темный проем в палубе, я вижу, что трюм забит женщинами, смуглые лица которых трудно разглядеть в темноте. Я толкаю мулатку к своим чернокожим товарищам. Те радостно хохочут, лапают ее тело, осыпают оскорблениями на языке, который я не понимаю и понимаю одновременно. Девушку бросают на палубу, жадные руки разрывают на ней одежду, и я становлюсь первым, кто наваливается на нее. Я не могу контролировать свои действия, за меня это делает хозяин воспоминаний. А эта скотина явно привыкла силой брать свое. И получает от этого неописуемое наслаждение – получаю его и я! И

от *своего* ощущения беззащитных ягодиц мулатки, и от того, как взвизгивает она, когда *мой* огромный член вонзается прямо между ними.

– Стоп! – кричу я.

В этот момент происходит что-то странное. Я «раздваиваюсь», будто проснувшись внутри сна. Внизу, подо мной извивается несчастная мулатка. Я окружен телом чернокожего насильника… а в голове моей – полное осознание того, что это я – Золтан, и ничего, кроме жалости к девочке и отвращения к происходящему, я не испытываю! Происходящее расплывается, двоится – в чертах искаженного болью лица девушки вдруг проступает лицо Катрин. Я с усилием отрываю чужую руку от ее бедра и…

Вырываю из уха ракушку Memnotech. Воспоминание меркнет – мы снова в номере отеля, и только испарина на лбу напоминает мне о том, что я только что пережил. Катрин рядом, смотрит на меня, выдернув из уха ракушку и тоже – тяжело дыша.

– Ты мог бы быть понежнее с… девственницей, – произносит она с нервной усмешкой.

– Я?! Ты что, хотела проверить, остановлюсь ли я?

– Я и не знала, что это возможно! – Катрин, кажется, и правда потрясена. Она проводит рукой по моему лбу и подает мне стакан с виски.

Я вспоминаю ощущение, которое только что испытал, когда внутри переживания «заставил» руку насильника стать на секунду моей. Я уже испытывал это чувство – похожее на головокружение

и раздвоение сознания… Где же? В джунглях! В чертовом сне с волком, копьем, и загадками Игги. Мир будто раздвоился как раз тогда, когда я записывал координаты, которые потом оказались реальными. А еще во сне с рестораном… Там, где была Катрин – или ее мама – в качестве жертвы. Но это же не были воспоминания Memnotech… Или были? А если да, то чьи? Кажется, я начинаю что-то понимать…

Последнее я произношу вслух, еще не совсем отойдя от симуляции. Катрин подталкивает мне стакан: «Пей». Я повинуюсь, жадными глотками вбирая в себя алкоголь, а она смотрит на меня со смесью надежды и узнавания. После чего медленно произносит:

– Ты смог, Золтан. – Она улыбается и целует меня в губы, страстно прижавшись всем телом, взяв мое лицо в свои руки. – Ты смог! Пообещай мне, что не потеряешь все это после встречи с моим отцом. Пообещай! Я видела, как он меняет людей, а мне с первого взгляда показалось, что ты настоящий.

Мой стакан падает на пол, и я так же страстно отвечаю на ее поцелуй. И другие ответы мне пока не нужны…

0034

Когда подъезжаю к дому на такси, мой телефон звонит.

– Салют, дружище! Надеюсь, ты не спишь? – слышу я голос Марка.

Какого черта звонить человеку посреди ночи и спрашивать, не спит ли он, не понимаю. Поэтому отвечаю с раздраженным сарказмом:

– Что ты, Марк! Я как раз возвращался из церкви.

– Да ты остряк! Завтра тебя хочет видеть Саул. Я заеду за тобой вечером, около шести. Звоню тебе на случай, если ты собирался куда-то удрать на выходные.

Саул Гаади хочет меня видеть! От этой новости я мигом теряю свое саркастическое настроение.

– А чего он хочет, не знаешь?

– Усыновить тебя, наверно, – отвечает Марк.

– Кто еще остряк, – говорю я ему и чувствую, как телефон вибрирует. На другой линии – Харон. Да что они все, сговорились?

– Марк, я могу тебе перезвонить?

– Да я все уже сказал. Будет небольшая вечеринка, оденься подобающе. И послушай… – Его тон вдруг меняется с шутливо-дружеского на внушительный, чуть ли не угрожающий. – Ты должен там быть. Должен. Надеюсь, ты меня услышал? Все, до завтра!

Звонок прерывается, и я тут же слышу голос Харона в трубке. Звучит мой шеф на редкость раздраженно:

– Зет! С кем ты треплешься посреди ночи?

– Марк звонил. Завтра вечером я увижу Гаади!

– Завтра? – Харон, кажется, озадачен. – Это точно?

– Что-то не так?

– Нет, нет… Наоборот, клиент очень доволен твоими успехами, Зет. Я, разумеется, тоже. Но ты должен пока избегать этой встречи. Так надо.

– Отказать самому Гаади? – Я так удивлен, что тыкаю в кнопку экстренной остановки такси, и автопилот прижимает машину к обочине. – Ты понимаешь, чем мы рискуем?

Харон некоторое время молчит, видимо, раздумывая. Потом что-то ворчит про себя и, наконец, вздыхает.

– Черт с тобой, встречайся. Но перед тем как принимать какие-то решения, свяжись со мной.

– Как ты это себе представляешь? «Простите, господин Гаади, мне надо пописать?»

– Придумай что-нибудь! Не мне тебя учить! – Старик почти кричит. – Это желание клиента, ясно?!

Звонок резко обрывается. «Кто же этот твой чертов клиент?» – думаю я, пока такси набирает скорость. После всего что мне стало известно про «Транс-Реалити», этот вопрос давно перестал быть праздным. Противостоять такому могущественному человеку, как Саул Гаади, может только человек не менее могущественный. От которого может зависеть даже моя жизнь, стоит мне допустить ошибку.

Харон что-то недоговаривает – кажется, он мне больше не доверяет. Если добавить к этому мои собственные наблюдения, то у меня есть основания не доверять ему. А кому я вообще доверяю? Сумо? Я слишком дорожу единственным настоящим другом, чтобы раскрывать ему всю правду о своей работе. Марк? Этот приятный юноша без раздумий подставит меня, если это как-то поможет его карьере. Может, Катрин? Она сама от одиночества доверилась почти что незнакомцу. Вот и получается, что единственный человек в Сингапуре, достойный доверия, человек, которому известно обо мне все, – это Линн. Девушка, которую сам я знаю чуть больше месяца. А если разобраться, то почти не знаю.

Остаток дня я решаю провести именно с ней. Линн приезжает, мгновенно отреагировав на мое сообщение. Мой рассказ про пожар в церкви она выслушивает равнодушно, обронив только, что решила «не мешать» мне и они с Рамбаном почти сразу отправились в другой клуб. Про встречу с Катрин я не распространяюсь, зато сообщаю ей про завтрашнюю встречу с Саулом. У меня есть предчувствие, что завтра меня либо примут на работу, либо с позором выгонят. В любом случае тем вечером все изменится.

– Все когда-то меняется и все когда-то заканчивается, – произносит Линн, пока мы валяемся на ковре в предрассветных сумерках, докуривая кальян. – Главное, не делай глупостей. Кажется, я к тебе успела привязаться.

– Вот это сюрприз! – Я поворачиваюсь к ней: – Я думал, у тебя ко мне сугубо профессиональный интерес.

– Не дай бог, – загадочно отвечает она.

– Не дай бог что? – улыбаюсь я. От терпкого дымка смеси, которую Линн привезла с собой, меня охватывает умиротворение.

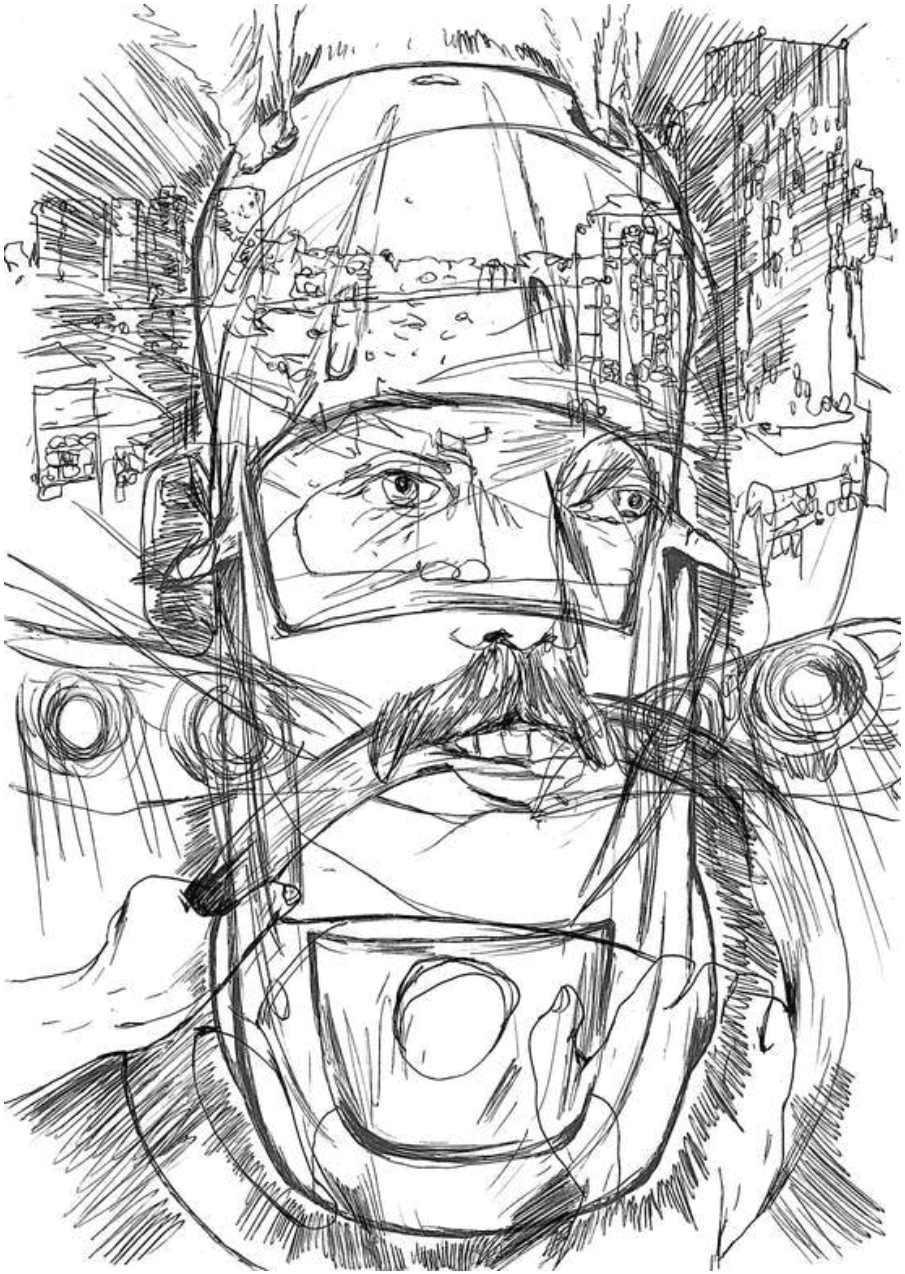
– Не важно, Зет. Нам нужно, чтобы ты сосредоточился на этой встрече, она и правда может все изменить.

Нам? Харон, Марк, Линн – все эти люди готовят меня ко встрече с Саулом как бычка на заклание языческому богу. Я прислоняюсь головой к ее плечу и закрываю глаза. Ладно. Делай

что должно и будь что будет. Река… ветер… снова река…

Просыпаюсь уже далеко за полдень. Линн помогает мне выбрать костюм, долго возится с моими волосами, а потом даже чмокает в щеку, как ребенка. Затем звонит Марк – он уже ждет меня в машине под домом.

Мы с Марком едем по набережной вдоль реки. Несмотря на то что солнце почти исчезло за горизонтом, оно обжигает лицо – машина с открытым верхом. «Куда мы едем?» – спрашиваю я и получаю в ответ отрывистое «увидишь». Я успел привыкнуть к веселому и игривому Марку, сегодня же он серьезен, как никогда.



– Каждый год Саул проводит особую вечеринку для мировой элиты, – объясняет он наконец. – Ты приглашен, и это большая честь для тебя.

– А ты?

– Я просто должен тебя доставить.

– Не могли прислать водителя?

– Считай, что я и есть твой водитель.

– Ты ведь давно работаешь в корпорации, а я – всего месяц. Почему меня пригласили, а тебя нет?

– Возможно, потому что у Саула есть планы, связанные с тобой. А мое время наступит позже. И с продолжительностью карьеры это никак не связано.

– А Катрин? Она там будет?

– Там будут все, кому там следует быть, – уклончиво отвечает он.

Какое-то время молчим. Пока что происходящее мне не слишком нравится. Марк включает радио, чтобы заполнить паузу. Звучит странная мелодия – смесь буддистских песнопений с техноритмами. Мы подъезжаем к громадному полю для гольфа. Похоже, наша цель – ангар со скругленной крышей, возле которого припарковано несколько десятков автомобилей, а чуть поодаль, прямо посреди поля, которое кажется бескрайним, стоят два вертолета.

Когда мы подъезжаем ближе, я понимаю: то, что я принял за ангар, на самом деле – гигантский серебристый дирижабль с логотипом «Транс-Реалити» на борту. Величественный, сияющий, он возвышается под багровеющим небом как купол храма. Памятник мощи и могуществу одного человека, его превосходству над всеми остальными. Должен признаться, я впечатлен. Никакие вступительные речи моих «доброжелателей» не могли приготовить меня к такому размаху.

– Это то, что я думаю? – спрашиваю я у Марка.

– Личный цеппелин Саула, – отвечает он. – Был сконструирован по его заказу несколько лет назад.

– Цеппелин, в наше время? Мегаяхты уже не в моде?

– Яхты есть у каждого денежного мешка. Ты же понимаешь, Саул Гаади – не каждый. Скоро сам в этом убедишься.

Оставив свой кабриолет рядом с другими машинами, Марк ведет меня к цеппелину. Вблизи тот кажется похожим на кита, способного поглотить не только Иону, но и всех его потомков до настоящего времени. Летательный аппарат окружен кольцом

охраны, неподалеку возятся техники в ярких комбинезонах с логотипом корпорации.

– Специальный гость господина Гаади, – сообщает мой сопровождающий охраннику.

Я называю свое имя. Охранник, сверившись со списком, подводит меня к передвижному эскалатору, по которому мне предстоит подняться в гондолу. Наверху эскалатора в дверях гондолы стоит Дженна, одетая в вечернее платье. Она приветствует меня ослепительной улыбкой.

– Мы все ждем вас, господин Варго! – восклицает она, будто мы с ней не кувыркались на полу архива. – Все гости в сборе.

– Привет, – бормочу я. – Ждали меня?

– Господин Гаади лично распорядился приурочить взлет к вашему прибытию.

Техник задраивает за нами люк, и Дженна ведет меня по узкому коридору, устланному красной дорожкой. Здесь нет иллюминаторов, и о начале полета я догадываюсь по тому, что пол под ногами слегка кренится, а затем начинает сосать под ложечкой.

– Мы идем на нижнюю палубу, там расположен основной зал, – сообщает моя спутница.

Мы спускаемся по лестнице на два пролета, и затем Дженна нажатием кнопки раздвигает тонкие алюминиевые двери, за которыми оказывается просторный зал, заполненный людьми в вечерних нарядах. Сначала мне кажется, что пол в помещении подсвечен, но в следующий момент я понимаю, что он сделан из сверхпрочного стекла. Внизу под ногами гостей проплывает город: можно разглядеть свет в окнах домов, мерцание уличных фонарей, отблески автомобильных фар. Судя по всему, дирижабль идет на высоте около полукилометра, но с каждой минутой поднимается все выше.

Мы пробираемся среди гостей, фланирующих по залу с бокалами в руках. Дженна подхватывает один с подноса стюарда, дает его мне. Я тут же отпиваю половину – мне нужно немного расслабиться, чтобы сохранять невозмутимый вид. Со всех сторон со мной здороваются, мне улыбаются, я с удивлением понимаю, что меня тут и правда ждали.

Не успеваю задуматься над причинами такой популярности, как оказываюсь зажат медвежьей хваткой Грэгсона, который пришел сюда в белой расстегнутой до пупа рубахе и потертых джинсах.

– Малец, как там тебя! – Грэгсон хлопает меня по спине так, что я чуть не падаю. – Я уже все Рамбану рассказал, ты просто молодец! Шаг в пустоту, сбросить прошлое! Помнишь?

– У вас все получилось? – Я пытаюсь не расплескать шампанское.

– Ого-го! – Он оглушительно хохочет, сверкая белыми зубами. – Полетел! Каждый день теперь летаю как этот… Келькац…

– Кетцалькоатль.

– Точно! Настоящая свобода, как мне и обещали. Ни на что не похоже!

– Золтан! – рядом с нами оказывается Жаклин Фабье под руку с ухоженным седеющим джентльменом. – Познакомься, Виктор, это тот самый юноша, необычайно талантливый! Золтан, это Виктор Бокар, мой бывший муж… и будущий! – Она показывает мне бриллиантовое колечко на пальце, потом наклоняется к моему уху, шепчет: – У нас все отлично… Как раньше! Я так счастлива!

– Мы все счастливы, – слышу я голос Рамбана, который протискивается через окруживших меня гостей и осторожно вызволяет меня из объятий Грэгсона. – Счастливы, что вы с нами, дорогой Золтан!

Он что-то еще говорит, одновременно с Жаклин и Грэгсоном, а мой взгляд выхватывает из толпы еще несколько знакомых лиц. В паре шагов от нас Августа что-то серьезно обсуждает с Игги Бьольверком, едва обращая внимание на происходящее вокруг. Фо Ци занял полдивана у стены и задумчиво смотрит в мою сторону. Чопра обернулся на меня и, испепелив взглядом, вновь склонился над столом с закусками. В отличие от гостей, вид у акционеров был скорее рабочий, чем ликующий. Я перевожу взгляд на Рамбана – он с виду вальяжен, как всегда, но в глазах у него я тоже замечаю какое-то напряжение. В это время у него на часах вспыхивает золотистая надпись – я уже догадываюсь, чье это послание.

– Ну вот! – Рамбан звенит своим бокалом о мой. – Саул хочет видеть вас прямо сейчас.

Шум голосов в зале снижается, и каждый присутствующий, кто украдкой, а кто в упор, смотрит на меня. Обращенные ко мне лица только усиливают нарастающее внутри чувство тревоги, появившееся еще в машине Марка. Харон просил связаться с ним перед тем, как я увижусь с Гаади, проносится у меня в голове. Интересно, здесь ловит мобильный? Нервно нашариваю телефон в кармане, но Рамбан берет меня под руку и уводит с вечеринки.

Мы пробираемся сквозь толпу до дверей в противоположном конце зала, возле которых застыли две спортивного вида девушки в черном. Они окидывают нас особым взглядом, по которому несложно догадаться – это не украшение вечеринки, а

телохранители Саула. Одна из них открывает передо мной дверь, жестом предложив Рамбану ожидать снаружи.

– Идите прямо по коридору, кабинет Саула в самом носу гондолы, – напутствует меня Рамбан.

Двери за мной закрываются, и я бреду по внутреннему коридору с несколькими овальными люками в стенах.

Иллюминаторов здесь тоже нет, зато через каждые полметра на стенах висят картины, первая из которых мне прекрасно знакома – это фреска их офиса «Транс-Реалити» с четырьмя богами-всадниками. Следующая за ней картина сначала кажется мне идентичной, пока я не замечаю отличие – тощая лошадка, которая в первой картине прогибалась под тушей Будды, теперь щеголяет пустым седлом. В следующей картине не хватает уже многорукого Шивы, лишь Один и Юстиция скачут, разделенные лошадьми без всадников. Дальше, как я уже догадался, не хватало Юстиции, а в последней потерялся и языческий бог Один. Стиль картин тоже постепенно меняется, пока завершающая коридор картина не оказывается оригинальной гравюрой Дюрера.

0035

Помещение, в котором я оказываюсь, почти полностью погружено в темноту. Лишь полукруглая стена-экран, на которой идет трансляция того, что происходит в нижнем зале гондолы, тускло освещает комнату. Все, что я могу разглядеть в свете цветных всполохов видеотрансляции, – это темный силуэт, возвышающийся напротив одного из огромных боковых иллюминаторов.

Саул, обернувшись, подходит ко мне, протягивает руку. В отличие от Рабмана, рукопожатие у него цепкое, сухое, он надолго задерживает мою руку в своей. Не произнося ни слова, он изучает меня.

Одним жестом он заставляет экран превратиться в окно, за которым открывается потрясающий вид с носовой части гондолы. Полукруглая стеклянная стена, занимающая треть кабинета, разделена на три сегмента, и во всех трех я вижу проплывающие далеко внизу огни ночного города.

– Ого! – вырывается у меня.

– Впечатляет, правда? – Саул приглашает меня пройти к самому носу, а сам хлопает пробкой от шампанского и, наполнив два бокала, подает один мне.

– Возможно, тебя интересует, что мы сегодня отмечаем? – спрашивает он.

– Приподнятое настроение ваших гостей сложно не заметить.

– Мы закончили разработку технологии, которая перевернет весь мир. Вчера состоялось подписание соглашения с Игалем Мизрахи. Теперь он – наш глава Технического департамента, а все его изобретения – собственность корпорации.

– Сам Мизрахи! – теперь я вспоминаю, что видел его лицо среди гостей, но разыгрываю удивление. – Создатель Memnotech?

– Изобретения Мизрахи – важный элемент в нашем ключевом проекте. О котором ты теперь наконец-то готов узнать.

Мое сердце бешено колотится. Саул указывает на одно из вращающихся кресел посреди каюты, садится напротив. Теперь я могу хорошо рассмотреть его лицо, почти пугающее из-за рембрандтовского освещения. С точностью определить возраст главы корпорации сложно – ему может быть и пятьдесят лет, и шестьдесят. Крупные восточные черты, близко посаженные карие глаза, смуглая кожа, подернутые сединой короткие волосы с залысинами по краям лба. На этом лице можно прочитать знаки, отличающие тех, кто обременен деньгами и властью, – усталость, пустота в глазах и презрение к людям.

– Как ты уже знаешь, с юных лет я интересуюсь мистицизмом. Сначала я приобщился к суфийской мудрости, затем постарался сблизиться с каббалистами, после – с буддистскими мистиками. В результате этих исследований я открыл для себя кое-что очень интересное. Это касается сотворения мира. Религии утверждают, что мир был сотворен богами. Мистики соглашаются с этим, но добавляют: процесс творения еще не завершен.

– И когда же он завершится?

– Прекрасный вопрос. Любой великий мыслитель ответил бы тебе – когда мы достигнем всеобщего благоденствия. Но что считать всеобщим благоденствием, вот в чем настоящий вопрос, найти ответ на который не так-то просто.

– Думаю, благоденствие – это субъективное понятие.

– Именно! Что для какого-нибудь бога, правителя или мыслителя – благоденствие, может обернуться страданиями для миллионов людей.

– Так, значит, благоденствия не существует?

– Существует, конечно. Но не для всех сразу. А для каждого по отдельности.

Я задумался, пытаясь понять, к чему он клонит.

– Хорошо, господин Гаади…

– Саул, – мягко поправляет он.

– Саул, но при чем тут ваша корпорация?

– Миссия «Транс-Реалити» – освободить людей. От войн, терроризма, от государственной тирании. От религий, в конце концов. Дать им то самое благоденствие, о котором они мечтали тысячелетиями и которое им обещали то религиозные лидеры, то военные диктаторы, но так и не сдержали обещания.

– Но вы же сами говорите, что осчастливить всех невозможно.

– А вот тут мы и переходим к главному ноу-хау нашей компании. Тебе уже известно, что мы разрабатываем персональные реальности, в которых пользователь попадает в свой собственный идеальный мир. Технология Мизрахи лишь позволяет людям пережить чужие воспоминания. А как им помочь прожить не чьи-то, а свои собственные мечты? Над этим вопросом я бился десятки лет. И только когда я соединил мистические практики с новейшими открытиями, то понял важную вещь. Может, сам процесс творения мира и зависит от воли богов, но делают это они не сами, а с помощью соответствующих специалистов. В разные времена их называли по-разному: мессиями, пророками, чудотворцами, алхимиками. Каждый из них, тонко чувствуя чаяния людей, менял мир. Так и у нас в «Транс-Реалити», чтобы обеспечить человеку счастье в его персональной реальности, недостаточно просто составить список

желаний и запрограммировать их в алгоритм. Пользователя надо прочувствовать сердцем, пропустить его душу через себя. Сделать его чувства своими и выдать именно тот результат, который он хочет получить, – знает он об этом или нет. И чтобы это стало возможно, требуется человек из очень редкой категории – «конструктор реальностей». Когда я это понял, Зет, моей целью стало найти такого человека.

Саул отставляет свой бокал, придвигается поближе и смотрит на меня в упор. Я могу разглядеть даже самые мелкие морщины на его лице. Я не ослышался – он действительно назвал меня «Зет». Мысли начинают лихорадочно носиться в моей голове.

– Так вот, Зет! Мы перебрали множество кандидатов, провели с ними ряд тестов и испытаний. Подход был индивидуальным. Чтобы не нарушить чистоту эксперимента, испытуемый не должен был знать о происходящем. В частности, чтобы привлечь к подобным испытаниям тебя, мы воспользовались услугами человека, которого ты называешь «Харон».

Я раскрываю рот, чтобы попытаться возразить, но не издаю ни звука. Полагаю, вид у меня был глупейший, потому что Саул не скрывает усмешки. Поднявшись с места, он подходит к носу гондолы.

– Ты спрашивал Марка, зачем мне собственный цеппелин? Если я и старомоден, то настолько, насколько старомодны боги Олимпа. Мне также нравится взирать с высоты на копошащихся внизу смертных, на их постройки, каналы, дороги, города, по сути – шаткие муравейники. Люди вообразили, что покорили природу, подчинив себе реки, ветер и ядерную энергию. Но свою собственную природу они так и не покорили – это хорошо заметно с высоты. Тому, кто возносится над историей, над мифами, которыми человечество тешит себя время от времени, прекрасно видно, что вся наша «цивилизация» – лишь копошение бактерий на поверхности гниющего яблока планеты. Чтобы изменить этот застрявший в бесконечной сансаре мир, конструктор реальностей должен быть выше любых догм, привязанностей и даже обстоятельств!

Он оглядывается на меня. К этому времени я успел привести свое лицо в порядок. Харон работал на Саула! Какой же я идиот. Каким идиотом я выглядел, считая себя крутым корпоративным шпионом, докладывая Харону о своих «открытиях» и считая, что вожу всех за нос.

– Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь, – Саул явно решил вытащить меня из моего ступора. – Но сейчас не важны мои методы или причинно-следственные связи. Ты находишься рядом со мной, буквально на вершине мира, и я хочу, чтобы ты

отнесся к своему положению со всей серьезностью.

– Так это вы все подстроили? – наконец подаю я голос, понимая всю серьезность своего положения. – Все это – внедрение, испытания?

– Мне было проще изучать тебя, пока ты думал, что изучаешь меня. Теперь ты и сам, я уверен, можешь сказать, что многому научился.

– Расширение сознания?

– …и его разрушение. Тебя испытывали на прочность и соблазняли чем-то новым. Работа велась круглые сутки.

– А эти странные видения?

– И видения. – Саул самодовольно улыбается. – Я тоже прошел этот путь и посредством своих воспоминаний делился с тобой своим опытом.

Во мне начинает закипать злость. Какого черта все это время мною играли, словно мелкой пешкой? Что он о себе возомнил, этот «олимпийский бог»?

– А если я не согласен идти по вашему пути? Свободу выбора вы мне оставляете?

– Конечно, иначе какой же из меня «Бог», – улыбается Саул. Черт, он будто читает мои мысли! – Можешь принять свое предназначение, а можешь отказаться.

Я собрался резко ответить, но Саул властным жестом обрывает мою попытку:

– Но так как суть нашего предприятия пока представляет определенную тайну, мне придется принять меры, чтобы устранить любую утечку информации. Это уже мой выбор, к сожалению, продиктованный необходимостью. – Повернувшись к двери, он выкрикивает: – Дорогая, зайди!

Я переживаю второе потрясение за этот вечер. В раздвинувшиеся двери входит моя подружка Линн, одетая в черные бриджи, тактические ботинки и черное худи. Она быстро кланяется Саулу, как это делают мастера боевых искусств (на что тот отвечает одобрительным кивком), и занимает место у двери.

– Вот еще одна моя подопечная. Можешь с ней заново познакомиться, только, боюсь, она сейчас не в духе. Ей очень не

хотелось вспарывать живот старику Харону.

– Я обошлась удавкой, босс. Надеюсь, на сегодня это все?

Линн быстро стреляет глазами в мою сторону. Должно быть, у нее и правда были ко мне какие-то чувства – если не женские, то дружеские: она едва заметно улыбается мне уголком рта.

– Линн! – ошарашенно выдыхаю я. – Так ты…

– Мой остро заточенный скальпель, которым я иногда провожу болезненные операции, – поясняет Саул. – И лучше нее никто бы не справился – у Линн настоящий талант в подобных делах.

Линн снова кланяется своему боссу, затем смотрит на меня извиняющимся взглядом.

– Прости за обожженную руку, Золтан. Но ты тоже – чуть не убил меня цветочным горшком вчера.

– Вчера? В клубе? – Я вскакиваю и срываюсь на крик. – Вы подвергли опасности Катрин и сотни других людей! Что вы вытворяете? Кем вы себя возомнили?

Мне сейчас точно бы не помешали таблетки «от стреса», но я тут же вспоминаю, что их мне дала эта проститутка-киллер. Саул ласково кивает головой, совершенно не обеспокоенный моей вспышкой.

– Важнее, кем мы считаем *тебя*, Золтан.

– Мне наплевать! А Катрин тоже заодно с вами?

– Нет, нет, что ты! Моя дочь – вне досягаемости любых интриг. Я знаю про ее отношение ко мне и к делу всей моей жизни, в котором ей предстоит сыграть важную роль. Но хочу, чтобы она пришла в лоно Трансферизма добровольно. И приведешь ее туда ты, Золтан.

Он машет рукой в сторону окна-экрана. На нем появляется Катрин – она стоит на балконе своего отеля, задумчиво глядя вдаль. Послушная жесту Саула, камера приближается к ней, пока лицо Катрин не заполняет весь экран, и я вижу в отражении ее зрачков наш сияющий серебром цеппелин.

Я стою посреди кабинета, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. Только сейчас я признаюсь себе, что полюбил ее с первого взгляда – на шумной психоделической вечеринке. Когда это было? Такое ощущение, что много месяцев тому назад, столько всего с тех пор произошло. Она тоже ждет моего решения.

– Трансферизм? Так вы назвали свою технорелигию? – выдавливаю я.

– Идея названия принадлежит Рамбану. Который, по сути, был твоим предшественником. Тебе еще много предстоит узнать, Золтан. Я приложил огромные усилия, чтобы найти тебя и

подготовить. Каждый шаг твоей «стажировки» имел несколько слоев и служил особым испытанием для тебя.

Он машет рукой на экран, на котором все еще кипит вечеринка, отзвуки которой едва доносятся до нас. Камера, послушная жесту Саула, выхватывает из толпы то Чопру, то Августу, приближает потное лицо Фо Ци, пока Саул продолжает говорить:

– Ты со всеми справился играючи! Грозный «Шива» Чопра, манипулятор «Один» Игги, опасная «Юстиция» Августа, разрушающий границы разума «Будда» Фо Ци. С помощью Линн мы проверили твою кровь на ген вечности, а на уровне контролируемых снов прокачали твои способности через психопроектор, замаскированный под ракушку Memnotech. Я вел тебя каждый шаг этого пути. И все это ради того, чтобы ты встретил свою судьбу и выполнил свое предназначение – стать конструктором реальностей.

Он наблюдает за мной, ожидая ответа. Линн тоже смотрит на меня с приязнью и даже осмеливается вступить в разговор, явно вразрез со своим обычным поведением в присутствии шефа.

– Золтан, хотя бы попробуй понять господина Гаади. Мне бы не хотелось, чтобы ты сделал выбор, о котором потом жалел… Простите, босс.

– Да, да, ты права.

– И какой же выбор вы мне предлагаете?

– Я предложу тебе два варианта, – произнес Саул. – А то, как ты поступишь, станет твоим последним и решающим испытанием.

Он жестом превращает левый сегмент окна в экран, на котором я вижу свою безликую квартиру.

– Ты выйдешь отсюда, навсегда забыв все, что видел и слышал. Ты никогда не сможешь приблизиться ни к нашему офису, ни даже к этому городу. За тобой будут следить, и любая попытка контакта с твоим бывшим окружением или прессой быстро обернется для тебя несчастным случаем. Это касается и моей дочери. Ты забудешь про нее и будешь жить своей жизнью как раньше. Либо…

Подвластный жесту Саула правый сегмент окна превращается во второй экран, на котором я вижу гостей, собравшихся на нижней палубе. Вечеринка замерла, все гости стоят, молча глядя прямо на меня.

– …ты станешь одним из нас. Раз и навсегда, добровольно, осознав всю важность своей миссии. Но для начала я хочу, чтобы ты на собственном опыте опробовал свой будущий товар.

– Что?

– Нашу основную разработку, Персональную Реальность.

– Прямо сейчас?

– А зачем откладывать? – усмехается он.

Саул бросает взгляд на Линн, та открывает дверь, и в кабинет входит серьезный и будто подавленный происходящим Паоло Рамбан в сопровождении Игаля Мизрахи. Я сразу узнаю израильтянина, несмотря на черный балахон (в такой же облачился и Рамбан) и такое же серьезное выражение лица, как у Рамбана. Будто совершая важный обряд, Мизрахи ставит на низкий столик рядом со мной небольшой кожаный чемоданчик и достает оттуда два изящных передатчика, соединенных между собой серебристой нитью.

– Сядьте, пожалуйста, Золтан, – тихо говорит мне Рамбан. – Мне нужно просканировать ваш мозг. А для этого придется вас обрить налысо, уж извините.

В руках Рамбана появляется электробритва, и он торжественно бреет мою голову. Мизрахи, стоящий рядом в своем балахоне, Саул, неподвижно наблюдающий со стороны, застывшая в дверях Линн и проплывающий за окнами россыпью огоньков Сингапур – все это похоже на какой-то религиозный обряд. Наконец, Рамбан отступает в сторону, и Мизрахи надевает на мою голову устройство, щелкает переключателями в чемоданчике. Рамбан стоит рядом, почтительный, будто с этого момента мы с ним поменялись ролями.

– Процесс займет несколько минут, Золтан. Расслабьтесь.

Я подчиняюсь.

– Все готово, – Мизрахи кивает Рамбану и снимает с меня сканирующее устройство. – Дальше все очень просто: вставляете в ухо этот гаджет и произносите кодовую фразу. Вы готовы?

Я киваю в ответ. «Ракушка», протянутая Рамбаном, занимает место в моем ухе.

– Стоп! – произносит Саул. – Тебе нужно пройти последнее испытание и доказать свою верность.

Линн открывает двери, и охранницы Саула вталкивают в каюту толстого мужчину в смокинге. На его потном лице написан такой страх, что я не сразу узнаю своего лучшего друга Сумо.

– Старик… – роняет Сумо, увидев меня, но не успевает договорить.

Одна из телохранительниц мастерски подсекает его, и тот грохается на колени. Линн закидывает ему на шею удавку, затягивая ее так, что глаза толстяка вылазят из орбит. Я чувствую, как Саул вкладывает мне в руку что-то тяжелое. Подношу к лицу. Жертвенный нож, точно такой же, какой я видел во сне в ресторане Рамбана. Я должен убить друга. Перед лицом всех гостей и акционеров. Должен запятнать себя кровью. Либо… навсегда забыть о Катрин.

Я еще раз оглядываюсь на стеклянный нос гондолы. Моя серая незаметная жизнь. Или власть над миром, омытая кровью лучшего друга. Два выбора, разделенные центральной частью окна, где городские огни далеко внизу уже сменились темными холмами. Небо чистое, без единого облака – оно зовет меня умчаться из этого кошмара к свободе и ярким звездам, вслед за темным силуэтом птицы, которая в этот момент обгоняет цеппелин.

Темный силуэт ворона.

Я ощущаю, как ракушка в моем ухе начинает вибрировать. Смотрю на Саула. На Сумо. На Линн. На десятки обращенных ко мне с экрана лиц. Уверенность в совершаемом выборе никогда не была моей сильной стороной. В отличие от бесстрашия.

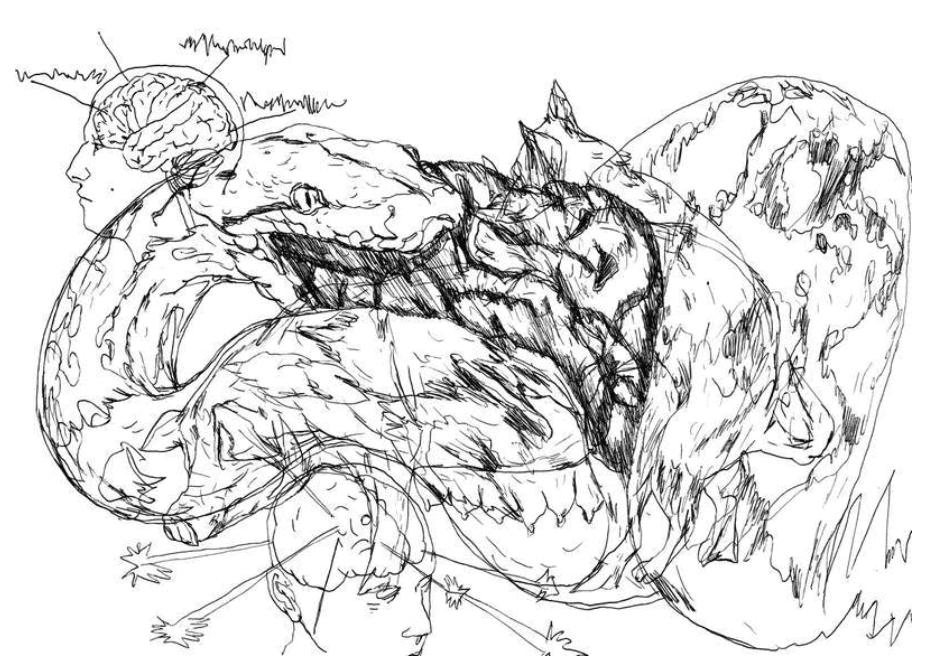
В моем мозгу всплывает диковинное имя, услышанное мною не так давно. Бог времени из древней религии, познавший вечность и подаривший ее человечеству…

– Кетцаль’коатль, – произношу я.

Нож падает на пол. Я разбегаюсь и прыгаю в центральное окно, к небу, к звездам, навстречу ворону. Разбивающееся стекло. Грохот. И боль.

* * *

Я не ощущаю превращения в пернатого змея – в этот момент я лишь понимаю, что был им всегда. Мне не нужно прилагать усилия для полета – ветер несет меня, и я становлюсь им – нет, я всегда был им. Все, что надо мной и подо мной, – это переливающийся рисунок на моей чешуйчатой коже: и звезды, и облака, и густая тьма ночного неба, и переливающийся огнями город внизу. Внизу проплывают острова – большой и десятки крохотных, на которых раскинулся город-государство. И грузовые корабли, отплывающие из портов во все стороны света.

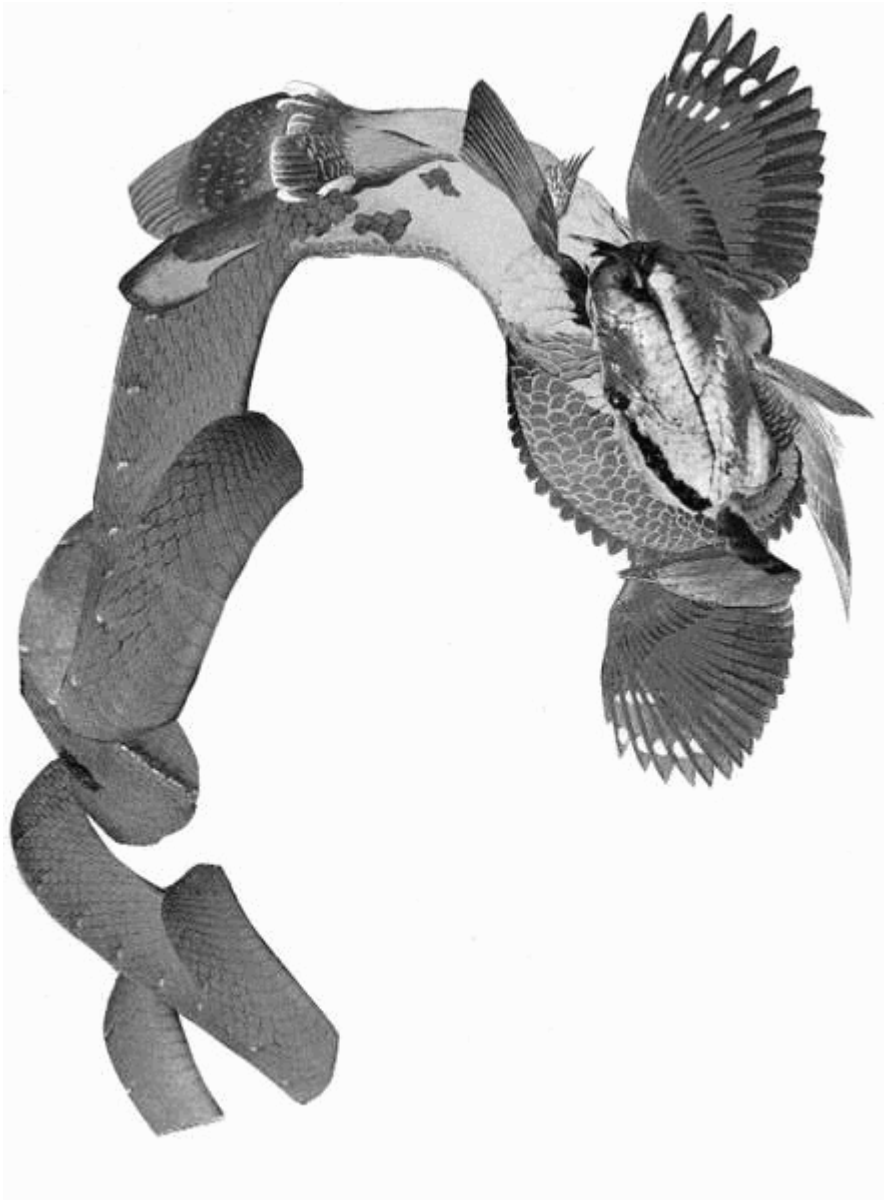


Я снижаюсь, чтобы коснуться города крыльями: сначала пролетаю между небоскребами, потом над песчаной гладью, над ржавыми консервными банками, сквозь мягкий шелест обрывков целлофана, над вечерними запахами, затихающими в темноте. Затем лечу к деревьям, что виднеются вдалеке, уже за границей города. Большое круглое озеро, в сонном ожидании растянувшее передо мной свою холодную гладь. Теперь, пробив головой слой сырых облаков, я взлетаю в обжитое самолетами небо, на миг зависаю в струе стерильного воздуха и бросаюсь вниз. Прорезав покрывало озерного тумана, плавно вхожу в неподвижную воду и, зарывшись в кашу ила, достигаю дна, где замираю на несколько мгновений, прежде чем снова устремиться ввысь. Мне кажется, мой полет длится вечно, но быть может, лишь несколько минут – время теряет свое земное значение, как и пространство. Я ветер. Меня зовут Кетцаль’коатль. Я – бог времени, который подарит

людям вечность.

Когда реальность Кетцаль'коатля истончается, растворяется, исчезает, я начинаю ощущать прикосновение холодной земли к своей спине и свежесть росы на щеках. Открываю глаза – я лежу лицом к небу, посреди пустынного поля для гольфа – и достаю из уха ракушку Memnotech. А надо мной, высоко вверху, мерцая серебристым брюхом, бесшумно плывет цеппелин.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ



Часть 2

Комиссар отставил в сторону хрустальный бокал на высокой ножке, тщательно завернутый в полиэтилен, и окинул взглядом субтильного молодого человека, сидящего напротив. Из-за дверей пентхауса все еще доносились переговоры полицейских раций и гомон пьяных гостей, которые никак не желали расходиться.

– Цианид, полагаю. Как звали вашего знакомого?

– Паоло. Паоло Рамбан.

– Вы присутствовали, когда он был отравлен?

– Нет.

– А девушка, которую увезли в больницу?

– Катрин Гаади, то есть Варго. Она оставалась с Паоло, когда я ушел.

– Почему вы вернулись?

– Не знаю – наверно, что-то почувствовал.

– А почему она это сделала?

– Это не ее рук дело. Они с Паоло были близки.

– С этим разберется следствие, – строго ответил комиссар. – Допустим, это сделал он сам… У вас есть предположения почему?

– Да, есть.

Комиссар ждал продолжения, но молодой человек, казалось, забыл о происходящем, погрузившись в свои мысли. Вид у него был подавленный.

– И? – Комиссар начал терять терпение. – Может, поделитесь со мной? Ему поступали угрозы?

– У нас у всех одна общая угроза. И у меня, и у вас, комиссар. Трансферизм не пощадит никого.

0001

О кулинарных увлечениях Паоло Рамбана было известно давно. Однако свое воплощение они получили чуть более года назад в претенциозном ресторане, ставшем отличной приманкой для гурманов всех сортов. Ресторан под названием «Семь смертельных грехов», расположенный в центре небольшого креативного кластера, занимал цокольный этаж здания вместе с нишевым бутиком, картинной галереей и магазином антиквариата. Именно так и было написано имя ресторана – с перечеркнутым слово «*смертельных*». В новом Сингапуре ни один грех не может считаться смертным. Сингапурская элита главным образом приходила сюда на знаменитые дегустационные ужины – перфомансы из семи блюд, участие в которых нужно было бронировать чуть ли не за месяц.

В обеденное же время гостей было не так много. Мне предложили лучшее место у единственного окна, не являвшегося декорацией, и подали коктейль «Капризная Катрин» на основе ванильной водки с перцем – авторское творение Рамбана, которое он назвал в честь меня.

Интерьер ресторана – в стиле барокко – был довольно нетипичен для города. Слепые окна, ниши со скульптурами, лепка и позолота выглядели довольно архаично. Я пригубила пряный напиток, украшенный маленьким острым перцем, разрезанным пополам, и принялась разглядывать гостей в ожидании Рамбана. Пара бизнесменов, компания успешной творческой молодежи, изящно одетая блондинка лет двадцати, известный политик в сопровождении эффектной девушки (не эскорт ли?), упитанный банкир лет пятидесяти. Ближе других ко мне находились двое молодых мужчин, модно одетых и в дорогих очках. Они довольно громко общались, помешивая кофе и поглядывая на блондинку за соседним столиком. Один из них обронил что-то про «персональную реальность», и я начала прислушиваться к их беседе.

– Я слышал, эти штуки защищены от передачи другим людям.

– Каждый настроен под генетический код. Но в случае с дедом и внуком – он срабатывает.

– И что он тебе рассказывал?

– Говорил, ни с чем не сравнимые ощущения. Круче любых наркотиков.

– Полезные родственники! Вот бы найти таких.

– Не обязательно их искать. В восьмом дистрикте есть

умельцы, способные взломать эти генетические замки. Они базируются где-то возле автостанции.

Это настолько совпадало с темой предстоящего разговора, что в какой-то момент я даже усомнилась в своем намерении поговорить на столь серьезную тему именно с Паоло. Но именно в этот момент сам Рамбан, появившись из раздвижных дверей кухни, направился ко мне с сияющей улыбкой. Несколько раз по пути он задерживался на своей траектории, чтобы поприветствовать того или иного гостя, а особенно подобострастно расшаркался перед политиком. При этом каждый раз он посылал мне знаки, что вот-вот и позволит себе испытать неземное удовольствие от моей компании. О, Паоло, старый ты лицемер.

– Катрин, дорогая! Нечасто ты навещаешь меня в моем заведении! – поцеловав мою руку, он присел рядом.

– Мне по душе что-то более легкое, – призналась я.

Рамбан поманил официанта:

– Бернард, что у нас из легкого?

– Нет-нет, Паоло, я не голодна.

Рамбан изобразил на лице отчаяние. Что-то я не слишком обходительна сегодня. Я положила руку ему на локоть.

– Я всего лишь хотела с тобой поговорить. Вне офиса. И подальше от прочего шума.

Глаза Рамбана быстро стрельнули в сторону. Он прекрасно знал, о чем я хочу поговорить. Более того, он знал об этом еще утром, когда я напросилась на тет-а-тет под каким-то пустяковым предлогом. Но Рамбан не был бы Рамбаном, если бы не устроил вокруг этого целое представление.

– Конечно, милая. Нам не часто доводится говорить по душам. Я и все мы скучаем по твоему присутствию в корпорации, – закатил глаза Рамбан. – Как ваши с Золтаном дела? В последнее время он сильно занят на работе.

– «В последнее время» – это весь этот год?

Я всего лишь услышала твое имя, Золтан, и почва тут же ушла у меня из-под ног.

– Твой муж просто гений. Даже я поражаюсь, как ему удается охватить весь объем работы для создания одной персональной реальности. А у нас их в работе – десятки! И с каким филигранным мастерством, с каким талантом он это делает, не находишь?

– Мне сложно судить о его мастерстве. Я никогда не испытывала персональную реальность на себе.

Паоло посмотрел на меня так, будто я сказала, что никогда в жизни не пробовала мороженого.

– Почему же?

– Мне пока хватает настоящей.

– Пока, дитя мое! Только пока! Но стоит тебе только попробовать…

– Нет, Паоло!

Боюсь, это прозвучало слишком резко, и я решила, что пора перейти к делу, иначе можно до самого рассвета принимать участие в его пафосном перфомансе.

– Я слышала об амбициозном проекте, который вы запускаете в Азовстане…

Рамбан нахмурился, а затем, собравшись с мыслями, заговорил, будто сожалея о чем-то. Впрочем, я уверена, что он заранее и до мелочей продумал все нюансы этого разговора.

– На первый взгляд это пиар-проект, направленный на повышение рейтинга президента Азовстана накануне выборов, в честь десятилетия независимости государства.

У меня перед глазами вновь возник проморолик «Транс-Реалити» при участии всемирно известной супермодели. Соблазнительные ноги, обнаженная спина, развевающиеся волосы, полураскрытые губы…

– Паоло, хватит! При чем здесь полуголая Каролина Шиллер?

– Да, эротика станет ключевым инструментом. Вот такой необычный заказ.

– У меня сложилось впечатление, что корпорация и ты лично приложили немало сил, чтобы этот заказ заполучить.

– Это моя работа, дорогая. Все наши медиаплатформы уже год работают над созданием имиджа Каролины – как самой красивой… и недоступной женщины мира!

– Даже так! – не сдержалась я. – А роль Золтана в этом какая?

– Тебе не о чем волноваться, Катрин…

– Я не волнуюсь. Но, согласись, я его жена, и мне небезразлично, чем он в данный момент занимается. Или с кем?

– Боже, не говори об этом в таком ключе! Проект «Хочу Супермодель»…

– «Хочу Супермодель»? Это всего лишь рабочее название, которое должно вызвать эмоции…

– А что стоит за названием?

– Накануне выборов пользователи получат ночь любви с Каролиной Шиллер, – выдохнул Рамбан и посмотрел на меня, готовый к любой реакции.

Я уставилась на него так, будто меня двинули кувалдой в грудь. Рамбан мгновенно попытался превратить все в шутку.

– Воображаемую ночь, конечно! После которой прекрасная Каролина уж точно не позвонит и не напишет.

Мне почему-то не было смешно – мои худшие опасения оправдывались.

– Катрин, я знаю, что ты чувствуешь…

– Неужели?

– Пойми, Золтан – Конструктор Реальности, и он принадлежит не только нам, но и всем людям. Без его эмоций, фантазий и пережитого опыта персональную реальность невозможно создать – это так устроено.

– То есть мой муж должен фантазировать о сексе с другой женщиной?

– Не думаю, чтобы ты согласилась выступать в роли Каролины.

– А я не помню, что соглашалась, чтобы мой муж выступал в роли ее любовника! – Мне не удавалось скрыть возмущение.

– Дорогая, но ведь это всего лишь технология!

– Да, технология, которая создает отчетливые воспоминания, неотличимые от настоящих. Во всех рекламных буклетах это указано чуть ли не на каждой странице.

– Да, но…

– Воспоминания – это мы, Паоло. Это часть нашей личности. Как бы они ни были получены – через страстный секс или через промывание мозгов. Ты считаешь, я должна спокойно относиться к тому, что частью памяти Золтана станет секс с Каролиной Шиллер? Каждый момент, в мельчайших деталях? Ради чего?

– Ради других, Катрин! Вспомни проект «День в раю». Счастливые старики, которые попадают в настоящий рай, получают счастье, надежду и переживают вечность. Да, Золтан испытал это все, но для них, не для себя. Испытал, усилил, передал – убрал агонии ухода из жизни.

– Рай, а не секс…

– Не будь такой эгоисткой. Представь, что кто-то ради тебя пережил что-то прекрасное. А потом поделился с тобой. С миллионами таких, как ты! Это абсолютная щедрость, признай это. Он один на это способен, и мир славит его за это.

– Но есть же границы, Паоло!

– Только не у бога!

Я задумалась. В таком ракурсе я никогда не думала о тебе…

Паоло почувствовал, что нашел нужный рычаг, и навалился на него со всей своей энергией.

– Это не мое личное мнение. Почитай свидетельства пользователей «Дня в раю». Ты никогда не интересовалась поклонниками Золтана, считала их ненормальными. А ведь они – адепты новой религии! Они любят эго как Будду или Христа. Именно за то, что он делится с ними райской благодатью, а не

оставляет ее всю себе, как обычные смертные. Это жертва, Катрин. И он идет на нее сознательно, ради любви к человечеству.

Повисла пауза.

– Я понимаю, что Золтан изменился, – мой собеседник состроил грустную гримасу. – Но сейчас человечеству нужен именно такой Золтан.

– Мне нужно над этим подумать, – выдавила я.

Рамбан с облегчением откинулся на спинку кресла. Он знал меня с детства. Взволнованную девочку Катрин всегда можно было утихомирить, дав подумать над чем-то значимым. Я и правда решила, что, возможно, не вижу всей картины, ослепленная ревностью.

– В какой стадии находится проект? – поинтересовалась я наконец.

– Принципиальные договоренности всех сторон достигнуты. Осталось договориться о сумме гонорара для Каролины, и можно приступать к технической части.

– Для которой Золтану придется…

– Нет, не беспокойся, ему не потребуется вступать в какой-либо контакт с реальной Каролиной.

Он увидел, как меня покоробила оговорка про «реальную» супермодель, и заговорил еще торопливей:

– Ее личность оцифрована, как и все необходимые образы. Конструктор использует их для создания симуляции, затем мы запрограммируем ее в алгоритм, и вуаля – каждый мужчина Азовстана станет возлюбленным Каролины Шиллер. В своем воображении, разумеется.

– А их жены не против?

– В Азовстане мнением женщин, увы, не особо интересуются.

– Как мило.

– Да, дорогая, просто отвратительно.

– А нам все это зачем нужно?

– Тут все не так просто, дорогая… Моя роль – всего лишь руководить креативной частью и презентовать ее клиентам. И то, в последнее время Золтан и Саул справляются практически без меня.

Уловив мою ревность, Рамбан уже пытался отмежеваться от этого проекта, хотя бы в моих глазах. Однако последнюю фразу говорить не собирался – вырвалось.

– Но ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку, Катрин. Что бы тебя ни беспокоило.

Для Рамбана это прозвучало на редкость искренне. Я внимательно к нему присмотрелась – кажется, я не единственная,

чьи интересы и чувства задевает этот проект. Мне вдруг стало его жалко, и я по-дружески ему улыбнулась. Похоже, на поддержку он и сам рассчитывал.

Я поймала себя на мысли, что, скорее всего, Паоло назвал ресторан, подсознательно имея в виду свою собственную персону. Надо на досуге проверить, входит ли лицемерие в состав семи смертных грехов.

Когда я вышла из ресторана, небо уже затянули сумерки. Мои опасения основывались скорее на ощущениях, чем на рациональных доводах. Твое участие во всем этом и твоя конкретная роль всерьез расстроили меня. С момента нашего знакомства я была уверена, что ты сможешь противостоять моему отцу и не попадешь под его влияние. Золтан, неужели я в тебе ошиблась?

0002

Я не была близко знакома с Каролиной Шиллер. Мы виделись всего несколько раз на вечеринках, тем или иным образом связанных с «Транс-Реалити», и перекинулись парой фраз. Ничего особенного я тогда не услышала: обычные проблемы людей с переизбытком славы. Бесконечные фотосессии и светские рауты смертельно утомляют, как и журналисты, которые все время спрашивают о том, когда она наконец-то выйдет замуж или хотя бы представит публике своего возлюбленного. Чертовы папарацци не дают спокойно сделать и шагу, как, впрочем, и вездесущие поклонники.

Ее прекрасное лицо было известно во всем мире по тысячам изображений, от многометровых рекламных голограмм до стикеров в мессенджерах. Мир устал от стервозных брюнеток и заслужил эту светлую грезу по имени Каролина. Даже в свои тридцать восемь она выглядела юной, нежной и всегда неизменно счастливой. Успех и многомиллионные гонорары не могли не льстить ее самолюбию. При всем этом Каролина почему-то казалась мне очень одинокой.

Возражения Рамбана по поводу моего присутствия на переговорах по азовстанскому проекту были вполне понятны. Но я припомнила ему его обещание о поддержке, на которую я могу рассчитывать, и ему пришлось сдаться.

В день переговоров, еще до обеда, я поняла, что слишком налегала на вино во время бранча, однако освободиться от тревоги мне так и не удалось. Меня начинала терзать ревность. Я ревновала тебя не к Каролине Шиллер, а ко всей корпорации. Больше того, к миллионам поклонников, которые, как мне теперь казалось, были тебе ближе, чем я. Прибыв в офис «Транс-Реалити» в таком состоянии, я поднялась на двадцать четвертый этаж.

Зал для приема VIP-клиентов был полностью переоформлен с учетом вкусов почетных гостей из Азовстана. Исчезли огромные картины в стиле «ню», минималистичную дизайнерскую мебель заменили роскошными диванами с золочеными ножками и свисающими кистями, а пол украсил бескрайний персидский ковер. Несколько скульптурных фонтанов-водопадов по мотивам азовстанского фольклора должны были польстить гостям. В качестве угощения – набор замысловатых десертов на длинном столе у стены, демонстрирующий осведомленность наших пиарщиков о культуре страны. Картину завершали флаги Сингапура и Азовстана, будто переговоры шли про договор о

сотрудничестве между странами… Какой-то абсурд! Так, спокойно, Катрин.

Возле мраморного конференц-стола с официальными улыбками дежурили Августа Юстас и Рамбан. Фо Ци присел на высокий пуфик, специально подставленный под его грузное тело. Сама я заняла место на одном из диванов – пока я до конца не разобралась в происходящем, мне было удобнее находиться в позиции наблюдателя.

Президент не присутствовал – он редко покидает пределы среднеазиатского региона, и потому вместо него приехал старший сын Набиль ал-Серах с небольшой делегацией. Правда, явился он с опозданием на целый час, хотя, как заметила Августа, его персональный самолет приземлился еще рано утром. Она предположила, что «золотой мальчик» устал после похода по борделям – у них в Азовстане с этим не очень.

Вид, с которым президентский сын наконец ввалился в зал, наглядно подтверждал догадку Августы. К счастью, вслед за Набилем появился коренастый адвокат в кипе и золотых очках, подхватил его под руку и перенаправил движение наследного принца в направлении стола. За адвокатом из лифта важно прошествовал смуглый старичок-азиат – министр финансов Азовстана, в сопровождении двоих здоровяков с военной выправкой, а также переводчика.

Набиль бухнулся на подставленный ему стул и сразу же опустошил стакан воды. Ему было от силы лет двадцать, худой и смуглый, с тонкими восточными чертами лица и капризным изгибом губ. Он был весь увешан белым золотом, от перстней до оправы каплевидных очков, и всем своим видом показывал, что ему было плевать на дресс-код.

Прозвенел звоночек над золочеными дверями лифта, и в зал впорхнула Каролина Шиллер. За ней вошли худощавый лысый тип, ее агент, потом – манерный персональный ассистент, двое мужчин в серых костюмах, похожие, словно близнецы (видимо, юристы), и еще какая-то девушка в качестве антуража. Сразу стало шумно, суетно, красиво.

Каролина расцеловала Рамбана в обе щеки – он был ее старым другом. Затем кокетливо пожала руку Августы, сделала реверанс перед Фо Ци. После чего заметила меня и как ни в чем не бывало одарила своей фирменной очаровательной улыбкой – мол, поболтаем позже. Агент, маячивший за ее спиной, сопровождал каждое движение супермодели кивком головы, из-за чего походил на китайского болванчика.

– Я не опоздала? – спросила Каролина, прекрасно зная ответ.

– Ты – главная тема нашей встречи, милая, поэтому опоздать

не можешь, – отмахнулся Рамбан.

Вслед за этим он жестом пригласил всех занимать свои места.

– Если уважаемые гости не возражают, я возьму на себя роль модератора, – проговорил он, когда все расселись по периметру.

Пока Рамбан представлял участников встречи, я заметила, что Набиль перестал его слушать, как только прозвучало имя Каролины. Вскинув на нее глаза, он словно ожил: улыбнулся, сел прямо, несколько раз поменял положение ног под столом. Каролина, по моим наблюдениям, тоже это заметила и стрельнула глазками на юношу, а потом по-свойски на меня.

– Итак, все ключевые моменты уже согласованы, – продолжал Паоло. – Осталось лишь обсудить некоторые детали.

– Сумма гонорара – это не деталь, – подал голос агент

Каролины. – Предлагаю начать именно с этого пункта.

Юристы-«близнецы» синхронно кивнули.

– Мисс Шиллер, мы готовы рассмотреть ваше предложение, – ответил адвокат президента. – Надеюсь, оно хоть немного отличается от той суммы, которую озвучил ваш агент.

– Миллиард – не такие уж большие деньги для президента Азовстана, – невинным тоном произнесла Каролина. – Говорят, у вас стоит ковырнуть землю в любом месте, и оттуда хлынет нефть.

– Если бы, мисс Шиллер, если бы… – Адвокат грустно усмехнулся. – Миллиард – огромные деньги для президента любой страны.

– Если бы вы предложили мне сняться в рекламном ролике министерства туризма, я согласилась бы и за сотую часть этой суммы. Даже если бы мне пришлось бегать по пустыне в бикини и скакать верхом на верблюде. Но то, чего вы хотите, скажем так, значительно отличается от съемок в рекламном ролике.

На несколько секунд за столом воцарилась тишина. Переводчица закончила переводить слова Каролины министру. Тот насупился, с недовольством взирая на супермодель.

– Каролина, давай я попробую объяснить простым языком, о чем именно идет речь, – предложил Рамбан. – Все, что от тебя требуется, дорогая, это предоставить свою прекрасную внешность для использования в суперреалистичной симуляции, предназначенной для жителей Азовстана мужского пола.

– Паоло, давай называть вещи своими именами. То, что ты называешь «суперреалистичной симуляцией», означает попросту то, что каждый овцевод Азовстана сможет натянуть самую высокооплачиваемую модель в мире на свой немытый член.

– Мисс Шиллер, – вмешался Штайнмайер, – ваш образный язык впечатляет, но позвольте уточнить: речь не идет о… э-э-э… половом акте в прямом смысле этого слова.

– Да, Каролина, мы говорим лишь об иллюзии, прекрасной мечте… – запел Рамбан.

– Для того чтобы мечтать, не нужны новейшие технологии! – отрезала Каролина. – Мы говорим именно о том, что каждый азовстанский мужик переживет совершенно реальный секс со мной. Ведь в его представлении все будет по-настоящему, разве нет?

– Милая моя, – Рамбан не сдавался, – какая разница, что ощутит азовстанский мужик? Главное, что лично ты не будешь принимать в этом участия – речь идет лишь об использовании твоего образа.

– Дорогой мой, я несказанно рада, что мне не придется

ложиться под каждого из жителей Азовстана, – с милой улыбкой ответила супермодель. – Но суть от этого не меняется. Продажа своего образа – это именно то, чем я зарабатываю на жизнь.

Министр финансов Азовстана что-то сказал на ухо Штайнмайеру, и тот обернулся к Каролине:

– Мисс Шиллер, я понимаю, что это предложение очень необычно. – Штайнмайер с мольбой посмотрел на агента Каролины, но тот явно был доволен происходящим. – Ваше участие в этом проекте – неоценимый вклад в то, чтобы сделать наш народ счастливее. Но, мисс Шиллер, вы должны нас понять: сумма, которую вы просите, – это значительная часть государственного бюджета…

– Именно поэтому я приняла ваше приглашение, – с еще более милой улыбкой произнесла Каролина. – Чтобы прийти к соглашению, в результате которого часть бюджета вашей страны станет частью моего бюджета.

Я чуть не разразилась аплодисментами – Каролина умела добиваться своего. При этом она ни на секунду не изменяла своему ангельскому образу и успевала строить глазки Рамбану, президентскому сыну и даже, кажется, мне. Я перевела взгляд на Набиля. Тот взирал на Каролину таким страстным взглядом, полным обожания, что мне стало не по себе.

Но вот на кого чары Каролины не действовали, так это на Августу, которая все это время рассматривала супермодель с непроницаемым видом.

– Я так понимаю, что в принципе мисс Шиллер согласна на участие в этом инновационном проекте, – весомо произнесла Августа. – Дело лишь в заказчике, а точнее, в его готовности заплатить требуемую сумму. Полагаю, господин Штайнмайер, у вас есть инструкции по этому поводу?

– Моя задача – защита интересов президента Азовстана, – важно поправив очки, заявил тот.

– Я не об этом спросила. Предварительная договоренность на проведение проекта уже достигнута с вашим высокопоставленным клиентом. Скажу более, не просто договоренность. Президент выразил горячее желание, чтобы проект состоялся.

– Согласен, но выбор поставщика, как и модели, всегда может стать предметом рассмотрения, не правда ли?

– Уверяю вас, в данном случае это не так. Корпорации «Транс-Реалити» принадлежат эксклюзивные права на технологию создания персональных реальностей. Любые другие подобные технологии – нелегальны и несовершенны.

Адвокат президента вспотел от напряжения. Министр

выглядел недовольным. Если Штайнмайер и ожидал получить процент от сэкономленной суммы контракта, то его надежды рушились под давлением нашей железной эстонки. Фо Ци, судя по всему, стало жалко беднягу.

– У нас для вас есть и другие хорошие новости, дорогой мой. Только сегодня я разговаривал с нашим главным акционером – Саулом Гаади, который просил меня передать вам и уважаемому Президенту, что все услуги по разработке и воплощению этой персональной реальности корпорация выполнит совершенно бесплатно. Миллиард Каролине Шиллер – это и есть ваш дар народу. Такой дар, который народ оценит и никогда не забудет.

Однако, судя по золотым очкам, адвокату Штайнмайеру не зря платили огромные деньги. Последовали изнурительные торги, которые продолжались не меньше часа. Агент неосторожно упомянул, что его клиентка тоже, между прочим, находится в процессе принятия решения. Каролина закапризничала и начала довольно эмоционально расспрашивать Рамбана про нюансы персональной реальности и про то, что именно и как она будет делать в симуляции. На моих глазах сделка трещала по швам, грозя развалиться.

И тут в зал вошел ты. Атмосфера в раскаленной от споров комнате резко изменилась. Ты был одет в белый костюм, как на всех рекламных плакатах «Транс-Реалити», и шествовал к столу неторопливо и величественно. Заглянул каждому в лицо и только потом сдержанно поздоровался сразу со всеми кивком головы. Я не верила своим глазам. Моего мужа здесь не было. В зал вошел совершенно незнакомый мне человек. Когда ты, безумно уставший, возвращался из корпорации домой, я не успевала заметить перемен в твоем поведении, но теперь они просто бросались в глаза. Рамбан встал, указал тебе место во главе стола и обратился к присутствующим:

– А вот и сам Конструктор Реальности. Думаю, Золтану Варго есть что добавить к нашему разговору.

– Каролина, ты думала когда-нибудь о бессмертии? – обратился ты к ней.

– Нет. Да. Может быть… А что? – Она так растерялась, что даже забыла обо всем, что успела наговорить.

– Наступило время, когда бессмертие стало реальностью. Стоит тебе только ощутить на себе вечность, и ты забудешь и про свои гонорары, и про работу, и про славу.

Каролина слушала завороженно, ее глаза заблестели.

– Подумай, была ли в истории хоть одна женщина, способная осчастливить миллионы мужчин? Ты же можешь стать их возлюбленной, подарить незабываемые впечатления на всю

жизнь. О тебе будут мечтать, тебя будут превозносить – и сейчас, и в будущих поколениях. Рекламные кампании с тобой забудутся, фильмы устареют, а персональный рай с тобой, богиней любви, будет существовать вечно!

Ты говорил неторопливо, не повышая голос. На Каролину это, похоже, произвело немалое впечатление. За многолетнюю карьеру еще никто не предлагал ей стать богиней, которой будут поклоняться миллионы – даже после ее смерти.

Затем ты повернулся к президентскому сыну:

– А вы, Набиль? Ваш отец – великий человек. В своей мудрости он постиг секрет абсолютной власти. Он мог бы контролировать весь мир с этим знанием. А секрет прост – быть щедрым. Дарить любовь. Я различаю в вас черты вашего отца и уверен, у вас есть все его задатки, если не более. И вы неслучайно оказались здесь. Вместе с мисс Шиллер вы можете изменить жизнь каждого мужчины в своей стране, а вслед за этим – и ход всемирной истории.

Ты замолчал, заставив Набиля забеспокоиться. На его лбу проступили капли пота, несмотря на прохладу, царившую в помещении. Он не отрывал от Каролины взгляда, исполненного ненависти. Откуда она взялась? Или то была не ненависть, а ее обратная сторона?

– Насколько мне известно, господа, сейчас президент Азовстана много работает над тем, чтобы ваше молодое государство стало более передовым. Причем не только за счет природных богатств, которыми вы располагаете, – насладившись короткой паузой и вниманием зрителей, ты продолжил свое выступление, обратив взгляд к министру. – Ваше общество очень консервативно, и осторожность по отношению к новым технологиям с их зачастую примитивно-потребительским содержанием вполне понятна. Однако отказываться от преимуществ, которые могут дать вам эти технологии, тоже неразумно. Важно лишь контролировать процесс их применения во благо всей нации, которую в основном составляют простые неискушенные люди. Для многих ваших граждан незабываемый опыт с мисс Шиллер станет главным и самым прекрасным переживанием в жизни, с которым не сравнятся никакие экономические реформы. И благодарность народа вы почувствуете сразу, а не через годы.

Министр слушал перевод твоей речи, кивая и, очевидно, сравнивая в голове стоимость реформ со стоимостью Каролины в пользу последней. Ты еще говорил что-то о проекте, новой эре, религии добра и вечности. Я наблюдала, как собравшиеся наконец приступили к подписанию договора, как они

обменивались уверениями, поздравлениями и комплиментами. А сама думала, что совершенно не знаю тебя. Теперь не знаю.

Переговоры завершились. Как только все начали пожимать друг другу руки, я поспешила выйти в коридор. Я не знала, что ты умеешь так красноречиво размышлять о бессмертии, так манипулировать людьми, используя их страхи и слабые места.

Когда и как произошли эти перемены внутри тебя, Золтан? Может, это было моей ошибкой, что, не желая участвовать в проектах отца, я отдалилась и от тебя. Твое поведение на этих переговорах совсем сбило ход моих мыслей.

– Поздравляю, – услышав мужской голос позади себя, я обернулась.

Президентский сын внимательно смотрел на меня своими уставшими, красными от недосыпа глазами.

– Простите, о чем вы?

– Только что мы все стали свидетелями и даже участниками самой массовой легальной порносделки в мире.

0003

Игги Бьольверк отнесся к моей просьбе без энтузиазма.

– Зачем тебе это, Катрин? – Бьольверк стоял возле клетки со своими воронами.

– Хочу посмотреть на Золтана в деле.

– Ты уверена, что он сможет уделить тебе время? Они там довольно сильно загружены.

– А когда он уделяет мне время, Игги? Дома я его совсем не вижу.

– Хорошо, я дам тебе доступ на один раз. Но обещай, что будешь осторожна.

Бьольверк посмотрел на меня через плечо своим единственным глазом. Признаюсь, мне стало жутковато.

– Да боже мой, что же там такое происходит?

– Там создаются новые миры. И эта технология сопряжена с серьезными воздействиями на психику. Мы только вчера поймали одного технаря, который пытался поджечь себя во дворе собственного дома. На столе у меня лежит список сотрудников, которым необходима помощь психолога. Почти все – с нулевого уровня и ниже. Слишком сильные психоизлучения.

Подойдя к столу, Игги вбил что-то в компьютер, поднес к ридеру свой перстень, и мой телефон издал сигнал полученного сообщения. «ВАМ ПРЕДОСТАВЛЕН ДОСТУП В ЛАБОРАТОРИИ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ 90 МИНУТ». Он лично проводил меня к лифту.

– Расскажешь мне потом, что ты там увидела? Интересно, какие у тебя возникнут впечатления. Не каждому удается побывать в этом «подземелье реальностей».

Я благодарно улыбнулась ему, и Бьольверк скрылся за дверями лифта. На самом деле он переживал или это была одна из его игр – было трудно сказать. У него всегда было странное чувство юмора, а полностью разгадать его было просто невозможно.

Лифт задержался на несколько секунд на этаже лобби, и мне пришлось поднести телефон к считывателю, чтобы активировать дальнейшее движение. Дальше лифт двинулся медленнее, будто удивленный моим желанием продолжать спуск в преисподнюю. Я вдруг поняла, что за все это время ни разу не была у тебя «на работе» – в лаборатории, – там, где ты стал проводить большую часть своего времени.

Внешних дверей на подземных этажах не было, и я могла видеть проплывающие уровни сквозь стеклянные внутренние двери кабины лифта. Минус первый этаж меня не впечатлил –

уходящие в темноту ряды серверов, мириады мигающих лампочек, гроздья проводов. Минус второй открывался в длинный коридор с множеством железных дверей, совершенно пустой, если не считать скучающего вдалеке охранника. А вот минус третий вспыхнул всеми красками и звуками Лас-Вегаса – гигантское открытое пространство с разбросанными по нему архипелагами столов, чертежных досок, мерцающих экранов, вокруг которых копошились десятки людей в белых халатах. У дальней стены медленно проворачивалось похожие на трехмерные карты голограммы – к сожалению, я не успела рассмотреть их. Минус четвертый этаж был совершенно темным, но что меня удивило – лифт был закрыт крепкой кованой решеткой, а пол, в котором отразился свет лифта, был мокрым, будто его окатили из шланга.

Наконец-то лифт остановился перед глухими металлическими дверями с большой черной буквой «М». Мне пришлось подождать несколько секунд, пока прямо в кабине не включился монитор, откуда на меня смотрело лицо охранника.

– Мисс Гаади?

– Миссис Варго, – поправила я его.

– Да, простите. Следуйте за желтой линией на полу. Прошу вас не пересекать красную черту – вы увидите ее возле психогенератора. Прошу ограничить ваш визит до тридцати минут. Нагрузка на вашу психику может быть слишком серьезной. – Охранник зачитал инструкцию бесстрастным голосом.

Я кивнула. Уровень безопасности тут и правда был невероятно высокий. Я привыкла ходить где угодно по всему небоскребу еще с детства, а теперь – такие строгости. Железные двери разъехались в стороны, и я сразу же оказалась в помещении, которое выглядело необычно и знакомо одновременно. Только через несколько минут мне стало понятно, что я нахожусь в бывшей станции метро, которая, оказывается, располагалась прямо под фундаментом «Транс-Реалити».

Сводчатый потолок станции уходил довольно высоко, а длинный перрон был разделен поперечными стенами на сектора. По боковым стенам струились кабели, сливаясь в оптоволоконную реку, исчезавшую в ближайшем отверстии туннеля. Освещено помещение было тускло, так что потолок было еле видно. Следуя желтой линии, я прошла через одни двери, вторые, вошла в зал и остановилась, пораженная зрелищем, представшим перед моими глазами. Зал лаборатории своими размерами в разы превышал площадь этажа небоскреба «Транс-Реалити». Видимо, поэтому сектор «М» и разместили в станции метро – творцам требовалось пространство.

Я сразу увидела тебя. Полностью обнаженный, с множеством датчиков на теле, ты стоял на невысоком подиуме, задрав голову, будто что-то выглядывая под потолком. Подиум накрывал огромный прозрачный купол, разделенный на два полушария, словно мозг. По нему пробегали разноцветные всполохи, цифры, символы. А вокруг него то, что я приняла за голограмму на верхнем уровне, окружало купол со всех сторон. Мерцающие трехмерные образы громоздились, уходя во все стороны. Это были человеческие фигуры, фрагменты архитектуры, элементы ландшафта, силуэты животных, сложные геометрические формы вроде фракталов. Я разглядела под потолком красные глазки психопроекторов, которые, видимо, проецировали все эти образы.

Подобно дирижеру, ты совершил плавное движение руками, и связка объектов, похожих на воздушные шары, приблизилась к тебе, провернулась вокруг своей оси и вдруг превратилась в облако сверкающих дождевых капель. Двумя быстрыми жестами

ты придал ему направление и запах (я прямо почувствовала стальной привкус пыли, поднятой летним ливнем) и смел это все в сторону. После чего взялся крутить перед собой чем-то похожим на огромный коровий череп. Меня охватили непонятные чувства. Этот предмет был мне болезненно знаком, что-то с привкусом страха и ностальгии. Но это была не моя эмоция – откуда она взялась? Ощущения – наподобие погружения в воспоминания Memnotech, но сумбурные, неосознанные – захватили меня. Видимо, про это и говорил Игги – долго выдержать такое было сложно.

– Чувствуешь что-то? – услышала я голос со стороны и обернулась. Мой отец Саул Гаади собственной персоной, сидел в стороне перед стеной, заполненной экранами, по которым непрерывно бежали строчки кода.

– Да… Что это?

– У каждого свои ощущения – алгоритм подключается к нейродинамическому коду мозга. И это самое ценное в нашей технологии: то, что сможешь увидеть только ты. Раньше эта технология называлась Memnotech, но мы ее сильно усовершенствовали.

– Я могу с ним поговорить?

– Давай подождем, пока он закончит.

– Удивлена, что ты тоже здесь, папа!

– Где же еще мне быть! Именно здесь создается будущее.

– А что сейчас делает Золтан?

– Сейчас? Понятия не имею. Бывает, он часами работает над небольшим сегментом, размером с комнату, а бывает, за считаные минуты разбивает огромный виртуальный континент на зоны и отправляет на кодирование. Иногда целый день недоволен тремя минутами, а иногда – играючи кодирует целый год реальности. Вдохновение не поддается объяснению. В любом случае наблюдать работу демиурга – ни с чем не сравнимое удовольствие. Но главное, что он делает, – создает эмоции, воспоминания, синтезирует их в новые реальности.

Я снова повернулась к тебе. Ты задумчиво нагнулся над лежащей перед тобой голограммой спящей девочки в белом платье. Достал откуда-то сверху дымку, перекрутил ее, будто фокусник, подложил под крохотное тельце – получился утренний туман. Движение вверх – и девочка плавно взмыла под потолок, а на экранах перед отцом засуетились новые строчки кода.

– Чье это воспоминание?

– Не факт, что мы видим одно и то же.

– Я вижу девочку. А ты?

– То, что ты видишь, – твое. Твоя интерпретация алгоритма.

Это как сон, когда сознание подбирает образы под чувства, а не наоборот.

– А откуда они берутся?

– Из результатов психосканирования. У нас уже накопилась большая библиотека универсальных образов и эмоции для любого пользователя.

– Каролина тоже среди этих образов? – не удержалась я.

– Тот проект уже почти готов. Золтану понадобился всего день, чтобы создать алгоритм.

– А это все? – Я показала на сонм голографических образов.

– А это – наш главный проект. Он тебе не рассказывал? Глобальная реальность, которая все изменит. Именно на нее сейчас тратятся все наши усилия.

Конечно, ты ничего мне не рассказывал. С самого начала твоей работы в корпорации ты восхищался доступом к новейшим технологиям, на что я лишь ядовито критиковала гигантоманию отца и его желание манипулировать всем на свете. Я не понимала твоего восторга, поскольку уже родилась в мире «великого Саула». Сейчас же я видела, что ты не просто увлечен этими технологиями, а целиком отдаешь себя им, полностью в них растворяясь. Сначала мне казалось, что ты делаешь это ради людей. Однако после эпизода с переговорами моя вера серьезно пошатнулась.

Отец, видимо, прочитав все на моем лице, решил сменить тему:

– Мы можем устроить перерыв. Золтан!

Отец нажал на кнопку на своем пульте, и образы, окружающие тебя, погасли. Ты так и остался стоять, будто зависнув в процессе, и лишь через минуту оглянулся, увидел меня. Твоя реакция заставила мое сердце болезненно сжаться. Ты был явно не рад меня видеть, чуть ли не раздосадован. Подобно скрипачу, у которого в разгар соло отобрали смычок, ты жаждал вернуться к работе.

– Подойди, мой дорогой. Катрин пришла нас проведать.

Сойдя с подиума, ты подошел к нам, рассеянно поглядывая на меня, на экраны с кодом, на отца. Я обняла тебя, но ты едва ответил на мои объятия.

– Милый, ты так увлеченно работаешь. Ничего, что я пришла?

– Нет, нет, конечно, – ты посмотрел на Саула. – Не могу проработать фрактал детства, образы замутнены, идеализированы. Какая-то банальщина получается.

Вы заговорили на каком-то своем языке, совершенно забыв про меня. Обсуждали алгоритм, будто это была не математическая формула, а живой вершитель судеб. Довольно

скоро мое положение начало казаться мне унизительным.

– Я, наверное, пойду.

Ты спохватился, всмотрелся в меня, а я старалась сдержать слезы. Не перед отцом, точно.

– Прости, я отвлекся. Что ты хотела?

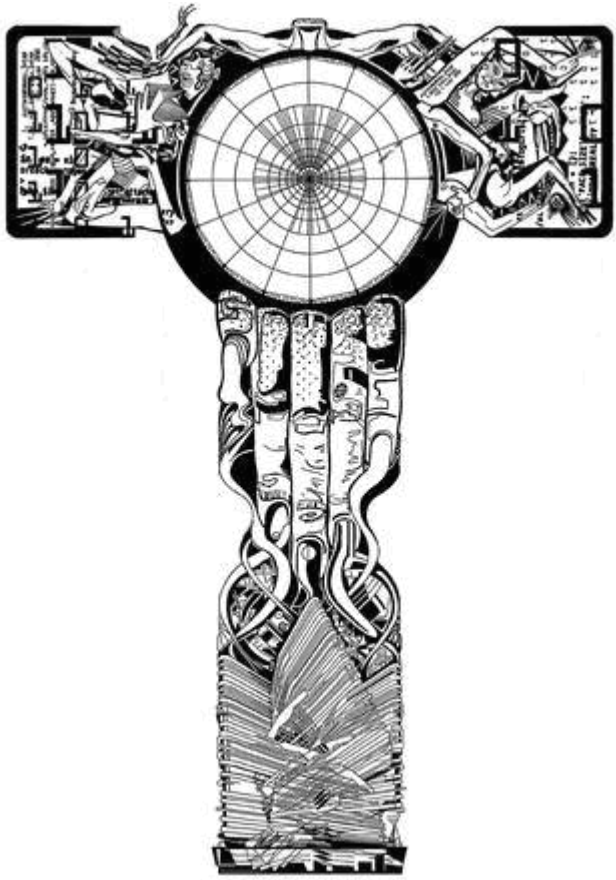
– Ничего. Бывшая муза хотела узнать, когда ее демиург вернется домой.

Отец сделал вид, что увлечен чтением кода с экрана, а ты взял меня за руку и заглянул в глаза – кажется, впервые за много месяцев.

– Сегодня же… то есть завтра. Обещаю! Мы на пороге небывалого свершения, Катрин. Я действительно хочу с тобой поделиться, но до отлета в Азовстан мне надо проработать еще много деталей. Я скоро буду.

– Да, милый.

Я поцеловала тебя в щеку, и двери, ведущие обратно к лифту, тут же услужливо распахнулись. Прекрасно, за всем тут наблюдали! Точно, не лучшая обстановка для выяснения отношений. Пошла по желтой линии к выходу, а позади меня опять вспыхнули голограммы, закрутились, послушные рукам обнаженной фигуры.



0004

…Ты провел ладонью по моему бедру, приближаясь к талии. Мы изрядно выпили. Пожар в клубе, неизвестные преследователи, украденная машина, чувство страха… Из открытого окна гостиничного номера доносился шум машин. У меня так давно никого не было! Ты прикоснулся к моей груди, немного погладил ее и стал расстегивать блузку. У меня слегка закружилась голова – алкоголь, как и вся ночь, был слишком крепким. Через пару минут ты уже любовался моей обнаженной грудью. Я перестала скрывать нахлынувшее на меня возбуждение и провела рукой по твоей спине. Мысли начали путаться – я будто себе не принадлежала – все перемешалось…

Ты с интересом разглядывал мое лицо, будто видел его впервые. Словно заметил что-то, чего не видели другие. Уверенность – твоя главная черта. Иногда это выглядит даже забавно, поскольку ты не был одним из тех ухажеров, что постоянно вились вокруг меня, думая только о себе. Но что точно придавало тебе неоспоримый шарм – это полное, абсолютное отсутствие страха. Это делало тебя ужасно интересным и, не скрою, очень опасным.

Я почувствовала твои губы между бедер и невольно вздрогнула. Мужчины, которые когда-либо пытались меня соблазнить, сразу стерлись из моей памяти. Никого из них не интересовала я. Они лишь усердно пытались навязать мне, кем хотели быть в моей реальности.

– Ты настоящий! – простонала я. – И ты подаришь мне свободу…

Моя улыбка смешалась с тяжелым и порывистым дыханием. Ты на мгновение остановился, посмотрел мне в глаза и резко вошел в меня. В этот момент вся твоя сила передалась мне, и я ощутила твою бесконечность. Ощутила себя безбрежной. Точка полного обнуления.

Ты резко перевернул меня и крепко взял за талию. Мы двигались все быстрее. Я ухватилась руками за спинку кровати. Все исчезло. Ничего не было: ни моего детства, лишенного друзей и шалостей, ни моего отца, обесценивающего каждый мой шаг, ни корпорации, поглотившей мою жизнь. В глазах окружающих у меня было все, но я всю свою жизнь не имела самого главного – собственного голоса. Моя жизнь была распланирована на целую вечность. Я не знала, как выйти из этого состоянии, ведь никто и никогда не учил меня этому. Мне необходим был кто-то, кто поможет вырваться из этой сансары. И в этот момент, ощущая

твои руки на своей талии, я вдруг почувствовала, что никого, кроме тебя, не было – только ты. Трудно сказать, как долго это длилось…

Потом время вспыхнуло, и мы, прижавшись друг к другу, остановились. Ты целовал меня в плечо, и я чувствовала, как ты все еще пульсируешь внутри меня. Толком не отдышавшись, еще совсем горячий, ты прошептал:

– От чего ты хочешь освободиться, Катрин?

Кажется, это было ужасно давно. Но нет, с того вечера прошло меньше года…

* * *

Вчера в лаборатории я ощутила, насколько грандиозен твой труд. Почувствовала себя ничтожной, лишней, потерявшей привлекательность в твоих глазах. А «завтра» приближалось катастрофически медленно. Я ругала себя, но ничего не могла делать целые сутки. Занималась самоедством, обвиняя себя в том, что раньше не проявила интерес к твоей работе и поэтому потеряла связь с тобой.

Я бродила из комнаты в комнату большого дома несбывшихся желаний. Сначала свадебный подарок отца растрогал меня, с такой тщательностью и в таком секрете был подготовлен он для нас. Но наш с тобой дом я разлюбила уже через несколько месяцев после свадьбы. Картин и скульптур здесь не было – дизайнер интерьера оставил нам с тобой пространство для совместного выбора. К сожалению, мы так и не занялись этим.

Сегодняшний день я решила посвятить чисто женским делам. Тем, чем мне так нравилось заниматься раньше, в первые и лучшие месяцы нашей совместной жизни. Отлежалась в ванне, натерлась ароматизированным маслом с легким запахом ладана, который ты любил, зачесала волосы наверх, помня, как ты восхищался изгибами моей шеи. Потом перемерила все белье, пока не остановилась на жемчужного цвета шелке без швов и кружев: хотелось простоты и естественности. Сама эта деятельность наполнила меня теплом, и я подумала, как сильно мы обделяем теплом самих себя, когда забываем делать приятное любимым.

Искусственный интеллект дома по имени Аманда помогала мне в силу своих способностей – подсказывала, где находятся свечи, заказала ужин из французского ресторана, точно рассчитав время его прибытия, составила плэйлист, который я ей описала

как «романтика, но без соплей!» Аманда была запрограммирована давать неожиданные, но всегда доброжелательные ответы. Даже когда я посылала ее к черту она отвечала кротко и с таким тактом, что я ловила себя на теплых чувствах к этому набору микросхем.

Я присела на веранде. Здесь мы с тобой раньше любили проводить вечера. Смотрели на огни города вдалеке и болтали обо всем на свете. Воспоминания о начале наших отношений всплыли сами. Четко помню, что влюблялась я в тебя медленно, но уверенно. Ты просто все делал правильно с самого начала, не оставляя мне время для сомнений. Если бы между нами тогда возникли паузы, возможно, ничего бы и не срослось. Но ты действовал молниеносно, и это впечатлило меня. Ведь именно этого – смелости, чтобы действовать, – мне часто не хватало.

Большой переломный момент для меня был по иронии связан с твоей работой. Твой первый проект, когда ты увлекся идеей осчастливить умирающих от рака больных, а потом и всех, кто ожидает скорой смерти. Ты говорил, что именно я вдохновила тебя на это, когда поделилась с тобой своим одиночеством и своей болью из-за смерти матери. Ты говорил, что делал этот проект для меня, из любви ко мне… И был расстроен, когда я наотрез отказалась испытывать эту реальность. Мы даже поругались из-за этого.

«День в раю» или «Последний день в раю», как проект назывался первоначально, разрабатывался в течение нескольких месяцев. Работа велась в обстановке полной секретности. Весь процесс курировал лично мой отец. Кроме тебя в проекте принимали участие Рамбан, все акционеры, а также около сотни технических специалистов, населявших подземные этажи «Транс-Реалити». И все это – под руководством самого дорогостоящего привлеченного специалиста в истории корпорации, Игаля Мизрахи, который неожиданно погиб за несколько дней до запуска.

Идея для этой персональной реальности пришла к тебе у меня на глазах. Мы с тобой были на могиле моей матери в двадцатую годовщину ее смерти от рака. Я давно не бывала на старом кладбище и в этот раз не выдержала и расплакалась. Ты тогда утешал меня, расспрашивал про времена, которые я старалась забыть. И мне вдруг стало легче. Ты унес мой груз в себе, а затем вдруг начал проявлять интерес к хосписам, домам престарелых.

Тогда-то и было положено начало этому безумному режиму работы: ты пропадал в Лаборатории целыми сутками, возвращаясь лишь поздно ночью. Вооружившись корпоративным

оборудованием, ты погружал смертельно больных в персональные реальности, помогавшие им забыть о боли. Возможно, ты был первым человеком в мире, осознавшим, что персональная реальность может обладать терапевтическим эффектом. Ты разработал три версии симуляции: возвышено-религиозную, амурно-пасторальную и умиротворенно-психоделическую. Личными моментами эти схемы дополнял уже сам пациент, если он на тот момент обладал достаточной для этого интенсивностью мозговых волн.

Так появилась торговая марка «День в раю» от корпорации «Транс-Реалити». Слоган рекламной кампании ограничили одним словом, следующим за названием проекта:

ДЕНЬ В РАЮ – ГАРАНТИРОВАНО

Впрочем, довольно спорный момент заключался в том, что название не соответствовало действительности. Хотя пользователю казалось, что он провел в персональной реальности целые сутки, на самом деле продолжительность его путешествия составляла около получаса. Но юридический департамент сумел уладить эту проблему на этапе регистрации торговой марки.

Когда «День в раю» был выпущен на рынок сразу в двух десятках стран, это вызвало настоящий бум. Одни превозносили его как образец гуманности по отношению к умирающим старикам. Другие говорили: хороша гуманность – за такую-то цену! Третьи отвечали вторым: нормальная цена – вместо того чтобы покупать новую машину, лучше сделать достойный подарок своему деду или бабушке. Четвертые включались: это все от лукавого, «Транс-Реалити» – происки антихриста, и так далее. Пятые интересовались, можно ли купить продукт, если тебе двадцать два года и ты ничем не болен. Но тех, кто не слышал о «Дне в раю» и не имел бы по этому вопросу собственного мнения, просто не осталось.

Твое лицо в сопровождении хлесткой формулировки «Конструктор Реальности» появилось в верхних строках самых популярных ресурсов. Ты каждый день давал интервью, а пользователи соцсетей превратили тебя в мем, символизирующий несбыточные мечты и иллюзии. К тому моменту ты уже прекрасно понимал, что обыкновенным человеком тебя назвать нельзя. К необходимости давать интервью ты отнесся именно как к необходимости – гигантские баннеры с твоим портретом поначалу радовали и забавляли, но ты быстро потерял к ним интерес. Однако твой интерес к созданию реальностей скоро стал

напоминать одержимость. Ты получал наслаждение от власти над эмоциями, над впечатлениями людей от их вновь приобретенного опыта, синтезированного тобою.

От воспоминаний меня оторвал шорох колес твоего автомобиля, въезжающего в подземный гараж. Бросив взгляд на часы, я удивилась. Ты опоздал всего на полчаса. «Золтан приехал», – сообщила Аманда, как мне показалось, тоже с ноткой удивления. Мое сердцебиение тут же участилось, но я осталась ждать тебя в доме. Я уже делала шаги к тебе навстречу – теперь твоя очередь.

Ты появился на веранде спустя несколько минут. В руках у тебя был стакан воды, в глазах – усталость.

– Что такое, милая?

– Ужин остывает.

– Я не голоден. Вылет в Азовстан всего через четыре часа, надо немного поспать… Ты чем-то расстроена? Поэтому приходила в лабораторию?

Пожав плечами, я отвела взгляд.

– Нет. Просто хотела тебя увидеть.

– Ты сразу знала, кто я и чем я буду заниматься, – ответил ты, будто прочитав обиду в моих глазах.

– А вот здесь ты ошибаешься, милый. Неужели ты не замечаешь, как сильно изменился?

Залпом допив воду, ты выдержал паузу, как будто размышляя над моими словами.

– Ерунда. Я всегда был таким!

– Каким? Голым в подземелье – окутанным кабелями, датчиками и алгоритмами? – съязвила я. Мне не хватало сил быть терпеливой, обида все равно давала знать о себе.

– Катрин, неужели ты не видишь, что находишься в оппозиции к делу всей моей дальнейшей жизни? Моя работа – не просто развлечение, это часть большого плана. Как ты не понимаешь?

– Раньше я тебя понимала. Теперь – нет.

– Тебе стоит поехать со мной в Азовстан.

Не знаю даже, обрадовало ли меня твое неожиданное предложение.

– Узнаешь больше о проекте, который тебя так волнует, а заодно проведем время вместе. Как тебе такой план?

В этот момент мне показалось, что в твоем взгляде промелькнул прежний Золтан. Азартный, страстный, готовый к приключениям. Ты сел рядом со мной и начал целовать. Твой запах, такой близкий и родной, заставил меня потерять голову, и

я принялась стягивать с тебя рубашку прямо в гостиной, ты накрыл меня своим телом. Эмоции, навеянные воспоминаниями о счастливых днях, переполняли меня. Я сняла платье и, крепко обняв тебя, отдалась своей страсти.

Однако отрезвление и смущение наступили через считаные секунды после оргазма. Там, где я хотела увидеть страстную любовь, была лишь привычка. Я встала и быстро накинула брошенное на пол платье.

Твои поцелуи сегодня были отрешенными и безжизненными: казалось, ты выполнял очередную работу – не слишком важную, но все же такую, которую нельзя перепоручить кому-то другому. Раньше мы занимались любовью, а теперь меня не покидало ощущение, будто ты лишь пытаешься отработать свою супружескую обязанность. Или того хуже: отвлечь меня. Это было настолько гадко осознавать, что отныне я была готова на все.

0005

Полностью готовая к вылету в Азовстан, я встретила тебя в холле нашего дома. Ты поцеловал меня и, взяв за руку, повел в сторону ожидавшей нас машины.

Корпоративный самолет ждал нас на бескрайнем бетонном поле аэропорта. Стюарды быстро закинули наши сумки в багажное отделение и пригласили войти в салон. Еще сонные, мы немного полюбовались рассветом, после чего зашли в самолет и заняли свои места. То ли от переизбытка эмоций, ведь мы так давно не были вместе, то ли от усталости, то ли от всего вместе ты тут же уснул снова. Я тоже собиралась вздремнуть, но потом выпила кофе (с коньяком) и решила воспользоваться этим временем с пользой.

Я знала, что в планшете у тебя находятся терабайты документации по всем проектам, и решила покопаться в деталях. Осторожно, чтобы не разбудить тебя, я разблокировала планшет твоим пальцем и приготовилась к поиску ответов. Просмотрела пресс-релизы, совершенно запуталась в технических отчетах, растрогалась от видеоклипа с благодарными пользователями… а потом наконец-то нашла то, от чего все мои страхи и подозрения возобновились с новой силой.

Это был отчет Рамбана (подписанный всеми акционерами) о проделанной работе «по устранению неблагоприятных пиар-скандалов, связанных с побочными эффектами «Дня в раю». Мультимедийный отчет содержал выдержки из статей желтых изданий, полицейских докладов, медицинских заключений, а также несколько видеофайлов. Оказывается, уже через несколько дней после запуска проекта стало известно о неожиданном «сбое программы». Проблема в том, что высчитать точное время кончины смертельно больного или престарелого пользователя оказалось довольно сложно. Многие из тех, кто воспользовался персональной реальностью, продолжали влачить дни, а то и недели, полные страданий. Я читала свидетельства и интервью, полные жалоб несчастных. Несчастные люди, которые либо смирились со своей участью, либо находили утешение в религии, вдруг со всей остротой ощутили безысходность своего положения. Возвращение в их безнадежную жизнь для них становилось нервной встряской, они умоляли о повторе, требовали сделать персональную реальность постоянной…

Среди таких оказался высокий процент людей, не желавших жить после своего «Дня в раю». Они выбрасывались из больничных окон, душили себя капельницами, вводили себе в

вену воздух. Через несколько недель после запуска новости сообщали, что самоубийц было около пяти сотен. Через месяц их число уже приближалось к тысяче. «Не так уж много, если речь идет о миллионах пользователей», отмечалось в отчете. И все же процент самоубийств был гораздо выше стандартного для этой категории. Заголовки желтых изданий были более категоричными.

«ДЕНЬ В РАЮ» – УЗАКОНЕННАЯ ЭВТАНАЗИЯ? – вопрошал один из них.

«УБЬЕМ СТАРИКОВ – ГАРАНТИРОВАНО» – вторил другой, переиначив раскрученный слоган проекта.

Я ужаснулась масштабам и низости всех последующих действий компании. Финансовая часть отчета содержала информацию о чистой прибыли в несколько миллиардов после «компенсаций» страховым компаниям, на которых Августа искусно юридически перевела все стрелки. Указывались суммы выплат за молчание семьям погибших, взятки журналистам и должностным лицам, лицам в больницах за фальсификации статистики и Актов о смерти, включая подавление пиар-скандала за счет выбросов «жареных» новостей, отвлекающих внимание.

Когда огромная махина «Транс-Реалити» включилась на «полный ход», упоминания о «Дне в раю» были вытеснены с верхних строчек другими новостями: коррупционные скандалы, воровство личных данных, сексуальные похождения известных политиков. В мире, где сенсация живет не дольше бабочки-однодневки, ты можешь делать что угодно, не боясь, что об этом будут помнить завтра. Прилагался даже доклад известного политика правительству (того самого, которого я видела с Рамбаном в ресторане). Там говорилось, что делать выводы по статистике самоубийств с несколькими сотнями смертельно больных из более чем полмиллиона участников в 67 странах слишком рано. Нужно было проанализировать все факторы и так далее. Прилагались также полная статистика по региональности и демографии участников плюс план «переформатирования проекта».

«Парламентская комиссия по расследованию не нашла весомых доказательств о том, что решения больных людей расстаться с жизнью вызваны именно использованием продукта «Транс-Реалити», – приходил он к выводу в завершающей части.

«Все это журналистские домыслы, и самые яростные клеветники обязательно ответят за свои слова. Мы мониторим прессу, а юридический департамент готов отстоять доброе имя нашей компании», – говорилось в пресс-релизе Рамбана, который,

кажется, так и не пригодился. Контрмеры сработали настолько хорошо, что даже до меня не донеслось ни одного отзвука этого скандала. И правда, кому интересно, как ушли из жизни люди (в итоге их оказалось несколько тысяч), которые и так считали свои последние дни. Уж точно не подкупленным журналистам и продажным врачам, даже более дешевым родственникам погибших.

Отложив планшет в сторону, я обратила взор к тебе. Так, значит, не только из-за своей занятости ты отдалился от меня. Кажется, тебе совсем не хотелось, чтобы я узнала об этой стороне твоей работы. Мне как будто дали пощечину.

0006

Крошечный аэропорт столицы Азовстана с подслеповатым одноэтажным зданием в одном конце и единственной взлетно-посадочной полосой в другом. Покрытие во многих местах потрескалось, и, не будь страна такой засушливой, наверняка из трещин пробилась бы трава. Несмотря на сумерки, воздух был таким жарким, будто из салона самолета мы вступили в огромную духовку. К счастью, присланный президентом «Хаммер»-лимузин ждал нас у самого трапа.

– Тебе раньше доводилось ужинать с президентами? – нарушил ты тишину, когда мы оказались в машине.

– Пару раз, в детстве.

– А в персональной реальности можно встречаться с президентами каждый день! Даже с умершими.

– Вряд ли это доставило бы мне удовольствие.

Ты внимательно посмотрел на меня, пытаясь разгадать перемену в моем настроении. Я не хотела тебя настораживать, погружаясь в долгие разговоры. Поэтому лишь улыбнулась в ответ.

– С кем из правителей ты бы хотел поужинать, Золтан?

– Я хотел бы встретиться с принцем Гаутамой, еще до того, как он стал Буддой, – ответил ты.

Мы еще какое-то время беседовали, хотя я не могла собраться с мыслями, размышляя о прочитанном в самолете. Довольно скоро лимузин заехал на территорию президентского дворца с монументальной отделкой и золочеными колоннами на фасаде, с подсвеченными фонтанами и мраморными львами, с пафосными памятниками, похожими на восковые фигуры, и с нескромным автопарком у входа.

В сопровождении облаченной в деловые костюмы свиты (явно вооруженной) мы прошли по гулким коридорам, где мрамор перемежался золотом, а цветастые ковры – причудливыми изразцами. Двое сопровождающих распахнули перед нами резные двери, и мы вошли в просторный зал с длинным столом посередине. На скатерти лежали золотые приборы, возле тарелок с причудливыми узорами стояли золоченые бокалы, и, кажется, даже цветы в вазах были каким-то образом позолочены.

– Интересно, много гостей ожидается? – спросила я.

Вместо ответа ты поднял глаза к люстре, в которой по всем канонам было бы логично разместить «жучок».

– Я очень доволен тем, как нас принимают, – сообщил ты

спустя несколько секунд. – И господин президент – прекрасный человек. Не терпится увидеться с ним.

Я усмехнулась, а тебе удалось сохранить невозмутимое выражение лица. В этот момент двери распахнулись, и в зал вошел президент в сопровождении мальчика лет шести, по-видимому, младшего сына. Президент Азовстана оказался коренастым азиатом, с плотным широким лицом и глубоко посаженными лукавыми глазками. Несмотря на жару, он был одет в глухо застегнутый костюм, зачесывал назад темные волосы, едва тронутые сединой, а также большое внимание уделял своим густым усам, обрамлявшим крепко сжатые губы. На его сыне был золотой халат с алым подбоем. Мне бросилось в глаза, насколько мальчик был серьезным и сосредоточенным. Казалось, он унаследовал от отца лишь самые грозные черты. Я мысленно сравнила его со старшим сыном президента Набилем, который показался мне гораздо более открытым и мягким.

Президент поздоровался с тобой, протянул свою цепкую руку мне. Последовал обмен любезностями, во время которого хозяин дворца изо всех сил старался показать, что он не какой-нибудь азиатский диктатор, а просвещенный космополит, после чего он предложил всем садиться. Вереница официантов в одно мгновение заставила весь стол пышными яствами. Вазы с фруктами, дымящиеся блюда плова, горы пряного мяса на золоченых подносах и даже павлин, фаршированный инжиром и курагой. Собравшейся за столом компании потребовалось бы не меньше суток, чтобы съесть хотя бы половину этого.

– Позвольте спросить, господин президент, – произнес ты. – Что именно вы думаете о реальности, созданной нами по вашему заказу? Ведь, если я не ошибаюсь, вы имели возможность оценить ее первым?

Под завесой президентских усов пробежала довольная улыбка. Было очевидно, что он успел протестировать секс с супермоделью не один раз.

– Я вам так скажу. Если я и сомневался в этой затее раньше, то теперь… Лишь сомневаюсь в том, что хочу делиться этим с другими! А как это будет работать?

– Для входа в персональную реальность необходимо три компонента: активирующая капсула, содержащая мой генетический код, специальный гаджет и словесная мантра. Мы не можем обеспечить индивидуальными устройствами целую страну, поэтому разработали технологию бесконтактного транслирования персональной реальности. Все, что потребуется, – запустить наше приложение на любом подключенном к сети устройстве, которое становится психопроектором. Потом –

принять капсулу и произнести мантру.

– И все?

– Конечно, при этом должна быть активной трансляция со спутника, контролировать которую также будем мы.

– Эта технология уже где-то применялась?

– Массово – нет. Пока лишь проводились тесты на локальном уровне. Но мы планируем вывести ее на глобальный рынок после того, как она пройдет тестирование на региональном.

– Под региональным рынком вы имеете в виду мою страну?

– Не совсем. В течение нескольких месяцев технология персональных реальностей была испробована на десятках тысяч посетителей автоцерквей в нескольких городах мира, – продолжал ты. – Эффект впечатляющий. Абсолютно все пользователи пожелали повторить пережитый опыт, а для множества людей он стал основным видом досуга. Число самоубийств и преступлений резко сократилось. Технология приобрела такую популярность, что даже породила собственный черный рынок.

Миллионы прихожан автоцерквей? Я об этом даже и не подозревала.

– Уже через несколько дней мы поставим вам первую партию капсул активации, – продолжил ты.

– А если что-то пойдет не так?

– А что может пойти не так, господин президент?

– Допустим, люди начнут сходить с ума после подключения к вашим передатчикам.

– Люди так или иначе все время подключены к разным передатчикам, – улыбнулся ты. – Спутники, интернет, мобильная связь. И периодически они сходят с ума. Если отрицательный эффект останется в рамках стандартной статистики, нам не о чем беспокоиться.

На этом моменте мне стоило большого труда, чтобы промолчать. Как ты после всех последствий «Дня в раю» можешь так легко обсуждать человеческие жизни?

Президент удовлетворенно кивнул:

– Это будет настоящий подарок для моего народа, персональный рай для каждого. Как сказано в Священной книге: «Воистину обитатели рая сегодня будут заняты тем, что будут наслаждаться». И я должен выразить благодарность вашему Рамбану – выбор модели был просто идеальным!

– Спасибо, господин президент.

– Я как раз думал… словесная мантра для запуска программы, может ли это быть, например, «Слава Азовстану»? Или «Слава президенту Азовстана»? Мы завоевали независимость

всего десять лет назад, и, сами понимаете, патриотические настроения очень важны для нас.

– Пользователь выбирает мантру сам. Дело даже не в самих словах, а в ключевых эмоциях пользователя, которые активируют персональный алгоритм.

– Гордость за свою страну не может быть такой эмоцией?

– Может, безусловно. Но чаще пользователь привязывает мантру к чему-то более личному.

– Не понимаю.

– Персональная реальность не была бы персональной без какого-то личного ключа. Таким ключом является эмоция. Ностальгия. Страх. Похоть. Надежда. Именно эта эмоция задает направление всему переживанию и адаптирует его под конкретного человека. Мы просканировали миллионы людей выявили, несколько групп таких ключей и запрограммировали их в алгоритм. К счастью, их не так много, несколько десятков. Кстати, похожим образом работает и выход из реальности. Мы внедряем в симуляцию персональный образ-триггер, который перед завершением сеанса напоминает клиенту, что тот грезит.

– Чертов щенок!

Я чуть не подскочила. А ты рассмеялся вместе с президентом. Я поняла, что был не эпитет, обращенный к тебе, а что-то другое.

– Щенок?

– Вечно лезет в мой сон, когда не надо! – оскалился президент.

– Да, это ваш триггер для выхода. Если бы не «чертов щенок», вы бы так и лежали без движения, не зная, что находитесь в персональной реальности. А потом умерли бы от удовольствия и от истощения.

– А у вас есть триггер, Золтан?

Слегка смутившись, ты взглянул на меня. Я слушала с интересом. Кажется, за эти полчаса я узнала про персональные реальности больше, чем за весь прошлый год.

– Есть. Это ворон.

Потянувшись за лежащим в вазе персиком, мальчик перевернул соусник с ярко-красной жижей, за что тут же получил от папы звонкий подзатыльник. Другой ребенок бы разревелся, а этот лишь бросил на отца хищный взгляд исподлобья. «Когда-нибудь он свергнет отца, чтобы занять его место», – подумалось мне.

– Ваша супруга, Золтан, не произнесла сегодня ни слова, – заметил президент.

– Для меня всегда удовольствие слушать разговор умных

мужчин. Ваш старший сын к нам не присоединится?

– В последнее время он не в духе. К счастью, помимо шести дочерей, Аллах наградил меня двумя сыновьями.

«Дочери за счастье не считаются», – подумала я. В этом было что-то до боли знакомое.

– На самом деле я хотела спросить вас кое о чем… – заторопилась я, заметив, что он пытается разгадать мои мысли. – Зачем вам все это? Я имею в виду персональную реальность с Каролиной.

– А сами вы как думаете?

– Думаю, дело не в предстоящих выборах. Это было бы слишком просто.

Президент усмехнулся. Повернувшись на стуле, он смотрел теперь прямо мне в глаза.

– Конечно, вы правы, Катрин. Мы не случайно назначили запуск этого проекта за день до выборов, но дело совсем не в них. Я выиграю и эти выборы, и следующие, и те, что последуют за ними. А когда я стану слишком стар, чтобы управлять страной, мое место займет один из сыновей. – Он погладил младшего по голове, словно и не было никакого подзатыльника минуту назад.

– Тогда зачем это все? У вас есть власть, есть деньги. Чего вы еще хотите?

– Катрин! – повернулся ты ко мне.

– Нет-нет, все в порядке, – остановил его президент. – Вполне резонный вопрос. Дело в том, Катрин, что я хочу того же, чего хотят все люди. Чтобы меня любили – только и всего. Не боялись, не лебезили, не подхалимничали. А именно любили. Чтобы держать народ в повиновении, требуется много усилий. Но никаких усилий не потребуется, если мои люди будут любить меня искренне и всем сердцем – как любят отца…

– Или как бога, – закончила я за него.

За столом повисла пауза, которую сын президента заполнил чавканьем: персик уже был съеден и он обсасывал косточку.

– Если современные технологии позволяют нам стать богами, то глупо этим не пользоваться, – наконец с прохладцей в голосе произнес президент.

– Но любая технология – это не только дар, но и угроза! – не сдавалась я.

– Какая угроза в том, чтобы сделать своих подданных счастливыми?

– Вкусив этот плод, они могут захотеть большего…

– И я дам им больше! – рассмеялся он. – Чего не сделает правитель, любимый своим народом, дабы эта любовь не угасала!

– Катрин склонна все драматизировать, – вмешался ты.

– Немного драмы не повредит, – кивнул президент. – И в этом дворце, и в моей стране. Простой народ драму любит. Завтра, когда прибудет Каролина Шиллер, вы сами в этом убедитесь. – Он хлопнул в ладоши. – К слову, Золтан, вы знаете, что ваше имя на нашем языке звучало бы как «султан»? Кстати, у меня есть для вас сюрприз.

Двое официантов ввезли в зал столик на колесах, посреди которого возвышалась вареная баранья голова на золотом блюде. В соответствии с задумкой повара после приготовления глаза были вставлены обратно в глазницы, и теперь баран смотрел на присутствующих с грустью и укоризной.

– Дорогие гости! – воскликнул президент, когда все это водрузили на стол. – Название этого блюда переводится как «Голова султана». Его едят руками. Сначала вы, Золтан! Советую начать с глаз.

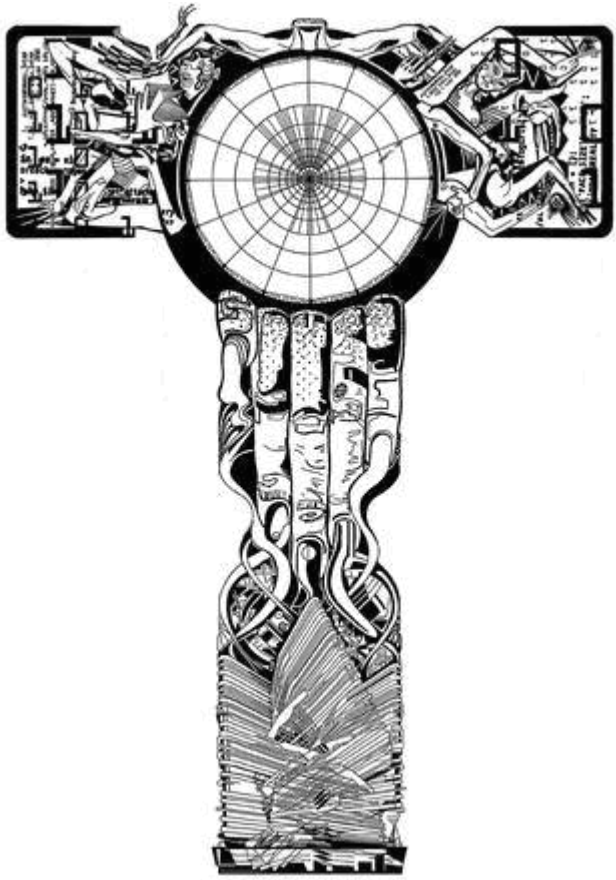
Ты оторопело посмотрел на меня. Я намеренно сохраняла невозмутимый вид, желая посмотреть, как ты выкрутишься.

– Господин президент, – пробормотал ты, – я понимаю, что это блюдо предлагают лишь дорогим гостям… И что отказ от него может вас оскорбить…

– Да расслабьтесь вы, Золтан! – расхохотался хозяин. – Это просто шутка, мы ведь не дикари какие-нибудь! Эй, унесите это!

Когда официанты убирали блюдо со стола, левый глаз выпал из глазницы барана и, прокатившись по столу, остановился возле меня.

– Вы ему понравились, Катрин! – весело промолвил президент. – Как у вас говорят… Положил на вас глаз!



0007

После разговора с азовстанским диктатором у меня осталось странное послевкусие наподобие дежавю. Хотя сам президент и обстановка дворца были очень экзотичными, где-то и когда-то все это уже происходило. Только когда мы покидали президентский дворец, меня осенило. Отец! Споры с ним, которые я вела еще в юности, оставляли такое же ощущение тупика. Я всегда чувствовала беспомощность перед абсолютным прагматизмом на грани с цинизмом. Поэтому и ненавидела его больше других человеческих пороков.

Нас отвезли в помпезный президентский отель, расположенный недалеко от центра столицы, пока почти совершенно пустой. Остальных гостей ожидали ближе ко второй половине следующего дня. По словам управляющего, лично встретившего нас в лобби, отель был предназначен лишь для официальных делегаций и редких гостей президента.

Нам достался один из номеров на верхнем этаже. Апартаменты по соседству ждали Рамбана, который должен был прилететь завтра вместе с Каролиной. Для самой Каролины приготовили «королевский номер», занимавший половину нашего этажа. Из нашего окна открывался шикарный вид на город. Небольшой деловой центр сверкал новенькими небоскребами. Обширная долина вокруг него была застроена двухэтажными домиками, выбеленными солнцем. К центральной площади со всех сторон города стягивались кривые узкие улочки. Две прямые стрелы государственных трасс, блестящих в мутновато-бежевой дымке, напоминали, что мы находимся в стране с сильным централизованным правлением.

Еще вчера мне не терпелось обсудить с тобой «День в раю», но я не знала, с чего начать этот разговор. Я мучилась и жадно ждала удобного момента, который подскажет мне, как правильно поступить.

Мы проснулись поздним утром, утомленные жарой, перелетом и недосыпом предыдущего дня. Ты предложил осмотреть достопримечательности, и я тут же согласилась: хорошая возможность спросить обо всем, что меня тревожит.

Так как Азовстан, мягко говоря, нельзя было назвать центром мира, достопримечательностей в столице оказалось немного, и они были очень предсказуемы. На центральной площади – огромный позолоченный памятник президенту. Благодаря специальному механизму статуя поворачивалась вслед за солнцем, так что лицо главы государства постоянно излучало

сияние. Несколько неотличимых друг от друга мечетей и медресе, а также старый королевский дворец, воссозданный по древним чертежам. Пару раз мелькали новенькие билборды с анимированной рекламой Каролины Шиллер, но из-за жесткой цензуры от супермодели остались только глаза и лукавая улыбка сквозь вуаль. Остальное было словно случайно закрыто цветочными узорами.

Удалившись от центра, мы оказались в районе, явно не предназначенном для глаз гостей страны. Здесь повсюду бросалась в глаза бедность. Машин на улицах почти не было, большие семьи толклись в тесных домишках. Из дворов доносилось блеяние и мычание домашнего скота, сопровождаемое вонью хлева и кухонной гарью. Босоногие, плохо одетые дети, висевшие гроздьями на заборах, исчезали при нашем приближении. Все это время я пыталась понять, как эта простоватая публика воспримет «Хочу Супермодель». Об этом я заговорила, когда мы решили повернуть к отелю.

– Знаешь, Золтан, эта твоя новая идея с топ-моделью, так же как и «День в раю», предназначена для людей, безуспешно стремящихся к счастью. Почему так? – Я зашла издалека.

– Этот простой народ ничем не отличается от любого другого простого народа, – использовал ты вчерашнюю формулировку президента. – И чем дальше мечта от жизни, тем более счастливы люди, когда ее переживают, – ответив на мой вопрос, ты отвлекся на шум семейного скандала, который доносился из окна над нашей головой. Затем улыбнулся мне – видишь, все как везде.

– Мне не нравится это выражение – «простой народ», – заметила я.

– Я обобщаю, конечно. – Мы побрели дальше по пыльной улице. – До этого публика у нас была эксклюзивная, с изощренными вкусами. Да и «День в раю» не каждый мог себе позволить. Так что я бы не сравнивал эти два проекта. У них есть только одна общая черта – большинство людей испытывают одинаковые страсти: зависть, страх, надежда, унижение.

– А любовь?

– Есть и любовь, но ее очень мало. Она мимолетна. И также зачастую диктуется страхом и унижением. Люди будто прячутся в этой своей любви, хватаются друг за друга, находят оправдание в ней своему жалкому положению. А в персональной реальности любовь вечна. Там царит покой.

– Любовь к себе?

– Да какая разница, если, кроме тебя, там никого нет? – воскликнул ты. – Кэт, я бы правда хотел, чтобы ты попробовала персональную реальность, а потом рассуждала о ней.

Я присела на скамейку у перекрестка, чтобы потереть уставшие лодыжки. Ты стоял рядом, наблюдая за сонными прохожими. Взяв тебя за руку, заставила сесть рядом.

– Почему ты считаешь, что твои персональные реальности лучше реальной жизни?

– Я так не считаю, – нежно проведя рукой по моим волосам, ты помог мне встать. – Одно без другого невозможно. Персональные реальности существовали всегда, но до этого момента они были более примитивны – религии, соцсети, наркотики, кино, даже твои книги.

– Ну ты и сравнил!

– Так и есть. Большинство людей пребывают в кабале, которую они даже не осознают. Работа, дети-внуки, нормы поведения, законы, чужое мнение. Они это все не выбирают и ни за что бы не выбрали. Эту кабалу нам навязывают обстоятельства. А потом мы идем на компромиссы – постоянно. А компромиссы делают нас другими – вовсе не тем, кем мы хотели быть в своих мечтах… Соглашаясь на сделку с судьбой, мы всегда теряем себя. Мы заложники того, что ты называешь «реальной жизнью» – от нее мы страдаем сильнее всего!

Мимо нас протарахтел грузовик, набитый клетками с квохчущими курами. Прекрасная иллюстрация к твоим словам. Мы встали и пошли дальше, к площади, которую уже заметили по верхушке золоченого президентского памятника.

– А персональная реальность? – спросила я уже мягче.

– В персональной реальности нету печали. Там абсолютный покой, который недоступен при жизни – лишь когда все закончится. И я создаю этот рай по персональным лекалам. Это не просто приближение к источнику. Ты сам становишься источником.

– А как же счастье? Ведь все мы стремимся к нему прежде всего.

– Катрин, такая взрослая девушка, как ты, должна знать, что это всего лишь смысловая ловушка. Она была разработана древними маркетологами, чтобы одни люди работали, а другие ими управляли. Счастья не существует! Все, что мы можем получить, – это кратковременные моменты наслаждения. И вечная надежда на то, что в будущем нам станет лучше. Эти редкие моменты мы называем «счастьем». Но это полная иллюзия.

– Если все так печально, ваша технология действительно могла бы подарить человечеству шанс на лучшую жизнь. Но лишь в идеальном мире и в руках по-настоящему святого человека, – где-то рядом вновь раздался шум семейного скандала – крики мужчины и вопли женщины, которую явно избивали. – Ведь, как

видишь, условия неидеальны, и мой отец далеко не святой.

– Ты склонна его демонизировать. А он просто идет к своей цели. И это великая цель.

– О какой цели ты говоришь? Он создает новую религию, используя тебя в качестве подмастерья!

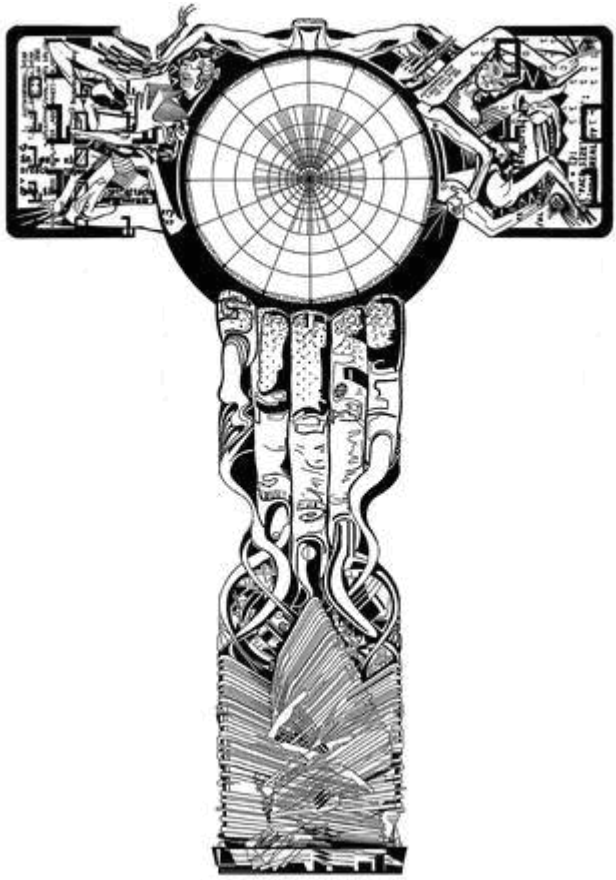
– А что плохого в новых религиях? В последнее время они возникают все чаще – спорт, шоу-бизнес, медиа, тренинги личностного роста. Но мы создаем нечто совершенно новое – то, что изменит весь мир!

– Изменит, да! Но сделаете ли вы его лучше? Неужели ты действительно в это веришь? – выпалила я. Мне пришлось говорить громче, ведь на площади было гораздо больше шума, чем посреди улочек. – Сколько бы мой отец ни рассказывал про рай по дешевке для всех страждущих, его истинная цель совсем другая. Это даже не деньги. Миллионы людей отдадут ему самое ценное, что у них есть, – свои потаенные желания. Ты хоть представляешь, какой властью будет обладать человек, у которого есть доступ к такой информации? Думаешь, он поделится этой властью хотя бы с тобой, своим ручным мессией?

– Мне не нужна власть, Катрин, – ответил ты. – Человеческая душа – это зеркало, окутанное паутиной печали и безнадежности. Я тоже зеркало, но то, которое не отражает, а все поглощает. В каждом человеке живут страх и боль, а я забираю их себе. Я облегчаю страдания. – Ты кивнул швейцару, распахнувшему перед нами дверь отеля, уступил мне дорогу.

– О господи, ты хоть себя слышишь? Порноролик с участием супермодели – это, по-твоему, облегчение страданий?

Мое восклицание повисло без ответа, так как мы уже вошли в лобби. На нас смотрели. По сравнению с утром теперь в отеле было очень людно. Прибыли делегации и VIP-гости из других городов Азовстана. Повсюду были слышны различные диалекты, суетились слуги, важно расхаживали знатные персоны. Некоторые из них подходили к тебе и почтительно здоровались. Похоже, твоя слава докатилась и до этих мест, во всяком случае, до правящих слоев. Я фыркнула и быстро пошла через все лобби наверх, чтобы переодеться перед церемонией.



0008

Мы стояли с тобой на прямом проспекте, ведущем из центра города в президентский дворец. Нас окружали охрана и высокопоставленные гости, а дальше, сколько взгляд мог охватить, улицы заполняли азовстанские мужчины. Все ждали прибытия Каролины Шиллер из аэропорта, а я предвкушала, с какой помпой наш пафосный Рамбан его обставит. И не ошиблась.

Шествие началось с отдаленного рева десятка медных труб, в которые дули одетые в национальные балахоны музыканты. Их выстроили на увешанной цветами платформе, напомнившей мне катафалк. Донесся бой барабанов, взвилась ввысь сигнальная ракета, и за музыкальной платформой показалась процессия белых машин. Я поднесла к глазам услужливо протянутый мне бинокль. В лимузине с открытым верхом стояла Каролина Шиллер в белом платье.

Стилисты Рамбана не постеснялись в средствах, чтобы сделать ее максимально сексапильной. Декольте ее платья доходило почти до пояса, разрез юбки обнажал ногу до верха бедра, плечи были открыты, а в уши и на шею навесили дюжину бриллиантовых украшений. Каролина усердно махала рукой, вскидывала волосы и раздавала воздушные поцелуи. Ее машину по периметру окружали танцоры и танцовщицы в пестрых нарядах, кружившиеся в танце любви, стараясь не попасть под колеса.

Толпа взревела, в воздух вскинулись тысячи рук. Доброжелательные азовстанцы, которых мы встречали днем на улицах, сейчас ликовали, словно одержимые религиозным экстазом. Воистину президент прекрасно знал свой народ.

Кавалькада машин приближалась, пока усатые полицейские сдерживали толпу. Услышав хлопки и шипение со стороны дворца, я оглянулась. Еще несколько сигнальных ракет

ознаменовали появление на ступеньках дворца самого президента. Он стоял на возвышении, одетый в халат золотого цвета, и благосклонно помахивал своим подданным. Именно здесь собрались немногочисленные телекамеры государственного телеканала, зависли дроны, которые запечатлевали каждый момент исторической встречи президента и его подарка народу – богини любви, одетой в белое.

Каролина сошла с подножки лимузина. Покачивая бедрами, она начала подниматься по дорожке, которую раскатывали прямо перед ней, осыпая ее лепестками красных и белых роз. Президент спустился на одну ступеньку. Супермодель присела в реверансе и взяла президента под руку. Тот протянул ее руку вперед, как бы показывая всем – «это вам» (толпа разразилась восторженным воплем) – и повел за собой во дворец.

– Как вам мое представление? – вдруг услышала я знакомый голос. Рамбан стоял рядом, самодовольно оглядывая происходящее.

– Потрясающе, Паоло! – соврала я. – Кажется, вам пришлось неплохо разориться на все это?

– Вовсе нет. Президент не дал нам ни за что платить. Он и правда великий человек.

Паоло говорил это совершенно искренне. Я оглянулась на тебя. Ты тоже смотрел на происходящее с восхищением.

0009

На следующий день после прибытия Каролины президент Азовстана провел вечеринку для избранных, которая, в отличие от шествия, была организована со вкусом. Мероприятие проходило в саду, где каждое дерево было подсвечено отдельным фонариком, а по дорожкам прохаживались павлины. Хвостатые птицы путались под ногами у закованных в смокинги официантов, обносивших публику угощениями. Казалось, что и павлины, и «пингвины» с подносами – часть хорошо сыгранной театральной труппы. Что касается гостей, то на празднике собралась по большей части местная элита. Ни зарубежных дипломатов, ни иностранных журналистов я здесь не заметила. Президент и его гостья пока не присоединились к остальным. Зато мне удалось найти в толпе знакомое лицо – это был президентский сын Набиль. Встретившись с ним взглядом, я улыбнулась ему. Он кивнул в ответ.

В этот момент тебя атаковала местная съемочная группа. Мне пришлось последовать за вами к месту съемки. Я расположилась на диване по соседству с тобой так, чтобы не попадать в кадр. Ты сидел в кресле нога на ногу и почти не жестикулировал.

– Президент преподносит своему народу подарок, какого еще не знал ни один народ в мире. Новые технологии сделали это возможным, а щедрость президента – доступным для каждого азовстанца. Это не просто разовый дар. Это начало новой эры, где социальный статус, возраст, образование, место жительства не имеют значения. Наша корпорация готовит всему миру большой сюрприз. Теперь каждый сможет получить свой персональный рай. Сегодня ты можешь пребывать в одной реальности, завтра – в другой. Это будто система спутниковых каналов, только вместо приемника – твоя собственная душа. Это возможность заглянуть в глубь себя, познать свои самые сокровенные мысли, тайные порывы и надежды, чтобы осуществить их.

Я поднялась с дивана – не было сил дальше это слушать. По дорожке сада добрела до круглой площадки с фонтаном посередине.

Из динамиков понесся торжественный марш, подсветка окрасила сад в яркие цвета, а прожекторы, направленные на ступени дворца, выхватили спускавшиеся к гостям две фигуры. Это был президент в сопровождении Каролины. Гости зааплодировали. Когда аплодисменты стихли, еще долго доносилось перешептывание. Здешняя элита была хорошо осведомлена о том, кто такая Каролина Шиллер. В отличие от

простых жителей, с которыми мы успели пообщаться, здесь знали и ее предыдущую карьеру, и сопутствовавшие ей сплетни и скандалы. Меня снова передернуло: всем разговорам о Каролине сопутствовал пошлый оттенок. Так говорят про доступную женщину, одновременно принижая ее и предвкушая свой собственный развратный эпизод с ее участием. Мужчины грубо хохотали, смакуя детали, женщины нервно хихикали, ревнуя и скрывая свою ненависть, а может, и зависть. Несмотря на то что я находилась на улице, у меня появилось ощущение удушья, разболелась голова.

В поисках глотка свежего воздуха я углубилась в сад. Пройдя по длинной кипарисовой аллее, обнаружила несколько беседок. В одной из них я и спряталась, наслаждаясь покоем и относительной тишиной.

Мне казалось, что теперь я знала трех Золтанов. Золтана-стажера я полюбила. Он был смелым и настоящим, с ним мне с самого начала было легко. Совсем недавно я открыла для себя Золтана-мессию. Он поражал своей харизмой, отдачей делу создания новых миров… в которых не было места для меня. Теперь же все отчетливей проступал Золтан-торговец. Его я увидела в первый раз и еще не знала, как к нему относиться. Чтобы определиться в своем отношении к торговцу – надо разобраться, как ты относишься к товару. А здесь у меня были самые большие вопросы.

Кто ты, Золтан? Свободный человек, исповедующий свои принципы, или клон моего расчетливого, безжалостного отца? А может, ты – двуличный карьерист и трус вроде Рамбана?

– Неужели ты решишься на это унижение? – вдруг донесся до меня юный мужской голос.

Британский английский с гортанным акцентом. Я прислушалась. Говорящий был от меня через пару беседок, долетали лишь обрывки фраз.

– Это падение, страшнее которого невозможно ничего представить! Как ты сможешь с этим жить?

Я присмотрелась сквозь ограду. У входа в беседку стоял Набиль. Того, к кому он обращался, скрывала от меня декоративная колонна, увенчанная символом Азовстана – степной орел, сжимающий в когтях змею.

– Мне жаль, что ты так переживаешь… – произнес в ответ женский голос. Это могла быть лишь Каролина Шиллер. – Я думала, наша с тобой история закончилась еще в Сингапуре.

– Зачем тебе это? Ради денег?

– Нет, дело не в деньгах… Господи, какой же ты наивный! Ты еще совсем не разбираешься в женщинах и в том, что им

действительно нужно. Если бы дело было в деньгах, все было бы намного проще. Представь, ведь мне удастся то, что не удавалось ни одной женщине в мире, – осчастливить сразу шесть миллионов мужчин, стать их возлюбленной!

– Когда мы были с тобой наедине, я думал, тебе достаточно меня одного!

Каролина рассмеялась.

– В ту ночь так и было, – произнесла она. – Ты загорелся сейчас, потому что ревнуешь. Но я для тебя лишь новая игрушка, а потом ты захочешь себе новую – ярче, моложе…

– Нет!

– Именно так, мой мальчик. Ты кружишь голову, но и сам ее теряешь иногда. Не мучай нас.

Похоже, я стала свидетельницей гораздо более интимной беседы, чем те, что обычно происходят на официальных приемах. Если бы при мне обсуждали дворцовый переворот или глобальную финансовую махинацию, я бы чувствовала себя гораздо комфортнее.

– Знаешь, чего мне хочется прямо сейчас? Сесть в свой самолет и врезаться на нем в статую отца на центральной площади. А еще лучше – в него самого!

– Золотой мальчик врезается в золотую статую! – хихикнула супермодель. – Поздно что-то менять. Твой отец все решил, я все решила. Я не принадлежу себе по условиям сделки и тебе тоже принадлежать не могу.

– Ты правда этого хочешь?

– Что тебя удивляет? Я всего лишь согласилась подарить людям прекрасную фантазию.

– Ты даришь им себя! Неужели ты не видишь, что из-за чего-то воображаемого теряешь себя настоящую?

Каролина рассмеялась, немного натянуто, как мне показалось. Они еще негромко обсуждали что-то. Когда я отважилась выйти из беседки спустя несколько минут, Каролины уже не было. Зато Набиль стоял возле беседки, скрестив руки на груди и уставившись в пространство перед собой.

– Это вы? – перевел он взгляд на меня. – Вы все слышали?

– Невольно подслушала. Простите.

– Все равно. – Он насупился, но не уходил.

– А ведь я понимаю вас, – вырвалось у меня.

Набиль посмотрел на меня с удивлением. «Что ты делаешь, Катрин! – подумала я. – Ты же приручаешь его». Но мне так хотелось поделиться хоть с одной душой, не охваченной горячкой предстоящего события.

– Правда? Вы тоже считаете, что она тщеславная,

эгоистичная… – Он запнулся в поисках достаточно обидного эпитета.

Я усмехнулась.

– Я не это имела в виду. Этот… «подарок народу» и правда отдает каким-то абсолютным эгоизмом. Со всех сторон. Ваш отец хочет любви народа. Каролина хочет быть богиней любви. А местные мужчины хотят любви с Каролиной. И всем наплевать на всех остальных!

Кажется, я разозлилась. Даже чуть не добавила, что Золтану наплевать на меня. К счастью, Набиль был слишком сосредоточен на своих переживаниях, чтобы прочитать подтекст моей тирады.

– А вы можете ее остановить?

– Я? Мы еле знакомы!

– Но вы – жена Конструктора Реальностей! Может, вам известно что-то, чего не знаю я? Может, существует какая-то опасность, какой-то риск, который не приходит в ее… легкомысленную голову?!

Он смотрел на меня, ожидая поддержки. Я молчала. Его лицо исказилось, будто он готов был заплакать.

– Но вы ведь тоже в этой ситуации! Неужели вам все равно, что ваш муж создает весь этот разврат? Это же как… измена!

– Выбирайте выражения! Мой муж заинтересован в создании миров, а не в обнаженных прелестях вашей ненаглядной!

Осекшись, я отвернулась. Моя вспышка отрезвила его. Но не лишила его слова правдивости. Неуклюже поклонившись, Набиль направился в сторону дворца. «Постойте!» – собиралась бросить я ему вслед, но слова застряли в горле. Что я могу ему сказать? Что посоветовать? Головная боль вновь вернулась, и я почувствовала, что больше не могу противостоять ей. Над ярко подсвеченным дворцовым фасадом вспыхнули пальмы фейерверков.

– Какой прекрасный вечер, – ни к кому не обращаясь, проговорила я, глядя, как вспышки салюта распадаются на причудливые галактики над моей головой.

Уже поздно вечером, когда ты спал, на террасе нашего номера я думала над словами Набиля. Измена. Эгоизм. Риск. Все это отзывалось во мне, наполняя душу неясной тревогой. И тут вдруг я услышала приглушенный звук с соседней террасы, там, где находился номер Каролины. Я перегнулась через перила. Так и есть, стоя у перил своего балкона в нескольких метрах от меня, Каролина Шиллер утирала слезы. Нас разделяла лишь декоративная кованая перегородка.

– Каролина, вы плачете?

Она обернулась ко мне:

– Я не знаю… Все так сложно.

– Я слышала ваш разговор с Набилем, случайно, – призналась я. – Он остынет, дайте только время.

– Он был так напорист в Сингапуре. А я так окрылена… Золтан просто покорил меня своими словами. А теперь мне, наверно, просто страшно.

Несмотря на ее слезы, я почувствовала что-то вроде ожесточения.

– Вас что-то не устраивает? – почти официально спросила я.

– Не знаю! Все это так необычно. Деньги фантастические, и сама мысль о… – Она запнулась. – Я всего лишь женщина. Я боюсь. Я чувствую себя… продажной!

– Ну что вы! Просто в роли богини любви вы теперь принадлежите не только себе, но всем людям. – Слова Рамбана, сказанные про Золтана в ресторане, пришлись как нельзя кстати. – Вы дарите им счастье. Хотя вы-то скорее продаете, но это не так уж важно.

Она всмотрелась в меня, пытаясь понять, подкалываю я ее или стараюсь утешить. Слава богу, темнота южной ночи не выдала меня. Каролина вздохнула.

– Наверно, вы правы. Чем это отличается от съемок ню? Почти ничем.

– Совершенно, – сардонически усмехнулась я.

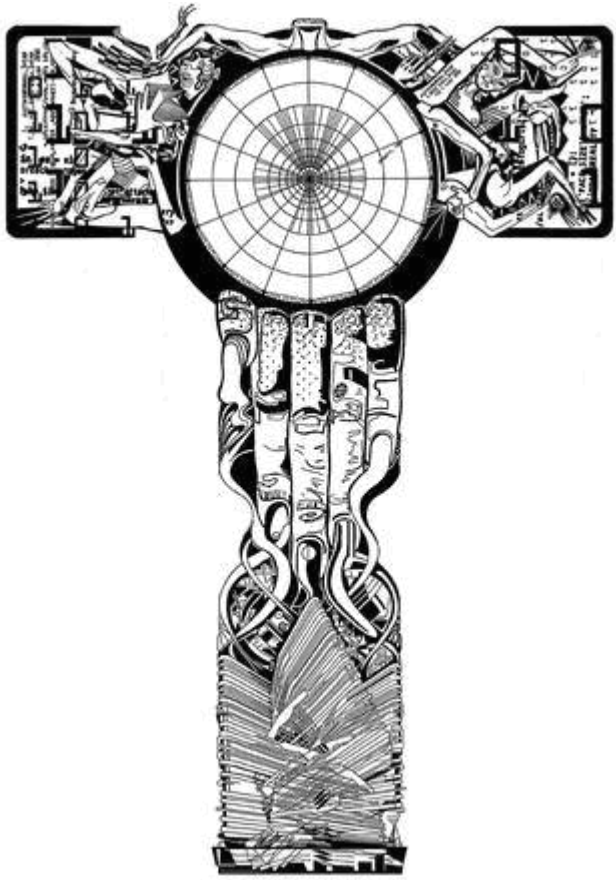
– Вы уверены, что все пройдет без проблем? Я про трансляцию.

– Не вижу причин волноваться. – Я удивлялась своей холодности, но не могла не заметить удовольствие, которое получала, отталкивая ее влажные излияния. – Уверена, что специалисты корпорации предупредили бы вас о возможных рисках.

– Да, да. – Утерев слезы, Каролина попыталась улыбнуться. – Золтан тоже так говорил. Он просто потрясающий.

Твое имя вновь резануло меня. Вот чего я не хотела слышать от женщины, с которой… Я попыталась совладать с эмоциями.

– Спокойной ночи, дорогая.



0010

Через несколько дней после возвращения из Азовстана я отважилась. Восьмой дистрикт – именно о нем говорили бизнесмены в ресторане Рамбана: якобы там можно было попробовать «День в раю». Где-то возле автовокзала. Не слишком точный адрес, но я надеялась, что смогу найти нужное место.

До этого я ни разу не пробовала персональные реальности. Мне никогда не нравились наркотики, и у меня не было уверенности, что этот, новый, придется мне по душе. Я помнила свои эксперименты с нелегальными воспоминаниями Memnotech и тяжелое возвращение в реальность после них. Поэтому между погружением в персональную реальность и любимой книгой под бокал вина я всегда выбирала второе. Иногда даже по два бокала.

Хотя у дочери Саула Гаади было множество возможностей испытать эту технологию a la privee, сегодня я решила сделать это на правах рядового пользователя. Чтобы попасть в восьмой дистрикт, я воспользовалась дешевым такси. Решила не заказывать его через Аманду (уверена, что от Игги, а значит, и от отца это бы не укрылось), а просто махнула желтой машине на людном перекрестке. В пропахшем марихуаной салоне я продиктовала автопилоту адрес автовокзала и выбрала режим инкогнито, которым в Новом Сингапуре, полагаю, пользовались не так уж и редко.

Такси остановилось перед заездом на подземный паркинг. Автопилот скороговоркой предложил вызвать мне носильщика вокзала, белл-боя из ближайшего отеля и даже мужской эскорт. Я вежливо отказалась, хотя перспектива оказаться совсем одной в не лучшем района города казалась мне все менее привлекательной. Выйдя из машины, я повернулась лицом к центральному входу и огляделась по сторонам.

Автовокзал восьмого дистрикта – пожалуй, одно из самых людных мест Сингапура. Тысячи и тысячи пешеходов, скутеров, автомобилей роились вокруг. Двух- и трехэтажные автобусы, въезжающие и выезжающие из его необъятного чрева, были похожи на сорвавшиеся с фундамента дома, обитатели которых продолжают жить своей жизнью, пока за окном проплывают незнакомые пейзажи. Сотни магазинчиков, харчевен, массажных салонов, караоке пытались перекричать друг друга яркими вывесками. В этом визуальном безумии мне удалось опознать знакомый символ – эмблему интерактивной церкви. Увернувшись от пары носильщиков с баулами на тележках, я подошла ближе. Церквушка была расположена в подвале под цветочным

магазином. На заплеванной лестнице, ведущей вниз, в забытьи скорчился наркоман. Мне пришлось изловчиться, чтобы не задеть его ногой.

Наконец я оказалась в холле автоцеркви, рассчитанной на три кабинки. Две из них были заняты, центральная – свободна. Зайдя в нее, я и оказалась в небольшом затемненном помещении со стенами-экранами – чуть больше туалетной кабины, чуть меньше грузового лифта.

ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ РЕЛИГИЮ

– предложила мне надпись на экране.

Ткнула в первый попавшийся пункт меню. Суфизм. Вспомнилось увлечение отца этим учением. Почему бы и нет.

ПЛАТНЫЙ ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ РЕЖИМ

Я выбрала платный. Когда оплата была проведена, мне предложили несколько опций на выбор: от стандартной молитвы до беседы с наставником. Остановилась на беседе, уж очень не по себе мне было в этом месте. Меня окутал свет пламени костра, а на потолке появились звезды и полумесяц. Голос из динамиков запел что-то на фарси, а на экране появились субтитры, вещающие об отречении от мирских благ, благочестии и стремлении к совершенствованию.

– Будь благословенна, сестра наша, – нараспев произнес тихий голос сверху. – Могу ли я предложить тебе цитату из священных текстов? Или ты желаешь послушать притчу?

Я вспомнила, как отец пытался приобщить меня к суфизму с самого детства. Он часто упоминал священные тексты, ссылался на притчи, даже рекомендовал встретиться с духовными лидерами этого учения. Но это интересовало меня куда меньше, чем обычные книги, а унаследованный от мамы бунтарский характер вечно толкал к спорам. Со временем отец махнул рукой на мое духовное образование, предоставив меня самой себе.

– Меня интересует «День в раю», – решительно объявила я своему невидимому «наставнику».

Долгая пауза. В динамике что-то пискнуло.

– Уточнение, – услышала я уже другой голос. – Это аллегорическая формулировка или имеется в виду конкретная услуга?

– Второй вариант.

Снова пауза, но более короткая.

– Тогда я должен сообщить, что «День в раю» – сертифицированная услуга, которая предоставляется только по

подписке определенной группе прихожан.

– Подписки у меня нет. Однако я тоже отношусь к определенной группе прихожан. Весьма платежеспособной.

Снова пауза.

– Подождите, – ответил уже другой голос.

«День в раю» полностью запрещен не был, лишь строго лицензирован, усилиями Августы. Я ждала, гадая, правильно ли определила канал сбыта полулегальных реальностей. Насколько я знала, нелегальный Memnotech когда-то распространялся именно через автоцеркви в депрессивных районах.

Динамик вновь ожил:

– Вы должны сделать перевод на указанный на табло счет, после чего вам будет доставлено запрашиваемое устройство. Его использование, как и риск транзакции, – целиком ваша ответственность. Вы согласны?

– Да.

Прикладываю браслет к считывателю, списываются деньги, на сумму я даже не смотрю. В стене-экране передо мной открывается ниша, в которой я вижу серебристую диадему – девайс для сканирования мозговых волн. Под ним – капсула в прозрачной упаковке и знакомая пластиковая «ракушка». На экране возникают инструкции. Сначала – сканирование. Потом – прием капсулы. После этого – присоединить к уху гаджет-ракушку. Появилось и начало нарастать уже забытое ощущение, будто в голове забегали крошечные пузырьки. Я едва не вздрогнула от неожиданности, когда инструкции на экране сменились твоим лицом.

– Добро пожаловать, Катрин, – сказал ты, глядя мне прямо в глаза. Мое имя прозвучало будто механически, и я догадалась, что оно синтезируется программой под каждого пользователя. Я облегченно выдохнула. Ты продолжил: – Сейчас ты переместишься в свой собственный мир. Мир твоих желаний и надежд. Ты не будешь знать, что грезишь. Наслаждайся счастьем и вечностью. Но знай, тебя ждут обратно. Поэтому запомни твой персональный триггер для выхода.

Ты поднял руку ладонью вверх – над ней возникла и затрепетала синяя бабочка.

– А теперь произнеси фразу-мантру, которая задаст вектор твоей персональной реальности.

Мне было достаточно одного слова.

– Мама.

Молельная комната подернулась рябью и исчезла. Первое, что я ощущаю, – порыв теплого ветра, наполненного капельками

морской воды. Меня окутывает облако света, в котором постепенно проявляются детали. Ряд белых оштукатуренных арок, отделяющих террасу домика от ровного песчаного пляжа. Блеск морской глади вдалеке. И огромное небо – синее, высокое, какое бывает только в детстве. Я стою на террасе, испытывая безграничное счастье от своих новых сандалий и выглаженного розового платья с оборками. А по террасе ко мне идет мама с кувшином воды. Любимая, красивая, нежная… Я бегу к ней, чтобы показывать горсть ракушек, которые насобирала утром. Они маленькие, шершавые снаружи, с перламутровым отливом всех оттенков заката внутри. Особенно я горжусь продолговатой, спиральной, с шипом на конце. Мама рассказывает мне про рака-отшельника, который живет в пустых домиках моллюсков, и даже показывает, как он двигается. Я хохочу – ничего смешнее в жизни не видела! Мама смеется тоже. Мы копаем ямки в клумбе, чтобы посадить разноцветные петунии, расчесываем Монморэнси, который тявкает на пролетающих шмелей, жарим креветок, наблюдаем в бинокль за яхтами. Перед сном мама читает мне начало сказки по-французски, обещает закончить чтение на следующий день. Она целует меня в губы и говорит, что я самая красивая девочка на свете. Я улыбаюсь, ведь мама и не заметила, что прямо на голову ей села большая синяя бабочка…

Я вернулась в реальность со слезами счастья на лице и несколько минут сидела, уставившись в стену. Сколько же мне тогда было? Пять лет. Лазурное побережье. Мы были в отпуске, вдвоем, а потом мама уехала, вызванная отцом по каким-то

срочным делам. Няньке дочитать книгу я не давала, ждала, чтобы это сделала мама. Но этого не случилось – мамы не стало. Тот день остался самым счастливым в моей жизни – мой персональный рай. Который я только что испытала всего за полчаса со всей силой незамутненных эмоций детства. И который ощущался как вечность.

Двери автоцеркви распахнулись, приглашая меня убираться. Мне не хотелось покидать это тесное душное помещение. Я желала вернуться обратно, срочно окунуться с головой в запах моря и в мамино тепло! Совершив усилие, я собрала волю в кулак и побрела вверх по ступенькам, потом по улицам, в направлении парка. Даже шум улицы и теплый городской воздух не сразу вернули меня в день сегодняшний.

Я плелась по коротко стриженной траве мимо речных трамваев, смотрела на небоскребы Сити, возвышавшиеся за заливом, и думала, думала. Теперь я понимала, каким мощным наркотиком являлась персональная реальность. Понимала стариков-самоубийц. И даже начала понимать все коварство и размах проекта «Хочу Супермодель». Не понимала только одного. Эта сила, которая как магнитом притягивала меня теперь к персональной реальности, – добрая ли она, как хорошая книга или семейное фото? Или злая, как героин?

С этими мыслями я прошла половину парка и только присела отдохнуть в обшарпанной беседке-пагоде, как завибрировал телефон. С удивлением прочитала на экране «МАРК». Уже и не помню, когда видела его в последний раз. Как-то незаметно он исчез из корпорации, и я почти забыла про его существование.

– Катрин, привет. – Его голос звучал натянуто. Возможно, он решал, стоит ли представляться после такой долгой паузы в общении.

– Привет, Марк! Как дела? – весело отвечаю я. Неожиданно для себя я была рада поговорить с кем-то из прошлого, до всех сомнений и переживаний последних дней. Но Марк не поддержал мое настроение, его голос остался нервным и приглушенным.

– Нам надо поговорить. Срочно.

0011

Еще одно замызганное такси доставило меня к высоким воротам дома, в котором по-прежнему обитал Марк. Дом удивил меня – он будто постарел и осунулся. Ворота были настежь открыты и, судя по растущей под створками траве, не закрывались уже с полгода. Я прошла в них, переступив через несколько пустых пакетов. Кажется, Марку пришлось уволить уборщика. Высокие пальмы, обрамлявшие бассейн, разрослись, гирлянды сухих листьев свисали со стволов и образовывали кучи под ними. Кажется, садовник тоже сбежал. Фасад дома посерел и покрылся пятнами от дождей, большие окна были немытыми, шезлонги вокруг бассейна выцвели, а сам бассейн меня вообще потряс. Вода в нем была спущена, но на дне образовалась огромная зловонная лужа, в которой бог знает что могло водиться. Мне стоило большого труда вспомнить плещущихся в этом бассейне красивых девушек, и почему-то стало очень грустно.

Марк встретил меня на пороге. В отличие от дома, он не сильно изменился, лишь потерял присущий ему ранее нагловатый лоск. Он был одет в выцветший халат, домашние брюки и шлепанцы. Распахнул мне свои объятия, как в старые времена.

– Катрин! Извини, я тут один, так что пошли на кухню, сварим кофе вместе.

Несмотря на его слова, я заметила в соседней комнате две косматые головы, торчащие над диваном, над которыми вился дымок. Видимо, приблудных растаманов Марк за людей не считал.

– Что случилось, Марк? – напрямик спросила я, пока он возился с кофемашиной.

– Пока ничего, но может случиться.

– Ты больше не работаешь в корпорации? – Я обвела взглядом обстановку. Внутри все было не так плохо, но лоск также был утерян.

– А, ты про это. Представляешь, я не знаю. Паоло постепенно перестал давать мне поручения в офисе, потом и организацию вечеринок передали кому-то другому. Дом мне почему-то оставили, но выделять деньги на его содержание прекратили. От департамента Чопры не могу ничего добиться, зарплату получаю, вот и все.

– Я спрошу у отца.

– Не нужно. Уж если попал в немилость, лучше не напоминать о себе. Меня все устраивает, более или менее.

Конечно, скучаю по былым временам… Но не все в корпорации воспринимают перемены так, как я.

Марк подал мне чашку кофе, внимательно следя за моим выражением лица.

– Не всех все устраивает?

– То, что я тебе скажу, может иметь долгосрочные последствия. Это должно остаться между нами.

– Обожаю кофе со свежими сплетнями.

– Нет-нет, что ты. Но… Акционеры недовольны.

Я поставила чашку.

– Все?

– Почти все. Я решил поговорить с тобой, потому что только ты можешь помочь избежать больших осложнений.

– Ты *сам* решил?

– Сам или не сам – не важно. Главное, что я не боюсь тебе это рассказать. Мне просто нечего терять.

– В отличие от Рамбана? Это исходит от него?

– Об этом я не могу тебе ничего сказать, прости.

– Тогда нам не о чем разговаривать. Я не участвую в корпоративных интригах и не желаю слушать непонятно какие слухи. – Я приготовилась встать.

– Саула нужно остановить! – выпалил Марк.

Я задержалась. Заметив мои колебания, Марк торопливо продолжил:

– Да, все настолько серьезно. Я знаю, ты старалась держаться в стороне от дел корпорации. Поэтому можешь не знать, что она – на грани распада. Причины очень серьезные. И последствия будут не менее серьезными. Я говорю про реальные угрозы, Катрин, а не просто вопросы контроля над акциями. Ты готова про это услышать без раскрытия моих источников?

– Продолжай.

– Моя задача – донести до тебя понимание ситуации. А подробности тебе предстоит выяснить самой. Большинство акционеров настроены решительно, но причины у всех разные. А еще – разные интересы, ведь ты же знаешь, как они друг к другу относятся. Все идет к большому раздору, к неконтролируемой реакции. Которая может закончиться плачевно для всех. И я говорю не только о бизнесе.

– Марк, хватит общих фраз. Чем недовольны акционеры?

– Трансферизмом.

– Что это? – Я смутно припомнила, что где-то уже встречала это слово, пока рылась в компьютере у Золтана.

– Новый проект «Транс-Реалити». Очень важный, глобальный. Можно сказать, в нем реализуется миссия корпорации.

Вот тут я по-настоящему насторожилась. Корпоративная грызня случалась в компании и раньше. Собственно, нынешний состав акционеров стал следствием естественного отбора и выживания за более чем две декады ее существования. Но обычно причиной раздоров выступали вопросы контроля над правлением, распределением финансов, сфер влияния. Чтобы акционеры выступали против самой миссии компании – такого я не припомню. А еще мои опасения по поводу деятельностью компании вдруг получили мощное подтверждение.

– Что же я могу сделать?

– Акционеры разрознены. Кроме того, каждый боится высунуться первым. Даже Чопра, а этот мужлан никогда ничего не боялся. Все понимают, что Саул жестоко расправится с любым, кто угрожает делу всей его жизни.

– А я – вне опасности. В этом дело?

– Что ты, нет. Дело не в этом. Просто ты можешь найти какой-то компромисс, не знаю… Стать третьей стороной, которая обладает доступом ко всем.

– Прекрасно звучит, только что-то я в это не верю. Ты-то сам на чьей стороне, Марк? – Я пристально на него посмотрела.

– Я отказываюсь выбирать сторону.

– Да? После того как отец задвинул тебя в угол, как сломавшийся пылесос? Не считай меня дурой.

– Я не считаю. – Он совсем растерялся.

– Как бы я ни относилась к отцу, я бы не вступила ни в какой заговор против него…

Я запнулась. Мне хотелось поделиться с ним опасениями, переживаниями, своими ощущениями по поводу пережитого сегодня в молельной кабинке. В душе опять всколыхнулось отчаянное желание вернуться в домик на берегу моря, растаявший в волнах времени. Марк нервно смотрел на меня, ожидая ответа. Я встала.

– Не говори никому про наш разговор.

– Не волнуйся, я умею хранить секреты.

Я пошла к двери. На пороге обернулась:

– А вот тебе нужно быть поосторожнее. Может, бассейн твой и запущен, но «жучки» Игги Бьольверка могут по-прежнему прекрасно работать.

0012

Мои заключительные слова Марку были не более чем напоминанием, что все тайное становится явным, и заниматься подковерными интригами я не собираюсь. Однако встретиться и поговорить с топами компании мне никто не мог запретить, узнает про это отец или нет. У меня была собственная цель – я должна узнать про все скрытые угрозы Трансферизма и понять, стоит ли мне опасаться за тебя и за нас.

Начала я свое расследование с Августы Юстас, с которой, так уж сложилось, я была более близка, чем с остальными. В последние месяцы мы хотя и не были закадычными подругами, виделись не реже раза в неделю – на концертах, на открытии выставок или на ужинах в новых ресторанах. Эти встречи чаще всего не назначались заранее, а случались сами собой. Я видела в Августе близкого по образу мыслей человека и даже в каком-то смысле наставницу, радовалась каждой нашей встрече… Но в этот раз все было по-другому. Во вторник после обеда я нашла свою старшую подругу в фитнес-центре корпорации, а точнее – в бассейне.

Августа как раз закончила плавать и сидела в одном из шезлонгов, вытирая волосы полотенцем. Она улыбнулась мне, будто ожидала моего визита. Я присела рядом. «Как стремительно ты постарела, Августа», – подумала я, глядя на нее. Это не было старение внешнее, выраженное новыми морщинами, дряблостью кожи, расплывчатостью тела. Речь скорее шла о каком-то внутреннем, скрытом угасании. Лукавые огоньки, прежде блиставшие в ее глазах, куда-то исчезли, будто что-то в ней иссякло.

– Что новенького? – спросила она.

– Недавно были с Золтаном в Азовстане. Интересный опыт.

– Да-да, подготовка к запуску идет полным ходом.

– Ты довольна тем, как все складывается?

Августа настороженно взглянула на меня.

– Всегда есть ощущение, что можно было что-то сделать… по-другому. А что именно ты слышала?

– В последнюю нашу встречу Рамбан был обеспокоен, не знаю чем. Вот и решила у тебя спросить.

– То же ощущение может быть и у него.

– А лично тебя, Августа, что беспокоит?

Она вздохнула:

– Я старею, моя девочка.

– Перестань, Августа!

– Может, просто устала. Но все тяжелее поднимать себя по утрам, понимаешь?

– А как же твои горячие любовники?

– Все надоело. Я все больше находила удовольствие в работе, но в последний год все как-то… – Она замолчала. Я решила ей помочь.

– Тебя тоже беспокоит Трансферизм? – припомнила я слова Марка.

– Тоже?

– Августа, тебе не кажется, что отец двигает нас всех в опасном направлении?

– Опасное ли, не знаю. Но, черт возьми, нашим мнением он как-то перестал интересоваться. И вообще, все время он проводит с Золтаном. Они закрылись в лаборатории, принимают там все важные решения. Не так я видела наше будущее, и свое в частности!

Она явно разозлилась.

– А как? – спросила я.

– Не знаю, насколько ты в курсе планов корпорации. И, милая, прости – не мое дело тебя в них посвящать. – Она посмотрела на меня с оттенком надежды. – Но ты же не чужая и мне, и всем остальным. Объясни, почему твой отец стал таким недоступным? Почему не выполняются обещания, данные нам всем?

– Золтан тоже стал недоступным.

– Золтан был таким… Многообещающим. Ты же знаешь, как мы все его сразу полюбили. Пестовали, учили, вели к вершинам. Мне обидно, что он даже не заходит повидаться.

– А про какие обещания ты говоришь?

– О, Саул умеет кружить голову перспективами. Я почти видела себя в новой роли богини правосудия. Огромные храмы, толпы поклонников, высочайшая мудрость, вечная справедливость…

– Ты говоришь про какую-то персональную реальность?

– Вроде того. У Саула, мне кажется, свое видение. Меня интересовала регулятивная функция. Ты слышала об эксперименте, проведенном в тюрьме? Пятидесяти самым злостным нарушителям порядка давали «День в раю». Поведение улучшилось настолько, что половина из них даже получили досрочное освобождение. А представь все это в масштабах общества! Раньше этим занималась религия, от которой теперь один вред. Общественная мораль и законодательная система стали лучшим регулятором, чем божественные предписания. А Трансферизм – так это вообще неограниченные возможности. В

правильных руках, разумеется.

Она осеклась, заметив, что разболталась.

– Я не могу тебе всего говорить, из соображений конфиденциальности. Прости, мы тут все связаны по рукам и ногам. Спроси своего отца, а? – Надежда в ее глазах переросла в мольбу.

– Спросить о чем?

– Спроси – почему он… – Августа замолчала. – Что с нами будет? Вот что спроси. Потому что мы не знаем. А незнание порождает страх. А страх…

Я не поверила своим глазам – она чуть не расплакалась. Августа Юстас, железная матрона, которая держала в узде всю корпорацию, вела себя будто отвергнутая любовница. Не помню, что я говорила. Обещала, кажется, мы обнимались, договорились «встретиться и напиться» – обычный женский треп, когда все важное уже сказано.

Но еще больше меня потряс Фо Ци, с которым я увиделась на следующий день. Вы видели когда-нибудь разгневанного Будду?

– Я своими руками взял его, как кусок сырой глины, и вылепил из него того, кого теперь знает весь мир! – Фо расхаживал по кабинету, свирепо пыхтя и размахивая руками. – Мы все работали над проектом «Золтан», и не для себя – для всего человечества! Я представлял себе гармоничный мир, построенный на любви, дающий счастье каждому. По сравнению с персональными реальностями, которые Золтан создает, медитации и духовные практики – жалкое подобие! Мы могли учить людей добру, словно маленьких детей, на примерах, за счет их собственных переживаний. Принимать мечущимися, а отпускать умиротворенными! У меня было столько идей! Но меня даже не спрашивают! Я двигаю финансы и слежу за балансом – я!

Я сидела на диване в его кабинете с чашкой зеленого чая, оторопевшая от происходящего. Фо Ци плюхнулся рядом, чуть не раздавив кушетку своим телом, взял меня за руки.

– Мы очень огорчены дорогая. Очень!

Разгневанный Будда, плачущая Юстиция… Я даже обрадовалась, когда в кабинете Игги Бьольверка мне сообщили, что босс находится неизвестно где и неизвестно когда появится снова. Истерящего Одина я точно видеть была не готова. А вот Чопра меня совсем не удивил. Его гром и молнии производили успокаивающий эффект – хоть что-то в этом мире осталось неизменным. Вот только в таких выражениях про отца он никогда не высказывался. Да и никто другой.

– Чертов жулик! Обвел нас всех вокруг пальца! Мало ему власти?! – гремел Чопра из-за своего стола. – Вертел нами всеми,

а теперь возомнил, что будет вертеть всем человечеством. Причем – один! Мы построили для него абсолютную машину для управления, мы ее наладили… А теперь – все, спасибо, до свидания! На все рычаги будет жать великий и премудрый Саул Гаади! Вот уж нет!

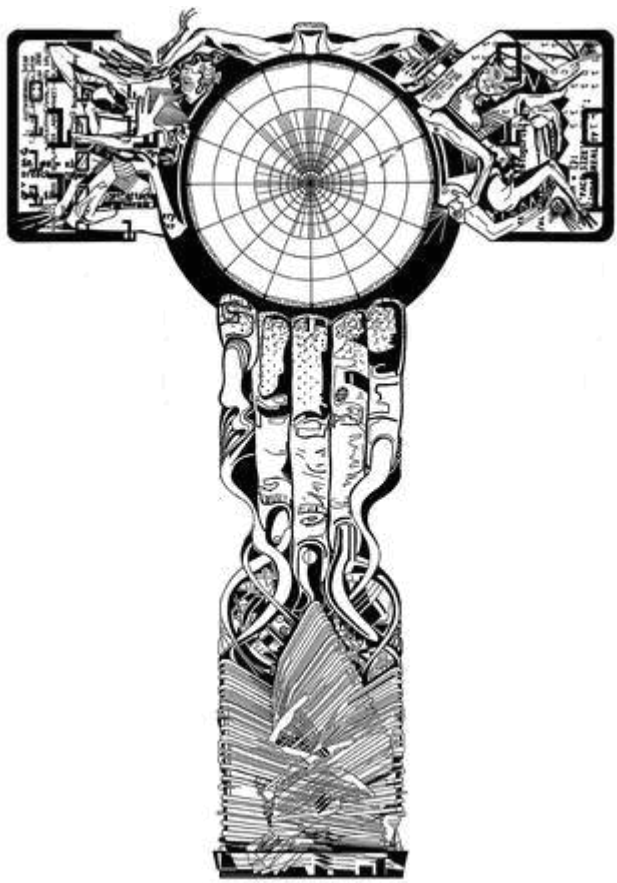
Я попыталась остановить его жестом, но Чопра лишь отмахнулся:

– Мне наплевать, что он узнает! Я ему в лицо это все выскажу, вот только доберусь!

– Я поговорю с ним… – попыталась вставить я, но рев Чопры чуть не снес бумаги с его стола.

– К черту разговоры! Мы будем действовать, понятно? Так ему и передай!

Я ехала в лифте небоскреба, пытаясь понять, что же я выяснила. Ответов на свои вопросы я не получила. Марк был прав, акционеры недовольны своим положением, но все, о чем они меня просили, – лишь повлиять на отца. Вот только я понятия не имела, как к нему подступиться.



0013

Персональный гиперлуп отца мчал меня от станции, расположенной под фундаментом «Транс-Реалити» со скоростью семьсот километров в час. Мимо прозрачных стен капсулы мелькали городские постройки, потом заводские корпуса и вышки коммуникаций, пассажирский порт и, наконец, воды Джохорского пролива. Труба гиперлупа нырнула в тускло подсвеченный туннель. Всего их было двенадцать – в юности я приписала каждому туннелю свой месяц. Январь был самым длинным, Февраль, Март и Апрель мелькали почти сразу друг за другом. В Декабре капсула замедлялась и плавно въезжала на конечную платформу.

Дом отца находился на островке Убин к северо-востоку от города. Раньше любоваться его волшебной природой любили туристы, и здесь обитало около сотни местных жителей. Но когда островок приглянулся Саулу Гаади, их переселили, и Убин закрыли для посещения. А отец возвел здесь свою резиденцию.

Появление на поверхность из Декабря всегда поражало взгляд – перед пассажиром раскидывалась зеленая долина между тремя холмами, по одному из которых вилась горная речка, а по второму карабкался эскалатор, прямо к величественному темному зданию, резиденции Гаади. Третий холм, самый высокий, был отведен под спутниковые тарелки, огромные ретрансляторы и собственную обсерваторию отца.

В торжественные дни по эскалатору поднимались роскошно одетые гости. Он специально двигался медленно, чтобы все имели возможность насладиться видом. К моему удивлению, сегодня эскалатор пустовал, а сама я воспользовалась лифтом, который поднял меня на первый ярус дома. «Добро пожаловать, Катрин», – прозвучал голос, который я у себя в доме называла Амандой, а отец вообще никак не называл – подобные сантименты ему были чужды. «Ваш отец ожидает вас в… – искусственный интеллект сделал паузу, видимо, устанавливая местонахождение отца, – …медиазале». «Спасибо, дорогуша!» – ответила я. Голос, будто не ожидая такой учтивости от человека, стал теплее: «Я пришлю официанта с напитками. Что вы желаете?» – «То же, что и отец». Мне было все равно. Ожидаемой мной вечеринки, похоже, не было, и это меня начинало беспокоить. Почему отец хотел меня видеть, причем по совпадению ли – всего через сутки после моего общения с акционерами? И не из-за важного ли разговора со мной он отменил прием, обычный в такой день?

Медиазал, находившийся на верхнем, третьем ярусе дома, занимал половину этажа. Стену, обращенную к долине, заполняла огромная панель, которая по желанию отца могла служить панорамным окном или полиэкраном. Экранов в этом зале было множество – от «Пульта Управления Миром», как я его называла, у правой стены, до видеоинсталляций у левого – вся комната мерцала и двигалась, доставляя в резиденцию отца новости, биржевые сводки, сигналы видеоконференций. Я вошла в зал и остановилась, не сразу найдя в этом хаосе отца. Он стоял в черном свитере, джинсах, босоногий, на фоне долины у него под ногами. Я отметила, что с нашей последней встречи он сильно загорел. Похоже, его отсутствие в последние месяцы объяснялось путешествиями на Средний Восток, которые у нас не принято было обсуждать.

– С днем рождения, папа! – произнесла я, протягивая привезенный подарок. Это был алхимический амулет, доставшийся мне на аукционе в Шотландии. Отец их коллекционировал.

Он улыбнулся, подошел ко мне, нежно поцеловал.

– Спасибо, дорогая! Как видишь, сегодняшний вечер я решил провести в кругу семьи. Ты и я. – Он развернул подарок, сверкнул на меня довольным взглядом.

– Ты не звал гостей?

– С возрастом я становлюсь более нелюдимым. Да и зачем? Взгляни.

Он кивнул на экраны видеоконференций, на которых одно лицо сменяло другое. Политики, знаменитости, элита мира что-то говорили, но звук был выключен. Отец обернулся ко мне с многозначительной улыбкой, будто говоря: видишь, как я ценю тебя, отодвинул всех в сторону.

– Тебе точно не нужно принимать поздравления?

– Я им нужен больше, чем они мне.

– Твое величие все усиливается. – Я не удержалась от иронии.

– И это не предел. – Он ответил серьезно. – Садись. Мы давно не говорили по душам.

Сейчас начнется, подумала я, занимая место на диване и принимая из рук слуги бокал с коктейлем. Когда-то я пыталась жить в этом доме, но мания величия отца и отдаленность этого места всегда меня подавляли. Поэтому я сбежала в отель под предлогом близости к ночной жизни. На самом же деле подальше от него. Его гигантомания не была мне близка, как я потом узнала, то же испытывала и мама. Его же наши чувства мало волновали. И в результате он получил пустой зал с беззвучно говорящими головами. Без тепла, без любви. Одиночество бога.

– Как тебе Азовстан? – спросил он, усевшись напротив.

– Хотя бы был шанс провести время с мужем.

– Да, да.

– Ты совсем его монополизировал, папа. Так и будет продолжаться?

– Конечно, нет. Мы заканчиваем работу над чем-то действительно крупным.

– А потом?

– Потом ты будешь вместе с Золтаном. Тебе уготована ключевая роль в будущем человечества.

Я посмотрела на него, пытаясь понять, не иронизирует ли он. Но отец смотрел на меня серьезно и даже торжественно. Я резко отставила бокал.

– Папа, мне не нужна никакая роль! Я хочу иметь нормальную семью. Хочу быть счастливой со своим мужем.

– А почему ты не спросишь своего мужа, видит ли он счастье так, как это видишь ты? Знала ли ты раньше, сколько счастья может доставить простенький «День в раю»?

Боже, уже про все успел пронюхать! Скрываться и юлить с отцом всегда было бесполезно. Я дерзко вздернула голову.

– Про назревающий бунт акционеров ты тоже знаешь?

– Я знаю куда больше, чем ты. И очень горжусь твоим поведением в этом деле.

– Что я такого сделала?

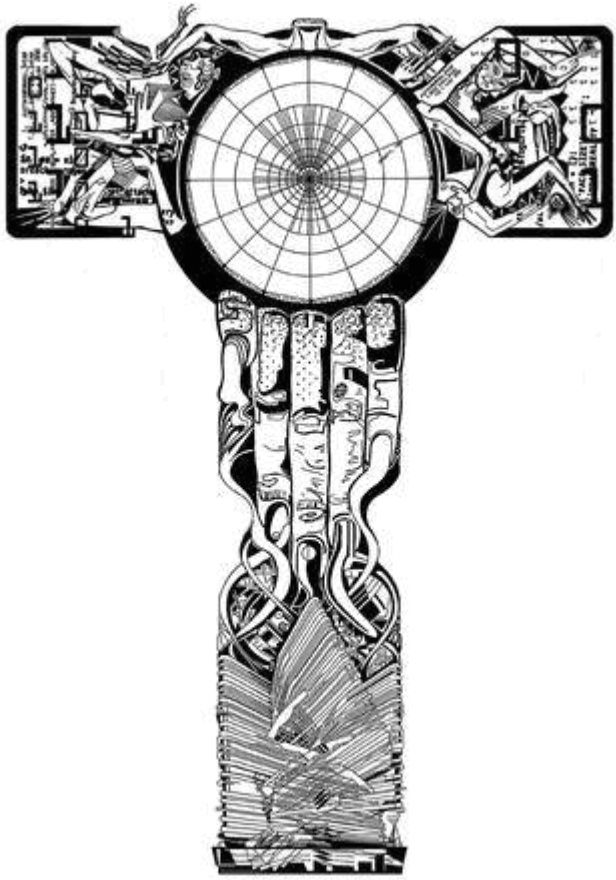
– Выиграла мне время. Теперь я готов встретить угрозу должным образом.

– Угрозу?

Он поднялся, пошел к экрану-окну. Беседа между отцом и дочерью не сложилась – впрочем, как всегда, и мы опять разговаривали о его делах.

– Я хочу тебе кое-что показать. Эти люди старательно делали вид, что переживают за тебя и что верны мне. И ты им верила. Смотри внимательно.

Он махнул рукой, жестом отправив на экран файл видеозаписи.



0014

Все акционеры были в сборе. Чопра, Фо Ци, Августа и Бьольверк встречались ночью, в контрольной рубке, подвешенной под самым куполом одного из сборочных цехов капсул для автоцерквей. Отсюда открывался вид на ряды конвейеров, по которым пробегали точки лазеров, бесшумно двигались роботизированные руки, тут и там вспыхивал огонек микросварки. В зале не было ни одной живой души. И быть не могло – помещение обладало статусом «абсолютная стерильность». Доступ к нему был только у двух супервайзеров, которых Чопра отправил в срочные командировки. А какофония радиосигналов в цехе исключала возможность прослушки снаружи, о чем присутствующих в начале встречи заверил сам Игги Бьольверк.

– А внутреннюю прослушку ты не исключаешь? – проворчал Фо Ци, устраиваясь на неудобном стуле и пытаясь отдышаться после подъема по лестнице.

– Мое присутствие на этой встрече само по себе должно исключить подобные подозрения, – холодно ответил Бьольверк. – Я верен корпорации, а не лично Саулу. Но кажется, мы договорились – охрана ждет на воздухе.

Фо Ци оглянулся на двух громил, стоящих на площадке за дверями офиса.

– Они глухонемые. И вообще, хрен бы я без них сюда вскарабкался.

– Ты нам не доверяешь? – ядовито усмехнулась Августа.

– А как вам можно доверять? Пользуетесь моей добротой! У Чопры доля в два раза больше, а у тебя вообще – в четыре, это почему, интересно?

– Я появился в Правлении раньше тебя, – встрял Чопра.

– Ну и черт с тобой, хотя по Индии мы еще не договорили, – повернулся Фо Ци к индусу. – Но она? Она-то появилась позже нас обоих!

– А я не строила из себя добренькую, а все предыдущие годы приобретала новые доли по всему миру! Кто тебе мешал? – парировала Августа.

– Приобретала? Грабеж, насилие, обман! И ей достается вся Европа, обе Америки и даже кое-какие части наших стран…

– Хватит дрязг! – Чопра потерял терпение. – Мы тут не прихожан делить собрались! Вы понимаете, что и этих территорий мы не получим, если мы что-нибудь не предпримем?

Фо Ци растерялся:

– Как не получим? Вообще?

– А ты думал, Саул с тобой не общается из-за творческих разногласий? – фыркнула Августа. – Я тоже так поначалу думала, когда мы обсуждали детали «божественной перезагрузки». И насчет создания своей реальности даже не спорила – все же в медиа и технологиях Саул понимает лучше нас. Но сейчас вопрос даже не в том, какой алгоритм будет под контролем у тебя, а какой у меня. Он вообще решил без нас обойтись.

– Почему ты так уверена?

– А сам не догадываешься? Давно ты видел его на собрании правления? Присылает вместо себя Рамбана. А азовстанский проект? Мы его бойкотируем, а Саул даже не отреагировал. О чем еще это может говорить?

– Но у меня договоренности! – взвился Фо Ци. – С правительствами, корпорациями – там миллиардные суммы! Вы представляете, какие скандалы…

– Дорогой, у меня договоренностей не меньше, – перебила его Августа. – И не скандалов я бы боялась, а самых настоящих войн. Кто может ручаться, что Саул не рухнет под тяжестью задачи, не породит хаос? Мы стояли у истоков всей этой затеи, служили ему опорой. Мы бы стали опорой человечества, а друг с другом всегда бы договорились. А сейчас его опора – Золтан, который слепо исполняет все его желания.

– Это катастрофа… У алгоритма не может быть только один куратор! Это… Это самый настоящий конец мира таким, каким мы его знаем! – Фо Ци с мольбой посмотрел на Августу, а та перевела взгляд на Игги Бьольверка.

– А ты чего молчишь? – спросила она. – Или тебе твоя Скандинавия уже не нужна?

– Я отвечаю за безопасность в корпорации, а не за бизнес-процессы, – ответил тот.

– Ты сотрудник компании или личный охранник Саула? – продолжала наступать Августа. – Если глава правления действует против интересов акционеров, это и тебя касается!

– Я подчинюсь любому решению правления, вынесенному с соблюдением протокола, – ушел от ответа Игги.

– Да, мы должны подписать формальный протокол! – вскинулся Фо Ци. – До запуска Трансферизма остались считаные месяцы, пора действовать! Пусть не забывает, кто мы!

– Ты хотел сказать: кем мы были, – пробормотала Августа.

– Вы ведете себя как дети! – оборвал их Чопра. – Все ваши протоколы – ерунда! Когда все заработает, Саул окончательно выкинет нас из корпорации. А то и того хуже…

– Ты это о чем? – насторожился Фо Ци.

– Я о том, что случилось с Мизрахи, – угрюмо ответил Чопра. – Какое совпадение – попал в авиакатастрофу как раз тогда, когда его разработки перешли в собственность компании.

– Вы сгущаете краски, – подал голос Игги. – Я лично проводил расследование – пилот самолета Мизрахи не справился с управлением.

– Или ему кто-то помог не справиться, – не унимался Чопра.

– И что нам делать? – Августа опять прозвучала непривычно беспомощно.

– Мы должны его опередить. Думал, я один такой, но девчонка помогла нам всем встретиться и наконец-то найти общий язык. Теперь давайте решать. Или мы – или он.

– Метишь на нового главу правления? – усмехнулся Игги.

– Какая разница! Во всяком случае, я вас не надую. Вы все меня знаете. Но действовать нужно быстро и решительно. Технология готова, все разработки находятся в собственности компании. Если нужен новый конструктор реальности – я вам его найду. Вопрос лишь в том, чтобы взять управление на себя. Все согласны?

0015

К моему ужасу, никто не возразил. На снятом скрытой камерой видео акционеры, которых я считала своими вторыми родителями, одобрительно кивали недвусмысленным предложениям Чопры.

Отец остановил запись. Взглянув мне в лицо, он будто прочитал мои мысли.

– Да, Катрин. Они планируют избавиться от меня. Физически.

– Почему ты так решил?

– Ты же слышала. Сместить меня они не могут. Остается…

– Не может быть! Кто сделал эту запись?

– Не важно. Да я и не опираюсь на одно-единственное видео, у меня достаточно людей, которым я все еще доверяю. Поверь, опасность вполне реальна. Не только для меня, но и для Золтана. И, полагаю, для тебя тоже.

– Но почему? О чем они все говорят? Этот глобальный проект – в чем его суть?

– Сейчас узнаешь. Я раскрою тебе весь масштаб моего замысла. Ты поймешь, чего боятся эти алчные трусы. Они, дочь моя, говорят про величайшее творение Золтана, твоего мужа и моего приемного сына. Про Глобальный Трансферизм. Он поглотит все коммуникации, заменит собою общение и перенесет человечество в новую эру. Трансферизм сбросит с пьедестала старых богов и даст нам возможность построить новый мир – без распрей и противоречий.

Отец встал, отошел к дверям и жестом превратил панорамное окно в огромный экран с логотипом «Транс-Реалити» на черном фоне.

– Ты станешь первой, кто это увидит. Это презентация Трансферизма, которая выйдет на всех экранах мира в один прекрасный момент. Катрин… Ты нужна мне. И поверь, ты будешь счастлива, уже очень скоро. Я тебе это обещаю.

Он щелкнул пальцами, запуская видео.

Лавина голосов затопила комнату, невидимые люди бормотали, выкрикивали, причитали на множестве языков. Скоро я поняла, что они молились. Логотип начал мерцать, и какофонию звуков прорезал ясный глубокий голос… Я даже не сразу узнала, что это ты.

– Если тебя не принимает общество. Если твоя карьера застопорилась. Если личная жизнь превратилась в рутину… – раздавался в темноте голос Конструктора Реальности. – Если твои молитвы остаются без ответа и ты чувствуешь себя беспомощным,

потерянным и одиноким. Если ты страдаешь без друзей и родственников, ушедших из жизни, и хочешь увидеть их снова…

Из темноты экрана стали проступать лица, обращенные вверх, полные надежды, отчаяния. Белые, черные, мужские, женские, всех возрастов и типов, они все взывали к кому-то наверху. А мерцающий логотип «Транс-Реалити» вдруг покинул экран и стал наползать на зрителя, переливаясь белым светом в безупречном 3D. Оказывается, изображение проецировалось прямо на сетчатку моих глаз.

– Специально для тебя, и тебя одной, мы создали новый мир!

Логотип в форме буквы «Т» вспыхнул, испуская волну света, которая разогнала темноту и смыла с экрана все лица, кроме одного. Я чуть не ахнула, узнав себя. Судя по прическе и одежде, спрятанный где-то в зале 3D-сканер успел создать мою копию и использовал ее в презентации. Я смотрела сама себе в глаза, с надеждой и узнаванием… Ничего более «персонального» и представить себе невозможно.

– Где бы ты ни находилась и кем бы ты ни была, ты можешь прямо сейчас раскрыть новое значение жизни. Мы излечим твою боль, мы дадим тебе уверенность. Мы знаем, как жесток современный мир, мы иссушим твои слезы и спасем от боли! Мы сделаем тебя свободной и счастливой!

Свободной, счастливой… Я начала помогать отцу, когда мне исполнилось двадцать три, сразу после академии медиаарта. Он никогда не просил меня об этом, я решила сама. Или решила, что решила сама – как всегда. В положении золотого ребенка есть множество преимуществ – например, привилегия не работать. Но мне нужна была не только отцовская любовь, но и его признание – все до банальности просто. Свобода ли это? Вряд ли. Счастье? Я его так и не обрела. Как и признания отца.

– Мы зовем тебя в Трансферизм, первую в истории человечества религию, основанную не на вере, а на знании. Теперь ты точно знаешь, каким будет твой персональный рай, потому что мы сконструируем его для тебя на основе твоих самых сокровенных желаний.

Мой персональный рай… Я опять ощутила прилив ностальгии по дому на берегу моря, по маме, по детству. Да, в тот момент я была счастлива. И отчаянно хотела вернуться туда, пережить этот момент снова и снова. Не успела я об этом подумать… На экране появился тот самый дом, с тем самым морским берегом.

Вот тут мне стало ясно, что презентация не просто прокручивалась перед моими глазами в виде записи – она создавалась на ходу, считывая индивидуальные параметры

смотрящего. Причем образы черпались из результатов сканирования личности, которое я прошла в капсуле автоцеркви перед входом в персональную реальность. Я даже не хотела думать про этичность такого использования, настолько сильно этот прием работал на эмоциональном уровне. Отец и правда был гением в искусстве медиапрезентаций.

– Трансферизм дает тебе три обещания. Первое: ты сможешь позволить себе пребывание в раю еще при жизни. Твой рай – созданный тобою. Подключайся к персональной реальности сколько угодно и воплощай в ней свои желания: встречайся с любимыми, живыми или ушедшими, твори, радуйся, живи так, как ты всегда мечтала.

Поначалу я «мечтала» о карьере медиадивы – как смешно сейчас звучит это слово. Я успела поработать на трех медийных платформах, но везде мне казалось, что я занимаюсь не своим делом. Массмедиа напоминали мне отупляющее зомбирование населения – огромный обман, за которым не стояло ничего. Тогда, ощутив масштабы моей растерянности, Паоло Рамбан взял меня под крыло и шаг за шагом ввел в курс дел Креативного департамента. Так я стала под его началом заниматься связями с общественностью. Это было уже после того, как отец перебросил большинство своих активов на новый мегапроект – моделирование персональных реальностей для тех, кто способен за это заплатить.

«Общественность», с которой мне приходилось работать, сводилась к десятку мультимиллионеров, зараженных профессиональным заболеванием – потерей рассудка на почве безграничных возможностей. На самом деле, когда ты свой, с такой аудиторией довольно легко работать. Этим людям нужно просто дать то, чего они хотят! А поскольку они никогда не понимают, чего хотят, им можно давать все, что угодно, главное – требовать за это невообразимые гонорары, тогда они не почуют подвоха. Когда твои финансовые ресурсы поистине безграничны, должно быть, особенно больно ощущать ограниченность собственных возможностей.

Как банально это ни звучит, существует огромное множество вещей, ощущений и переживаний, которые нельзя получить ни за какие деньги. Будь ты хоть трижды миллиардером, ты не можешь оттрахать гарем персидского шаха. Ты не можешь спуститься на дно первобытного океана, чтобы порезвиться там с ископаемыми рептилиями. Ты не можешь, стоя за спиной да Винчи, наблюдать, как он наносит первые мазки на холст, где со временем появится лицо Джоконды. Да, ты можешь прикупить себе остров и слетать туристом в космос, но какой миллиардер этого не может!

И я увидела первых пользователей – богачей и политиков, людей, у которых, казалось бы, было все для счастья… Которые отчаянно стремились уйти в персональную реальность, тогда еще примитивную, больше похожую на аттракцион в парке развлечений. Потому что только там они могли быть снова молодыми, встретить давно умерших кумиров или пережить экзотические приключения. Они тратили на это огромные деньги, будто пытаясь продать свою старую жизнь и купить за нее новую.

– Второе обещание Трансферизма: ты узнаешь, что такое вечность. Технология «Транс-Реалити» избавит тебя от страхов, боли и сомнений.

Этот страх я видела в глазах самых богатых клиентов, да и обычных людей, стоило им на мгновение высунуть голову из водоворота повседневности. Страх смерти. Страх старости. Сомнения в выборе, сожаления о прошлом… Каким контрастом этому страху было ощущение вечности, которое я пережила в свой «День в раю». Будто никогда не прекратится этот день, никуда не исчезнет мама, не растворится в прошлом белоснежный дом. Неужели это так просто, победить страх смерти – всего лишь закинуться нано-пилюлей и подключить мозг к серверам «Транс-Реалити»? А что же потом? Жить с тягучим желанием вернуться обратно в иллюзию, мечтать об увеличении дозы «реальности» и никогда не получить ее навсегда?

– И третье обещание…

Виды прекрасных равнин и гор, сопровождавшие слова о вечности, сменились белоснежным пространством, посреди которого стоял ты. Ты будто смотрел прямо в душу, когда произнес то, от чего я похолодела.

– Ты получишь бессмертие. Твои мысли, желания, эмоции и твоя уникальная личность навсегда станут частью нового удивительного мира. Там ты будешь жить не в воспоминаниях своих близких, а в форме чистого сознания, навечно поселившегося в созданном тобою и специально для тебя раю. Трансферизм дарует привилегию жить собственной жизнью в любом измерении и в любой момент времени. Благодаря персональным реальностям ты можешь получить любое ощущение и любой опыт. Не этого ли желает каждый из живущих? В лоне Трансферизма уже сегодня ты получишь то, что старые религии обещали людям тысячелетиями.

Подняв руку, ты щелкнул пальцами, и белое пространство вокруг тебя заполнилось людьми – счастливыми, с сияющими глазами, в белых одеждах, они окружили тебя, будто бога.

– Трансферизм. Твой персональный рай ждет тебя. Свяжись с официальным представителем «Транс-Реалити» в своем регионе,

чтобы получить подробные инструкции для подключения.

Изображение погасло. А я так и стояла, оторопело глядя перед собой. Даже деловитая концовка не сбила с меня потрясение от услышанного.

Огромный экран обрел прозрачность, опять став панорамным окном. За ним расстилалась долина, быстро темнеющая от надвигающихся сумерек, – я увидела ее по-новому. Будто это была сказочная долина из презентации Трансферизма, обещающая мне вечную жизнь. Мир никогда не будет прежним для меня.

Подойдя ко мне, отец стал объяснять, сколько технических инноваций потребовало создание презентации, какие ее форматы будут выпущены в информационное пространство, какие будут распространяться индивидуально – он задумал целое медиасобытие, грандиозный одновременный запуск по всему миру…

Я кивала головой, изображала интерес, а сама не могла переварить услышанное. Обещание вечной жизни окончательно превращало аттракцион «персональная реальность» в религию, способную привлечь миллиарды адептов, подчинить себе их мысли и желания. На моих глазах происходило невиданное – могущественная медиакорпорация «Транс-Реалити» превращалась в церковь. Обладая такими инструментами воздействия, о которых старые религии и мечтать не могли. И это давало одному человеку – главе корпорации – безраздельную и вечную власть над миром. Вот о чем говорил отец. Вот о чем переживали акционеры.

0016

Несколько дней после визита к отцу я провела в заторможенном состоянии, пытаясь упорядочить свои мысли и обуздать эмоции после всего, что я накануне узнала о Трансферизме. Наконец-то я отчетливо поняла, что беспокоило меня лично. Но мне так не хватало кого-то, с кем я могла обсудить свои опасения! На тебя надежды не было – ты каждый день исчезал еще до рассвета, ведь приближался исторический день – день запуска азовстанской персональной реальности. Отвратительной порнографической оргии, за которую мелкий царек покупал признание народа.

В тот день я заметила, что порядочно набралась только ближе к обеду, когда начала собираться и чуть не споткнулась о собственное платье. Мое присутствие на запуске «Секса с моим мужем» особо не требовалось. Как и в принципе мое присутствие во всей гребаной корпорации. Только черта с два я пропущу это зрелище. Меня вело за собой что-то темное, первобытное, похожее на смесь отвращения и любопытства. Чувство, которое испытываешь к подыхающей гиене. Если уж я причастна к падению мира в пропасть, то хотя бы займу место в первом ряду.

За этот день мне четыре раза звонил сын президента. Первый раз я приняла звонок, заранее зная, что услышу, и не ошиблась. Набиль рвал и метал от ревности, то умолял, то чего-то требовал. В конце концов он меня утомил, и я перестала брать трубку. Он начал забрасывать меня сообщениями, которые я даже не просматривала. Да и что я могла сделать, даже если бы захотела? Ты влюбился в богиню шлюх, мой мальчик!

– Простите? – обернулся водитель, и я поняла, что сказала это вслух.

Когда я прибыла в конференц-зал на двадцатом этаже, там уже собрались причастные к трансляции сотрудники – ты, отец и Рамбан. Акционеров не было. Зато в изобилии водились очкарики с подземных этажей, которых можно было узнать по лохматому виду и оранжевым бейджам. Все, переходя с места на место, возбужденно переговаривались. У длинной стены был установлен ряд экранов, пока без изображения, перед которыми все рассаживались. Я плюхнулась на диван в углу, махнула официанту, разносившему напитки. Атмосфера царила празднично-напряженная, как в центре управления полетами перед запуском ракеты. Мысль про ракету меня насмешила. Я так и представила огромную надувную Каролину Шиллер, летящую с раздвинутыми ногами над Азовстаном. Видимо, я слишком

громко хохотнула, чем выдала свое местоположение отцу.

– Катрин, иди к нам! – помахал он мне, указывая на место рядом с собой.

Ты тоже обернулся. Вид у обоих был такой счастливый, что мне сильно захотелось плеснуть на вас из бокала. Но я сдержалась и пошла на зов, стараясь не выдать, насколько пьяна. К счастью, вы были слишком увлечены настройкой связи с Азовстаном, переговорами с подземельем по интеркому и показателями датчиков, возникавшими на экранах.

– Все готово! – наконец объявил Рамбан.

Отец глянул на часы и кивнул. Паоло, в свою очередь, кивнул очкарику в белом халате. Экраны один за другим вспыхнули. На правой половине экранов возникли виды азовстанских улиц, почти безлюдных. На левой переливалось лого «Транс-Реалити» и название проекта. А по центру возник президент Азовстана, сидевший в своем дворце в окружении министров и свиты. Набиля среди них я не увидела.

– Господин президент, мы готовы запускать трансляцию сигнала! – торжественно провозгласил Рамбан.

– Хорошо, хорошо… – Тот выглядел немного нервным. – Все готово, да? Вы там наблюдаете?

– Мы следим за статистикой подключений. – Ты глянул на датчики. – Почти девяносто процентов. Просто невероятно!

– Видели бы вы явку у меня на выборах. Там все сто! – хохотнул президент.

Один из министров что-то сказал, и вокруг стола президента угодливо захихикали.

– Говорит, на свидание с супермоделью приходит меньше, и это правильно. Умелый льстец, надо его повысить, – забавлялся президент.

Прозвучал сигнал таймера, все в комнате замолкли.

– Итак, мы запускаем трансляцию! – скомандовал Рамбан технарям.

На нескольких экранах справа показались картинки с камер наблюдения, установленных в домах азовстанцев. Несколько мужчин расположились в удобных позах с блаженными улыбками на лице, кто рядом с телевизором, кто – подложив под ухо мобильный телефон. А на экранах слева, до этого затемненных, появилась Каролина.

Это был калейдоскоп образов, которые транслировались на всю страну через спутники и использовались алгоритмом для создания персональной реальности. Они наплывали и смешивались: то возникала обаятельная улыбка, открытый для поцелуя рот, то грудь, то изгиб бедра, то руки. Все утопало в

розовых и белых тонах и источало такой заряд нежности и эротизма, что даже технари оторвались от своих приборов и притихли.

Воцарилась тишина. На экране быстро сменяли друг друга интерьеры: пастушья хибара, чиновничий дворец, студенческая комнатушка, претенциозные апартаменты, общежитие для трактористов… Все новые и новые мужчины: с едва заметным пушком под носом и с окладистыми бородами, седовласые и черноволосые, пузатые и худощавые, голые и одетые, в золотых перстнях и с перепачканными овечьим дерьмом руками… Президент в своем кабинете подался вперед, наблюдая за своим народом, а народ, как мы могли видеть через камеры наблюдения, застыл, словно боясь спугнуть видение.

Я ожидала мастурбации или других плотских телодвижений, но ничего этого не было. Лишь лица грезящих мужчин разгладились, посветлели. Так спит ребенок, который смотрит счастливый сон. Пока все мужчины в комнате засматривались на образы прекрасной Каролины, я вгляделась в эти лица. Это было прекрасно… сравнимо лишь с лицами молящихся, которые я наблюдала на пасхальной мессе.

– Все! – Голос Рамбана прозвучал среди полного безмолвия.

Только тут я заметила, что уже прошло двадцать три минуты. Все в комнате зашевелились, перешептываясь и переглядываясь. Смотрели на отца. А тот смотрел на азовстанцев.

Мужчины начали просыпаться. Один сел и уставился с улыбкой в стену, где висел календарь с портретом президента. Другой с радостным криком бросился в соседнюю комнату бог знает зачем. Сразу несколько из них посмотрели прямо в камеру, непонятно, смущенно или испуганно, как дети. Всего через несколько минут на улицах столицы началось движение. Мужчины сотнями выбегали из домов, сотни объединялись в тысячи, все они что-то выкрикивали. Рамбан запустил на экран видео с другого ракурса, откуда было видно, что толпы стекаются на площадь с золотой статуей президента посредине. Каждый из участников стихийной демонстрации пытался пробиться к памятнику, чтобы прикоснуться к постаменту. Некоторым даже удавалось взобраться по головам остальных и прильнуть губами к золоченым ногам.

Президент, наблюдавший за всем этим, всплеснул руками и засмеялся. Его начали поздравлять окружающие. Отец тоже выглядел довольным, ожидая, пока во дворце утихомирятся, чтобы заговорить.

Общую эйфорию прервал грохот, и все обернулись на один из экранов. Там творилось что-то странное. В ворота президентского

дворца врезался старенький пикап, по которому полтора десятка возбужденно орущих мужчин пытались перебраться во двор. Пролетело несколько камней, один из которых сбил камеру наблюдения.

– Дворец осаждают! – выкрикнул кто-то в нашей комнате.

Президент тоже наконец-то обратил внимание на происходящее, резко отдал приказ. В кабинете воцарилась суета. А у ворот тут же стало серо и тесно от множества вооруженных короткими автоматами полицейских, которые свирепо расшвыривали бунтующих людей. Раздалось несколько выстрелов, взвилась дымовая шашка, и толпа бросилась убегать, оставив за собой несколько обездвиженных тел. Я вскрикнула от ужаса.

– Рамбан, – произнес отец сквозь зубы, и тот быстро переключил все камеры на улицы с ликующей чернью.

Отец, переглянувшись с тобой, вдруг улыбнулся. Неожиданно для меня улыбка показалась и на лице диктатора.

– Черт возьми, они требуют еще! Прямо сейчас! – прокричал президент в камеру.

– Теперь они полностью в ваших руках, – кивнул ему отец.

– Что ж, поздравляю вас, Гаади! Вы – волшебник.

– Ничего бы не было без нашего гениального Конструктора Реальностей. – Отец потрепал тебя по плечу, ты тоже улыбался.

Все улыбались. Вся чертова комната ликовала! Пока где-то на пыльной улице умирали люди.

Ты догнал меня в коридоре, схватил за руку. Я попыталась вырваться:

– Оставь меня!

– Прекрати истерику. Ты пьяна?

– Меня тошнит, Золтан. От тебя и от того, что ты делаешь! От вашей радости! Ты не видел, что там произошло?

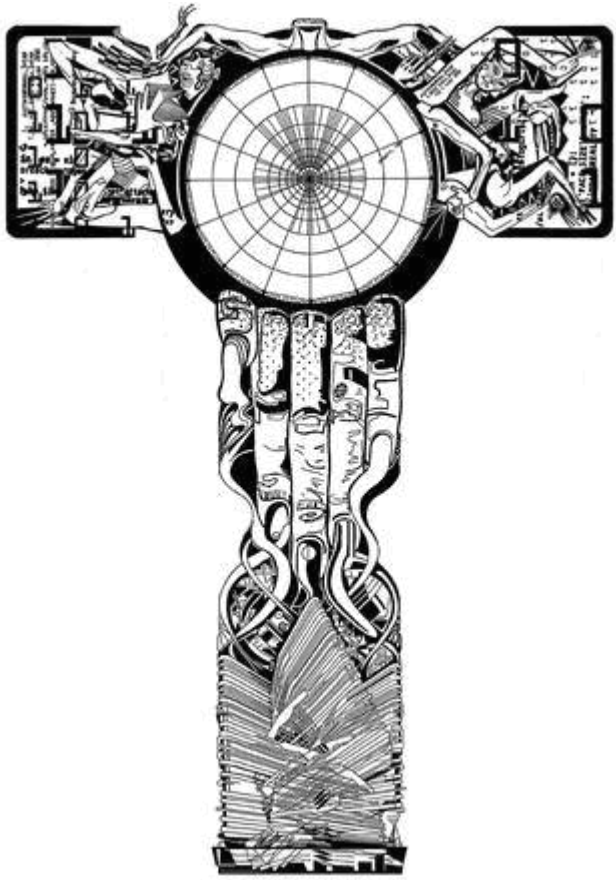
– Несчастный случай…

– И «День в раю» – тоже несчастный случай? Все те старики и больные, которые покончили с собой из-за ваших манипуляций сознанием. Сколько еще людей должно погибнуть?

– Катрин!

– Да, я все знаю… и давно! Сколько вы будете играться с человеческими судьбами? Сколько еще будет жертв, Золтан? Сколько еще тебе нужно, чтобы остановиться и задуматься?

И я разрыдалась.



0017

Последний раз мы с тобой были по-настоящему близки во время нашего медового месяца. Это был единственный момент в моей взрослой жизни, когда я чувствовала себя частью семьи. Отец был внимателен ко мне, а по отношению к тебе вел себя как наставник, гордый своим учеником. Дом был роскошным свадебным подарком, но куда большим стал целый месяц на частном мальдивском острове. Мы жили в двухэтажном бунгало, катались на каноэ, занимались дайвингом и часами предавались ласкам на берегу. Отец предусмотрительно оставил нам все необходимое для комфорта, включая чуть ли не годовой запас шампанского. Ты резвился как мальчишка, гоняясь за скатами в мелкой воде, а вечером мы неспеша готовили ужин, болтали, рассказывали друг другу истории и смеялись. Время остановилось, и, казалось, так будет всегда.

Увы, после нашего возвращения отец увез тебя на Средний Восток. Вас не было целых три месяца, а вернулся ты похудевший, вдохновленный и… другой. Ты рассказывал, что провел время среди суфиев, занимался духовными практиками и познавал древние учения. С тех пор я только и наблюдала, как ты отдаляешься от меня. Гадая, неужели мой влюбленный мальчишка больше не вернется ко мне?

Мой нервный срыв после запуска азовстанской реальности подействовал на тебя отрезвляюще. В тот же вечер ты начал уговаривать меня отправиться с тобой в Непал, провести время вдвоем, хотя бы несколько дней. Не сразу, но я согласилась.

Городок под названием Нагаркот располагался в Гималаях на высоте больше двух тысяч метров. Это место много значило для тебя. Ты даже окрестил его по-своему – «Золтанленд». С террас расположенных здесь гостиниц и ресторанов открывался умопомрачительный вид на заснеженный Гималайский хребет, а также на уступы крестьянских полей, ступенями уходившие вниз. Эти поля всех оттенков, от желто-салатового до темно-зеленого, перемежались бурыми пятнами скал на фоне белоснежных вершин.

Первый вечер после приезда мы в спокойном молчании любовались закатом, равного которому я не видела в жизни. А на второй день посетили индуистский храм. Пока мы бродили среди множества каменных изображений с тонкой резьбой, расположенных вокруг древнего святилища, ты рассказывал про троичность божественных сил Брахмы, Вишну и Шивы,

символизирующих идеальное единство вселенной. Брахма – душа мира и источник бытия. Вишну – творец и искупитель, отвечающий за сохранение всего сотворенного Брахмой, периодически представал в человеческом образе, чтобы привести в порядок погрязший в пороках и заблуждениях мир. Вишну считался еще и творцом и искупителем, уничтожающим старое и устанавливающим новое. А последний из триады, яркий, воинственный и противоречивый Шива – бог смерти и разрушитель времени – квинтэссенция мужского начала.

С интересом слушая твои рассказы, я будто заново привыкала к тебе. Горные пейзажи, размеренный быт, твой спокойный голос и забота производили на меня умиротворяющее действие. Даже не хотелось вспоминать про волнения прошедшего месяца, говорить о серьезном. Ты заметил, насколько я была рада побыть вдали от большого мира, и предложил отправиться в трехдневный поход в горы, с единственным проводником. Я сразу же согласилась.

На рассвете мы вышли из нашего отеля и весь следующий день неторопливо продвигались вперед по горным тропинкам. Иногда наш проводник, юный непалец Дипак, останавливался и снабжал нас краеведческими данными на ломаном английском. Однако скоро понял, что нам это не нужно, и лишь указывал рукой на очередные красоты. В размеренном темпе ходьбы и тишине горных троп кристаллизовались те мысли, которыми я хотела с тобой поделиться. Мы разговорились на второй день, сидя на склоне горы с видом на долину, в центре которой сверкал похожий на змеиный язык ручей.

– Трагические последствия есть у любых великих изобретений, – говорил ты. – Сколько людей пострадало, попав под колеса первых автомобилей? Про поезда и самолеты я и не говорю. А сколько было убито электричеством? Или радиацией? Конечно, я шокирован тем, что случилось в Азовстане. Но благо, созидаемое нами, оно стоит того!

– Милый, люди не сходили с ума, покатавшись на автомобиле.

– Никто и не сходил с ума. Они лишь хотели еще.

– Я про это и говорю. Как и в случае с «Днем в раю», они хотели еще. Даже ценой собственной жизни. Такой эффект есть только у одного изобретения – у наркотиков.

Ты рассмеялся не без досады.

– Только мой «наркотик» не убивает тело и душу. Напротив – он дарит людям счастье. Вечное счастье. Потому что благодаря персональным реальностям люди могут получить любой опыт…

Я вспомнила презентацию Трансферизма и не спеша

заговорила:

– Меня пугает вечность. Не сама по себе, а ваша, синтезированная. Подключившись к платформе трансляции реальностей, мы уже никогда не станем прежними.

– Кэт, мы всего лишь даем людям то, чего они хотят. Что в этом страшного?

– Это и страшно. Мы доверяем технологиям то, что прежде не доверяли даже самым близким людям, – свои сокровенные мечты. Легко давая желаемое, вы забираете что-то более важное. Подлинное. То, к чему люди не приходят сознательно, понимаешь?

– Не совсем.

– Помнишь эксперимент с мышами, которым подключили электрод к центру удовольствия в мозгу? Они умерли от истощения, нажимая на педаль.

– Мы об этом побеспокоились, когда запрограммировали триггер для выхода и ограничили сеанс до двадцати трех минут.

– Я не об этом. Загрузив копию своей личности на серверы корпорации, мы незаметно для себя лишимся того, что составляет нашу идентичность. Мы лишимся собственной души. Люди не всегда знают, чего хотят. Они думают, что будут счастливы, если переспят с Каролиной Шиллер, и повторяли бы этот момент до исступления. Забывая, что моменты счастья даются жизнью как награда за труды, за ошибки, за поиск. Ты лишаешь людей этой возможности. По сути, ты лишаешь их свободы.

– Нет, я избавляю их от страданий.

– Страдание – часть жизни.

– Послушай себя, Катрин. Говоришь о страданиях и о выборе как о чем-то неизбежном. Звучишь как истинная католичка.

– При чем тут религия, Золтан? На выборе и ошибках построена вся эволюция! Тот же христианский бог дал людям свободу выбора, чтобы они ошибались, страдали и через это развивались. Трансферизм же – билет в один конец!

– Самые большие страдания – именно из-за ошибок и сомнений. Может, ты и права в масштабе всего человечества, но на уровне конкретного человека, меня например, – что мне от этого развития, если я живу в персональном аду? У всех нас есть что-то в жизни, что мы бы хотели изменить. И мы всегда таскаем этот груз с собой. И зачастую от него страдаем. Мучаемся. Стыдимся. Трансферизм избавляет от всего этого.

Тут мне нечего было возразить, кроме того, что подобный подход отдает абсолютным эгоизмом. Впрочем, мне ли, дочери миллиардера, рассуждать о всеобщем благе?

– Может, персональный рай и лучше персонального ада… Но

как же все эти жертвы? Ты не боишься, что со временем в ад превратится все, что не является персональной реальностью?

– Не вижу причин. – Ты задумчиво провел рукой по волосам. – Может, сместятся приоритеты и люди больше не будут искать счастья в потребительстве или развлечениях…

– …а получать его из рук «добренького» диктатора?

– Почему ты во всем ищешь подвох? Неужели так сложно просто поверить нам?

– Мне хочется верить, любимый. Верить, что ты не грезишь.

Ты усмехнулся.

– Предположим, что грежу. Но в этих грезах есть ты, эти горы, этот воздух. Тебе плохо в этом раю?

– Нет, потому что он настоящий.

Ты был так увлечен, а я так растеряна… Прижавшись к тебе, я ощутила импульс страсти и оборвала поток твоей речи поцелуем. Опустившись на траву, мы начали ласкать друг друга будто безумные. А потом слились в единое целое, потеряв контроль над собой.

Мы возвращались из похода, держась за руки, подталкивая друг друга и смеясь ни о чем, как два влюбленных подростка. Даже Дипак взирал на нас с улыбкой, такими счастливыми мы выглядели. До отеля мы добрались уже в темноте и еще долго предавались любви на открытой террасе, меняясь местами и нежно лаская друг друга между порывами страсти. Потом ты отнес меня на широкую постель. Я заснула, глядя на твой прекрасный профиль, над которым горный ветер развевал белые шторы.

Проснулась я поздно, около обеда, одна. Постель была смята, а шкаф вывернут наизнанку. Тебя нигде не было. Я бродила по комнате, с удивлением отмечая следы твоего поспешного исчезновения. От резкого звонка телефона я вздрогнула.

– Миссис Гаади? Ваш муж просил позвонить вам в полдень и извиниться. Ему необходимо было срочно вернуться в Сингапур.

– Что случилось?

– Простите, он ничего не сказал. Просил обеспечить вам пребывание в отеле или отбытие домой, по вашему желанию, и уехал.

– Спасибо.

Я помрачнела. Мною овладело нехорошее предчувствие.

0018

Твой телефон не отвечал, и тут острой догадкой мелькнула мысль включить телевизор. Новости с пометкой «СРОЧНО» шли в круглосуточном режиме. На канале CNN вертолет завис над венецианским отелем, пока диктор взахлеб говорил что-то о мерах предосторожности, принятых венецианской полицией, запросах прессы и скудной информации, имеющейся на настоящий момент… А под картинкой висел пульсирующий кровавый баннер: «КАРОЛИНА ШИЛЛЕР НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ОТЕЛЕ». Я прибавила звук.

– …Причины смерти супермодели еще не установлены, однако, согласно информации центрального директората уголовной полиции, нельзя исключать версию самоубийства или передозировки наркотиками. Это трагическое событие до глубины души шокировало не только представителей мира моды, но и простых людей…

В самолете я пыталась посмотреть все новостные ресурсы, рассказывавшие про то, что случилось с Каролиной. Информации было немного – в основном различные домыслы и интервью с самыми разными персонажами: известный дизайнер, работяга в синей униформе, пара топ-моделей, хипстеры-прохожие. Все как один повторяли: в это невозможно поверить, она ведь была так молода и прекрасна – как будто если ты безупречно красива, смерть должна обойти тебя стороной.

Однако я призналась себе, что в этой истории что-то не вяжется. Перед началом проекта «Хочу Супермодель» в корпорации наверняка изучали отчеты о физическом и психическом состоянии мисс Шиллер. Ни слова о наркотиках, никакого намека на суицидальные наклонности. Даже если эксперты о чем-то умолчали, то бульварная пресса обязана была что-то раскопать. Но нет, Каролина Шиллер обладала практически безупречной репутацией. А все сенсации, связанные с ее личной жизнью, сводились лишь к смене любовников – миллионера сменял мультимиллионер и дальше по возрастающей.

Почему-то я не смогла заставить себя позвонить тебе. Ты тоже не подавал признаков жизни. Кажется, мы были не готовы разговаривать друг с другом, пока не рассеется завеса тумана над этой трагедией. В смерти Каролины присутствовало что-то личное для нас обоих. Ты был архитектором ее неоднозначного перформанса. А я могла бы стать голосом разума, который предотвратил бы его. То, что смерть Каролины как-то связана с

проектом «Хочу Супермодель», мне было очевидно, хотя ни малейших доказательств у меня не было.

Прилетев в Сингапур, я набрала номер Рамбана, когда ехала из аэропорта. Тот долго не отвечал, а потом принял звонок, будто второпях.

– Ты уже слышал?

– Конечно. – В его голосе звучало напряжение.

– У тебя есть какая-то информация, которой пока еще нет в новостях?

– Мы изучаем этот вопрос, Катрин, но пока ничего определенного. Думаю, сегодня чуть позже полиция выдвинет официальную версию.

Меня начинало злить его явное желание отделаться от меня, и я спросила прямо:

– Паоло, давай-ка честно. Смерть Каролины связана с тем, что она работала с нами?

На другом конце провода повисло молчание.

– Это не телефонный разговор, дорогая, – произнес наконец Рамбан.

– Другими словами, ты этого не исключаешь?

– Я ничего не могу исключать. А теперь, прости, я вернусь к работе. Журналисты атакуют меня со всех сторон.

– Что им известно о проекте для Азовстана?

– Ничего, помимо наших пресс-релизов. По крайней мере никто не связывает участие Каролины в проекте и ее смерть. Если мы будем вести себя разумно, эта связь может и не возникнуть, – последнюю фразу он произнес с нажимом.

Я ничего не ответила. Моя решимость докопаться до правды стала только сильнее. Для меня сомнений не было – смерть Каролины не просто связана с персональной реальностью, а является ее прямым следствием.

Вместо того чтобы ехать домой, я сняла номер в первом попавшемся отеле – мне нужно было поработать вдали от «жучков» Бьольверка и вездесущего взора отца. Оказавшись в номере, я принялась лихорадочно собирать данные, чтобы узнать о гибели супермодели как можно больше. В открытых источниках информации набралось немного. Каролина ушла из жизни в пентхаусе, куда она въехала за неделю до этого. Ее тело обнаружил официант, доставивший в номер поздний завтрак, заказанный с вечера. Сам официант почему-то был недоступен для интервью, за него давал комментарии сонного вида адвокат. Никаких подробностей о причине смерти не разглашалось. Представители итальянской полиции, как и PR-служба покойной супермодели, просили общественность воздержаться от домыслов

по поводу произошедшего.

Я связалась с агентом Каролины, наврав, что мне поручено встретиться с ним от лица корпорации. Но меня явно опередили: тот всячески отнекивался, избегал конкретики и изображал горе от утраты (хотя несложно представить, как он озолотится на волне народного горя и эксклюзивах, связанных со смертью его клиентки). Отсутствие ответа – тоже ответ. Мои подозрения только усилились. Арендовав машину на весь день, я проехалась по нескольким новостным агентствам, конкурирующим с корпорацией отца. Те были весьма удивлены моему визиту, все же дочь Саула Гаади давно и прочно ассоциировалась у них с «Транс-Реалити». После дежурных приветствий я пыталась выяснить у них какие-то подробности. Но получала лишь плохо скрытое недовольство тем, как загадочно вела себя полиция и как агрессивно – корпорация моего отца. Оказывается, «Транс-Реалити» скупила все эксклюзивы и полностью контролировала информационный поток. Знакомый почерк. Я уже видела подобное в отчете по «Дню в раю». Исчерпав все другие идеи, я позвонила Игги Бьольверку, уверенная, что начальнику Департамента безопасности точно что-то известно.

– Дорогая, я знаю об этом деле не больше, чем ты, – журчал голос шведа в телефонной трубке. – Этот инцидент не входит в область моей компетенции. В отличие от твоей безопасности. Ты где? Все в порядке? Саул справлялся о тебе.

– Со мной все хорошо. Просто нужно побыть одной. Пытаюсь как-то примириться со случившимся.

– Трагедия, непонятная, несвоевременная… Мне жаль, что я не был уполномочен обеспечивать ее безопасность.

Я замерла. Последняя фраза не могла не быть намеком. Бьольверк слишком умен, чтобы обронить подобную фразу случайно. Обеспечить безопасность? Безопасность от чего? А может, это была скрытая угроза?

– Да, да, – пробормотала я, судорожно размышляя, должна ли показать Игги, что приняла информацию к сведению, или прикинуться дурочкой. – Мне тоже жаль.

Игги вежливо попрощался, сославшись на срочное заседание правления. А я заметила вторую странность. Он ничего не спросил ни о тебе, ни о нашем отпуске. В корпорации происходило что-то большое и таинственное… Очень некстати вспомнился заговор акционеров, и сердце похолодело от мысли, что я сейчас никому не могу довериться: ни тебе, ни отцу, ни акционерам, ни двуличному Паоло, ни хитрому Игги. Я совсем одна, как мертвая Каролина в своем венецианском отеле. Бедная Каролина, что случилось с тобой? И что я могла сделать, чтобы

ты была жива?

Начало темнеть, я и не заметила, как провела в своих расследованиях почти полдня. Не найдя ничего и не зная, что делать дальше. Включив свет, я прошлась по номеру, пытаясь привести мысли в порядок. Телефон на столе вдруг ожил, и я схватила его, ожидая сама не зная чего. Лицо на определителе было мне незнакомо – средних лет тайка, с короткой стрижкой и бейджем на шее. НИНГ БУАКАО. Этот еще кто? Звонящий запрашивал видеочат. Я быстро привела волосы в порядок.

– Как вы узнали мой номер? – бросила я вместо приветствия.

Тайка прищурилась и, не торопясь отвечать, обвела глазами комнату у меня за спиной.

– Миссис Варго, я представляю независимую журналистскую организацию «Викиликс Глобал»…

– Я не даю интервью хакерам.

Нинг Буакао мой ответ не смутил. Она продолжила, будто меня не слышала:

– Нам стало известно кое-что, связанное с проектом вашей корпорации в республике Азовстан.

Повисла пауза. Я колебалась между желанием узнать, о чем она говорит, и страхом ляпнуть что-то не то.

– И не только, – добавила журналистка, заметив мое замешательство. – Миссис Варго. Я говорю про последствия, к которым синтезированная реальность приводит в реальной жизни.

– Что именно вам известно? – наконец выдавила я.

– Это не важно, миссис Варго. Важно – что известно вам.

– Повторяю, я не…

– У нас нет цели создать сенсацию, миссис Варго. Хотя доступ ко всем крупнейшим новостным ресурсам у нас есть.

– Почему же? – резко бросила я. – Валяйте! Наш пиар-отдел только и ждет ваших фейков.

– Потому что мы хотим, чтобы это сделали вы. – Она смотрела на меня с такой наглостью, что мне захотелось немедленно прервать связь. Но почему-то я этого не делала.

– Мне нечего вам сказать.

– Подумайте, миссис Варго. Я понимаю, что вы не хотите выступать против собственного отца. Но ваше своевременное вмешательство способно спасти множество жизней. Тысячи. А может, и миллионы.

Я похолодела. Будто голосом тайки со мной говорила моя совесть, мои страхи. Но я правда не знала, что делать… и панически боялась узнать.

– Я найду вас, если понадобится, – пробормотала я.

– Не забудьте посетить похороны Каролины Шиллер послезавтра. Думаю, вам это будет интересно.

Она первая прекратила трансляцию, даже не попрощавшись. А я, поднявшись с места, направилась к мини-бару. Волнений на сегодня у меня набралось на хороший стакан виски. А раздумий – на долгую бессонную ночь.

В этот вечер я заливала больную совесть в баре отеля, равнодушным взглядом отшивая лощеных мужчин, то и дело пытавшихся ко мне подсесть. Но чем больше мутнело мое сознание, тем сильнее ныла душа, не давая покоя. Мне хотелось вернуться на тот балкон, поговорить с Каролиной снова, в этот раз – внимательно выслушать. Может, тогда она не окунулась бы в депрессию, не закинулась бы смертельной дозой снотворного. Если это и правда то, что произошло. А еще мне хотелось сбежать от всего этого: от заговора акционеров, от оргии на шесть миллионов человек, от ослепленного амбициями мужа и отца-социопата. От настырной Нинг Буакао. Сбежать в… белоснежный домик на берегу моря, где можно собирать ракушки и считать звезды с мамой.

0019

Такси, восьмой дистрикт, автовокзал. Выйдя из машины, я нашла глазами логотип автоцеркви и замерла. От двери и до дальнего угла на тротуаре вытянулась длинная очередь людей, несколько сотен, которые явно собрались провести тут ночь. Они устраивались на раскладных стульях, передавали термосы, некоторые даже раскатывали спальные мешки. Большинство их явно принадлежало к религиозным конфессиям: огромное множество бритых наголо буддистских монахов в оранжевых, желтых и серых тогах, несколько индуистов и сикхов в чалмах, небольшая группка католических священников, шумное скопление мусульман. Все они оживленно переговаривались с себе подобными, будто перед каким-то радостным событием, и настороженно поглядывали на другие группы. Пройдя вдоль очереди, я убедилась, что она и правда ведет к ступеням подвала, где в прошлый раз не было ни души, кроме одного несчастного наркомана. Теперь же, к своему удивлению, я увидела того же самого наркомана, вполне трезвого, более того, активно раздающего номерки всем желающим и успевающего говорить сразу со всеми.

– Простите, здесь еще есть автоцерковь? – спросила я его.

– Берите номерок, запуск в восемь утра! – выкрикнул тот. А потом рассмотрел меня повнимательней и хитро подмигнул. – Красивая леди вернулась за добавкой?

– Вы меня помните? – удивилась я.

– Стойте, стойте! – прикрикнул тот на окружающих его людей. Потом махнул мне головой, приглашая войти в дверь. Я с опаской последовала за ним. На лестнице он перешел на шепот: – Официальный запуск «Откровения» только завтра… Но для особой категории клиентов я могу устроить и пораньше. Зачем вам, богатая леди, стоять всю ночь в очереди?

– Деньги не проблема. А что это за «Откровение»?

– Вы что, новости не смотрите?

Я подумала, что и правда была настолько занята расследованием смерти Каролины, что не обращала внимания ни на что другое. И вот теперь вспомнилось, что мельком видела несколько рекламных роликов «Транс-Реалити» про запуск персональных реальностей на религиозную тему. Так вот что это за «Откровение».

– Я бы хотела получить «День в раю».

– Ой-ой. – Он зацокал языком. – Это уже никак невозможно, богатая леди! Трансляция полностью остановлена, все файлы

удалены. Да и зачем вам это старье! «Откровение» гораздо лучше, попробуйте, вы будете в полном восторге! И продолжается всего восемь минут, а по ощущениям – тот же день. Они там все сделали по последнему слову! Я сам уже успел попробовать… – Он закатил глаза, изображая восторг. Мне стало неловко.

– Хорошо. Сколько?

– Для всех бесплатно, но раз вы хотите получить предпремьерный запуск… Понимаете, я подвергаю себя определенному риску…

– Мне все равно, давайте.

Он отвел меня вниз по ступенькам в подвал, где оказалось, что к старым трем молельным добавились еще три аналогичные кабинки. «Наркоман» ввел код на двери одной из них, совсем новенькой, и она засветилась экранами.

– Следуйте инструкциям. Только оплата на входе, уж простите.

Я приложила браслет к его портативному считывателю, вбив какую-то сумму наугад, явно больше, чем он рассчитывал. Надпись на двери предложила выбрать религию. Это что-то новенькое, раньше выбор делался уже внутри. Я вопросительно посмотрела на провожатого.

– Выбирайте любую. Они все крутые!

Ткнув пальцем в буддизм, я оказалась внутри новенькой молельной кабинки. «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КАТРИН!» – возникла надпись на мониторе. Ну, конечно, я свое сканирование уже прошла, повторный визит был проще. Устройства для сканирования личности я не нашла, зато в нижней панели открылось отверстие, откуда выкатилась нанокапсула. Ракушки-девайса тоже нигде не было. Я догадалась, что в новых кабинках был установлен дистанционный транслятор – уменьшенная версия того, что использовался в Азовстане.

ПРИМИТЕ КАПСУЛУ И ПРОИЗНЕСИТЕ СЛОВО-МАНТРУ

Я перевела дух.

– Мама.

Мама смеется своим серебристым смехом, глядя, как я расправляюсь с желтоватым фруктом. У него сочная кисло-сладкая мякоть и шкурка с еловым запахом. Мы сидим на ступеньках крестьянского дома, где добрый старик угостил нас водой и двумя манго.

– Не запачкай сари, милая! – Она подает мне миску. – Ты должна быть красивой, когда мы пойдем во дворец раджи. Уже совсем близко.

– Он даст нам денег?

– Кто знает. Сын раджи, Сиддхартха Гаутама, считается самым добрым человеком в мире! А еще говорят, что он будущий великий царь, который однажды осчастливит всех людей благими деяниями. Уверена, он не откажет несчастным людям, потерявшим дом.

– Он красивый?

Мама треплет меня по щеке.

– Добрый человек будет красив всегда, даже если ему сто лет и не хватает ноги.

– Я его увижу?

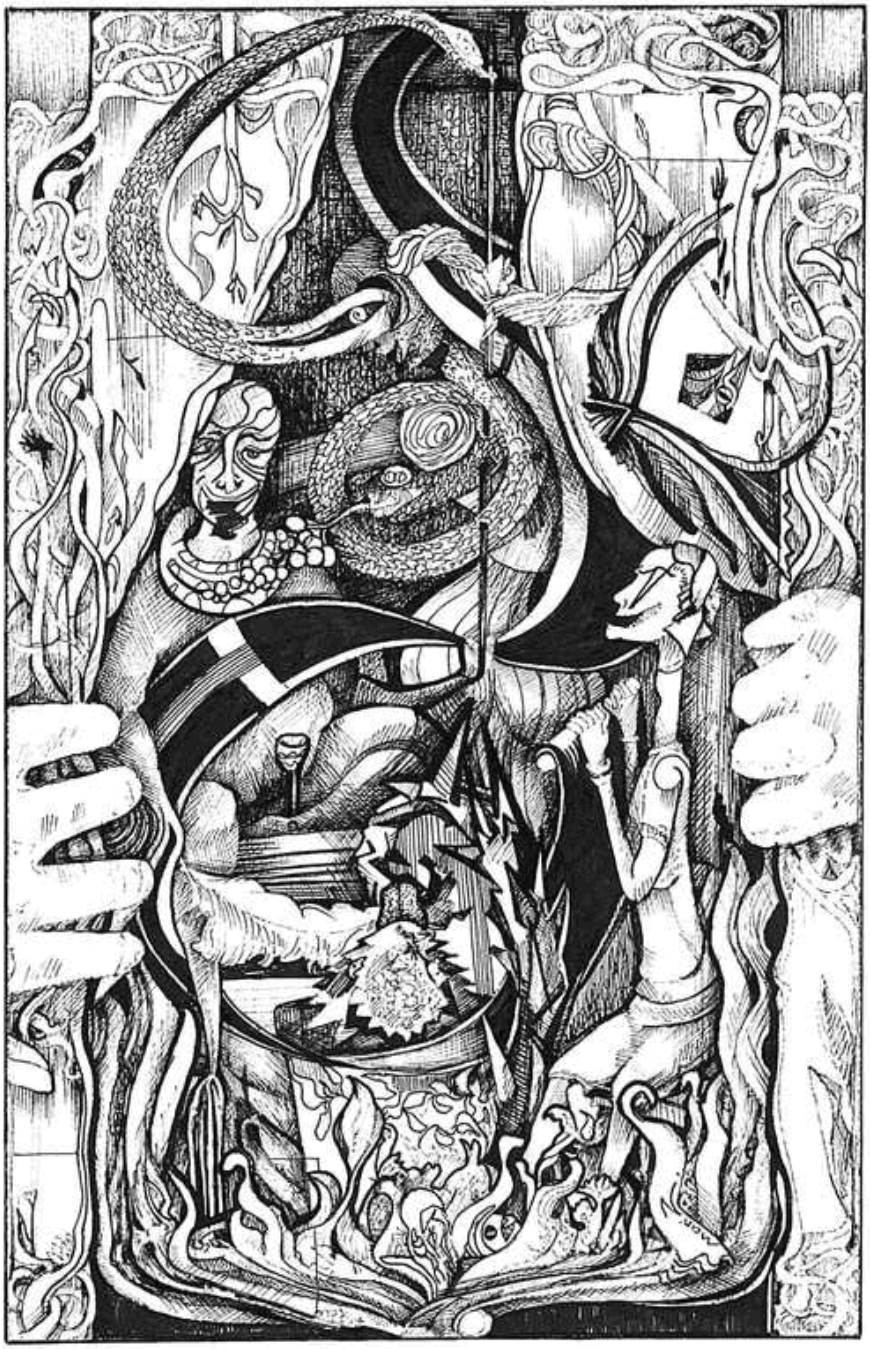
– Его никто не видел. Говорят, отец построил для него три дворца, и все свое время Сиддхартха проводит в саду за высокой стеной, где занимается медитацией и сочиняет прекрасные стихи.

Мы продолжаем болтать, пока шагаем по проселочной дороге между зелеными зарослями и полями. Мне нравится, как теплая пыль ласкает мои голые пятки. А еще нравятся мамины рассказы, которые не иссякали весь долгий путь сюда от нашей деревни. Совсем не хочется вспоминать, что свой последний рис мы съели еще вчера утром, а серебряные серьги были последним нашим достоянием после пожара.

Дворцовые стены ослепляют меня белизной и потрясают величием. Мы пробираемся сквозь толпы калек и попрошаек, собравшихся на поляне перед воротами. Мама занимает место в очереди. Люди вокруг нас терпеливо стоят на жаре, обсуждая доброго сына раджи. Я слышу множество вариаций истории про великодушного принца, которую мне рассказывала мама.

Мне становится скучно. Я спрашиваю маму, можно ли пойти посмотреть на осликов. Мама гладит меня по голове, не прекращая разговор с другой женщиной. И вот я мчусь вдоль дворцовой стены, перепрыгиваю через лежащих людей и пробираюсь под повозками. Из-под ног у меня выскакивает маленькая бирюзовая ящерка – я гонюсь за ней со смехом, пытаясь поймать. Даже не знаю, как я очутилась в зарослях у дальней стены. Огромные валуны дворцовой стены здесь полуразрушены и подмыты дождем. А под ними еноты прокопали подземный лаз. Вслед за ящеркой я ныряю в этот лаз и оказываюсь в прекрасном саду.

Ящерка приводит меня к просвету между пышными зарослями можжевельника, где переговариваются два бородатых дядьки в белых одеждах, со свитками в руках. Я замираю, испугавшись, что меня оттреплют за уши и прогонят… но неожиданное появление принца Гаутамы заставляет меня забыть про свои страхи.



Пышнотелый принц идет к белоснежным мужчинам, размахивая руками и что-то бормоча. О том, что это Гаутама, я догадываюсь по их реакции – настолько подобострастно оба

склоняются в поклоне. Но его вид меня удивляет. Лицо принца раскраснелось, покрылось капельками пота, а походка была такой же, как у нашего соседа-пьяницы.

– Я придумал! Я все придумал! – кричит он, раскинув руки и обхватывая ими обоих брахманов сразу. – Друзья мои! Послушайте. Я должен… – Он делает паузу, будто готовясь сообщить про какое-то невероятное открытие. – Я должен пойти в народ!

Брахманы, быстро переглянувшись, помогают Гаутаме устроиться на коврике под деревом. У них это не сразу получается – принц чуть не падает.

– Мудрейший Сиддхартха, какая прекрасная идея! – восклицает тот, что повыше, когда все трое устраиваются на циновках. – Запиши это, Мара.

– И как это произойдет, прекраснейший? – осторожно интересуется второй брахман, разворачивая свиток.

– Сейчас! – Принц припадает к кувшину, пока его собеседники терпеливо ждут. – В общем, так. Вчера гулял я по саду и сам не заметил, как дошел до ограды. Я оказался в том месте, где прежде не бывал, поскольку оно скрыто за густыми зарослями. Раздвигаю я ветви кустов – а там, оказывается, есть небольшое оконце в стене! Что он там пишет, Суман?

– Каждое слово великого Гаутамы должно быть донесено до народа, – учтиво отвечает тот, пока Мара продолжает строчить в свитке. – Продолжай, мы внимаем тебе.

– Выглядываю я в это оконце и вижу очень странного человека, бредущего по дороге. По правде сказать, я испугался – поначалу мне показалось, что это какой-то диковинный зверь.

– Какое образное сравнение! – говорит Суман с восторгом. – Но еще лучше здесь дать какое-нибудь описание, поярче.

– Описание? – Принц Гаутама кивает и делает еще один глоток из кувшина. – Странное создание, худющий, старый, в каком-то рванье… Что ты там пишешь?

– «Его худое туловище пригибалось к земле, его лицо было исчерчено бороздами, а вместо одежды его тело прикрывали изорванные тряпки. Он во всем не походил на тех людей, что мне доводилось видеть до этого», – читает Мара из свитка.

– И он тебя напугал? – уточняет Суман. – Не слишком ли… Может, заинтересовал, удивил? Что думаешь, Мара?

– Да, для народа принц должен быть смелым, – осторожно соглашается брахман-писарь.

– Да ну вас! Нет, не напугал… вы правы. Заставил задуматься. Глядя на него, я понял, что жизнь за пределами дворца вовсе не такова, как внутри этих стен. Там, за оградой,

существуют лишения и несчастья, старость и неумолимая смерть…

– У меня прямо мурашки по коже! – умиляется Мара, записывая.

– Так вот что я подумал. – Сиддхартха отбрасывает кувшин и пытается подняться, но потом сдается. – Я отправлюсь в странствие! Буду скитаться по свету инкогнито, спать в канавах и смотреть на людей вокруг! На их страдания, нищету, буду узнавать про их бедность. А когда вернусь во дворец – открою сокровищницы и раздам все мои богатства!

– Невероятно! Прекрасная легенда! Мы немедленно все это опишем и распространим. – Суман и Мара расплываются в улыбках. – Нам давно надо было дать людям надежду, и вот она!

– Постойте! – Принц нахмурился. – Я серьезно про странствие. Завтра же и отправлюсь.

Суман и Мара вновь переглядываются.

– Но, мудрейший… Зачем же тебе подвергать себя опасностям?

– Как это зачем? Я хочу быть нужным людям… Творить добро. Ты же сам сказал – это прекрасный поступок.

– Позволь, я расскажу тебе притчу, – говорит Суман. – Про златоперую птицу.

– Златоперую? Ну, давай.

– Она жила на прекрасной зеленой горе, мой принц. Каждый день она просыпалась в лучах восходящего солнца, взлетала на самое высокое дерево и пела от счастья, делясь им с лесными обитателями внизу. Но одна вещь не давала ей покоя. С этого дерева ей была видна другая, дальняя гора – еще выше и зеленее. Каждое утро думала златоперая птица про эту гору. А не лучше ли там? Не выше ли там деревья? А может, там тоже кому-то не хватает ее пения? И однажды она решилась. Много дней и ночей летела она к дальней горе, голодала, страдала от жажды и усталости, теряя свой блеск. И долетев, села на самое высокое дерево, собралась петь… Но не смогла. Голос покинул ее вместе с золотыми перьями и счастьем. А гора, до которой она добралась, оказалась точно такой же, как та, с которой она прилетела. Более того, с нового места ее старая гора казалась куда выше и прекрасней, чем новая.

– Это прекрасная притча, Суман. Но я уже принял свое решение. Пусть притчи рассказывают про меня! – отрезал принц.

– Притчи и будут рассказывать. Но зачем тебе для этого терять свои золотые перья? Разве плохо тебе здесь, в этом саду?

– Мне-то хорошо, а каково другим?

– Другие будут счастливы, услышав легенду про твои

странствия. А ты будешь счастлив здесь. Счастливый принц – счастливый народ!

Принц задумывается.

– Вообще-то я порядочно проголодался, – наконец произносит он.

– Трапеза ждет тебя во дворце. И всегда будет ждать, покуда даришь ты крестьянам свое покровительство, а горожанам свою защиту. Ты на своем месте, Сиддхартха. И во дворце, и в умах людей. Ты – златоперая птица, без которой жизнь обитателей горы безрадостна и лишена надежды. Пой же! А скитания с горы на гору оставь суетным глупцам.

– Может, ты и прав, – сдается принц. – Ладно. Бродяг уже запустили в ворота? Пусть слуги перескажут им то, что вы записали. А потом я еще что-нибудь придумаю.

– Конечно, мудрейший! – восклицают Мара и Суман в один голос, помогая принцу подняться. Он вперевалочку идет ко дворцу, не замечая, как его собеседники хитро улыбаются друг другу за его спиной.

Я выбираюсь обратно и бреду к месту, где оставила мать. Оказалось, та уже искала меня. Она получила от «добрейшего принца» горсть риса и еще одно манго. Но ни гроша ей не дали, и даже повидать кого-то, кроме дворцового слуги, у нее не получилась. Мама явно расстроена, хоть и пытается шутить. Она рассказывает мне, как много нового узнала от людей о добрейшем принце Гаутаме. Но я почему-то не хочу говорить ей о том, что видела. Чувство жалости к бедной доверчивой маме чуть не заставляет меня расплакаться.

– Смотри, какая красивая бабочка! – вдруг вскрикивает она.

Когда я ступила из подвала в горячий ночной воздух восьмого дистрикта, моя душа все еще оставалась в древнем саду. В котором на моих глазах произошло странное событие. Принц Сиддхартха Гаутама, ставший позднее Буддой, не выходил из дворцового сада, как гласили священные тексты. Я своими глазами видела хитрых лжецов, сочиняющих легенду про странствия принца-благодетеля. И самого «благодетеля» – пьяницу и пустозвона, отгородившегося от людских страданий в своем комфортном мирке. В реальности увиденного было сложно сомневаться! Я будто ощущала еще вкус манго, теплую пыль под ногами и мамину руку на своей щеке. Можно ли было сказать то же о религиозных текстах?

Хоть я и не была приверженцем буддизма, даже я ощущала какое-то сложное чувство – смесь разочарования, свободы от наваждения и щемящей горечи утраты. Прекрасная сказка о принце Гаутаме, который принес просветление людям, оказалась

лишь сказкой… А как было на самом деле? Я посмотрела на очередь из буддистских монахов, терпеливо ждущих утра, чтобы соприкоснуться со своим просветленным учителем. Что испытают они? Может, их опыт в саду Гаутамы будет совсем другим? А что переживут в кабинке автоцеркви католики? Неужели их мессия тоже откажется взойти на Голгофу?

Вопросы теснились в моей голове, притупив смятение от странной смерти Каролины. Я больше не обвиняла в случившемся тебя. Это чувство заглушали другие эмоции. Не без сарказма я поздравила себя с этим и решила наконец-то позвонить тебе. Набрала номер. Ты не отвечал. Другой раз, третий. Попробовала все возможные способы связи. Ты будто испарился. Индикатор захода в сеть во всех приложениях показывал, что тебя не было онлайн… семнадцать часов.

Тревога резанула острым ножом. И вспомнились слова Игги. А что, если вслед за Каролиной неведомая угроза добралась и до тебя?

0020

Я чуть не выбежала на перекресток, пытаясь поймать такси. Я готова была мчаться к Игги и требовать объяснений, лететь к отцу за помощью, звонить в полицию и поднимать на ноги журналистов! Но, взяв себя в руки, остановилась. Паника – плохой советчик, я должна все как следует обдумать.

Я отшатнулась – возле меня резко затормозил черный кадиллак. Опустилось тонированное стекло, и чья-то смуглая рука с водительского места протянула мне телефон.

– Что это? – Я оторопела от неожиданности.

Рука требовательно потрясла телефоном. В глубине машины я разглядела парня с дредами и татуировкой на пол-лица. Улыбнувшись мне, он еще раз ткнул в мою сторону телефоном. Машины за кадиллаком начали сигналить, но парня это ничуть не беспокоило.

Я опасливо взяла трубку, приложила к уху:

– Да?

Мне ответил незнакомый женский голос:

– Слушайте внимательно. Золтан у нас.

– Где? Что с ним?

– Садитесь в машину и скоро все узнаете. Никому ничего не говорите, избавьтесь от своего телефона и любых электронных устройств. Да, и сумочку вашу придется оставить, в ней есть «жучок».

– Почему я должна вам верить?

Вместо ответа телефон тихо прозвенел. Я побледнела. На присланной фотографии был ты. Ты лежал на спине, раскинув руки, глаза были закрыты. Незнакомая мне тесная комната… Я опять поднесла трубку к уху:

– Кто вы?

– Друзья. Нет времени объяснять. До встречи.

Отправив свою сумочку в урну, я забралась в кадиллак. Машина сорвалась с места. На большой скорости мы пронеслись по узким улочкам, потом свернули в широкий туннель, где к нам присоединились еще две совершенно идентичные машины. Они ехали за нами до конца туннеля, а у выезда из него, поравнявшись с нами, разъехались в разные стороны. Умно. Если за нами и следили с воздуха, то теперь они точно растерялись, за какой машиной следовать. Не снижая скорости, мы проскочили несколько районов и въехали в знакомое мне по фотографиям место. Пятый дистрикт Гейланг, самый известный в Сингапуре район красных фонарей.

Здесь мы замедлились, и неудивительно – людей тут было море. Я представляла себе этот район совсем не таким. Раньше он воображался мне ярко освещенным супермаркетом секса, а оказался блошиным рынком, где сбывался товар сомнительного качества. Боже, Золтан, как тебя сюда занесло? Что ты искал здесь? Впрочем, если ты хотел залечь на дно, то большего дна не найти во всем городе.

Главная здешняя улица, рассекавшая дистрикт по диагонали, не имела названия. Лишь порядковый номер. Но завсегдатаи этого района прозвали ее Pussy Road. По обе стороны тянулись веселые бары, стрип-клубы и отели на час. Не было и семи, так что улица только начинала зажигать огни, прихорашиваясь, словно проститутка перед рабочей ночью. Что касается борделей, то они стыдливо прятались за фасадной частью Pussy Road. Однако тысячи их служащих разного пола и возраста уже слонялись по мостовой, высматривая клиентов.

Машина припарковалась возле заведения с красноречивым названием «Bar 69», и я в сопровождении водителя нырнула в узкий переулок. Никто не обращал на нас особого внимания – только сугубо деловой интерес. Подумаешь, богатая избалованная девчонка решила поразвлечься! Кто вам нужен, мадам, – леди или бой? Или леди и бой? А может быть, леди-бой? Нет проблем – у нас найдется все, чего вы ищете! Наконец мы пришли в невзрачный бордель без вывески, возле которого нас ожидала худощавая татуированная девушка в черном.

– Линн, – представилась девушка вместо приветствия. – Давайте зайдем.

Линн? Я вспомнила ее. В тот вечер, когда мы с тобой сбежали от пожара в ночном клубе, ты пришел туда с ней. «Мой верный друг», – кажется, так ты ее представил.

Мы быстро шли по слабо освещенному коридору с множеством дверей, на которых вместо номеров виднелись стикеры с изображением разных животных: поросенок, кошка, змея, скорпион.

– Он здесь. – Линн ввела код на замке крепкой двери, отмеченной наклейкой с белым кроликом.

Толкнув дверь, я очутилась в тесной комнатушке, почти полностью занятой квадратной кроватью. Посреди кровати я увидела тебя, метавшегося в бреду. Я бросилась к тебе. Учащенный пульс, прерывистое дыхание, полуприкрытые глаза…

– Золтан, что с тобой? Золтан, очнись!

– Он не слышит вас, – донеслись до меня слова девушки.

Не выпуская твою руку, я оглядела комнату. У одной из стен – полупрозрачная душевая кабина, у другой – стеклянный

шкафчик, заполненный секс-гаджетами. Вместо окна – монитор на всю стену с включенным порноканалом.

– Давно он в таком состоянии? – повернулась я к Линн. Она лишь пожала плечами:

– Он позвонил мне перед тем, как закинуться. А может, как только закинулся. Звучал он так себе. Мы нашли здесь пустые обертки от нанопилюль. Много пустых оберток.

– Почему он позвонил вам?

Должно быть, в моем голосе звучало отчаяние, поэтому она решила проявить великодушие.

– Возможно, он не хотел, чтобы вы видели его в таком состоянии. Мы ведь щадим тех, кого любим.

– А вы, Линн…

– Что я?

– Думаю, вы догадываетесь, о чем я хочу спросить.

Она усмехнулась.

– Нет, между нами давно ничего нет, – произнесла она. – Честно говоря, я уже сто лет его не видела.

В этот момент ты вдруг встрепенулся.

– Каролина… Харон… – услышала я твой глухой голос, словно пробивавшийся сквозь толщу воды.

– Он все время повторяет эти имена, – сообщила Линн.

– Кто такой Харон?

– Его уже нет в живых. И думаю, Золтан винит себя в его смерти.

Как и в смерти Каролины, подумала я.

– Можете рассказать подробнее?

– Лучше не надо. И пожалуйста, не упоминайте нигде это имя, вы можете нас выдать.

Она подошла к дверям.

– И про то, где он сейчас, лучше тоже никому не знать. Мы и вам позвонили, чтобы не поднимать лишнего шума.

– Кто это – мы?

– Сейчас это не важно. Поверьте, только здесь, и нигде больше, он в безопасности.

– Но он умирает!

– Не умирает и не умрет, по крайней мере теперь, – спокойно возразила Лин. – Гемодинамические показатели нормализовались, дыхание и сатурация на должном уровне. Все, что ему нужно, – это время и спокойствие. Рефлексы пока снижены, ну вы сами понимаете, из комы резко не выходят. Скоро сознание вернется.

– Вы – врач?

– Я о нем позабочусь. Можете быть в этом уверены.

– Его нельзя здесь оставлять!

– Послушайте. – В голосе Линн прозвучал металл. – Вы разве не видите, что он тут не заложник? Мог бы встать и уйти в любой момент. Если бы не залип в своих видениях. Думаете, он был бы еще жив, если бы мы желали ему зла? Думаете, мы бы привезли вас сюда? Но я вам точно говорю, его ищут и доверять нельзя никому.

От каждого ее слова мое сердце все сильнее сжималось.

– Его хотят убить? Кто?

– Поверьте, чем меньше вы знаете, тем меньше опасность для Золтана и для вас. Но ради него постарайтесь придумать какое-то оправдание его отсутствию.

– Для кого?

– Прежде всего для своего отца. Мне пора идти. Когда будете готовы, машина отвезет вас обратно к автовокзалу. Я вас найду, когда он придет в себя. – Линн направилась к выходу.

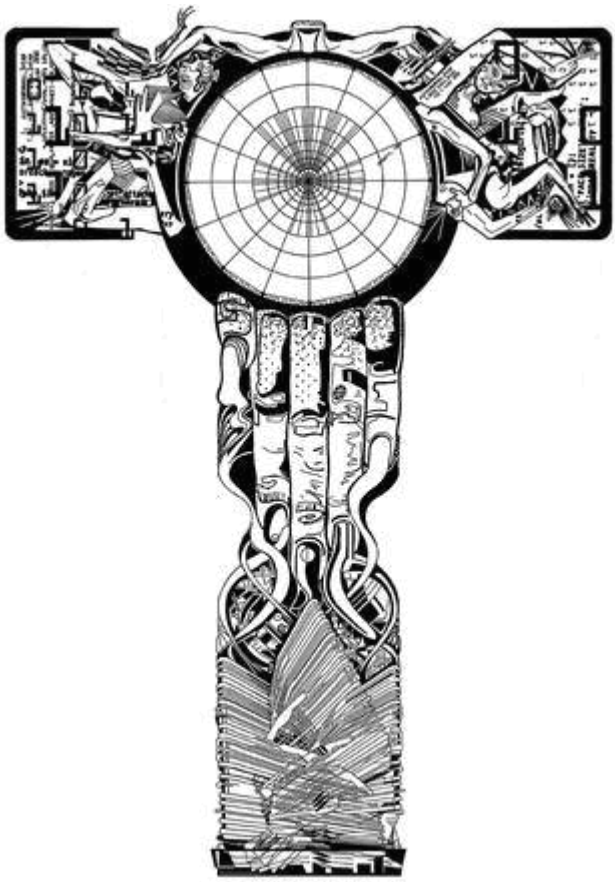
Когда дверь за ней захлопнулась, я вновь попыталась привести тебя в чувство. Трясла за плечи, била по щекам, повторяла твое имя. Но все безрезультатно. Слишком глубоко ты занырнул в мир своих видений. Я посидела рядом с тобой, гладя тебя по голове. Немного всплакнула, потом взяла себя в руки. Отдыхай, Золтан, я возьму это все на себя.

Проделав обратный путь с тем же самым водителем, я опять оказалась перед автовокзалом. К моему удивлению, меня ждал здесь мальчик, державший в руках мою сумку и телефон, отправленные в урну.

Я приехала в наш дом за полночь. Аманда сообщила о двух звонках от отца. Он просил перезвонить ему, как только я получу сообщение. Плюхнувшись на диван, я включила новости. Мои персональные настройки по ключевым словам «Каролина Шиллер» еще действовали, и на экране замелькали новости про «Транс-Реалити». Падение акций в связи с пиар-скандалом, инсинуации по поводу азовстанского эксперимента, часто мелькал изрядно уставший Рамбан, без устали повторявший мантру про «все хорошо» и «корпорация прилагает все усилия»… Кажется, журналисты все-таки увязали смерть Каролины с ее участием в проекте. Один эксперт, описывая неизученный механизм обратной квантовой связи, заявлял, что персональные реальности «реально влияют на наш мир». На этой программе я остановилась. Однако вскоре я запуталась в теории и в который раз пожалела, что тебя нет рядом.

Усталым жестом я погасила экран и в тишине вспомнила слова Марка: «Корпорация на грани распада». А тут еще появилась какая-то таинственная третья сила. Явно не

перепуганные акционеры и не мой отец стояли за черным кадиллаком и девушкой-телохранителем в татуировках. Если это какое-то организованное сопротивление… То его появления я и ждала.



0021

По пути в Венецию я представляла себе пышные похороны: тысячи телохранителей вкупе с полицией и карабинерами, толпы туристов, зевак и папарацци, неутомимые джетсеттеры, невозмутимые хроникеры, кутюрный бомонд, куртуазная богема, дипломаты и аристократы. Пока я пробиралась по каналам на небольшом катере, представляла, как вереница плакальщиков, наряженных в черное, рисуется перед многочисленными камерами. Однако ничего подобного я не увидела.

Белоснежный закрытый гроб стоял на возвышении перед алтарем в наполовину пустом соборе. Людей собралось немного, десятка четыре. Опоздав к началу поминальной мессы, я тихо уселась в заднем ряду под звуки литургии, удостоившись всего пары вспышек от единственного фотографа.

Я присмотрелась к присутствующим. По правую сторону сидели родственники: несколько пожилых женщин, в одной из которых я угадала мать супермодели. Такая же стройная, как и Каролина, та сидела прямо, глядя в пространство перед собой. Со спины было не видно выражение ее лица, но ни слез, ни причитаний не было. По левую сторону первый ряд занимали несколько мужчин в костюмах, с черными повязками на руках – носильщики гроба. Среди присутствующих я разглядела лысую голову агента Каролины, ту же самую девушку, что была на переговорах в «Транс-Реалити», и тех же двух мужчин в серых костюмах, адвокатов.

Каролина будто прибыла на свои последние переговоры, с мрачной иронией подумала я. Больше никого я не узнала, только один крепкий парень с белоснежными волосами вдруг стрельнул в меня цепким взглядом, и мне показалась, я уже где-то его видела. Ну конечно же, в Париже! Тогда люди Игги появились, чтобы утихомирить разгневанного таксиста, которому я помяла бампер. Игги и тут не выпускает меня из-под присмотра.

Отпевание закончилось, шестеро мужчин, подняв гроб, медленно понесли к выходу, где ждала украшенная цветами гондола. За ними потянулись и родственники. Теперь я смогла разглядеть лицо матери Каролины, идущей в сопровождении невысокой женщины лет сорока. Плотно сжатые губы, холодные глаза, когда-то голубые, а теперь стального серого цвета, от миловидности Каролины в матери не было и следа. Но удивило меня выражение ее лица. Если бы я не знала обстоятельств, решила бы что госпожа Шиллер еле сдерживает рвущийся наружу гнев. Она сдержанно кивала в ответ на соболезнования, а когда

подошла я, отклонилась назад и смерила меня холодным взглядом.

– Мадам, у меня нет слов, чтобы выразить… – начала я, но она меня перебила:

– Вы из… корпорации? – Последнее слово она будто сплюнула мне под ноги. Австрийский акцент усиливал резкость ее речи. – Что вы тут делаете?

– Я знала Каролину… немного…

– Алчная, беспутная мразь! – Мать Каролины говорила, не повышая голоса, но от каждого ее слова я сжималась. – Я унаследовала сотни миллионов от дочери. И знаете что? Каролина, несомненно, в лучшем мире и не помнит зла. Но я потрачу все эти деньги, чтобы ваша дьявольская компания сгинула с этого света!

– Госпожа Шиллер, – к старухе подскочил один из адвокатов, – пойдемте, нас ждут.

– Вы меня поняли? – Она не отрывала от меня свой сверлящий взгляд.

Не найдя что ответить, я опустила глаза. Женщина рядом с госпожой Шиллер взяла ее за руку, но та отстранилась и твердым шагом пошла за гробом к гондоле. Женщина задержалась. Только тут я заметила, что она отдаленно напоминала Каролину.

– Простите… – Она замялась, перебегая взглядом с меня на уходящую мать. Потом перешла на полушепот: – Мне необходимо вас кое о чем спросить… про сестру.

Я кивнула, и она отвела меня в сторону. Сестра Каролины сжимала пальцы до побелевших костяшек, пока ее глаза искали сочувствия в моих.

– Мы верим, что Каролина сейчас в лучшем мире. Я верю! Но… я слышала, что она существует и где-то еще. Ее сознание… Оно все еще живо?

Эта мысль до сих пор не приходила мне в голову. Я попыталась что-то ответить, вспоминая твои объяснения.

– Резервная копия ее личности… В персональной реальности… Можно сказать, что – да.

Лицо сестры Каролины озарилось счастливой улыбкой.

– Благослови вас Господь! Ее можно там встретить?

Я совсем растерялась. Пока опавшие листья засыпают могилу Каролины, ее личность будет жить в порнографическом «раю» для похотливых самцов, где она обречена совокупляться снова и снова, бесчисленное количество раз. Без конца, без выхода, вечно. «Хочу Супермодель» в виде мемориала… Об этом ли мечтала «богиня любви»? Такой ли «лучший мир» представляют себе ее мать, семья? Сестра Каролины смотрела на меня с надеждой.

– Не знаю, как и ответить. – Я не могла смотреть ей в глаза. – Но… Это возможно, да.

– Я так и знала. Я знала! Прошу вас, передайте ей, что мы ее любим. Что мы увидимся!

– Я исполню вашу просьбу, – еле выдавила я.

Сестра Каролины всхлипнула, быстро обняла меня и пошла догонять свою мать, утирая слезы. А мне стало горько. Закружилась голова, к горлу подкатила тошнота. Казалось, меня сейчас вырвет от запаха ладана и вида погребальных венков. Я пришла в себя от серии назойливых вспышек – привлеченный запахом скандала, ко мне подскочил фотограф.

– Не нужно фотографий, – тихо произнесла я.

Он начал что-то горячо возражать на итальянском, но не успел закончить. Камера выпала из его рук и с треском шмякнулась о каменный пол. Это произошло будто случайно, но я заметила белоснежные волосы человека Бьольверка, промелькнувшие за спиной фотографа.

Я закрылась в номере отеля с бутылкой виски. Вопросы теснились в моей голове, мысли бродили по кругу, не находя выхода. Чем станет для семьи Каролины открытие сути азовстанского проекта? Почему журналистка Нинг Буакао советовала мне поехать на похороны? И почему сами похороны привлекли так мало внимания? Последнее мне казалось самым удивительным. Ответ я получила, когда, повалившись на диван, машинально включила телевизор. И в комнату хлынул поток кошмарных новостей на всех языках.

ВОЛНА БЕСПОРЯДКОВ ПРОКАТИЛАСЬ ПО ВСЕМУ МИРУ

СПОНТАННЫЕ АКТЫ НАСИЛИЯ НАД РЕЛИГИОЗНЫМИ ЛИДЕРАМИ

АКТЫ ВАНДАЛИЗМА

РАЗГРАБЛЕН ХРАМ МАХАБОДХИ В ИНДИЙСКОМ ГОРОДЕ БОДХ ГАЙЯ

СВЯЩЕННАЯ СТУПА БОДНАТХ В КАТМАНДУ УНИЧТОЖЕНА ВЗРЫВОМ

Боже, что это? Я переключала с канала на канал – мир охватило безумие. Буддийские террористы? Но вот еще новости:

ПОДЖОГ ХРАМА СВЯТОГО ПЕТРА В ВАТИКАНЕ

Беснующиеся христиане, сжигающие собственные святыни? Поток новостей был таким плотным, что сообщения о погромах в индуистских храмах я увидела только на индийских новостных

каналах. Повсюду полицейские силы подавляли грабежи церквей и синагог, расследовали нападения на священнослужителей, эвакуировали религиозные организации. А эксперты в мультиэкранах до хрипоты спорили, является ли корпорация «Транс-Реалити» ответственной по закону за побуждение к насилию. Сетуя на то, что в результате огласки эффекта новой персональной реальности, посетителей в автоцерквях только прибавляется. Их количество позволяло обрабатывать почти пятнадцать миллионов пользователей в день, так что сервисом уже воспользовались около пятидесяти миллионов.

«Откровение»! Я вспомнила эту странную симуляцию, к которой так рвались верующие. Потеряв веру, они почувствовали себя обманутыми и ринулись мстить, громить, уничтожать все, что связано с тысячелетней религиозной аферой. Неудивительно, что новости про похороны Каролины Шиллер уже никого не интересовали! Бедная Каролина… Если ты и стала богиней, то всего лишь за неделю до гибели всех религий. И над этим стоял мой отец. И мой муж.

Звонок телефона оторвал меня от моих мыслей. НАБИЛЬ. Когда я летела в Венецию, то была полностью уверена, что придется сносить прилюдные страдания золотого мальчика. Но только сейчас вспомнила, что его на похоронах не было! Я схватила трубку:

– Алло! Набиль!

– Да, это я. – Его голос звучал глухо.

– Я в Венеции. Вас не было на похоронах?

– Зато вы там были.

Мне совсем не понравилось, как звучал его голос. Повисла пауза. Набиль заговорил негромко, будто про себя, но каждое слово падало мне в сердце каплями раскаленного металла.

– Ее насиловали вдесятером. По очереди и все вместе. Без остановки, часами. Чтобы не было криков, придушили удавкой. Входы держались под присмотром, консьержа взяли на мушку и накачали снотворным. Все было хорошо подготовлено: паспорта, транспорт, оружие. Была готова и команда зачистки следов. Каролину бы нашли в канале, со следами ограбления.

– Боже… Кто это был?

– Профессионалы. Несколько предателей из службы безопасности Азовстана. Они затрахали ее до смерти, Катрин. Отец лично расстреливал эту мразь в пустыне. Только Каролину это не вернет. И грех моего отца не смоет. Я отомщу. И ему, и вашему отцу, и вашему мужу.

– Набиль, послушайте…

– Это вы внушили подонкам, что Каролина – их личная

шлюха! – Набиль перешел на крик. – Промыли всем мозги! Они не сами решили, что им мало, что они могут делать с ней все, что угодно! И вы еще посмели появиться у нее на похоронах!

– Набиль. – Мой мозг работал с бешеной скоростью. – Я на вашей стороне! Найдите журналистку, Нинг Буакао! Свяжитесь с ней! Умоляю, не совершайте опрометчивых поступков!

Он молчал.

– Пожалуйста, выслушайте меня…

– Я знаю про ваш разговор с Каролиной на балконе, – перебил он. – Его запись попала ко мне после обыска в управлении службы безопасности. И вы считаете, что я должен вас слушать?

Я похолодела. Мой грех вернулся ко мне. Минута ревности, обернувшаяся трагедией… которую я и правда могла предотвратить. Я чувствовала свою вину. И понимала человека, который прямо сейчас угрожал нам с тобой.

– Тогда я совершила ошибку. Но я обещаю, что больше не буду оставаться в стороне!

– По сути, эти подонки не виноваты, – проговорил Набиль. – Настоящий виновник ее смерти находится в офисе «Транс-Реалити».

– Набиль, умоляю, сделайте то, что я вас прошу! Найдите Нинг Буакао…

На том конце меня уже никто не слышал. Я подошла к окну, меня всю трясло. Я смотрела на мирный ночной вид Венеции, а в висках пульсировала мысль: «Как хорошо, что Золтан сейчас в безопасности!» В дверь тихо постучали.

– Миссис Варго, у вас все в порядке? – донесся мужской голос. – Меня попросили проверить.

И как хорошо, что Игги окружил меня телохранителями.

0022

Я провела бессонную ночь в отеле. Таблетки, принесенные по моей просьбе расторопным телохранителем, не помогали. Как и виски, которого я выпила почти треть бутылки. Меня мучили образы обнаженной женщины, которую истязали садисты, бьющегося в наркотической агонии любимого, мертвые тела, лежащие на пыльной азовстанской улице, старики, разбивающиеся насмерть о безразличную мостовую. В аэропорт я приехала совсем разбитая.

Чем ближе наш самолет приближался к Сингапуру, тем сильнее крепла моя решимость. Мир рушился на глазах, количество жертв росло, и все только начиналось. А причиной этому был Трансферизм. То, что создавалось с лучшими намерениями, превратилось в череду трагедий и грязных махинаций.

Открыв блокнот, я начала прикидывать. «Транс-Реалити» должна измениться. Могущественная технология будет применяться только во имя добра, как изначально хотел Золтан. В медицине, в деле исправления преступников, в образовательных целях. Но уж точно не для управления массами! Для этого требуется сместить отца с позиции главы правления. Если акционеры и правда решились восстать против него, то я смогу убедить их помочь мне.

Итак, кто у нас есть? Августа Юстас, недовольная своей ролью в будущем проекте. Так как природа затеянного переворота в первую очередь юридическая, Августа была самой мощной фигурой на шахматной доске. Она контролировала все контракты корпорации, обладала связями в министерстве юстиции, судах и полиции. А еще знала про секреты корпорации больше, чем даже Бьольверк. Сам Игги – темная лошадка. Я не понимала его позиции, но подозревала, что хитрый швед всегда окажется на стороне победителя, кто бы это ни был. Фо Ци, добродушный толстяк, наш финансовый гений. Не стоило особо полагаться на его решительность. Однако его знание бухгалтерии компании помогло бы Августе вскрыть просчеты отца и использовать их в наших целях. С Чопрой было проще всего – воинственный индус проголосует за все, что может поддержать его раздутое эго. Смещение отца с поста председателя правления – как раз прекрасная возможность самоутвердиться. Сомневаюсь, что он станет следующим главой правления, это скорее роль для Рамбана. Без моего пакета акций голосов у Правления не хватит на то, чтобы осуществить смену власти. Я была бабочкой,

способной изменить баланс зависшей над пропастью глыбы, столкнув ее вниз. Пакет акций своего мужа я тоже могла контролировать, пользуясь его исчезновением – специально на такой случай у нас была подготовлена взаимная доверенность.

Ты рассчитывал на мою верность, отец? Я до последнего считала тебя близким человеком. Пока ты не забыл, что ты – человек.

Домой я не поехала. В последнее время пустующий особняк стал меня тяготить. Поступила как в прошлый раз – поймала случайное такси и наугад выбрала отель. В номере разложила странички из блокнота на столе. Несколько часов, свободных от слежки отца у меня, полагаю, были. Я включила новости, чтобы избежать подслушивания под дверью, и достала из коробки новый телефон. Первый звонок – Августе. Автоответчик сообщил мне, что память устройства переполнена и сообщение оставить невозможно. Странно. Я перепробовала все номера, пока не догадалась позвонить ее персональному ассистенту.

– Госпожа Варго… – Голос смазливого мальчика звучал подавленно. – Вы не знали? Вчера с Августой произошел несчастный случай.

– Она в больнице?

– Нет.

Он замолчал.

– Что случилось? Где она?

– Ее больше нет с нами. – Он всхлипнул. – Мы все так потрясены…

Он заговорил про состояние сердца Августы, как ее нашли на дне бассейна, захлебнувшуюся, где-то через час после смерти. Но я едва слушала, потрясенная ужасом и догадкой.

Необычно активное мельтешение на экранах с новостями привлекло мое внимание, и я присмотрелась к возникающим надписям.

ПАДЕНИЕ ВАТИКАНА! ПАПА РИМСКИЙ СЛОЖИЛ ПОЛНОМОЧИЯ

На экране показывали католические храмы, которые грабили мародеры, немногочисленная полиция сопровождала бегущих священников. Антирелигиозный кошмар продолжался.

Я выпила еще виски и набрала номер Фо Ци, машинально переключая каналы новостей. Ответил официальный женский голос с сильным китайским акцентом. Господин Фо Ци скончался в больнице в результате отравления неизвестным веществом. Его душеприказчики составляют список имущественных претензий для распоряжения наследством, и если у меня есть обоснованные

претензии… Я бросила трубку.

КОНЕЦ БУДДИЗМА – будто иллюстрацией к смерти Фо Ци замелькало на экранах.

РЕЗИДЕНЦИЯ ДАЛАЙ-ЛАМЫ РАЗГРАБЛЕНА – лысые монахи жгли свои робы под аплодисменты толпы и раздавали храмовую утварь.

СТУПА ШВЕДАГОН ОСКВЕРНЕНА – я судорожно листала каналы дальше, не веря своим глазам.

ИНДУИЗМ В СМЕРТЕЛЬНОМ КРИЗИСЕ – кричали все индийские каналы. Когда я набирала следующий номер, руки у меня тряслись. Новость о самоубийстве Чопры меня даже не удивила. По словам его сына, индус выбросился из окна своего кабинета, не оставив предсмертной записки.

Игги Бьольверк бесследно исчез, его ассистент сообщил мне, что полиция поставлена в известность, но дело возбуждать пока не имеет оснований – признаков насильственной смерти или похищения не обнаружено.

Мой план развалился на глазах, в считаные часы. Как разваливался привычный для нас мир, погребая под собой мировые религии. Я почувствовала, как опять начало ломить в висках, и пожалела, что под рукой нет расторопного телохранителя, чтобы отправить его за лекарствами. Кстати, где они сейчас, люди Бьольверка? Еще присматривают за мной или уже разбежались, узнав про исчезновение босса?

Словно в ответ на мои мысли в дверь постучали. Я осторожно подошла к двери. Это мог быть кто угодно: люди отца, Набиль, даже киллер. Но монитор в двери показывал учтивое лицо служащего отеля, который два часа назад регистрировал меня в лобби.

– Что вам нужно?

– Госпожа, вам сообщение.

– От кого? Говорите через дверь.

– Госпожа, сообщение не подписано. Меня просили передать вам эти слова: «Состояние стабильное. Ждите новостей».

– Это все?

– Да.

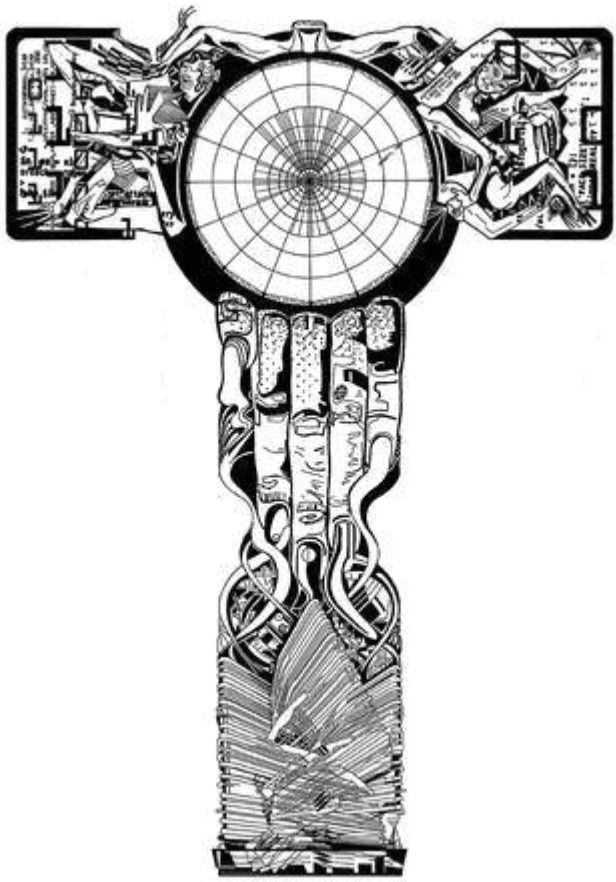
– Спасибо.

Очевидно, Линн и ее таинственные покровители уже нашли меня. Почему-то мне стало немного легче. И не только от того, что ты был в безопасности. Но и от того, что могущество моих неведомых союзников позволило им обскакать отца и найти меня даже в моем случайном убежище.

Что же делать? Как никогда ранее я почувствовала, что моя жизнь, и даже твоя, висят на ниточке. Стоит только сделать

неверный шаг… Но кто мне поможет понять, какой шаг будет правильным? Все, кому я могла доверять, чьей поддержкой могла заручиться, – мертвы.

И тут я вспомнила про Рамбана.



0023

Времени на звонок не было. Я бросилась прочь из отеля ловить такси.

Паоло обитал в собственном пентхаусе в самом центре Сити, километрах в десяти от моего отеля. Поэтому я вбежала в вестибюль его небоскреба уже через полчаса.

– Вы тоже на вечеринку? – удивил меня вопросом консьерж.

– Да… – соврала я. Вечеринка? Рамбан выбрал странное время для пьянки. – Я сильно опоздала?

– Гости начали съезжаться пару часов назад. А готовились там с позавчерашнего дня, ну и размах! Одних цветов доставили два фургона! – болтливый консьерж был рад поделиться деталями.

Да что такое, черт возьми, происходит! Я сунула консьержу крупную купюру, попросив забыть, что он меня видел. Тот расторопно открыл мне лифт, воспользовавшись собственной магнитной картой для доступа в пентхаус, и я начала подниматься на тридцатый этаж.

Музыка начала доноситься до меня еще этажа за два, а когда двери лифта распахнулись прямо в холл пентхауса – окутала меня и чуть не смела с ног вместе с запахами вина, благовоний и изысканной кухни. Холл был освещен огромными свечами, пол усыпан лепестками роз, а по центру стояла огромная чаша на бронзовых ногах, где были навалены яркие одеяния, маски, боа из перьев. Тут же меня встретили двое полностью обнаженных юношей, пенисы которых были позолочены, а на сосках болтались хрустальные колокольчики. Они предложили мне раздеться и облачиться в тогу, но я отказалась, спросив, где найти хозяина вечеринки. Те пожали плечами и рассмеялись, не поняв ни слова – между собой они переговаривались то ли по-польски, то ли по-украински. Я прошла в двери прямо перед собой и оказалась в первой из двух гостиных.

Просторный зал был полон людьми в разноцветных тогах, полуобнаженных, расслабленных. Многие возлежали на покрытых багровым бархатом ложах у стен, попивая вино и предаваясь ласкам. За пультом у окна пританцовывал диджей, а в центре было установлено возвышение с подтаявшей ледяной статуей, изображавшей хозяина торжества. Рамбан предстал в виде обнаженного титана, грустно склонившего голову над рогом изобилия, который держал в руках. Я отметила, что скульптор явно пытался польстить Рамбану с размером гениталий. Цветов и

правда было море: корзины по углам, венки на стенах, цветочные гирлянды свисали с потолка. В следующем зале располагался длинный стол, за которым сидело десятка два гостей, а прямо на нем пританцовывали стриптизеры с голыми торсами и в обтягивающих шортах. Гости поощряли танцоров, кидая им цветы и протягивая кубки с вином.

Мое появление осталось незамеченным, и я стала пробираться дальше, в глубь пентхауса, где были расположены спальни. В первой же, заполненной дымом благовоний, я наткнулась на настоящую оргию: в красном свете искусственных факелов на подиуме и по углам извивались и стонали пара десятков мужских тел и всего два или три женских. В музыкальной комнате за спальней курили какие-то смеси и перебирал струны арфист, конечно, тоже обнаженный. И тут, по единственному полностью одетому здоровяку, занявшему место у дверей, я поняла, что нашла приватное гнездышко Рамбана.

Здоровяк узнал мое имя, спросил что-то по рации в рукаве и открыл мне дверь. Я вошла в огромную ванную комнату, где горел камин, насвистывали птицы в клетках, а по центру, в горячем овальном бассейне, расслаблялся Рамбан в обнимку с худощавым юношей.

– Катрин, ты как раз вовремя, моя милая, – проговорил Паоло, жестом пригласив меня присесть рядом. – Помнишь Марка?

Только теперь я узнала его. Марк прильнул к груди своего босса, с бледным лицом и слезами на глазах, он целовал плечи Рамбана, что-то бормоча про себя. Я опустилась на бортик бассейна, не зная, что и подумать.

– Малыш пришел ко мне и покаялся. Я все знаю, Катрин. Заговор акционеров? Еще одна интрига твоего безумного отца.

– Это отец прислал Марка ко мне?

– А ты думала – я? Так и должна была думать, да, малыш?

Марк кивнул и всхлипнул. Рамбан похлопал его по плечу:

– Ну, ну. Не стоит ни о чем жалеть. Ты был зол на меня и хотел отомстить. Саул умеет играть на эмоциях. А как он умело использовал твою горячность, милая? Ты ведь понимаешь, не начни ты переговоры с акционерами – они бы так никогда и не набрались смелости встретиться и заговорить о смене власти. Чем приговорили себя. Тебя же он «испачкал кровью» – только так он может быть уверен в твоей верности. Собственно, для этого весь этот «заговор» и затевался.

Рамбан осторожно отстранил Марка.

– Иди, мой дорогой. Нам с Катрин нужно поговорить наедине.

Выбравшись из воды, Марк прошел мимо меня, даже не подняв взгляд. А Рамбан, отпив из бокала, потянулся к длинному мундштуку, в котором дымилась сигарета с марихуаной.

– Ты хочешь спросить меня – что я праздную? Сейчас расскажу. Я пробыл с корпорацией двадцать лет и видел, как все начиналось. Но истоки уходят куда дальше. Лет на шестьдесят. Когда тайный суфийский орден «Сыны неба» приютил младенца, твоего отца. Маленький Саул обладал одной особенностью, за которой братство охотилось веками. Эта особенность выражается в отсутствии страха смерти и наделяет человека невероятной харизмой. Теперь мы называем ее «ген вечности». Все мессии несли в себе этот ген, и многие великие правители, и религиозные лидеры, не без помощи братства, пришли к власти именно благодаря ему. Согласись, ты же видела это в отце?

Я кивнула. Не просто видела – я всю жизнь жила в его тени.

– Но власти не бывает слишком много. Ни для отдельных правителей, ни для братства. С расчетом на мировое господство они воспитывали Саула. Временный успех их не устраивал. Они хотели править вечно и искали надежный путь к этой цели. Поэтому работали над усилением гена вечности, ждали подходящего момента, инвестировали в технологии. Твоего отца свели с твоей матерью, тоже счастливой обладательницей гена. От твоих родителей ждали сына. Не знаю всех деталей, но есть разница между мужским проявлением гена и женским. Родилась ты. Для Саула это был большой удар, тем более что роды были трудными и твоя мать потеряла возможность иметь детей. Тогда она полностью утратила ценность для твоего отца. Единственное, что спасло Саула от утраты доверия братства, – открытие способа выявлять ген с помощью несложного теста. И твой отец запустил всемирный поиск мессии. И в конце концов нашел того, кого искал. Нашего неповторимого Конструктора Реальностей.

Рамбан улыбнулся, потом затянулся косяком, предложил мне. Я отмахнулась.

– Я сам один из обладателей гена, во втором поколении, – продолжил он. – И Марк – в четвертом. Оказалось, ген усиливается с каждым новым наследником. У нас с Марком есть определенные способности. Но нам повезло не так, как Золтану. То ли счастливая случайность, то ли эволюционный скачок, но у Золтана оказался «ген вечности» такой силы, какой ни у меня, ни у Марка не было. Именно такой, которая могла использоваться в нано-пилюлях. А мы были так близки к тому, чтобы стать конструкторами реальности! Несбывшаяся мечта. Ну и еще один момент. Как понимаешь, на роль отца наследника Марк не годится. А Саул был одержим мыслью завести самый сильный ген

мессии в свой род. Через тебя, милая.

– Акционеры… Они тоже принадлежали к этому братству?

– О нет. Духовные наставники, идейные лидеры, необходимые для создания Глобального Трансферизма, не больше. Как старые религии готовили мир к его появлению, так и акционеры готовили Золтана себе в помощь.

– А когда необходимость в них отпала…

– Да. Их смерть – дело рук Саула. Но это не самое страшное его деяние, Катрин.

– Не самое страшное? – Мне казалось, я сейчас закричу от ужаса. – А что же самое?

– Сам Трансферизм. Разве ты еще не поняла?

– Поняла…

– Вряд ли. Да, теперь тебе известно о планах подсадить все человечество на персональные реальности, поработить людей через зависимость от вечного счастья. Наверняка ты слышала про всемогущий алгоритм, которому подчиняются все пользователи. Но известно ли тебе о роли Саула в этом новом мире?

– Повелитель алгоритма, – еле слышно прошептала я.

– Всемогущий и вездесущий. Совершающий выбор за всех и не оставляющий его никому. Царящий в своей славе над всеми смертными и бессмертными. Вот какова его роль. И вот каково самое страшное его преступление. Или благодеяние… как посмотреть. Миллиарды душ, замкнутых в собственных фантазиях, оргазмирующие в бесконечном цикле виртуального бытия, без права на ошибку, без выбора… навечно… Бррр! Точно, не по мне.

– Мы должны бороться! Его надо остановить!

– Его не остановить. И даже исчезновение Золтана ему не помеха. Он запустит Трансферизм и без него, если придется. Да, я слышал от Бьольверка, что Золтан пропал. Незадолго до того, как исчез сам Игги. Я не знаю всех причинно-следственных связей, но мне известно главное.

Рамбан привстал, отставив бокал в сторону, взял с подноса другой поменьше. Поднял, будто для тоста, и грустно улыбнулся мне.

– Выбора у нас никогда не было. Ни у кого. Все мы приговорены к Трансферизму и рано или поздно попадем в царство Саула. Наркотик слишком силен и ведет в пропасть, какой доселе не знало человечество. Саул и его братство алхимиков оставило нам только одну свободу – уйти из жизни. Как это сделала твоя мать. Что делаю и я, на этом прекрасном празднике тела и любви. Уходить в разгар веселья – возможен ли лучший конец?

Прежде чем я успела ответить, он сделал большой глоток из бокала и уронил его в бассейн.

– Прощай, Катрин. Прости… что рассказал тебе правду… Уже поздно.

Откинувшись назад, он закрыл глаза, сделал глубокий вздох, судорожно дернулся, расплескав воду, и затих. Я не сразу решила прикоснуться к нему – сидела в ступоре, не решаясь пошевелиться, слушая веселые вопли, доносившиеся из-за двери. Потом протянула руку и проверила пульс. Паоло Рамбан был мертв.

Волна тошноты поднялась из желудка. Меня вырвало. Я застонала, потом закричала… Больше ничего не помню. Первое, что я увидела, придя в себя, было пожилое женское лицо в белой заколке с красным крестом.

– Рамбан… – прошептала я.

– Не волнуйтесь, дорогая. Ваш плод в безопасности, но вам нельзя нервничать.

– Мой… что?

– Вы беременны. Поздравляю!

Часть 3

0001

Не знаю, как они до меня добрались. Помню только, что после новостей про гибель Каролины, я пытался встретиться с Саулом. Но он словно испарился. Я махнул на все рукой и завис в темных уголках Гейланга, пытаясь утопить совесть в алкоголе… и не только… Братство искало меня и, видимо, нашло. Укол шприцом я получил, когда отключился в одном из баров. Смутно помню тесную комнатушку в борделе, лицо Линн. И кажется, полные тревоги глаза Катрин.

Не знаю, на сколько дней я увяз в полной кошмаров трясине между комой и реальностью. Когда я пришел в себя, полумрак в комнате нарушался лишь мельканием порнофильма на стене. Тело ломило, во рту пересохло, а голова была тяжелой, словно весила тысячу тонн. Во всем здании раздавался треск ломаемых дверей, визжали испуганные проститутки. Я слышал, как Линн перезаряжала оружие в коридоре, нервно крича кому-то по рации. Моего телефона нигде не было. Все, на что меня хватило, – дотянуться до экрана и вбить знакомый логин в порноканал. Вот он, мой единственный настоящий друг.

НАЙДИ МЕНЯ!

Следующее воспоминание: голос Сумо, который тормошил меня, матерясь на чем свет стоит. Он поднял меня на руки и потащил прочь из комнаты. Линн сидела на полу у сорванной с петель двери, запрокинув голову. Я заметил шприц, торчащий у нее из шеи. Она хрипло дышала, ее остекленевшие глаза смотрели в потолок.

– Дал сучке отведать собственного лекарства, – проворчал Сумо. – Молодец, что меня дернул. Пришлось хакнуть ее аккаунт, чтобы тебя вычислить.

У двери его ждали двое громил, которые повели нас по узкому коридору, вниз по лестнице, на улицу.

– Знаешь, сколько пообещали за твою голову? Радуйся, что я твой друг, – говорил Сумо, осторожно отпирая черный ход борделя.

Это все, что он успел сказать, – автоматная очередь пригвоздила толстяка к стене. Сумо, булькнув горлом, осел в нелепой позе, а я, повалившись на пол, пополз внутрь здания, пока за моей спиной разгоралась перестрелка между громилами Сумо и людьми, приехавшими на черном кадиллаке. Я выбрался на улицу через подвальное окно. Аллея за зданием была пуста,

только у мусорного бака сидел человек в форме полицейского спецназа, будто отдыхая. Только приблизившись, я заметил, что его лицо превратилось в кровавое месиво, а из живота торчал кусок арматуры. Вдалеке раздавались крики и частые выстрелы. Пошатываясь, я добрался до перекрестка, где затерялся в толпе. Дым и темнота надвигающейся ночи спасли меня от разоблачения. Но увидев, как в одной из разбитых витрин двое мужчин насиловали девушку прямо на осколках стекла, а толпа безучастно неслась мимо, не пытаясь им помешать, я понял, что в городе происходило нечто зловещее. Уже стемнело, и вместо отключенных уличных фонарей город был подсвечен заревом пожаров: горели небоскребы, торговые центры, заправочные станции.

Чтобы выбраться из толпы, я пробежал еще через несколько аллей. Чудом поймав такси, я выкрикнул автопилоту свой адрес. Машина домчала меня до дома, и я поторопился нырнуть в ворота, завидев приближающуюся группу с факелами. Не включая свет, приказал Аманде привести дом в режим максимальной безопасности и поднялся в кабинет, где находились наши с Катрин компьютеры. Я звал Катрин, уже зная, что ее здесь нет.

В кабинете было тихо и спокойно, будто в нескольких километрах отсюда не бушевало безумие. Я вывернул на пол ящики в поисках ключа от сейфа, где хранился позолоченный пистолет, подарок президента Азовстана. Покойного президента. Среди хаотичных новостей на экране такси промелькнул ролик: разъяренная толпа терзала его безжизненное тело. Ключ я не нашел.

Зато в глаза бросился маленький блокнот с замочком. Дневник Катрин! Мне так нравилась ее старомодная любовь к бумаге, книгам. И вот я судорожно перелистываю страницы дневника в самый конец, в поисках хоть какой-нибудь информации о ее местонахождении.

Страницы исписаны мелким и аккуратным почерком. Иногда попадаются сложные абстрактные рисунки, над которыми Катрин, видимо, просидела не один час. Так она, перенося на бумаги образы из своего подсознания, увязывала их единым смыслом. Из дневника выпадает последняя зарисовка, набросанная на листе с логотипом отеля. На картинке – целый мир теснится внутри огромной мрачной головы, породившей его и питающейся им одновременно. Обратная сторона листа испещрена телефонами и именами, много раз обведено «Нинг Буакао». Я откладываю рисунок и читаю последнюю запись в дневнике.

«22 ИЮЛЯ»

Я остановлю его. Надеяться больше не на кого. Нинг Буакао оказалась бесценной в организации масштабной пресс-конференции. Обеспечила безопасность, Набиль прибудет туда инкогнито. Он наш ключевой свидетель. Записи допросов убийц Каролины потрясут всех. Но главное, мы вскроем кукловода, стоящего за их преступлением. Человека, промывшего им мозги и внушившего им похоть и ревность.

Отец сделает все, чтобы мне помешать… Я люблю тебя, Золтан, но я не могу поступить иначе. Надеюсь, ты поймешь, ради чего я решилась на этот отчаянный шаг, и надеюсь, ты меня простишь. Запомни, я делаю это для всех людей. Ради свободы. Но прежде всего для тебя и для нашего ребенка…»

Нашего… ребенка? Я опускаюсь на пол, потрясенный этой новостью. И раздавленный плохими предчувствиями. Еще раз перечитываю последнюю запись.

– Аманда! Покажи новости от двадцать второго июля. Ключевые слова «пресс-конференция», «Транс-Реалити»… – имя Катрин я произнести не в силах, будто боюсь результатов поиска.

– Хорошо, Золтан. Я нашла миллион двести тысяч двадцать четыре результата по твоему запросу.

– «Масштабная пресс-конференция»… «Нинг Буакао»… – Я снова перечитываю дневник.

Экран вспыхивает, освещая темную комнату тревожным светом. Катрин и правда собрала большую пресс-конференцию. Я смотрю, как перед рядами направленных на нее камер она гневно разоблачает своего отца и всю корпорацию. Перечисляет трагические смерти, связанные с персональной реальностью, от Игаля Мизрахи до Каролины Шиллер и азовстанских бунтовщиков. Говорит про свободу, ценность выбора и билет в один конец. Убеждает, умоляет… В то время как счетчик зрительского интереса показывает рекордные цифры.

Вдруг все меняется. Экран делится на два сегмента – с прямым включением выступает Саул, который объявляет о немедленном бесплатном запуске Трансферизма. Экран множится опять. Презентация Трансферизма со мной в главной роли крутится по всем главным каналам. Катрин стремительно теряет зрителей, а по всему миру начинается ажиотаж. Катрин, крошечная, уменьшенная каналом до одной восьмой экрана, продолжает взывать и протестовать, а на остальных сегментах мультиэкрана люди по всему миру уже выстраиваются в очереди к автоцерквям, где получают нанопилюли и проходят сканирование. И спешат погрузиться в обещанный рай.

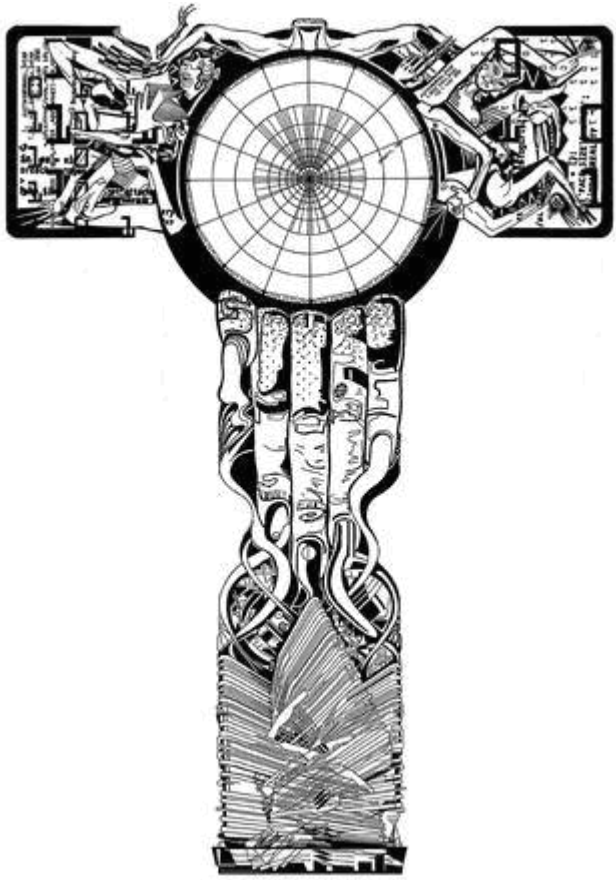
Обещанный *мною* рай.

Трансферизм начинает стремительно распространяться по планете. Мелькают кадры длинных очередей, ликующие толпы, стихийные празднования в разных странах.

Удрученный происходящим, я пропустил момент, когда в кадре рядом с Катрин появился Набиль. Ее «ключевой свидетель» не тратил время на слова. «Я отомщу тебе, Саул Гаади, и твоему Дилеру!» – прокричал он в камеры. Заключив Катрин в объятия, Набиль дернул шнур жилета со взрывчаткой и взорвал ее вместе с собой и с сотней журналистов, находившихся в студии. Мощный взрыв погрузил зал в темноту. Смерть в прямом эфире – новая технология! А счетчик зрительского интереса продолжал показывать рекордные рейтинги презентации Трансферизма.

Мир обрушился на мою голову со всей своей тяжестью, круша все, что имело для меня значение, пока неведомая сила снова и снова заставляла меня прокручивать эпизод из эфира, где погиб единственный человек в мире, который любил меня безоговорочно и бескорыстно.

Наконец-то до меня дошло. Я потерял все.



0002

Мир, который я хотел изменить, больше не существует.

Пытаясь упредить эффект пресс-конференции, Саул все же запустил Трансферизм в бета-версии. Спустя всего несколько минут после того, как его дочь погибла на глазах у всего мира, Саул, как и обещал, запустил трансляцию персональных реальностей – одновременно на всех континентах. Миллиарды пользователей на планете с легкостью вошли в свои персональные реальности – в рай, который я создал *специально* для тебя. Но спустя полчаса – столько должна была длиться первая трансляция – не вышли из нее и оказались заперты в виртуальной ловушке, без конца транслирующей один и тот же набор иллюзий – навсегда. Пока их тела истощались, их родные метались в поисках спасения.

Уже на следующий день сотни миллионов не вышли на работу. А через день остановились поезда, перестали летать самолеты. Вскоре прекратились трансляции. По всему миру начались техногенные катастрофы. Слово «беспорядки» было слишком мягким определением для всего этого. Народ вышел на улицы в поисках помощи и поддержки, не находя ни того ни другого. Полиция и армия, тоже изрядно поредевшие, пытались сдержать бунтующие толпы, но что они могли сделать в этом обезумевшем мире… Люди с исковерканными отчаянием лицами выбегали из своих домов, сталкиваясь друг с другом, вознося к небесам проклятия и молитвы, но боги, предусмотрительно устраненные моим «Откровением», не слышали их. Пытаясь дать выход своему гневу, толпы начали поджигать машины и крушить магазины, осаждали государственные учреждения, громили локальные офисы «Транс-Реалити».

Саул, похоже, инсценировал собственную смерть. Я нашел новости о крушении его цеппелина, которой не поверил. Я уверен – он прятался где-то в пещерах суфийского братства. Всего лишь за неделю после запуска Трансферизма мир практически полностью погрузился в анархию.

Это лишь вопрос времени, когда меня найдут. И тогда для меня все будет наконец-то кончено. Удары в дверь и крики с улицы не пугают меня. Игнорируя опасность, я сижу на забаррикадированной крыше нашего дома и перечитываю дневник Катрин. Столько боли и сомнений. Бедная, страдающая, добрая душа. Она пыталась спасти все человечество, хотя могла получить его в вечное рабство, разделив власть с отцом. Это все моя вина! Зараженный одержимостью Саула, я заигрался в бога.

«…Любимый, теперь я знаю, мы не сможем быть вместе. Слишком многое стоит между нами – отец, корпорация, тысячи смертей. Это знание делает меня свободной, хотя и не избавляет от любви к тебе… Я люблю тебя, Золтан!» – завершался дневник.

Как я хотел бы все отменить. Избежать всех ошибок, избежать маниакального ослепления и не поддаться убийственному соблазну. Чтобы не было всех тех, кто пострадал от меня. Отменить хотя бы один день. День своего рождения!

Одиночество и горе, которое я испытал от этой мысли, заставило меня застонать от боли. Какое знакомое чувство! Где, когда я уже испытал его?

И ответ пришел. Тихуана. Пятнадцать лет назад – я стоял, потрясенный бесстрастным голосом в телефоне, который сообщил мне, что мои родители и моя любимая девушка одновременно погибли в автокатастрофе.

Что же было потом?

Будто забрезжила и стала видимой завеса, закрывающая от меня осознание, провал в памяти начал заполняться… и я вспомнил. В тот день, еле передвигая ноги, заливаясь слезами и трясясь от слабости, я добрался до ближайшей автоцеркви. Прямо там, в Тихуане.

Воспоминания ринулись в мой мозг как в прорванную плотину… Трансферизм тогда уже был обыденным явлением жизни. О нем кричали рекламные ролики на каждом углу, в него погружались сотни миллионов людей по всему миру. Модная, всемогущая технорелигия, заменившая все, чем тешило себя человечество десятки тысяч лет. Я не торопился в него погружаться, предпочитая легкие наркотики и компанию друзей.

В тот день, в Тихуане, боль была слишком сильна. В тот день, в Тихуане, я решил прожить жизнь по-другому. Прожить такую жизнь, в которой я не был скучноватым студентом. В которой я не был посредственностью. В которой меня бы любили и мне бы поклонялись. В которой не было бы этой страшной боли от утраты.

«Золтан!» – произнес я тогда мантру-пароль, запуская алгоритм персональной реальности. Выдуманное имя для себя-идеального. Золтан, который будет жить в городе моего детства, Сингапуре. Которому, по моим персональным запросам, должен был покориться весь мир. В которого должна была влюбиться самая красивая девушка на свете – Катрин, – погибшая в проклятом реальном мире. И возрожденная мной в… МОЕЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Я люблю тебя, Катрин. И я знаю, что делать.

Топот на лестнице заставляет меня опомниться и вскочить на

ноги. Алгоритм не сдастся, бог знает какие сюрпризы он мне уготовил. Но я сильнее его. Теперь сильнее.

Я выскакиваю на крышу дома. Что бы я сейчас хотел? Что бы спасли меня? Ну же, Золтан, призови ворона в этот кошмар!

Рокот вертолетного мотора отвечает на мою «молитву». Над домом зависает небольшой черный вертолет, из которого мне машут рукой. Присматриваюсь, щуря глаза в свете вертолетного прожектора. Черт меня возьми, если это не Игги Бьольверк собственной персоной! Отхожу в сторону, позволив вертолету снизиться и коснуться стойками крыши дома. «Золтан, сюда!» – кричит Игги. За моей спиной с треском распахивается дверь на крышу, в нее лезут разъяренные люди. Игги усмиряет их тремя точными выстрелами, слышатся крики, беснующаяся чернь отступает, бросив на крыше дергающееся тело.

Я спокойно иду по крыше, уверенный, что ничто не может мне помешать. Это моя реальность. И я контролирую ее.

Я запрыгиваю в вертолет, и он взмывает, оставив внизу дом, занимающийся красными языками пламени. Игги треплет меня по плечу своей огромной лапищей и подает наушники.

– Прости, Золтан. Катрин я спасти не смог. Еле сам ноги унес, – слышу я его голос.

Я смотрю на него. Этот человек оказался совсем другим, но я гадаю – я ли его таким сделал, или алгоритм таким образом подыгрывает мне.

– Почему ты, Игги?

– Что?

– Спас меня с крыши. И спрятал от Саула. Это же твои люди поручили меня Линн?

– По разным причинам вообще-то. Линн всегда работала на меня. Мы тебя спрятали, чтобы остановить Трансферизм.

– Но как?

– Помнишь, как мы учили тебя контролю над реальностями? Ты оказался нашим лучшим учеником! Ладно контроль сновидений, но остановить Memnotech не удавалось еще никому! Мы знали, что ты тот, кого мы так долго искали. Поэтому в отчете Саулу я взял и упустил одну важную деталь. Триггер.

– Триггер выхода? Твой ворон Мунин?

– Ага. Старик слишком занят, чтобы вникать в каждую мелочь, а ты был у меня. Вот я его и переиграл.

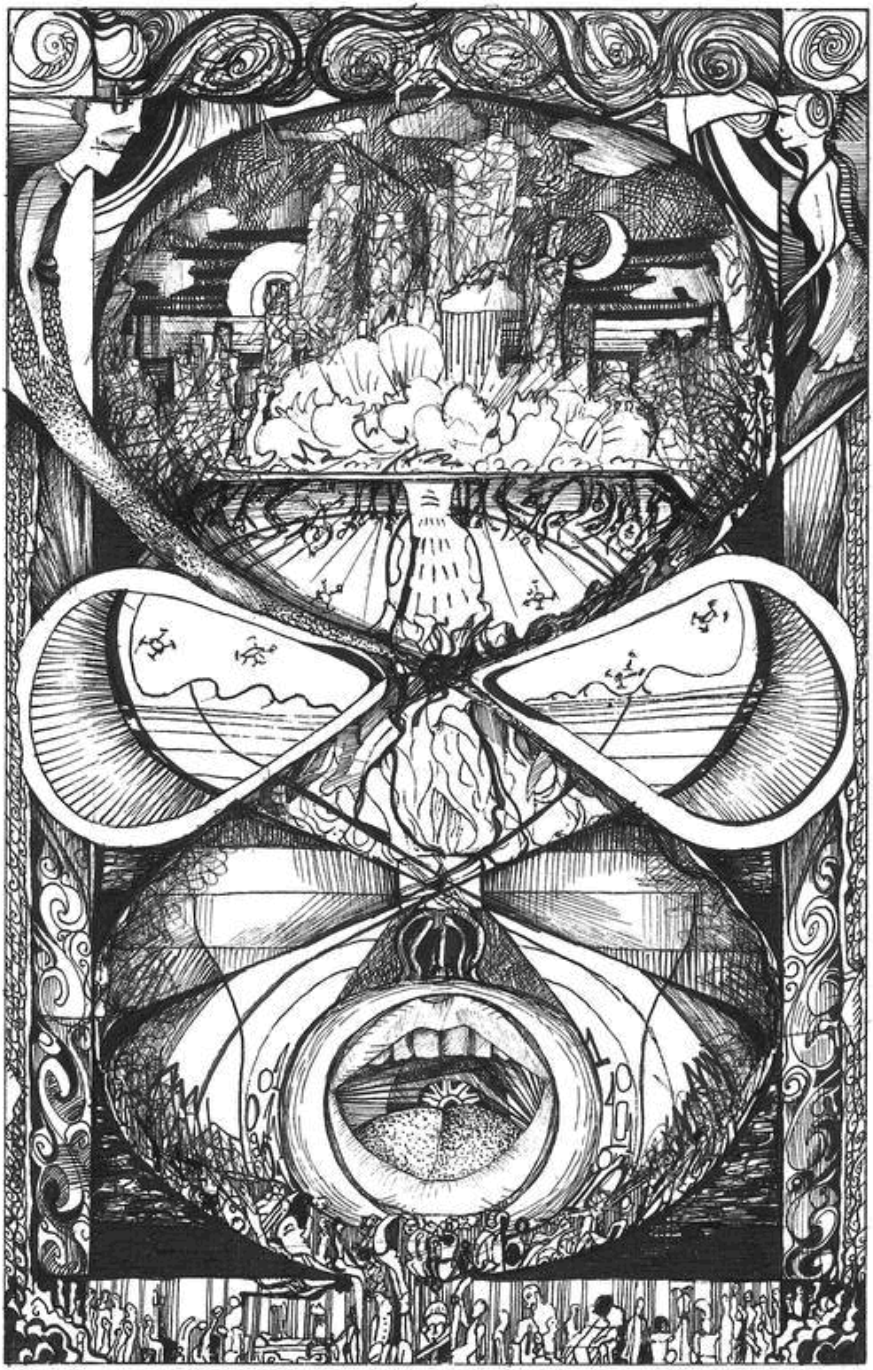
– А как ты узнал, что я на крыше дома?

– Так же как Мунин узнал, что ты в лесу, – расхохотался Игги. Не думай об этом сейчас, Золтан! Ты до сих пор можешь спасти миллионы людей.

0003

Солнце скоро взойдет над багряной степью – воистину марсианский пейзаж. Кустарники отбрасывают длинные тени. Вдалеке виднеются одинокие буддистские ступы, но главная составляющая здешнего пейзажа – тысячи трейлеров, разбросанных между причудливыми арт-объектами, воздвигнутыми под открытым небом на неделю, пока продолжается фестиваль. Неделю пятьдесят тысяч счастливцев, приехавших сюда со всего мира, делятся с другими своими идеями, искусством, музыкой, энергетикой. Здесь нет денег, никому не важно твое положение в обществе, нет сети и связи, и никому ничего не известно о трагедии, произошедшей за пределами утопичного лагеря. Они еще не в курсе, что тот мир, который они знали, больше не существует. Временная колония охраняется небольшой частной армией, и среди охранников – люди Игги. Именно они растворят в питьевой воде нанопилюли, которые их босс заблаговременно вывез из офиса «Транс-Реалити».

Сидя у нашего трейлера, я дорисовываю абстрактный рисунок с головой, перевернув его, – теперь это будет воздушный шар, который возносится над знаком бесконечности. Мне всегда легче думалось, когда я рисую. Скоро, скоро… Я все изменю, и окружающие меня люди помогут.



Покидая свои трейлеры, участники фестиваля стекаются к центру лагеря – на велосипедах, электромобилях, на причудливых движущихся конструкциях, напоминающих ожившие скульптуры, огромных жуков, уменьшенные копии космических кораблей.

Спустя полчаса начнется главный перформанс, который традиционно завершает фестиваль Flying Man: с восходом солнца в небо будет отпущен гигантский воздушный шар в виде человеческой головы. Именно этот ритуал много лет назад подарил название празднику в степи. Я физически ощущаю возбуждение, царившее в разношерстной толпе. Церемония прощания с Летающим Человеком для большинства здесь присутствующих значила не меньше, чем секс и наркотики, которых на фестивале тоже было немало.

– Ты готов? – слышу я голос Игги.

– Веришь, что все получится? – отвечаю я вопросом на вопрос.

– Не важно, верю ли я. Главное, чтобы верил ты. Только тогда все сложится.

– Я верю. Что мне еще остается?! Дилер всегда исполняет заказ, – иронично усмехаюсь я.

Рация в его кармане оживает. Игги сообщают, что подготовка прошла успешно. Транслятор реальности установлен в корзине воздушного шара, а ретрансляторы – по всему периметру. В корзине также находятся тысячи записок участников фестиваля: их молитвы, признания в любви, раскаяние за совершенные дела – этот шар неделю впитывал в себя их надежды и стремления. Шар не только взлетит в небо, но и полностью там сгорит вместе со своим грузом. Это символ прощания с прошлым… и возможность заглянуть в будущее.

Люди Игги раздают воду с растворенными в ней капсулами. После ночи танцев никто не откажется от бутылки воды. Делаю несколько глотков из своей бутылки с чистой водой. Нанокапсулы я приму позднее, прямо перед тем, как забраться в корзину воздушного шара.

Мы с Игги пробираемся сквозь толпу, устремившуюся к месту старта. Нам приходится уворачиваться от обдолбанных велосипедистов, обходить парочки, слившиеся в экстазе на алой земле. Мы почти у цели. Вокруг воздушного шара уже расставлен периметр из огромных мониторов. Сейчас на них переливается всеми цветами логотип фестиваля, но чуть позже начнется другая трансляция, мой самый главный перформанс – последнее творение Конструктора Реальности. Лицо, изображенное на шаре, кажется мне похожим на мое собственное, и это случайное сходство придает мне уверенности.

Напоследок Игги сжимает мое плечо. Если все пройдет удачно, мы с ними больше никогда не увидимся. Впрочем, мы больше не увидимся в любом случае. Я достаю коробку с нанокапсулами и проглатываю сразу все содержимое. Один из людей Игги бросает между мониторами дымовую шашку. Толпа

радостно ревет. Этот отвлекающий маневр они воспринимают как часть шоу. Гремит психоделическая музыка: африканские барабаны, тибетские поющие чаши, восточные флейты. Мелодия набирает обороты, превращая бескрайнюю степь в безумную танцплощадку, где тысячи людей со всего мира двигаются, думают и чувствуют в унисон.

Мои сопровождающие забрасывают меня в корзину и спустя несколько секунд перерубают тросы. Воздушный шар взмывает ввысь. Теперь я могу охватить взглядом всю толпу, пульсирующую внизу единым организмом. Я подключаюсь к системе. С помощью коллективного разума, одурманенного нанокапсулами, мне предстоит создать еще одну реальность – окончательную. Я сделаю это лишь раз. Последний раз. На мониторах, развернутых к толпе, начинают мелькать строчки кода, запускающие подключение. Процесс пошел.

Я концентрируюсь на своем намерении. Таблетки заставляют мой мозг работать с бешеной скоростью. Словно обезумевший демиург я тку пространство новой-старой реальности, вплетая в нее все доступные чувства, ощущения, образы, воспоминания. Все сокровенные мысли, потаенные желания и несбыточные надежды.

Миллионы душ, оказавшихся запертыми в созданной мною ловушке, роятся вокруг меня подобно бесчисленной стае слепых рыб. Я охватываю взглядом не только степь над собой, но и весь мир. Я становлюсь светом. Я всегда им был. Как свет, я несусь все быстрее и быстрее. У меня много имен. Все имена мира – мои. Я повторяю эти имена. И каждому я дарю частичку себя. Шар уже высоко.

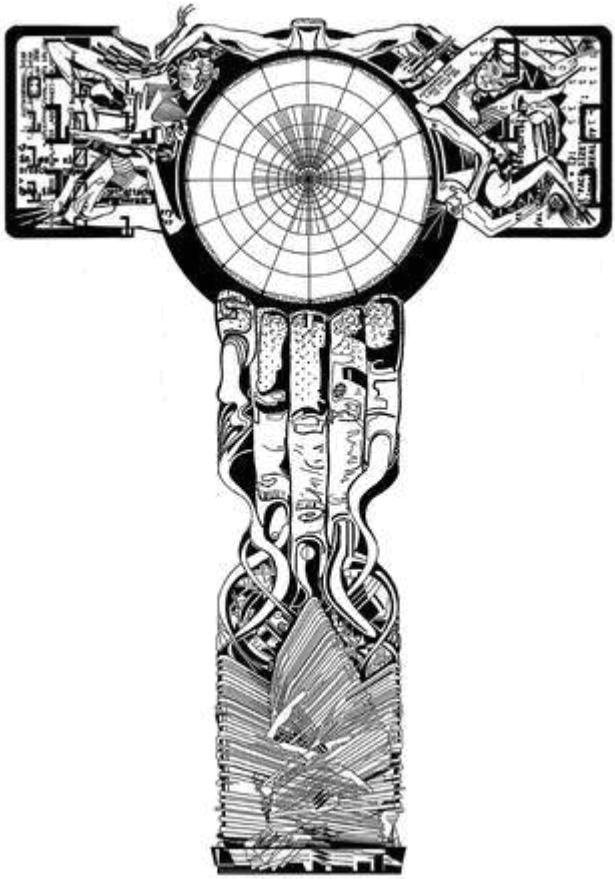
Когда моя работа почти завершена, последним усилием воли я вплетаю имена в ткань новой реальности. Реальности, в которой не было моей встречи с Хароном. Не было работы в корпорации. Не было мира, бьющегося в агонии. Это реальность, в которой я никогда не встречу тебя, Катрин, а значит, ты останешься жива. Свободна и счастлива!

* * *

Я прихожу в себя в своей квартире, словно очнувшись от жуткого сна. Бреду на кухню. Жадно пью воду из-под крана. Долго стою у окна, всматриваясь в ночной город, надеясь все забыть. До меня доносится едва уловимый стук колес поезда, несущегося ниоткуда в никуда.

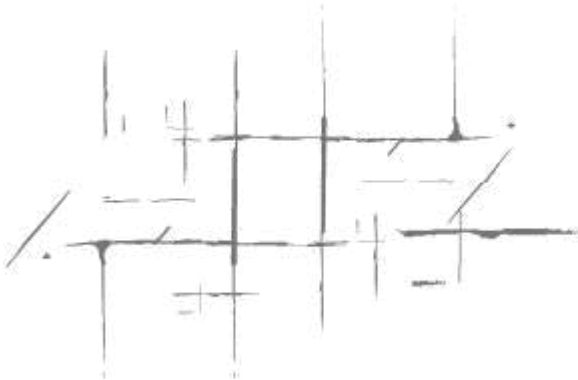
Воспоминания о том, чего теперь уже не было, никуда не уходят – они остаются со мной. Я помню все до мельчайших

подробностей. Чтобы ослабить их силу, я решаю записать эту историю – историю, в которую, скорее всего, никто не поверит. Я назову ее «Дилер реальности». Да будет так!



Особая благодарность за блестящее сотрудничество:

Антон Фридлянд
Владимир Нагорный
Валерий Степанов
Екатерина Григорьева
Тамрико Шоли



Автор выражает свою признательность:

Андрею Жолдаку — *за открытие новых горизонтов*

Татьяне Спиридоновой — *за то, что была лучшим читателем и самым мягким критиком*

Всем редакторам и участникам фокус-группы: *Денисовой Дине, Сергею Коротуну, Виктору Семернину, Ивану Полякову, Евгению Кий, Ксении Савич, Маргарите Сурженко, Марии Яремчук, Екатерине Маевской*

Алексею и Даниелю Ковжун — *за знакомство со скрипт-доктором*

Андрею Заруеву и Дмитрию Адрианову — *за помощь с маркетингом романа*

Анне Гурбан — *за то, что не устала от моих вопросов*

Алесе Карпук — *за помощь с фейсбуком*

Владимиру Образцову, Игорю Савельеву, Emrah Yucel – *за помощь в дизайне*

Глебу Оверчуку — *за новый взгляд на инстаграм*

Диме Шерембею — *за вечное движение вперед*

Дмитрию Приходько — *за магию Калайша*

Дмитрию Редлиху, Алле Боркис, Ирине

Колесовой, Елене Чумаковой, Юле Мелащенко, Саше Малашенко — *за экспертный менеджмент*

Зазе Касашвили — *за растолкование гена вечности*

Марине Абрамович, Пауло Коэльо, Илье Чичкану, Маше Шубиной, Rumah Laplapan (Bali) – *за вдохновение*

Русико Катамадзе — *за талантливую дочь*

Семену Горову — *за прыжок в вечность*

Казантипу — *месту, где родилась идея романа в 1998 году*

Семье Кузьмы — *за поддержку и воодушевление*

Благотворительной организации Lumos & George Soros — *за то, что раскрыл настоящее значение слова «филантропия»*

Lucy Komarnovka & Maxim Prasolov — *за отличные советы*

Benjam & Kate Kassan — *за то, что открыли мне «Burning Man»*

Chris & Anna Krivulyak — *за то, что показали мне волшебство алхимии*

SKY — *за самую красивую молитву*

Wim Hoff — *за возможность переводить дыхание*

Учителям йоги Jaxx и Andrew — *за медитации и возможность переключить сознание*

Gustavo Mana, Don Francisco & Marcela — *за то, что раскрыл другую Ибицу*

Pierre Raygot — *за веру в меня*

Alain de Bouden — *за вдохновение идеей «Религии для атеистов»*

Oscar Metaavaht — *за синтез ликов мессии*